

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Институт международных отношений, истории
и востоковедения**

Кафедра татароведения и тюркологии

МАТЕРИАЛЫ

Международного научного симпозиума

**«РОССИЯ И ТЮРКО-МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР:
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ»**

**Казань
2016**

УДК 800/808/39 ББК
26.89/63/80/81/83

Редколлегия

И.А.Гилязов, И.З.Гафаров, З.С.Миннуллин, А.Р.Рахимова,
А.М.Нигматуллина, Э.К. Хабибуллина

Составители и научные редакторы:

Россия — тюрко-мусульманский мир: историко-культурные связи. Сб. статей/сост. и научн. редакторы: З.С.Миннуллин, Э.К.Хабибуллина. -Казань:Изд-во Казан. ун-та,2016.- с.

ISBN

Сборник «Россия — тюрко-мусульманский мир: историко-культурные связи» объединил статьи Международной конференции «Россия- тюрко- мусульманский мир: историко-культурные связи», проходивший в Казанском федеральном университете 21-22 апреля 2016 г.(г.Елабуга). В статьях, собранных в два тематических раздела, рассматриваются различные аспекты истории, культуры и языка тюрков-мусульман мира и России в широкой исторической перспективе. Издание рекомендуется исследователям, занимающимся историей и культурой тюркских народов

РАЗДЕЛ I

ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ: ПРЕПОДАВАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ

УДК 80:801.8 801.82

Гайнутдинова Гульнара Рашатовна

*кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт языка, литературы и искусства им.Г.Ибрагимова АН РТ,
г.Казань e-mail: gayn_gulya@mail.ru*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПО ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ СТАРОПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ

Аннотация: В данной статье проведен обзор некоторых монографий и научных статей, посвященных изучению лексики древнетюркских и старотюркских письменных памятников, опубликованных в XXвеке.

Ключевые слова: лексика, старотюркские памятники, исследование, лексико-семантический аспект, тематика.

Чтобы иметь полное представление о формировании норм литературного языка, развитии тюркских языков, необходимо проводить различного рода исследования. В этом направлении очень важно изучение письменных памятников разного характера.

Исключительно большую роль в изучении истории тюркских языков, в том числе татарского, играют древнетюркские и старотюркские письменные памятники. В современных тюркских языках структура древнеписьменных памятников сохраняется. Системное изучение языка позволяет раскрыть изменения языка раннего этапа и современного состояния. Одним из первых, начавших изучение лексики тюркских языков, по праву может считаться М. Кашгарский [6, с.26]. Его первый словарь тюркских языков и сейчас

актуален. На сегодняшний день изучение языка древне- и старотюркских письменных памятников, в том числе и татарского, проведено на определенном уровне. Необходимо отметить, что работы, посвященные изучению лексики, выполнены в форме словаря-гlossария, но не проведен лингвистический анализ лексических единиц. По объективным причинам тюркская лексикология (в том числе татарская лексикология) по сравнению с такими разделами языкознания, как фонетика, морфология, синтаксис, является малоизученной.

В последнее время появился интерес к изучению исторической лексикологии, возникновению и историческому развитию лексики письменных памятников отдельных тюркских языков. На наш взгляд, в первую очередь, в процессе исследования необходимо собрать полный лексический материал тюркских языков и диалектов. На первый план выходит необходимость разработки методов изучения лексики – самой сложной отрасли языкознания. В современной тюркологии собран достаточный материал, посвященный изучению лексики письменных памятников тюркских языков, который является базой на этапе исследования и обобщения.

Мусаев К.М. в своей монографии «Лексикология тюркских языков» (1984) пишет: «...остается еще много неисследованных тематических и лексико-семантических групп, терминов, относящихся к различным сторонам жизни тюркских народов в прошлом и настоящем; мало трудов, посвященных исследованию общих вопросов тюркской лексикологии. Современная лексикология, как и тюркологическая наука в целом, больше развивается вширь, но ей в значительной мере недостает глубины исследования» [10, с.4].

На материале тюркских языков особое внимание необходимо уделять природе основной лексической единицы – слову: его значение, к какой части речи относится, его структура. Как известно, лексика тюркских языков пополняется за счет внутренних ресурсов и заимствований из других языков.

При изучении лексического состава древних и старых письменных памятников на первый план выходит проблема системного изучения. Во многих трудах в лексикологии применяется семантический принцип. Слово из любого языка может быть изучено на семантической основе. Проблема лексико-семантической классификации слов тюркских языков в общем плане, в том числе на материале конкретного тюркского языка, требует исследований. Очевидно и понятно, что – это сложный и важный труд. В общетюркском плане классификация и изучение лексических, тематических, лексико-семантических групп и лексико-семантических полей словарей тюркских языков проводится именно такими методами. Изучение слов конкретного языка является базой при классификации тематических, лексико-семантических групп, а в дальнейшем типологическом, сравнительно-историческом исследовании. В своей монографии «Лексикология тюркских языков» Мусаев К.М. пишет: «Необходимо развивать синхронно-сопоставительное направление исследований семантики тюркского слова. В отличие от сравнительно-исторических и этимологических исследований здесь вопросы реконструкции и этимологии слов и их значения не рассматриваются, основная задача – выявление общего и особенного в развитии семантики слов в современных языках» [10, с.6].

Основа лексического анализа тюркских письменных памятников была заложена в трудах Мусаева К.М., Гаджиева Н.З., Юлдашева А.А., Наджиба Э., Насилова Д.М., Благовой Г.Ф., Боровкова А.К. и др.

В своем труде «Памятники древнетюркской письменности» (1951) Малов С.Е. изучает языковые особенности письменных памятников V – XVвв. Приводятся отрывки текстов «Диване лугат ат-турк» М.Кашгарского, «Кыссас ал-анбия» Рабгузи, «Касыда», а также их переводы на русский язык. Автор дает примечания относительно языковых особенностей исследуемых письменных памятников [8].

Боровков А.К. в своей монографии «Лексика среднеазиатского тифсира XII–XIII вв.» (1963), наряду с изучением языковых особенностей

тефсира, выделяет лексический материал и дает его в форме глоссария. Он изучает синонимы, определяет общее и различия в происхождении слов [4].

Баскаков Н.А. в труде «Введение в изучение тюркских языков» (1969) в III главе «Строй тюркских языков» в том числе исследует лексику тюркских языков. Ученый раскрывает древний пласт тюркских языков, закономерности их внутреннего развития. Автор обращает внимание на устойчивые лексические структуры, исторически сложившиеся внутри групп тюркских языков, выявляет их особенности [2].

Курышжанов А.К. свой труд «Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII века «Тюрко-арабского словаря» (1970) посвящает изучению лексики, выявляет лексико-семантические особенности, заимствования и приводит глоссарий [7].

В 1977 году в Алма-Ате Сагындыковым Берикбаем защищена диссертация «Сравнительный анализ лексики тюркоязычных памятников XIV века». В данной работе выявляются общее и различия лексического материала, архаичные элементы, арабские и персидские заимствования таких письменных памятников, как «Мухаббатнаме» Хорезми, «Хосров и Ширин» Кутба, «Гулистан» С.Сараи [12].

Ахметгалеева Я.С. в работе «Исследование тюркоязычного памятника «Кисекбаш китабы» (1979), наряду с литературным исследованием, проводит языковой анализ. Фонетическая система, грамматика и лексический состав произведения «Кисекбаш» изучены с семантической точки зрения [1].

В своей монографии «Лексика произведений Ю.Эмре», вышедшей в свет в Тбилиси в 1983 году, Габескирия Ш.В. изучает тюркскую лексику Юнусам Эмре, проводит генетический анализ, выявляет архаичные лексические единицы. Исследованную лексику автор дает в форме словаря с примечаниями [5].

В 1983 году в сборнике статей «Историко-лингвистический анализ старописьменных памятников» Тенишев Э.Р. в своей статье «Новый список Рабгузи» приводит в сокращенном варианте текст «Кыссасел анбия», а также

уточняет, что данный список более полный по сравнению с представленным Ильминским Н.И. текстом. Помимо списка приводится упрощенная транскрипция и перевод. Автор выявляет устаревшие слова лексического состава [13].

Наджиб Э. в своей монографии «Исследования по истории тюркских языков (XI – XIV вв.)» (1989) разрабатывает концепцию множественности литературных языков. В свою очередь, это дает возможность раскрыть процессы формирования изменчивости и разнообразности тюркских литературных языков. Автором проведен лингвистический анализ следующих письменных памятников: «Кудадгу билиг» Ю.Баласагуни, «Диване лугат ат-турк» М.Кашгарского, «Атебат ал-хакаик» А.Югнаки, «Диване хикмет» А.Ясави, «Кыссаи Юсуф» К.Гали, «Гулистан» С.Сараи, «Мухаббатнаме» Хорезми, «Хосров и Ширин» Кутба, «Нахджел фарadis» М.Булгари, «Сирадж ал-кулуб» (XVI в.), «Диван» Кади Бурханетдина Сивасского (XIV в.). Наджиб Э. выявляет языковые особенности этих произведений. Например, в письменном памятнике «Кыссаи Юсуф» он доказывает наличие огузских элементов. «Гулистан» С.Сараи автор изучает с точки зрения общетюркского пласта и заимствований, выявляет арабские и персидские заимствования. В «Мухаббатнаме» Хорезми Наджи Э. раскрывает до этого не зафиксированные архаичные элементы (он пишет, что основу данного письменного памятника составляет огузский диалект), изучает синонимы, парные слова. Автор дает глоссарий памятника, составленный в середине XVI века. Памятники "Сирадж ал-кулуб», «Диван» Кади Б.Сивасского (XIV в.) исследованы с лексической точки зрения, выявлены исконно тюркские слова, заимствования и архаичные элементы [11].

Исходя из выше изложенного, можем сделать вывод, что трудов, посвященных изучению тюркских письменных памятников, достаточно количество. В данной статье мы остановились только на некоторых, изданных в XX веке. Мы ставим целью дальнейшее выявление трудов,

посвященных изучению лексики древних и старотатарских письменных памятников, и данная тема будет освещена в следующих публикациях.

Список использованной литературы

1. Ахметгалева Я.С. Исследование тюркоязычного памятника “Кисекбаш китабы”. – М., 1979. – 191 с.
2. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. – М., 1969. – 332 с.
3. Баскаков Н.А. Тюркская лексика в “Слове о полку Игореве”. – М., 1985. – 231 с.
4. Боровков А.К. Лексика среднеазиатского тefsира XII-XIII вв. – М., 1963. – 367 с.
5. Габескирия Ш.В. Лексика произведений Юнуса Эмре. – Тбилиси, 1983. – 214 с.
6. Кузьмина Х.Х. Лексика поэмы “Кысса-и Йусуф” Кул Гали. – К., 2001. – 98 с.
7. Курьшжанов А.К. Исследование по лексике “Тюрко-арабского словаря”. – Алма-Ата, 1970. – 234 с.
8. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – М., 1951. – 452 с.
9. Мусаев К.М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении (западнокыпчакская группа). – М., 1975. – 359 с.
10. Мусаев К.М. Лексикология тюркских языков. – М., 1984. – 226 с.
11. Наджип Э.Н. Исследования по истории тюркских языков XI-XIV вв. – М., 1989. – 284 с.
12. Сагындыков Б. Сравнительный анализ лексики тюркоязычных памятников XIV в.: автореф. дис. к. ф. н. – Алма-Ата, 1977.
13. Тенишев Э.Р. Новый список Рабгузи // Историко-лингвистический анализ старописьменных памятников. – К., 1983. – С.25-31.

Gaynutdinova Gulnara Rashatovna
PhD senior researcher Institute language, literature and art nomen
G.Ibrahimov academy science of republic Tatarstan, Kazan e-mail:
[*gayn_gulya@mail.ru*](mailto:gayn_gulya@mail.ru)

SOME QUESTIONS ON THE HISTORY OF THE STUDY OF VOCABULARY STAROBASMANNY MONUMENTS

Abstract: this article conducted an overview of some monographs and scientific articles dedicated to the study of the vocabulary of the old Turkic and old Turkic written monuments, published in Hhfce.th employee

Keywords: language, the old Turkic monuments, the study of lexical-semantic aspect, the subject.

УДК 811.512.145

Галяутдинова Луиза Михайловна
Соискатель степени кандидата филологических наук
Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Республика Татарстан, г. Казань e-
mail: gluiza@mail.ru

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА СТАТЕЙ АЛЬМАНАХА “МИРЪАТ” (НА ПРИМЕРЕ ДЕЕПРИЧАСТНЫХ ФОРМ)

Аннотация: Статья посвящена грамматическим особенностям языка статей альманаха “Миръат” (на примере деепричастных форм). Альманах “Миръат” (Зеркало) начинает публиковаться в Санкт-Петербурге с 1900 по 1903 гг., последние шесть номеров были опубликованы в Казани в период с 1903- 1909 гг. В свет вышло 22 номера. Главным редактором альманаха являлся Абдрашид Ибрагимов – общественный деятель, публицист, кадий.

Для анализа были выбраны статьи, опубликованные в первом номере альманаха “Миръат” за 1900 год. В языке альманаха “Миръат” активно употребляются деепричастия на -ып/-еп и -гач/- гәч. Отрицательное значение деепричастия на –ып передается формой на –маенча/-мәенчә. Деепричастия на –ганчы и –ышлый в языке статей альманаха “Миръат” не нашли отражения. Наряду с татарско-тюркскими деепричастными формами (-ып/-еп, -гач/- гәч) активно использовались и грамматические формы тюрко-огузского происхождения (-арак/- әрәк и –(ы)ркән), подтверждающие активное влияние османско-турецкого языка на татарский литературный язык в начале XX века.

Ключевые слова: татарский язык; начало XX века; альманах “Миръат”; грамматические особенности; деепричастие.

Деепричастие в татарском языке рассматривается во всех учебных пособиях, научных грамматиках и работах по морфологии татарского глагола. В своей монографии «Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках» Юлдашев А.А., сделал предметом специального исследования деепричастие в татарском языке [3, с. 223]. Как известно, в современном татарском языке выделяют 5 форм деепричастий, образующихся путем присоединения следующих аффиксов: -ып/-еп; -а/-е; -гач/-гәч (-кач/- кәч); -ганчы/-гәнче (-канчы/- кәнче); -ышлый/-ешли [3, с. 225]. Последние две формы, а именно -ганчы/-гәнче (-канчы/- кәнче) и -ышлый/-ешли, в состав деепричастий татарского языка были включены в более позднее время. В сравнении с первичными деепричастными формами на -ып/-еп; -а/-е; -гач/-гәч (-кач/- кәч), их можно назвать вторичными и образованными путем сложения двух самостоятельных форм - ган + -чы; -ыш + -лый(-лай). Анализ языка статей “Миръат” показывает, что эти вторичные деепричастные формы в нем не употребляются.

Объектом нашего исследования является язык альманаха “Миръат” (Зеркало), который публиковался в Санкт-Петербурге с 1900 по 1903 гг.,

последние шесть номеров были опубликованы в Казани в период с 1903-1909 гг. В свет вышло 22 номера. Главным редактором являлся Абдрашид

Ибрагимов – общественный деятель, публицист, кадий. Для анализа мы выбрали статьи, опубликованные в первом номере альманаха “Мирят” в 1900 году.

мымеузьлопси В исследуемых нами текстах наиболее часто деепричастием, как и во многих тюркских языках, является деепричастие на -еешюувтсешдерп *ын/-en*, которое передает действие непосредственно основному действию или одновременно с ним:

[Çaylar sipariş olunub, tatlı tatlı sohbätlärä ایتدکشر و عطره صحبتتاتلدانوب، تاتلر شسپالر چای ыназаказ *şöruğ itdek*] – Заказав чай, [букв. После того, как были чай], приступили к приятной беседе [1, с. 3].

چکدر کوستره.

یوالیدوب، دالتایشلر ینهتور غانبیر هفاند هکیالچکد هو بعض، کور ساتابوز لر ینهلر ننبعضلر نندن.

[Risälämiz Rusiya yurtında حلبولغانلر دهیلصونکاو شبولر نکمسلمانبولغانیور طندهر وسیهمزر رساله bulgan möselmanlarnıñ oşbu soñ yıllarda bulgan hällärendän bağızıların üzlärenä kürsäteb, vä bağızı kiläçäkdä fayda birä torgan işlärenä dälälät iteb yul _____

küstäräçäktär] – Наша брошюра (статья) покажет российским мусульманам положение дел в последние годы и укажет путь делам которые принесут пользу в будущем [1, с. 6]. [Bu

بو کرشیدیلر یازار غهلر رسالهتور لنولر کتاب، توتبقلمقولنوقایوسهیر کون köñ her qaysı qulına

qalām totıb, kitablar vä törle risalälär yazargä kereşdiler] – Сегодня каждый взяв в руки перо начал писать книги и статьи (брошюры) [1, с. 9]. [Bik

در اولنمقد هنشر اولنبتا فلر رسالهو کتابینکالفائد هبیک faydalı yaña kitab vä risalälär talif _____

olunub näşer olunmaqdadır] – Очень полезные новые книги и статьи публикуются [1, с. 7].

[Bu keşe yitmeş yaşendä aq saqal بولنیور قصدندهاو کرانمکدهبولسهقا عدهیر، بلوبغنیمتفر صنتنکور کاچشا کر تلر ننتوروب، بولهصقا آقیاشند هیتمش

کشیو bula tonıb, ş äkertlärne kürgäç forsatını _____

ganimät bulıb, ber qağıydä bulsa da öğrännäk qasıydında bulunuyor] – Несмотря на то, что этот человек является семидесятилетним аксакалом, увидев

учеников, использует удачную возможность, стремится выучить хоть одно правило [1, с. 26].

В языке статей альманаха “Миръат”, мы встретили употребление отрицательной формы деепричастия на –ып, которая передается формой - маенча/-мэенчэ:

[Hiç kimsäne аутмауиңча ایلمشدر ضعو نظامنامهو کونز ابر عمومخاصالماينچهو آير ماینچهنکمسههچ vâ haslamayıңça gomumi ber zakun vâ nizamnamâ vazıyğ äylämeşder] – Никого не разделяя и не выделяя, составил один общий закон и устав [1, с. 21].

الزمدرايتمکمالحظاشيمدنتدبير ننايتمکتر بيهااللرنى،باللرمزنکو،باللرمزنى،ايتماينچهفکر اوز مز ننيالغز بولغا

[Şulay bulgaç, yalgız üzemezne fikir itmäyençä, balalarımızni vâ شوالى balalarımızniñ balalarını, târbiyâ itmäk tâdbirene şimdän mölähaza itmäk lâzımdır] – Раз так, не думая только о себе нам необходимо уже сейчас предусмотреть воспитание детей и внуков [1, с.31].

современном литературном татарском языке Необходимо отметить, что в -мыйча/-мичэ. формы этой вариант стяженный употребляется Вышеуказанная полная форма (- маенча/-мэенчэ) сохранилась в диалектах.

еонвитка Следующей деепричастной формой, которая нашла употребление в статьях, является форма - гач/- гэч, основное значение огещюувтсешдерп которой - выражение действия, непосредственно действию другого глагола. Например:

,nadniğılquy [târbiyâ idüce کههدر سهبولمغاچ،یریاتار غهيو قلغندن، ایدجینتر بیه. لکره

удивв yatarga yer bulmagaç mädräsägäkerälär] –Поступают в медресе для проживания [1,с.18].В данном места отсутствия воспитателей и -гач/- гэч выражает причинно- форма предложении деепричастная следственные отношения.

[Keşe (közge)gäqaragaç beraz كشى (كوزكى) توز هظاهر ننازير قارا غاچکه.ته.يار عادتتور غان

zahirene tözätä torgan gadäte bar] – Когда человек смотрится в зеркало у него есть привычка поправлять свою внешность [1, с.20].

нами текстах альманаха, рассмотренных что в Хочется отметить, активное употребление с- гәч нашла -гач/ деепричастная форма аналитическим глаголом *yöri tor* - «ходить продолжительное время»:

[*Vä mädräsädän mädräsägä yöri torgaç*] - Переходя *تور غاچيور بکهمدر سهدنمدر سهو* из медресе в медресе [1, с.18].

[*Hälfäleک iseme berlän beraz mäğrur bulub* *تور غاچيور ببوليمغورور از بر همبر لئاسملاک خلفه* *yöri torgaç*] – Немного хвастаясь именем (званием) учителя [1, с.18].

[*Şulay yöri torgaç berär yıl dahi kidä*] - Пока так *کيدهدخيلبرر تور غاچيور بشوالی* ходишь (из одного места в другое), проходит еще один год [1, с.19].

Интересным является тот факт, что в исследуемых нами текстах, мы встретили употребление деепричастных форм, характерных для огузской группы тюркских языков.

Например в языке статей использовалось деепричастие на *-арак/ -әрәк*, активно функционирующее в современном турецком языке и выражающее действие, происходящее одновременно с главным действием и имеет обстоятельственный оттенок образа действия [2, с.21]. [*Qıgıq*

ديهاولسونمبارکلرکز جمعيتعليکمرک، السالمکلهتوغر بالقدر، بز هجليلذاتبر بولور ياشلر ندهقرق

yaşlärendä bulur ber zat Cälil Alqadır, bizä tuğrı kiläräk Ässäläm-e aleykum, cämgiyätläregez möbäräk olsun diyä...] – Человек лет сорока Джалиль Алькадир идя по направлению к нам, сказав Ассаламу алейкум, счастливого вам собрания... [1, с.3].

[*Cämgiyät-e* *...نيجهنيجهيبلهسنهرک، هر ايد هنتشکر خاصه دخضر تلر ينهوليخانفجنابر نسخير بهجمعيت*

häyriyä räise cänäb Vālihanof häzrätlärenä dahi hast täşäkkür idäräk här sänä bilä иицазинагро *niçä niçä...*] – Благодаря председателя благотворительной господина Валиханова, каждый год несколько несколько... [1, с.3]. [*(Volkof)*

ؤلکوف (*ایلدمتاشاوسیررک، کید هسینهقر به تاماşa* *qaryäsenäkidäräk, säyir vä tamaşa*

äylädem] – Уезжая в деревню (Волкоф), посмотрел... [1, с.4].

[*vägayrät idäräk hökümätä ciddi sadaqatlär* *لکوستر مهلر صداقتجدد حکومت هر کاید هغیر تو*

küstärmäli] – и имея мужество, должны показать правительству серьезную правоту [1, с.20].

... وشكنو چياننېمدا چيهر بىعطقديموا هميتياكر ندا عس، هدنلو يعسو تر يىغمكتيادمز لا [Şuniñ içun ben-i Adām hiçber qatgı ömid itmäyäräk, sāgadāt yulında sağıy vā gayrāt itmāk lāzımdır] – Поэтому люди не теряя надежды, должны приложить усилия на пути к успеху [1, с.31].

Также в текстах альманаха можно отметить употребление огузской деепричастной формы *-ыркән*, которая обозначает побочное действие, протекающее, когда совершается главное действие. Образует придаточное предложение времени.

. لو شقويوبقوينكر يدخدش بطللا يهتواشا يليليا . [Şul yuq bu yuq derken dahi biş altı yıl ütä yäş illegä yitä]– Говоря этого нет, того нет, еще проходит пять-шесть лет жизни и наступает пятидесятилетие [1, с.19].

Подводя итог, можно сказать, что в языке альманаха “Миръат” активно употребляются деепричастия на *-ып/-еп* и *-гач/- гәч*. Отрицательное значение деепричастия на *-ып* передается формой на *-маенча/-мәенчә*. Деепричастия на *-ганчы* и *-ышлы* в языке статей альманаха “Миръат” не встречаются.

Наряду с татарско-тюркскими деепричастными формами (*-ып/-еп*, *-гач/- гәч*) активно использовались и грамматические формы тюрко-огузского происхождения (*-арак/- әрәк* и *-(ы)ркән*), подтверждающие активное влияние османско-турецкого языка на татарский литературный язык в начале XX века. В это время языковая норма татарского языка еще не имела четких границ. Вследствие тесных культурно-исторических взаимосвязей, большое влияние на татарский язык оказывали османско-турецкий и чагатайский литературные языки. Как показал проведенный нами анализ, данное влияние отражается и в употреблении деепричастий в татарском литературном языке начала XX века.

Список использованной литературы

1. Миръат.- С. – Петербургъ: Типо-литографія И. Бораганского, 1900. - №1. - 32 с.
2. Рахимова А.Р. Деепричастия и причастия в турецком языке, их синтаксические функции. - Казань: Казан. гос.ун-т, 2009. – 83 с.

3. Татарская грамматика. Т. II. Морфология. - Казань: Тат. книж. изд-во, 1993. - 397 с.

Galyautdinova Luiza Mikhaylovna
Post graduate student Kazan
Federal University Republic
of Tatarstan, Kazan e-mail:
[*gluiza@mail.ru*](mailto:gluiza@mail.ru)

**GRAMMATICAL ASPECTS OF THE “MIR’AT” ALMANAC ARTICLES’
LANGUAGE
(THE CASE OF PARTICIPLE)**

Abstract: The paper considers grammatical aspects of the “Mir’at” almanac articles’ language (the case of participle). The “Mir’at” (Mirror) almanac first came out in Seint-Petersburg 1900 and had been publishing between 1900 and 1903. The last 6 numbers were published in Kazan between 1903-1909. The whole published edition consists of 22 issues. Abdrashid Ibragimov, publicman, publicist, kadi was the editor-in-chief. The articles published in 1900 in the first number of the “Mir’at” almanac are on the focus of analysis. The participles ending -ıp/- ep and – gaç/ - gäç are actively used in the almanacs’ language. The negative meaning of the participles ending -ıp/- ep is transmitted by participles ending –mayınça/ - mäyençä. The participles ending –gançı and –ışlıy are not presented in the almanac’s language. Along with Tatar-Turkic participles (-ıp/- ep, gaç/ - gäç), Turkic-Oguz grammar forms were also intensively used in the almanac. These forms are confirming the active influence of the Ottoman Turkish language on the Tatar literary language at the beginning of the XX th century.

Key words: The Tatar language; beginning of the XXth century; the “Mirat” almanac; grammatical aspects; participle.

УДК: 8.81

Кэрулы Мостафа Муратович

*Старший преподаватель Казанский (Приволжский)
федеральный университет Российская Федерация,
Республика Татарстан, г. Казань, e-mail:
mksabirli@hotmail.com*

TÜRKÇENİN GEÇMİŞTEN GÜNÜMÜZE DURUMU

Tarihi çok eskilere dayanan ve dünyanın en büyük dillerinden biri olan Türkçeyi konuşan toplulukların, asırlar boyunca medeniyet dünyasına kazandırdıkları herkesin malumudur.

Türklerin tarihteki ağırlığına oranla konuştukları dil olan Türkçe'ye yeteri kadar değer verilmemiştir. Oysa Türk diliyle, değişik alfabeler kullanılarak birçok eser meydana getirilmiş ve bu eserlerle medeniyet tarihine ışık tutulmuştur. Genellikle yazıldığı gibi okunan, istisnaları fazla olmayan sistematik bir dil olan Türkçe'yi öğrenmek zannedildiği kadar zor değildir. Hatta günümüzde, Türkçe'nin bilgisayar diline en uygun dillerden biri olduğu çeşitli çevreler tarafından dile getirilmektedir.

Türkçe'nin Dünden Bu Güne Seyri

Bugün, dünyada yaklaşık olarak 220 milyon insan Türkçe konuşmaktadır. Yani Türkçe dünyada en çok konuşulan 6. veya 7. dildir. Hâl böyleyken Türk dili, Türklerin en çok konuştukları yer olan Türkiye'de de yeterince alâka görememektedir. Türkçe, tarihin bazı dönemlerinde bugün olduğu gibi birtakım dillerin egemenliği altına girmiştir. Türklerin ilk yazılı kaynaklarından olan Orhun Abidelerinden anlaşıldığına göre 7. asırda bile Brahmice ve Çince'den kelimeler geçmiştir. Karahanlı Devletinin İslâmiyet'i din olarak seçmesinden sonra da Türkçeye Arapça kelimeler girmeye başlamıştır. 1072 yılında Kaşgarlı Mahmut, Türkçe'nin üstün yönlerini göstermek ve Araplara Türkçe öğretmek gayesiyle Dîvânü Lûgati't-Türk adlı kitabı kaleme aldı. Selçuklular devrinde ise, özellikle resmî yazı dilinde Türkçe hemen hemen hiç kullanılmamaktaydı. Selçuklularda resmî yazışma dili ve edebî dil Farsça, ilim dili ise Arapçaydı. Bugün, elimizde bu

dönemden kalma çok az sayıda Türkçe kitap mevcuttur. Selçuklu Devleti yıkıldıktan sonra, Beylikler döneminde ise Türkçe önem kazanmağa başladı. Bunda Beyliklerin başında bulunan beylerin Arapça ve Farsça'yı çok iyi

bilmemeleri ve Türkçe kitap yazan âlimleri korumaların önemli rolü vardır. Yine de Türkçe eser yazan âlimler "Türkçe eser kaleme alırken zorlandıklarını, o devrin devasa güçlü dilleri olan Arapça ve Farsça karşısında Türkçe eser yazdıkları için ayıplanmamaları gerektiğini" söylerler. Özellikle 13 ve 14. yüzyıllarda yaşayan Yunus Emre, Gülşehri, Aşıkpaşa gibi şairler Türkçecilik şuuruyla hareket etmiş ve mükemmel eserler meydana getirmişlerdir. Farsça'yı edebî dil olarak kabul eden Türklerde, Farsça'nın etkisi büyük olmuştur. Bu dil, sadece Anadolu'da yaşayan Türklerin arasında değil, Orta Asya'da yaşayan Türkler arasında da yaygın bir hâle gelmiştir. Âlimler eserlerini Türkçe yazmamış daha çok, Farsça yazmaya özen göstermişlerdir. 15. yüzyılda Türkçe'nin düştüğü bu duruma üzülen büyük Türk şairi, edibi, tarihçisi, türkoloğu Ali Şir Nevâî, Türkçe'nin Farsça'dan üstün olduğunu ispat etmek için Muhâkemetü'l-Lugateyn adlı kitabı yazdı. O, Farsça'yı da birçok Fars'tan daha iyi biliyordu. Ali Şir Nevâî'den önce çekine çekine Türkçe eser meydana getiren âlimler, ondan sonra, daha fazla ve gocunmadan Türkçe eser vermeye başladılar. Yani Nevâî o devirde sadece Orta Asya Türklüğünün değil, bütün Türklerin yollarını aydınlatmış ve ufuklarını açmıştır.

Dünyanın en büyük devletlerinden biri olan Osmanlı Devletinin ilk dönemlerinde ise, Arapça ve Farsça'dan Türkçe'ye geçen kelimeler çok fazla değildi. Bu kelimelerin giriş hızı 15. yüzyıldan itibaren artmaya başladı. 16. yüzyılın ortalarından 19. yüzyılın sonlarına kadar ise Türkçeye birçok Arapça, Farsça kelime girdi. Türkçe'nin, 11. yüzyıldan 19. yüzyılın sonlarına kadar Arapça ve Farsça'yla mücadele etmek zorunda kaldığını rahatlıkla söyleyebiliriz. 20. yüzyılın başlarında ise Arapça ve Farsça'nın Türkçe üzerindeki hâkimiyeti azaldı. Bu da Türkçe'de kullanılan ve halkın anladığı kelimelerin dışındaki Arapça, Farsça asıllı birtakım kelimelerin, kaidelerin ve birçok tamlamanın dilimizden çıkarılması neticesinde meydana geldi. Böylece Türkçe farklı bir yola girdi. Fakat 1930'lardan sonra başlayan öz Türkçecilik (yani uydurmacılık) hareketi ise bunu baltaladı. Bu

hareket de hiçbir dayanağı olmadığı için fazla sürmedi. Burada şunu da söylemek gerekir ki, Osmanlı Devletinin resmî yazı dili Türkçe'ydi. Fakat Arapça ve Farsça'yı da birçok kişi biliyordu. Zannedildiği gibi halk ile aydın tabaka arasında

büyük bir uçurum yoktu. Belki de var olduğu zannedilen bu uçurum, günümüzden bile daha azdı. Yani Osmanlılar, Selçukluların aksine Türkçe'ye önem verdiler. Onların döneminde birçok Türkçe eser telif edildi. Bugün Türkiye'de ve dünyanın muhtelif bölgelerinde Osmanlılar döneminde yazılmış yüz binlerce Türkçe kitap bulunmaktadır. Demek ki, Osmanlılar Arapça, Farsça'yı iyi bilir, fakat anadilleri olan Türkçe'yi ise her zaman kullanıyorlardı. Osmanlı Devleti tarih boyunca fethettiği ülkelerin halklarını Türkçe'yi öğrenme konusunda hiçbir zaman zorlamamıştı. Bunun en büyük delili ise, günümüzde, eskiden Osmanlı coğrafyasında yaşayan milletlerin bir çoğunun Türkçe bilmemesidir.

Dünyada konuşulan birtakım dillerin değişik asırlarda diğer dillere üstünlük kurduğu görülmektedir. Meselâ, 17, 18 ve 19. yüzyıllarda Fransızca dünyaya hâkimdi. 20. yüzyıl ve günümüzde ise artık İngilizce bir dünya dili olmuştur. Bütün bu gelişmeler de gösteriyorki ilmi ve kültürel gelişmelerin etkisiyle dillerin gelişmesi, yayılması ve gücü paralellik arz etmektedir.

Türkçe'nin Günümüzdeki Duru

Türkçe'ye kendi memleketi Türkiyede yeteri kadar değer verilmemesine rağmen, yurtdışında büyük bir ilgiye mazhar olduğunu dile getirmek gerekir. Özellikle yurt dışında açılan Türk liseleri ve üniversitelerinde okutulan Türkçe dersler sayesinde birçok yabancı, Türkçe'yi öğrenme ve tanıma fırsatına sahip olmaktadır. Bunun sonucunda bugün dünyanın birçok yerinde Türkoloji kürsüleri açılmakta; buralarda Türk dili öğretilmekte ve Türkçe dersler verilmektedir.

Tarihi seyir içinde Türkçe zaman zaman önemini ve gücünü kaybetse de hiç bir zaman yok olma noktasına gelmemiş ve her zaman kendi mecrasında bir yol bulup akıp gitmiştir. Görünen o ki 21. Yüzyılda da dünyadaki önemli diller arasındaki yerini ve konumunu koruyarak yoluna devam edecektir.

Kaynakçalar:

1. Dođan, A., (2012), Türkiye Türkçesinin Dünü, Bugünü, Yarını. Ankara: Bilgi Yayın Evi, s.180
2. Korkmaz, Z., (2001), "Bilim Dili ve Türkçe", Türk Dili, (Temmuz 2001), s. 7-19. Develi, H., (2015), Türkçenin Geleceđi , 2. Sayı Dil ve Edebiyat Dergisi
3. Ergin M., (2002), Üniversiteler İçin Türk Dili, İstanbul, Bayrak Basımevi.
4. Timurtaş F. K., (1997), Makaleler(Dil ve Edebiyat İncelemeleri), Ankara, TDK Yayınları.
5. Akalın, Ş.H., (2013), Türk Dili: Dünya Dili, (Lale Türkçe Öğretim Seti), Dilset Yayınları,İzmir
6. Akalın, Ş.H., (2001), Üçüncü Binyılda Türkçe, 2023 Dergisi, Sayı 3, s.18-21

Karoly Mostafa Muratovich

*Master teacher, Kazan (Volga region) Federal University
Russian Federation, republic of Tatarstan, Kazan e-mail:
mksabirli@hotmail.com*

THE STATE OF TURKISH LANGUAGE FROM THE PAST TILL THE PRESENT

Abstract. In this article showed the situation of that how Turkish Language was spreaded and developed through the time. Also the special attention was paid to the importance of this language and its role in the modern community. The main information of the evolution of Turkish language in the territory of Asia Minor and outside is also given. The historical way of development of Turkish Language in the Ottoman Empire is very difficult. It is impossible to understand the all position the Turkish Language without the knowledge of its history in the Middle Age and through ages. It is necessary to be said that Turkish language liabled to be influenced by other languages. Today there are a lot of Turkish books in Republic of Turkey and in whole the world. Nowadays Turkish language became one of the most popular languages. There are a lot of people who can speak Turkish. The interest to this language and culture at all is rising, because

there are a lot of new opportunities in the Turkish universities. The topic of this article is also the point of issue for researches from different countries.

Key words: Republic of Turkey; the study of Turkic languages; Turkish language; the history of development of Turkish language; changes of the language.

УДК 800

Мугтасимова Гульназ Ринатовна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры общего и
тюркского языкознания ИФМК
КФУ г. Казань
E-mail: Gulnaz-72@mail.ru

ТАТАРСКИЕ И УЙГУРСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ О ЖЕНЩИНАХ

Аннотация. В данной статье проводится сопоставление татарских и уйгурских пословиц, в которых отражается образ женщины. Как известно, пословицы и поговорки являются единицами фольклора. Как в татарских, так и в уйгурских пословицах женщина представлена с консервативной точки зрения. Ее основополагающей ролью является роль жены, хозяйки и матери. В пословицах восхваляются такие качества женщины, как честность, скромность, бережливость, но преобладающими являются пословицы с негативной коннотацией, где женщина высмеивается в силу ее излишней разговорчивости, сварливости и хитрости. В целом данное сопоставление затрагивает не только лингвистический, но и культурный план языка и посредством рассмотрения исторических реалий, отраженных в пословицах, способствует лучшему пониманию современных процессов, протекающих в данных общностях.

Ключевые слова: фольклор, пословица, женщина, татарский и уйгурские народы, культура.

Пословицы являются богатым материалом для изучения культуры и менталитета народа. Они помогали человеку понять окружающую действительность. Именно в пословицах заключается наиболее полное представление о носителях данного языка, поскольку именно в них отражается история народа, быт и мировоззрение. Изучая пословицы различных языков, исследователи давно обратили внимание на то обстоятельство, что их состав в еще большей степени, чем просто слова, отражает особенность каждого языка и носит ярко выраженный национальный характер. При этом несовпадение фактов свидетельствует о национальной самобытности исследуемых языков, так же, как совпадение фактов часто свидетельствует об общности традиций, обычаев, норм поведения, свойственных соответствующим этническим коллективам.

Цель данного исследования – сопоставить татарские и уйгурские пословицы о женщинах, проанализировать со стороны тематического содержания и эмоциональной оценки и выявить их культурные особенности. В настоящее время много говорится о том, что в основе различных культур лежат разные системы ценностей. Анализ пословиц о женщинах позволит установить некоторые ценностные приоритеты татар и уйгур.

Объектом нашего исследования являются пословицы татарского и уйгурского народов, посвященные женщине. В ходе анализа нами были выявлены следующие особенности: негативное отношение к женщине имеет интернациональный характер, многие пословицы, посвященные женщине, носят назидательный характер, в них отчетливо прослеживается воспитательный характер.

Так мы встретили обозначение женщины в пословицах следующими понятиями: в татарских: *ана (мать), эни (мама), кыз (девочка), үги ана (мачеха) апа (сестра), сеңел (младшая сестра), килен (невестка), кайнана (свекровь) и другие*; в уйгурских: *ана (мать), һәдә (сестра), хотун (женщина), ани (мама), өгәй ана (мачеха)*.

Мы выделили группы пословиц по описанию какого-либо качества женщины. Группа паремий положительно описывающая женщин занимает существенно меньшее место в общей массе исследуемых единиц. Однако, несмотря на многочисленные паремии о скудости женского ума нами были обнаружено высказывание, высоко оценивающее женский ум: *Акыллы хатын – хэзинә.*

Татарские пословицы, констатирующие недостаточность женского ума: *Хатын аңлы булса - казна, аңсыз булса – каза; Хатын акылы – матурлыгында, ир матурлыгы – акылында; Хатын-кызның акылы бөдрә белән көдрәдә, аннан кала пубрада.*

В пословицах внешность женщины не существенна, но важна хозяйственность. Работе и хозяйственности как необходимым женским качествам посвящены следующие уйгурские пословицы: *Өйдә хотун болмиса, боран чиқар*(Без женщины буран в доме); *Әрниң етини чиқарган – хотун, хотунниң етини чиқарган – отун* (Слава мужчины в руках женщины, слава женщины идет от очага); татарские пословицы: *Хатын булмый, өй булмый; Хатын кеше – өй фирештәсе; Авызындагы тешенә бакма, кулыннан килер эшенә бак.* Большинство пословиц подчеркивают вторичность красоты и первичность хозяйственных или нравственных качеств.

Большое значение имеют положительно окрашенные паремии, в которых говорится о важной роли жены в семье, особенно в домашнем хозяйстве, а также об ответственности, которую возлагает на мужчину наличие жены и детей. Например, уйгурские пословицы: *Ажиз киши өй бәхти, өй берикити* (Жена – счастье и достаток семьи); *Хотун киши өйдә һәм хан, һәм хизмәткар* (Жена в семье – и хан, и служанка); *Яхши хотун өйгә қозуқ* (Хорошая жена – опора семьи); татарские пословицы: *Яхшы хатын – өй даны; Өйне өй иткән хатын; Уңган хатын кар өстендә казан кайнатыр.*

Традиционно универсальным является женская болтливость. Считается, что женщине нельзя доверить тайну: *Авилчы хатынның қолагы*

озын, теле аннан да озын; Утка киткән хатынның утыз авыз сүзе бар – татарские пословицы.

Для обеих культур характерен образ женщины-хозяйки, сидящей дома и работающей от зари до зари: *Яхши хотун – өй берикити* (Хорошая жена дом сбережет); *Яхши хотун яман әрни әр қилар, яман хотун яхши әрни йәр қилар* (У хорошей жены плохой муж молодцом станет, а скверная и хорошего мужа угробит) – уйгурские пословицы; *Хатын-кызның эшен тавык та чүпләп бетерми*; *Хатыны юк өй ятим* – татарские пословицы.

Таким образом, проанализировав татарские и уйгурские пословицы, мы пришли к следующим выводам: негативное отношение к женщине имеет интернациональный характер. Материал данной исследовательской работы позволяет расширить объем знаний об образе жизни и культуры нации страны изучаемого языка.

Пословицы и поговорки, являясь частью культуры данного народа, всегда оставались и останутся актуальными, несмотря на развитие экономики и техники, на прогресс и дальнейшее развитие культуры. В любое время пословицы и поговорки будут характерной чертой данного народа, объектом внимания и исследования.

Список использованной литературы

1. Бочина, Т.Г. Аксиология возраста в русской паремике / Т.Г. Бочина, Ц.Сян // Филология и культура. – 2013. – № 3 (33). – С. 44-48. .
2. Денмухаметова Э.Н. Живая и неживая природа в татарских паремиях // Филологические науки. Вопросы теории и практики [Тамбов]. – 2009. – № 11 (30) – С. 133-134
3. Замалетдинов, Р.Р. Конструирование картины мира и паремиологический фонд языка / Р.Р.Замалетдинов // Филология и культура. – 2010. – № 19. – С. 54-58.
4. Молотова Г.М. Современное состояние уйгурской фольклористики Казахстана и СУАР КНР // Центральная Азия – Китай: состояние и

перспективы сотрудничества. – Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2008. – С. 276-287.

5. Мугтасимова Г.Р. Лексика татарских народных пословиц: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Казань, 2004. – 25 с.

6. Набиуллина, Г.А. Лексика и синтаксис татарских пословиц / Г.А. Набиуллина, Э.Н. Денмухаметова, Г.Р. Мугтасимова // Филология и культура. – 2014. – № 4 (38). – С. 159-163.

7. Тарасова, Ф.Х. Паремии с компо-нентом «пища» в татарском, русском и английском язы-ках: лингвокульту-рологический и ко-гнитивно-прагматический аспекты / Ф.Х. Тарасова. – Казань: РИЦ «Школа», 2012. – 178 с.

Mugtasimova Gulnaz Rinatovna

*candidate of science, associate Professor of General and Turkic linguistics
the Institute of Philology and Intercultural Communication KFU Kazan E-*

mail: Gulnaz-72@mail.ru

TATAR AND UYGHUR PROVERBS ABOUT WOMENS

Abstract. In this article, a comparison of the Tatar and Uighur Proverbs, which reflect the image of a woman. As is known, Proverbs and sayings are the pieces of folklore. As in Tatar and Uighur Proverbs woman is presented from a conservative point of view. Its fundamental role is the role of wife, hostess and mother. In Proverbs praised the qualities of women as honesty, modesty, thrift, but are prevalent proverb with a negative connotation, where a woman is ridiculed because of her excessive talkativeness, grumpiness and tricks. In General, this mapping involves not only linguistic, but also cultural terms of language and through the consideration of historical realities, reflected in Proverbs, contributes to a better understanding of the processes occurring in these communities.

Key words: folklore, proverb, woman, Tatar and Uyghur peoples, culture.

УДК 811.512.145

*Нурмухаметова Р.С. кандидат
филологических наук, доцент*

rsagadat@yandex.ru

*Саттарова М.Р. кандидат
филологических наук, доцент [m-](mailto:m-sattarova@mail.ru)*

sattarova@mail.ru

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Республика Татарстан, г. Казань*

ТАТАР ТЕЛЕНЕЦ РУХИ ЫМ МАТДИ МЭДЭНИЯТ ЛЕКСИКАСЫНДА ГАРЭП ЫМ ФАРСЫ ТЕЛЕ БЕРЭМЛЕКЛӨРЕ

Аннотация. В статье анализируются арабо-персидские заимствования в татарском языке, относящиеся к духовной и материальной культуре татар. Наличие немалого количества заимствований из неродственных языков связано с межкультурными контактами татар. По татарско-русским словарям первой половины XX века авторами данного исследования отобраны слова, большая часть которых раскрывает духовную культуру современных татар. Тематическая классификация данных заимствований позволяет выяснить, какие понятия необходимо было освоить принимающей стороне, имея тесные контакты с арабами и персами. Огромный пласт этих заимствований составляет лексика религиозного содержания, лексика относящаяся правилам поведения в обществе в связи с принятой религией, просвещением и пр. Заимствованная лексика духовной культуры включает в себя десять тематических групп. Среди заимствований также имеются слова, выражающие понятия материальной культуры. Их меньше, по тематической классификации данные слова объединены авторами в четыре группы. Немаловажным фактом является общее количество заимствованной лексики из арабского и персидского языков, зафиксированное в различных словарях первой половины XX века. Данные о специфике перевода и количество

активно употребляемых лексических единиц позволяет судить как об особенностях развития татарского языка, так и о социополитической ситуации. С точки зрения выяснения особенностей употребления данных понятий в настоящее время, интересным является сравнительный анализ переводов данных понятий в первую половину XX века и в настоящее время.

Ключевые слова: татарский язык; заимствованная лексика; межкультурный контакт; лексика духовной культуры; лексика материальной культуры.

Татар телендәге алынма лексика арасында гарәп һәм фарсы телләреннән кергән катлам гаять бай. Бу сүzlәр телебезгә төрле ижтимагый-сәяси, икътисади-мәдәни, дини багланышлар нәтижәсендә, язма әдәбият белән дә, дини-рухани тәгълиматлардан да, гади сөйләм теле аша да килеп кергәннәр. Күп гасырлар буге татар теленә керә барган гарәп һәм фарсы алынмалары татар теленең актив лексикасында шактый зур урын биләп торган. Алар гасырлар буге тел тукумасында эшкәртеләп, халыклашып киткәннәр. Кайберләре татар теле аваз системасына, аның кануннарына яраклаштырылып кулланыла башлаганнар, нигез телдәге мәгънәләрен үзгәрткәннәр.

Гасырлар буге аралашып, бер динне тотып яшәгән гарәпләр белән фарсылар һәм татар халкының сөйләмендә уртак сүzlәр булуы гажәп түгел. Алар безнең хәзерге телебездә дә бик күп; ә элеккерәк чорларда тагын да күбрәк булганнар. XX гасырның беренче яртысында татар теленең лексик байлыгындагы гарәп һәм фарсы алынмаларын күзәтү өчен, без татарча-русча сүзлекләргә мөрәжәгать иттек. Чөнки бу төр сүзлекләр телнең теге яки бу чордагы иң актив сүzlәрен туплап бирүне күздә тоталар. Шулай булгач, гарәп-фарсы сүzlәренең төрле чорларда татар әдәби телендә тоткан урыннарын билгеләү өчен, алар иң ышанычлы чыганак булып торалар.

Сүзлекләрдә рухи һәм матди мәдәният төшенчәләренә нисбәтле төрлө алынма берәмлекләр теркәлгән.

Рухи мәдәният лексикасына караган күпсанлы берәмлекләрдән торган катламны түбәндәге төркемнәргә бүлөп карарга була.

1. Ижтимагый, гаилә мөнәсәбәтләрен белдергән сүzlәр: *горуһ, даирә, кабилә, нәсел, халык, хужа, шәжәрә, шәхес* һ.б. **Гаилә** – семья, семейство (1913, б.145; 1927, б.139; 1931, б.113; 1950, б.98); **кабилә** – родъ, племя, фамилия (1913, б.159), род, племя, поколение (1927, б.161; 1931, б.236), племя, род (1950, б.134); **жәмәгать** – семья, семейство, общество (1913, б.82; 1927, б.95; 1931, б.80), общество (1950, б.337); **женес** – род, порода (1913, б.83; 1927, б.94; 1931, б.85), пол, род (1950, б.331); **милләт** – нация, племя (1913, б.190), национальность (1927, б.188), нация, народ (1931, б.192), нация, национальность, народность (1950, б.182) һ.б. Бу төркемдә дә **груһ** (1950, б.102), **даирә** (1950, б.104), **шәжәрә** (1950, б.296) сүzlәре *искергән* сүzlәр буларак тамгаланган, ә **гаилә** сүзе белән беррәттән **семья** сүзенә дә кулланылуы күрсәтелгән (1950, б.145).

2. Аң, фикер йөртүгә бәйлә төшенчәләр: **гакыл** (ум, разум) сүзе *акыл* формасында кулланыла башлый (1927, б.10; 1931, б.113; 1950, б.99); **гөман** – мнение (1913, б.180), мнение, предположение (1927, б.171), мнение, предположение, помысел (1931, б.111), предположение, догадка (1950, б.103); **дикъкаты** – внимание, внимательность (1913, б.108; 1927, б.115; 1931, б.91), внимание (1950, б.106); **пәрвай** – внимание, внимательность (1913, б.62) дигән фарсы теленнән кергән сүз *пәрвайсыз* дигән рәвештә генә (невнимательный, оплошный, нерадивый, небрежный, беспечный – 1927, б.69; 1931, б.219; 1950, б.202) кулланылуын дәвам иткән, ә тамыр формасы 1913 елгы сүзлектә генә теркәлгән; **фикер** – мысль, дума (1913, б.151), мысль, размышление, дума, мнение (1927, б.145; 1931, б.108), ә 40 нчы елларда бу мәгънәләрдән тыш *заклучение* төшенчәсен дә белдергән (1950, б.270); **хәтер** – память (1913, б.103; 1927, б.109; 1931, б.343; 1950, б.276) һ.б.

3.Кешелэр арасындагы төрле мөнэсэбэтлэр: *гыйззэт,кадер, рэхмэт, сәлам,шәфкать,ярдәм* һ.б. **Мөрәүвәт** (великодушие, снисходительность) сүзе дә 1950 елларга үзенең активлыгын югалтып, пассив катламга күчкән (1950, б.102); **ригая** – снисхождение, уважение (1913, б.111), снисхождение, уважение, почтение, внимание, хорошее обхождение (1927, б.118; 1931, б.254), гасыр урталарында алда саналган барлык мәгънэләре белән *искергән* сүз буларак теркәлгән (1950, б.204); **хөрмәт** – почтение, уважение, угощение (1913, б.99), почет, уважение, почтение, честь (1927, б.103; 1931, б.346; 1950, б.277); **шөкер** – благодарность, молитва (1913, б.125), хвала, слава, благодарность (1931, б.285; 1950, б.296)һ.б.

4.Кешеләрнең эш-гамәлләре тудырган нәтижә: *бәрәкәт,бахас, вагъдә, гадәт, гариза, гафу,гозер,горөф, гыйбрәт,зар, жәнәжал,ният, рөхсәт,сәбәб, талак, таләб,фида*һ.б. Бу берәмлекләрнең төрле елларда чыккан сүзлекләрдә теркәлгән мәгънэләре, нигездә, туры килә; бары **бәрәкәт** сүзе *изобилие, обилие* мәгънэләрәннән тыш гажәпләнүне белдерүче *ымлык* функциясен дә үти башлаган (1950, б.89); **гариза** сүзе белән янәшә *прошение, заявление* сүзләре гамәлгә кергән; **фида** сүзе (фида итү – жертвовать, пожертвовать собою) *искергән* сүзләр рәтенә күчкән (1950, б.270) һ.б.

5.Кешенең шәхси үзенчәлекләре, теләк-омтылышлары: *әхлак, әдәп, гайрәт,куәт,максат, намус, хасыять* һ.б. Дәрман – мѣра, возможность (1913, б.107), сила, мощь, могущество (1927, б.114; 1931, б.89), сила, мощь, энергия (1950, б.110); **дәрт** – желаніе, страсть, стремленіе, чувство (1913, б.107), желание, страсть, чувство, стремление, энергия (1927, б.114), желание, страсть, чувство, стремление, энергия, усердие, забота (1931, б.89), страсть, влечение, увлечение, стремление, желание, побуждение, охота, дух, задор, пыл (1950, б.110); **мәел**– желаніе, склонность (1913, б.192), склонность, наклонность, привязанность, расположение (1927, б.187; 1931, б.188; 1950, б.185); **нәфес**– самъ, собственное «я» (1913, б.194), страсть, пристрастие, желание, вожделение (1927, б.190), страсть, пристрастие, желание, вожделение, чувственность(1931, б.201), 1) страсть, чувственность,

2) желание, хотение, вожеление (1950, б.191) һ.б. Мисаллардан күренгәнчә, бу төркем сүзләрнең мәгънэләре вакыт үтү белән киңәя генә барган.

6.Кешенең жан халәте, унай хис-кичерешләр:*бәхет, җан, канәгать, кәеф, өмет, мәхәббәт, рәхәт, рух, сәләт, хис, һуш* һ.б. **Дан** – имя, известность (1913, б.106), слава, честь, известность, знатность (1927, б.112), слава, честь, известность, знатность, хвала (1931, б.113), слава, известность, знатность, хвала (1950, б.104). Бу сүз тискәре мәгънә дә белдерергә мөмкин. **Зәвык** сүзе хәзерге татар телендәге *вкус* мәгънәсеннән тыш бу чорда *наслаждение, блаженство* кебек төшенчәләрне дә аңлаткан (1950, б.116). **Хозур** – развлечение, удовольствие, забава, веселье (1913, б.100), алга таба бу сүз *забавный, веселый* кебек билге мәгънәләрен дә белдерә башлаган (1950, б.273). **Шан**– достоинство (1913, б.123; 1927, б.136; 1931, б.280) сүзе 40 нчы елларда пассив катламга күчкән (1950, б.291) һ.б.

7.Кеше күңелендәге тискәре кичерешләр, унайсыз халәт һ.б.: *афәт, бәддога, бала, вәсвәсә, газаб, зәхмәт, золым, каза, җәбер, җәфа, кинә, мәкер, мәсхәрә, михнәт, хажәт, хафа, хәйлә, хәсрәт, хыянәт, һалак, шөбһә* һ.б. Бу сүзләрнең күпчелеге хәзерге татар телендә дә кулланыла, тикшерелә торган сүзлекләрдәге мәгънәләре дә бүгенге көндәгедән аерылмый. **Бәддога** (1950, б.88), **золым** (1950, б.115), **каза** (1950, б.136), **шөбһә** (1950, б.296) сүзләре үткән гасыр урталарында *искергән* сүзләр буларак яши башлаганнар, ә **хыянәт** сүзенең без белгән *измена, предательство* кебек мәгънәләреннән тыш, *хищение, кража* мәгънәләре дә теркәлгән (1913, б.105; 1927, б.112; 1931, б.344).

8. Дини сүзләр, дини йолаларны аңлатучы берәмлекләр:*аллаһ, вәгазь, гареш, гөнаһ, гыйбадәт, дәфен, дин, әҗәл, имам, кабер, кәфен, җеназа, корбан, кыямәт, ләгънәт, матәм, мәзһәб, мәхәллә, мәчет (мәсҗед), намаз, насыйхәт, пәйгамбәр, рамазан, салават, сәваб, суфи, тәүбә, ураза, хаж, хач* һ.б. Бу сүзләрнең барысы да таныш, алар хәзерге татар телендә дә дини эчтәлекле сүзләрне тәшкил итәләр, әмма XX йөзнең төрле елларында алар бер генә төшенчәне белдермәгәннәр, ягъни дөньяви төшенчәләрне атау өчен

дә хезмәт иткәннәр. Мәсәлән: **ахирәт** *вечность* (1927, б.4; 1931, б.32) төшенчәсен атау өчен дә кулланылган, **табут** сүзе 30 елларда *гробмәгънәсеннән* тыш, *ящик* дигән мәгънәне дә белдергән (1927, б.71; 1931, б.288); **нәзер** *обещание* (1913, б.193), *дар* (1931, б.202) мәгънәләрендә йөргән һ.б. Бу төркемгә кергәнкайбер берәмлекләр 20-30 нчы елларда сүзлекләргә гадәти, телнең актив катлам берәмлеге буларак кертелгән булсалар, 40 нчы елларда *искергән* яки *дини* тамгасы белән теркәлгәннәр. Мәсәлән: *вәгазь* (1950, б.97), *имам* (1950, б.120), *матәм* (1950, б.181), *мәхәллә* (1950, б.185), *мәзһәб* (1950, б.186), *нәсыйхәт* (1950, б.191), *суфи* (1950, б.219), *хәҗҗи* (1950, б.272), *әҗәл* (1950, б.320) сүзләре **искергән сүз** дип, *әгареш* (1950, б.99), *гыйбадәт* (1950, б.102), *гәнаһ* (1950, б.103), *фәрештә* (1950, б.271), *кыямәт* (1950, б.169), *намаз* (1950, б.188), *рамазан* (1950, б.202), *пәйгамбәр* (1950, б.202), *саван* (1950, б.207), *жыназа* (1950, б.337) лексемалары **дини** берәмлекләр дип, кулланылышы чикләнгән сүзләр буларак аерып күрсәтелгәннәр. 1950 елгы сүзлектә **ахирәт** сүзе *ахирәт дус*– закадычный, задушевный, интимный друг (1950, б.50) гыйбарәсендә; **хач** сүзе *кызыл хач* *жәмгыяте*– общество красного креста (1950, б.272) тезмәсендә генә сакланган. **Салават** (молитва за пророка) сүзенә иллюстратив материал буларак китерелгән *салават күпере* – радуга (1950, б.202) сүзенә «*собственно: благословенный мост*» дип аңлатма да бирелгән.

9. Мифологик образлар: **жен** – чертъ, бесъ, нечистая сила (1913, б.83), черт, бес, нечистая сила, демон, злой гений (1927, б.93; 1931, б.79); бес, нечистая сила (1950, б.331); **иблис**– сатана (1913, б.20), сатана, дьявол (1927, б.41; 1931, б.120; 1950, б.117); **пәри**– чертъ, нечистая сила (1913, б.63), черт, нечистая сила, дух (1927, б.69; 1931, б.218), нечистая сила, бес (1950, б.202); **шәйтән**– сатана (1913, б.126), сатана, шайтан, дьявол, нечистый дух, бес, черт (1927, б.136; 1931, б.280), сатана, шайтан, дьявол (1950, б.290) һ.б.

10. Төрле сихер, тылсым, гайре табигый хәлләр белән бәйлә төшенчәләр: **әфсен**– волшебное слово, наговоръ (1913, б.26), заговор, волшебное, колдовское, чародейственное слово (1927, б.39; 1931, б.99; 1950,

б.320); **могжиза**– чудо, чудеса (1913, б.188), чудо, происшествие, сверхъестественное (1927, б.183), чудо, как знамение свыше (1931, б.194), чудо (1950, б.183); **сихер** – колдовство, волшебство, ворожба (1913, б.116), колдовство, волшебство, чародейство (1913, б.133; 1931, б.268), ворожба, колдовство, волшебство, чародейство (1950, б.215); **тылсым** – талисманъ, волшебное слово (1913, б.140), талисман, амулет, волшебное слово, ладанка, колдовство (1927, б.77; 1931, б.310), талисман (1950, б.250); **фал** – предзнаменование, предсказание, в особенности счастливое гадание (1927, б.143; 1931, б.106), предзнаменование (1950, б.269)h.б.

Матди мэдэният лексикасына караган алынмалардан тормыш-көнкүрешнең төрле өлкэләренә караган сүзләр дә шактый урын алып тора.

1.Каралты-кура, торак төзелешенә караган сүзләр: *амбар, бәдрәф, бина, гөмбәз, жиһаз, манара, сарай, хөжрә, чатыр* h.б. Бу сүзләр арасындагы **хөжрә** (комната, камера, келья)(1950, б.277) һәм **чатыр** (шатер, палатка, зонт) (1950, б.280) сүзләренә гасыр урталарына искергәнлек төсмере кергән, ә калган сүзләр бүген дә актив кулланылышта.

2.Утрак тормыш кирәк-яраклары. Бу төркемдәге сүзләренң кайберләре фонетик яктан шактый үзгәрешләр кичергән. Мәсәлән: фарсы теленнән кергән **чәрех, чирагъ, жамәдән, дастымал, шәмгьдән**, гарәп сүзе **шәмгьчарык, чыра, чумадан (чемодан), тастымал, шәм, шәмдал** рәвешен алганнар. Чыганак телдәгечә алар бары тик гасыр башында, 20 нче елларга кадәр генә кулланылганнар, ул вакытта да әле үзгәргән вариантлары белән параллель йөргәннәр.

3.Кием-салым, тегүчелеккә караган сүзләр: *асыл, парча, сәхтыян, такыя, тасма, шалвар (чалбар), шәл*h.б. **Кәмәр** (кушак, пояс) сүзе 1950 елда *узорчатый пояс, поясной ремень (узкий)* мәгънәләре белән *искергән* сүз дип билгеләнгән (1950, б.170); **сәдәф** – перламутрь (1913, б.130), пуговица (рубашечная) (1927, б.131), перламутр, перламутровая пуговка (1931, б.257), пуговица (мелкая) (1950, б.223) h.б.

4. Ашау-эчү һәм аның белән бәйле күренешләр: *аракы (гаракы), гыйшрәт, зәйтүн, зәһәр, каһвә (кофе), кәбәб, ләззәт, нигъмәт, ризык, серкә, тәм (тәгъм), шикәр (шәкәр), ширбәт, шулна (шурпа)* һ.б. Бу сүzlәрнен кайберләре төрле сүзлекләрдә төрле рәвешләрдә теркәлгән (алар жәя эчендә күрсәтелде). **Зәһәр** (1950, б.116) сүзенен *яд, отрав* мәгънәсе, **гыйшрәт** (пир, пиршество) (1950, б.102), **кәбәб** (жаркое) (1950, б.163), **нигъмәт** (пища) (1950, б.189) лексемалары үзләре узган гасыр урталарына пассив катламга күчкәннәр.

5. Кыймәтле ташлар: **ахак** – яшма (1913, б.6), сердолик, агат (1927, б.4; 1931, б.32), агат, сердолик, сардоникс (1950, б.50); **гәүһәр** – бриллиант (1913, б.176; 1927, б.177; 1931, б.110; 1950, б.103), ул **жәүһәр** сүзенен синонимы, берсе фарсы, икенчесе гарәп теленән кергән, узган гасыр урталарында *бриллиант* сүзе дә активлашып киткән; **жәүһәр** – бриллиант (1913, б.85; 1927, б.95; 1931, б.81; 1950, б.338); **зөбәржәт** – изумрудъ (1913, б.113), изумруд, хризолит (1927, б.120; 1931, б.358), изумруд, смарагд (1950, б.116); **мәржән** – коралл (1913, б.186; 1927, б.185; 1931, б.189; 1950, б.185), **фирүзә** – бирюза (1913, б.152; 1927, б.145; 1931, б.109; 1950, б.270).

Бу тематик төркемнәргә кергән сүzlәр тикшерелгән барлык сүзлекләрдә урын алсалар да, аларның мәгънә күләмнәрендә шактый үзгәрешләр булуын тәржемә өлешенән күрергә була: алынма берәмлекләренен мәгънәләре я киңәйгән, я киресенчә, тарайган.

XX гасырның беренче яртысында басылган сүзлекләр буенча шул чор татар әдәби теленен лексикасында гарәп-фарсы элементларын барлап чыгу түбәндәге нәтижәләр ясарга мөмкинлек бирде: ярты гасыр дәвамында басылган татарча-русча сүзлекләрдә теркәлгән гарәп-фарсы алынмалары сан ягыннан тигез түгел. Табигый, 1913 елгы сүзлектә гарәп-фарсы сүzlәре аеруча күп теркәлгән, ә 1950 елгы сүзлектә, алынмалар сан ягыннан күпкә ким булулары белән беррәттән, шактый берәмлекләр *искергән* тамгасы белән урын алган.

Гарәп-фарсы сүзләре татар әдәби теленең формалашуына зур йогынты ясаганнар, аларның күпчелеге татар теле тарафыннан фонетик һәм морфологик яктан үзләштерелгәннәр, телебезнең структур үзенчәлекләренә яраклаштырылып, телнең төп лексик фондында лаеклы урыннарын тапканнар.

Чыганаclar

1. Рахманколы С. Татарча-русча лөгаты. – Казан: И.Н.Харитонов лито-типографиясе, 1913. – 210 б.
2. Татарча-урисча сүзлек / Төз. М.Корбангалиев, Р.Газизов, И.Күлиев. – Казан: Татарстан дәүләт нәшр., 1927. – 219 б.
3. Татарча-урисча сүзлек (төзәтелгән һәм арттырылган 2 нче басмасы) / Төз. М.Корбангалиев, Р.Газизов, И.Күлиев. – Казан: Татиздат, 1931. – 410 б.
4. Татарча-русча сүзлек / Төз. Р.Газизов, Н.Исәнбәт, Г.Ишмухаметов. – Казан: Татгосиздат, 1950. – 339 б.

Nurmukhametova R. S. candidate of science,, Assosiate Professor
rsagadat@yandex.ru

Sattarova M. R. candidate of science,, Assosiate Professor m-sattarova@mail.ru
Kazan (Volga region) Federal University,

The Republic of Tatarstan, Kazan

ARABIC AND PERSIAN LOANWORDS IN THE LEXICON OF SPIRITUAL CULTURE OF TATAR LANGUAGE

Abstract. This article is devoted to the analyzing of the Arab-Persian borrowings in the Tatar language relating to the material and spiritual culture of Tatars. The presence of a considerable number of borrowings from unrelated languages associated with intercultural contacts Tatars. Tatar-Russian dictionaries of the first half of the twentieth century, the authors of this study recorded words,

most of which reveals the spiritual culture of the modern Tatars. The authors of this study by Tatar-Russian dictionaries of the first half of the twentieth century recorded words, most of which reveals the spiritual culture of the modern Tatars. Thematic classification of borrowings allows us to determine concepts that are necessary to master the receiving side, having close contacts with Arabs and Persians. Huge faces of these loans are the religious content vocabulary, vocabulary-specific rules of behavior in society in connection with the accepted religion, education, etc. Borrowed lexicon of spiritual culture includes ten thematic groups. Among borrowings there are words that express the concept of material culture. They are less, thematic classification of these words combined into four groups by the authors. An important fact is the total number of loanwords from Arabic and Persian languages, recorded in different dictionaries of the first half of the twentieth century. Data about the specifics of the transfer and the number of actively used lexical units allows to judge about the features of development of the Tatar language and about socio-political situation. From the point of view of explaining features of the use of these concepts now, it becomes an interesting comparative analysis of the translation of these terms in the first half of the twentieth century and the present time.

Key words: Tatar language; borrowed vocabulary; intercultural contact; the vocabulary of spiritual culture; vocabulary of material culture.

УДК 811.512.161:378

Оганова Елена Александровна

*кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии
Института стран Азии и Африки Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова e-mail: ova8@yandex.ru*

ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ КОНСТРУКЦИЙ МЕРЫ И СТЕПЕНИ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Данная статья посвящена критическому осмыслению теоретических и методических работ отечественных и турецких лингвистов, посвященных особенностям употребления в турецком языке конструкций меры и степени -DIđI kadar, -(y)AcAđI kadar, -(y)AcAk kadar, на основе которых автор уточняет семантику соответствующих конструкций, представляя методические рекомендации по вопросу объяснения данных конструкций студентам, способам их закрепления и активизации в устной и письменной речи.

В основной части статьи автор устанавливает семантические границы функционирования каждой из трех рассматриваемых форм, обращая особое внимание на разграничение традиционно вызывающих у студентов наибольшие трудности форм-(y)AcAđI kadar и -(y)AcAk kadar. Отдельно автор останавливается на вопросе об оформлении субъекта действия соответствующих конструкций, определяя, с каких случаев он употребляется в основном, а в каких в родительном падеже.

Для основательной проработки данной темы студентами автор статьи разработал нацеленный на тренировку данных форм комплекс упражнений, которые фрагментарно представлены в заключительной части исследования. Автор делает особый акцент на сопоставительных упражнениях по переводу данных конструкций с турецкого языка на русский и с русского на турецкий язык, что является инновационным методом в преподавании турецкого языка в России.

Ключевые слова: грамматика турецкого языка; конструкции меры и степени; субъект действия; сопоставительный метод; методика преподавания; перевод.

Одной из сложных тем в курсе турецкой грамматики являются конструкции меры и степени -DIđI kadar, -(y)AcAđI kadar и -(y)AcAk kadar, прежде всего в силу того, что выбор одной из этих конструкций при переводе

с русского языка на турецкий традиционно вызывает определенные трудности у русскоязычных студентов, изучающих турецкий язык. В то же время проблема четкой семантической дифференциации этих конструкций является одной из наиболее дискуссионных как в российской, так и в турецкой лингвистике.

Задачи данной статьи – попытаться определить семантику соответствующих конструкций и представить практические рекомендации по методике их преподавания русскоязычным студентам. Вопрос о морфолого-синтаксическом статусе этих конструкций и, соответственно, их дефиниций в отечественной и турецкой лингвистике в данной статье не рассматривается как выходящий за рамки заявленной темы.

В самом общем плане все три конструкции передают значение меры, степени, интенсивности протекания действия, выраженного сказуемым главного предложения. На русский язык конструкции переводятся, как правило, при помощи оборотов “настолько... что”, “так... что”, “насколько... настолько”, “насколько... чтобы”.

Представляется, что проблема выявления семантики конструкций *-DiğI kadar*, *-(y)AcAğI kadar* и *-(y)AcAk kadar* и соответственно их корректного применения заключается в:

1) дифференциации значений каждой конкретной конструкции и определении поля её функционирования;

2) прояснении вопроса о наличии / отсутствии собственного (т.е. отличного от подлежащего главного предложения) субъекта действия в конструкции *-(y)AcAk kadar* и его падежного оформления, поскольку в случае несовпадения субъекта действия в конструкциях *-(y)AcAğI kadar* и *-DiğI kadar* с подлежащим главного предложения субъект действия указанных конструкций оформляется всегда родительным падежом – с этим утверждением согласны и турецкие, и отечественные лингвисты.

Чтобы попытаться дать ответ на эти вопросы, обратимся в первую очередь к исследованиям турецких специалистов.

Автор грамматики турецкого языка (на русском языке) Э.Гениш указывает, что конструкция *-DIđI kadar* (следуя распространенной в турецкой лингвистике терминологии Э. Гениш называет эту конструкцию деепричастием *-ulaç*. – *E.O.*) употребляется в сопоставительном значении “*Bence sen de onun şaşırđıđı kadar şaşırđın*” ‘По-моему, ты удивился так же, как он’; «*Sen Seyhan’ın içtiđi kadar çay içemezsin*» ‘Ты не выпьешь столько чая, сколько выпьет Сейхан’ [1, с. 330]. В этом случае, как верно замечает Э.Гениш, возможно опущение глагольной формы на *-DIk*: “*Ben senin kadar çay içemet= Benseniniçtiđinkadar çayıçemet*” ‘Я не выпью столько чая, сколько выпьешь / пьешь ты’. [Там же: 331]. С этим значением, выделяемым Э.Генишем, нельзя не согласиться.

Как замечает Э. Гениш, конструкция *-DIđI kadar* может употребляться с формой возможности: “*Sen süpürebildiđin kadar süpür, sonra bir de elektrik süpürgesiyle alırız*” ‘Подмети, сколько сможешь, а мы потом [еще и] пылесосом почистим’.

Второе значение, которое Э. Гениш выделяет для конструкции *-DIđI kadar*, – сравнение: “*Bu iş senin düşündüđün kadar kolay deđil*” ‘Эта работа не так проста, как ты думаешь’ [Там же: 332]. В отношении этого значения, безусловно, требуется уточнение: конструкция *-DIđI kadar* передает не просто сравнение (например: *я думаю, как и ты*), а сравнение с оттенком меры, степени, т.е. “Эта работа не является простой в той мере, как ты себе представляешь”. Передача сопоставительного значения, как правило, вызывает сложности у студентов, когда главное сказуемое выражено именем. В этом случае преподавателю целесообразно сделать особое указание, что здесь имеет место форма *olduđu kadar*, напр.: “*Bu kız güzel olduđu kadar yetenekli*” ‘Эта девушка настолько же талантлива, насколько красива’.

Употребление конструкции *-(y)AcAđI kadar* объясняется Э.Генишем следующим образом: “При помощи этой конструкции сообщается, сколько человек может или хочет чего-либо сделать” [Там же: 335]. Приведем некоторые из примеров, которыми турецкий специалист иллюстрирует свое

утверждение: “*Sen yiyeceğin kadar yedin artık*” ‘Ты и так уже съел, сколько мог’; “*İçeceğin kadar çay uyar çünkü ben içmiyorum*” ‘Заваривай чай только на себя (сколько выпьешь), потому что я пить не буду’; “*Narçayacağı kadar harca, üstünü getirirsin*” ‘Трать, сколько тебе понадобится, а сдачу принесешь’; “*Poşetleri kaldırabileceğin kadar doldur*” ‘Наполняй пакеты так, чтобы ты смог поднять’ [1, с. 335].

Такая характеристика конструкции *-(y)AcAğI kadar* представляется спорной и не в полной мере раскрывающей ее семантику, поскольку значение «возможности», выделяемое турецким специалистом для этой конструкции, также передается в ряде случаев и конструкцией *-DIğI kadar* (*Benseniniçtiğinkadar çayıçemet*) и всегда, если конструкция *-DIğI kadar* употребляется с формой возможности (*‘Sen süpürebildiğin kadar süpür’*).

Конструкцию *-(y)AcAk kadar* Э.Гениш не рассматривает.

В одном из наиболее популярных учебников турецкого языка для иностранцев “Хитит” (в трех частях, на турецком языке) [10, с. 67] освещение получает только один из вариантов конструкции *-DIğI kadar*, а именно *-DIğI kadarıyla*, употребляющийся с лексически ограниченным кругом глаголов (в основном, с глаголами мыслительной деятельности) в значении “насколько я выяснил; насколько мне удалось узнать; насколько мы помним” и др. Данная конструкция упоминается и в учебнике П.И. Кузнецова [4]. Ее употребление однозначно, и, как правило, не вызывает у студентов трудностей при переводе. Конструкции *-(y)AcAk kadar* и *-(y)AcAğI kadar* в учебнике “Хитит” также не рассматриваются.

В удачном с методологической точки зрения учебнике по турецкой грамматике “Выучи и употреби. Грамматика турецкого языка для иностранцев” (автор Мехмет Хади Бенхюр) [9, с. 314–317] этим трем конструкциям уделено значительное внимание (перевод всех предложений из этого учебника на русский язык принадлежит автору статьи).

Относительно конструкции *-DIğI kadar* Бенхюр указывает, что действие, выраженное сказуемым главного предложения, “ограничивается действием,

выраженным конструкцией *-DIĞI kadar*” [9, с. 314], и приводит следующие примеры: “*Burada her şey ücretsiz. Yiyebildiğin kadar yiyebilirsiniz*” ‘Здесь все бесплатно. Можешь есть, сколько захочешь (досл. ‘сколько сможешь съесть’)’; “*Kazandığım kadar harcıyorum*” ‘Я трачу, сколько зарабатываю’; “*Keşke benim onu sevdiğim kadar o da beni sevse*” ‘Вот бы она меня любила настолько же, насколько люблю ее я’; “*Hiç kimse onun gezdiği kadar gezmemiştir*” ‘Никто не путешествовал столько, сколько путешествовал он’; “*Hiç düşünmediğim kadar başarılı oldun. Tebrik ediyorum*” ‘Ты добился таких успехов, о каких я даже и не думал (не мог себе представить). Поздравляю’.

Утверждение турецкого ученого верно с той небольшой корректировкой, что конструкция *-DIĞI kadar* не ограничивает действие, а скорее устанавливает объем осуществления действия, выраженного сказуемым главного предложения.

По вопросу употребления конструкции *-(y)AcAđI kadar* М.Х. Бенхюр пишет: “Деепричастие *-(y)AcAđI kadar* передает то же значение, что и деепричастие *-DIĞI kadar* с той разницей, что действие, передаваемое деепричастием *-DIĞI kadar* предшествует действию, выраженному сказуемому главного предложения, деепричастием же *-(y)AcAđI kadar* передается действие, следующее после действия, выраженного сказуемым главного предложения”; он приводит следующие примеры: “*Masada çok fazla yiyecek var. İstedığın kadar (предшествующее действие) alabilirsin (последующее действие)*” ‘На столе много еды. Можешь брать, сколько захочешь (сколько хочешь)’; “*Tabađını fazla doldurma! Yiyebileceğin kadar (последующее действие) al (предшествующее действие)!*” ‘Не накладывай на тарелку много. Клади столько, сколько сможешь съесть’; “*Annemin yıllardır beli ağrıyordu. Onun rahatlıkla uyuyabileceđi kadar ortopedik bir yatak aldım*” ‘У моей матери вот уже многие годы болит поясница. Я ей купил ортопедическую кровать, чтобы ей было удобно спать’; “*Hiçbir gazetecinin yazamayacađı kadar tehlikeli konuları ben inceleyip yazdım*” ‘Я

рассматривал и писал о таких опасных темах, о которых ни один журналист не осмелится (не сможет) написать' и др. [9, с. 314].

Однако же если обратиться к приведенному выше примеру, с помощью которого автор иллюстрирует употребление конструкции *-DIĞI kadar* (*Burada her şey ücretsiz. Yiyebildiğin kadar yiyebilirsiniz*), то становится очевидным, что конструкция *-DIĞI kadar* в этом примере и конструкция *-(y)AcAğI kadar* в примере “*Tabağını fazla doldurma! Yiyebileceğin kadar al!*” передают сходное значение: “столько, сколько съешь”. Следовательно, утверждаемая турецким лингвистом семантическая дифференциация данных конструкций требует дальнейшего уточнения.

Представляется, что семантику, передаваемую конструкцией *-(y)AcAğI kadar*, более корректно было бы определить не только как действие, чаще всего (но не всегда) следующее за действием, выраженным сказуемым главного предложения, но прежде всего определяющее и объём осуществления действия, выраженного главным сказуемым. Оттенок же потенциальности передается лишь в случае, когда форма *-(y)AcAğI kadar* употребляется с аффиксами возможности.

Таким образом, как было показано выше, действие конструкции *-DIĞI kadar* обычно предшествует или совпадает по времени с действием, выраженным сказуемым главного предложения, но может и следовать за ним – как явствует из примеров, это происходит в том случае, если конструкция *-DIĞI kadar* сочетается с формой возможности.

Однако вне зависимости от того, оформляется ли конструкция *-DIĞI kadar* аффиксом возможности или нет, акцент в ней делается на ограничении объема действия, выраженного сказуемым главного предложения, а не на то, что это действие имеет потенциальный характер и мыслится как реально возможное применительно к плану будущего – это значение отчетливо ощущается как раз в конструкции *-(y)AcAğI kadar*.

Следует также обратить внимание на то, что в случае, если конструкция *-DIĞI kadar* оформляется аффиксом возможности, она может переводиться по-

русски как настоящим, так и будущим временем: «*Yiyebildiğin kadar ye*»(‘Ешь столько, сколько сможешь//сколько можешь’).

Таким образом, проводимое в учебнике М.Х.Бенхюра размежевание конструкций *-DIğİ kadar*, *-(y)AcAğİ kadar* на основе того, что конструкция *-DIğİ kadar* описывает действие в главном предложении как следующее за действием, выраженным конструкцией *-DIğİ kadar*, а конструкция *-(y)AcAğİ kadar*, напротив, описывает главное действие как предшествующее действию, выраженному *-(y)AcAğİ kadar*, нуждается в корректировке.

Что касается различий в употреблении конструкций *-(y)AcAğİ kadar* и *-(y)AcAk kadar*, то турецкий ученый объясняет значение, передаваемое конструкцией *-(y)AcAk kadar*, следующим образом: “применительно к действию, следующему за конструкцией *-(y)AcAk kadar*, последняя используется для передачи значения достаточности”; он приводит такие примеры: “*Bir ev alacak kadar param olmasını istiyorum*” ‘Я хочу, чтобы у меня было столько денег, чтобы я мог купить дом’; “*Çok zengin değİller, ama ihtiyaçlarını karşılayacak kadar kazanıyorlar*” ‘Они не богаты, но зарабатывают достаточно, чтобы покрывать свои основные расходы’ [9, с. 316]. Эта точка зрения турецкого лингвиста представляется совершенно справедливой.

Еще одно значение, выделяемое М.Х.Бенхюром у конструкции *-(y)AcAk kadar*, формулируется так: она используется “для передачи преувеличения в описании действия, следующего за конструкцией *-(y)AcAk kadar*: “*Bir fil yiyecek kadar açım*” ‘Я настолько голоден, что слона съесть готов’; “*Bugün bir orduya yetecek kadar yemek yaptım*” ‘Сегодня я наготовила столько еды, что на целую армию хватит (хватило бы)’; “*Ayakta duramayacak kadar yorgunum*” ‘Я сегодня так устал, что еле на ногах стою (досл. не могу стоять на ногах)’; “*Burnunun ucundakini görmeyecek kadar dalgınsın*” ‘Ты настолько рассеян, что не видишь (не смог бы увидеть) того, что происходит у тебя под носом’ [9, с.316]. Такое определение адекватно передает значение конструкции *-(y)AcAk kadar*, однако стоит добавить, что конструкция *-(y)AcAk kadar* используется не только для передачи преувеличения в описании действия, но

также и для указания на то, что действие, выраженное сказуемым главного предложения и являющееся объектом описания данной конструкции, мыслится говорящим как нереальное, гипотетическое. Реализация этого действия, с точки зрения говорящего, невозможна, в то время как конструкция -(y)AcAđI kadar передает действие как реально возможное в будущем. Поэтому часто конструкции -(y)AcAk kadar переводятся на русский язык при помощи частицы “бы” (сослагательного наклонения) или выражений “готов было...”, “чуть было не...”, “еле-еле”, “так... чтобы”.

Наглядно разницу в употреблении конструкций -(y)AcAk kadar и -(y)AcAđI kadar, могут проиллюстрировать следующие примеры:

“*Sedat imtihanı problemsiz vereceđi kadar iyi hazırlandı*” ‘Седат подготовился так хорошо, что сможет без проблем сдать экзамен’ – в данном примере действие мыслится как реально возможное в будущем с акцентом на объем его осуществления (много, качественно подготовился).

“*Sedat imtihanı verecek kadar hazırlandı*” ‘Седат подготовился ровно настолько, чтобы сдать экзамен’ – в данном примере четко ощущается значение “предела”, “достаточности”, выявленное турецким лингвистом М.Х. Бенхюром применительно к конструкции -(y)AcAk kadar.

Учебные материалы и теоретические исследования отечественных лингвистов в данной статье рассматриваться не будут, так как они хорошо известны российским специалистам. Ограничимся лишь перечислением наиболее значимых и авторитетных из них: [3], [6], [7] [8], [2].

Итак, резюмируя все сказанное выше и выделяя те положения, которые, как представляется, отражают реальную языковую ситуацию, можно сделать следующие выводы.

1. Конструкция -DIđI kadar употребляется для описания объема, интенсивности протекания реально происходящего/произошедшего действия, выраженного сказуемым главного предложения. Важным оказывается тот факт, что действие конструкции -DIđI kadar, совпадает по времени (1. “*Bu iş senin düşündüğün kadar kolay değil*”) или предшествует (2.

“*Sen de onun şaşırdığı kadar şaşırдың*”) действию, выраженному сказуемым главного предложения. Следует обратить внимание на то, что это совпадение или предшествование действий может передаваться как в плане прошлого (2), настоящего (1), так и (реже) будущего времени (3). “*Benseniniçtiğinkadar çayıçemet*”), следовательно, на русский язык данная конструкция может переводиться при помощи глагольных форм в настоящем (1. ‘Эта работа не так легка, как ты думаешь’), прошедшем (2. ‘И ты растерялся так же, как он / настолько же, насколько растерялся он’) и будущим (3. ‘Я не выпью/не смогу выпить столько чая, сколько пьешь/выпьешь ты’) временем.

2. Конструкция *-(y)AcAğI kadar* выражает действие, которое следует за действием, выраженным сказуемым главного предложения, оно реально будет происходить в будущем и подчеркивает объем действия. На русский язык, как правило, переводится при помощи глагольных форм в будущем времени: “*Size ailelerinizin geçimini sürdüreceği kadar para vermedim mi?*” ‘Разве я не дал вам денег, чтобы ваши семьи смогли обеспечить свое проживание?’.

3. Конструкция *-DIğI kadar*, как и конструкции на *-(y)AcAğI kadar* и *-(y)AcAk kadar*, может употребляться в форме возможности. В этом случае *-DIğI kadar* может описывать действие, следующее за действием главного предложения. Таким образом, в случае оформления данных конструкций аффиксами возможности/невозможности конструкции *-(y)AcAğI kadar* и *-DIğI kadar* по значению смыкаются: 1) “*İçebildiğin kadar çay yap*”.2) “*İçebileceğin kadar çay yap*” ‘Завари чаю столько, сколько сможешь выпить’. На русский язык обе конструкции переводятся при помощи глагольных форм в будущем времени в форме возможности.

4. Конструкция *-(y)AcAk kadar* используется говорящим для описания действия, выраженного сказуемым главного предложения, которое мыслится им как нереальное / невозможное / гипотетическое / гиперболизированное, и в этом её основное отличие от конструкции *-(y)AcAğI kadar*, служащей для описания главного действия, которое мыслится говорящим как реально

возможное в будущем. На русский язык конструкция -(y)AcAk kadar, как правило, переводится сослагательным наклонением, а также выражениями типа “готов был...”, “чуть было не...”, “еле-еле”: “*Beni öldürecek kadar kızgındı*” ‘Он был настолько зол, что готов был убить меня’; “*Ayakta durmayacak kadar yorgundum*” ‘Я так устал, что еле-еле стоял на ногах’.

5. Субъект действия в конструкциях -(y)AcAğI kadar и -DİğI kadar по общему правилу оформляется аффиксом родительного падежа, кроме некоторых исключений, обычно представляющих собой лексически устойчивые обороты, напр.: “*Ali, avazı çıktığı kadar bağırdı*” и “*Ali, avazının çıktığı kadar bağırdı*”(на основе устойчивого оборота “*avazı çıktığı kadar bağırmak*” – ‘кричать что есть мочи’).

6. В большинстве случаев субъект действия конструкции -(y)AcAk kadar и субъект главного предложения совпадают и, следовательно, оформляется основным падежом. В случае наличия собственного субъекта действия конструкции -(y)AcAk kadar, он, как правило, оформляется родительным падежом, а сама конструкция -(y)AcAk kadar трансформируется в конструкцию -(y)AcAğI kadar (субъект действия конструкции и форма -(y)AcAğI связываются между собой по принципу двухаффиксного изафета), не теряя при этом своего дифференцирующего семантического признака (нереальность / гипотетичность / гиперболизация или предельность). В этом случае конструкция переводится так же, как обычно переводится конструкция -(y)AcAk kadar (бы, чуть было не, еле-еле, готов было... и пр.).

Если рассматривать этот вопрос под таким углом зрения, то становится понятно, почему в приведенном Э. Генишем примере «*Sen yiyeseğın kadar yedin artık*» ‘Ты и так уже съел, сколько мог’ форма -(y)AcAğI kadar переводится по-русски не как потенциальная возможность, а как предельность; при этом данная конструкция сохраняет значение, передаваемое конструкцией -(y)AcAk kadar, которая при употреблении соответствующего притяжательного аффикса преобразовалась в -(y)AcAğIn kadar. Также представляется важным обратить внимание на тот факт, что в

данном примере конструкция -(y)AcAđI kadar переводится на русский язык не будущим временем (как требовалось бы, если бы перед нами была конструкция -(y)AcAđI kadar в своем основном значении), а прошедшим.

В ряде случаев субъект действия в конструкциях -(y)AcAk kadar оформляется основным падежом, по наблюдению автора статьи, как правило, в качестве субъекта действия выступают отрицательные или обобщающие местоимения: “*Hiç kimse düşünmeseye kadar az param var*” ‘У меня настолько мало денег, что никто не мог бы себе представить’.

Для основательной проработки данной темы автором статьи был разработан ряд упражнений, нацеленных на закрепление рассмотренных выше форм. На первой стадии изучения данных форм рекомендуется тренировать каждую из них в отдельности, представляя два типа упражнений: на перевод с турецкого на русский и с русского на турецкий язык (упражнения нужно выполнять строго в указанной последовательности). В качестве образца приведем фрагменты подобных упражнений.

На закрепление формы -DIđI kadar

Перевод с турецкого на русский язык:

1. Mümkün olduğu kadar//olduğunca hızlı gelin. 2. Burada istediğiniz kadar kalabilirsiniz. 3. Hizmetçi avazı/avazının çıktığı kadar bağırarak yukarı koştu (Ö. Seyfettin). 4. Bize inandığınız kadar size de inanmak isteriz. 5. Polis, Ali'nin yetişemediği kadar hızlı yürüyordu...

Перевод с русского на турецкий язык:

1. Если вы до меня дотронетесь, я буду кричать что есть мочи. 2. Я постараюсь вам помочь, насколько хватит моих сил. 3. Это так же очевидно, как дважды два четыре. 4. Вы не разбираетесь в этом деле настолько же хорошо, как в нем разбираюсь я. 5. Женщина говорила настолько тихо и прерывисто, что я едва мог ее слышать...

На закрепление формы -(y)AcAđI kadar

Перевод с турецкого на русский язык:

1. Alabileceğiniz kadar alabilirsiniz, çekinmeyin. 2. Bu kural, herkesin anlayacağı kadar kolay. 3. Fırtına, hiç kimsenin unutamayacağı kadar şiddetliydi. 4. Yürüyebileceğimiz kadar yürüyeceğiz...

Перевод с русского на турецкий язык:

1. Эмин подарил своей сестре такое дорогое кольцо, какое никто в жизни ей никогда не подарит. 2. Мы будем сражаться, насколько у нас хватит сил. 3. Я настолько похудел, что мой преподаватель не узнает меня на улице, если встретит. 4. Мы настолько замерзли, что можем заболеть...

На закрепление формы -(y)AcAk kadar

Перевод с турецкого на русский язык:

1. Evimizde başka hiç bir evde bulunmayacak kadar fincan var. 2. Seni ölecek kadar seviyorum. 3. Paramız yok denecek kadar az. 4. Bu kitap hoşuna gidecek kadar ilginç değil. 5. Onu kandırarak kadar marifetin var...

Перевод с русского на турецкий язык:

1. Я был настолько голоден, что готов был слона съесть. 2. Я был настолько утомлен, что даже не мог говорить. 3. В такое трудное время у них еще есть деньги построить себе особняк. 4. Я настолько люблю Севим, что готов за нее умереть. 5. Как я понимаю, ваш сын уже достиг того возраста, чтобы жениться...

На втором этапе изучения данных форм в рамках этих упражнений особое внимание уделяется сопоставительному методу (подробнее о сопоставительном методе в преподавании турецкого языка см. [5]), когда студенту, при переводе с русского на турецкий язык, нужно выбрать одну из рассмотренных форм, руководствуясь особенностями семантики каждой из них.

1. Я что, настолько беден, что не могу сдать 300 рублей на подарок коллеге? 2. У меня сейчас так мало денег, что я не смогу сдать 300 рублей на подарок коллеге. 3. Я настолько разозлился на Бетюль, что готов был ее убить. 4. Эмин подготовился ровно настолько, чтобы сдать экзамен. 5. Эмин подготовился так хорошо, что сможет без проблем сдать экзамен. 6. У вас не

хватает интеллекта, чтобы понять такую простую задачу. 7. Фикрет так путано все объясняет, что я никогда в жизни не смогу его понять...

Приведенные в статье общие теоретические выводы и некоторые методические рекомендации по преподаванию конструкций меры и степени в турецком языке, безусловно, не охватывают всё богатство языкового материала, в ряде случаев носят конвенциональный и/или искусственный характер, однако такая методика преподавания данных форм в рамках вузовского образования доказала свою высокую академическую эффективность.

Список использованной литературы

1. *Гениш Э.* Грамматика турецкого языка. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – Т. 2.
2. *Гузев В.Г.* Теоретическая грамматика турецкого языка. – Спб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2014.
3. *Кононов А.Н.* Грамматика турецкого языка. – Ленинград, 1941.
4. *Кузнецов П.И.* Учебник турецкого языка. Завершающий курс. – М.: ИД «Муравей-Гайд», 2000.
5. *Оганова Е.А., Ларионова Е.И.* Инновации в преподавании турецкого языка в России: сопоставительный метод // Актуальные вопросы тюркологических исследований. Сб. статей к 75-летию В.Г. Гузева / под ред. А.В. Образцова, Н.Н. Телицина. – Спб.: Издательство РХГА. – С. 158–165.
6. *Щека Ю.В.* Интенсивный курс турецкого языка. – М.: Издательство Московского университета, 2000.–Часть 2.
7. *Щека Ю.В.* Турецкая форма на -DİĞİ/AsAđI и ее функционирование в обороте меры и степени // Вестник Московского университета. – М., 2004, № 1. – С. 40 – 57.
8. *Щека Ю.В.* Практическая грамматика турецкого языка. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007.

9. *Benhür M.H.Öğren ve kullan. Yabancılar için Türkçe dilbilgisi – Ankara:*
ZDC Yayıncılık Ltd.
10. *Yeni Hitit 3. Yabancılar için Türkçe. Ders Kitabı / editör Uzun E. – Ankara*
Üniversitesi TÖMER, 2010.

Elena Oganova
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Department of Turkish
Philology, Institute of Asian and African Studies, Lomonosow Moscow State
University; e-mail: ova8@yandex.ru

FROM THE EXPERIENCE OF TEACHING CONSTRUCTIONS OF MEASURE AND INTENSITY IN THE TURKISH LANGUAGE

Abstract. The article is based on the critical view of theoretical works of Russian and Turkish linguists devoted to the usage of -DIĞI kadar, -(y)AcAĞI kadar, -(y)AcAk kadar constructions. The author attempts to define semantics of these constructions and to give methodologic recommendations on how to explain and teach them to students. In the main part the author marks semantic borders of each construction paying a special attention to semantic differences between -(y)AcAĞI kadar and -(y)AcAk kadar. The author dwells on the problem of functioning of the agent of these constructions defining whether it should be used in the normative or in the genitive case. Finally the author recommends certain exercises aiming to emphasize differences between these constructions. The author pays a special attention to comparative exercises which is an innovative method of teaching Turkish in Russia.

Key words: grammar of the Turkish language, constructions of measure and intensity, agent, comparative method, methodology of teaching, translation.

УДК 811.512.145

*Саттарова М.Р. кандидат
филологических наук, доцент [m-
sattarova@mail.ru](mailto:m-sattarova@mail.ru)*

*Нурмухаметова Р.С. кандидат
филологических наук, доцент
rsagadat@yandex.ru*

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Республика Татарстан, г. Казань*

ТАТАР ТЕЛЕНДӘГЕ ДИНИ ЭЧТӘЛЕКЛЕ СҮЗЛӘРНЕН ЛИНГВОМӘДӘНИ КЫЙММӘТЕ

Аннотация. В статье анализируется лексика религиозного содержания, употребляемая в современном татарском языке. Как известно, татары придерживаются канонов двух мировых религий – Ислама и Христианства. Принятие каждой из этих религиозных мировоззрений имеет свою историю и обстоятельства, что отразилось на употреблении лексики религиозного содержания в татарском языке на протяжении нескольких веков. Именно поэтому специфика употребления лексики данной тематической группы несет в себе лингвокультурологический, этнолингвистический потенциал. Тематическая классификация понятий дает возможность представить широту употребления данных слов. Отдельное внимание следует обратить на глаголы, обозначающие действия религиозного характера. Татарский язык, будучи языком глаголов, с данной точки зрения особо интересен. Наличие среди понятий слов относящихся как к материальной, так и духовной культуре татар, позволяет сделать выводы о том, что мусульманское и христианское религиозное мировоззрение “освоилось” и является своим для татарского народа. Часть этих слов составляет лексику, отражающую правила поведения в обществе, что означает важность религиозного воспитания для татар. С точки зрения выяснения особенностей употребления данных

понятий в настоящее время, интересным являются результаты проведенного авторами свободного ассоциативного эксперимента.

Ключевые слова: татарский язык; религиозная лексика; лексика духовной культуры; лексика материальной культуры; ассоциативный эксперимент.

Рухи мәдәният яшәешнең барлык өлкәләренә дә кагыла. Халыкның бердәмлеген, бөтенлеген тәэмин итә торган күренешләрнең беренчесе тел булса, икенчесе – аның дине. Билгеле булганча, татар халкы, нигездә, ике дин кануннарын саклап яши: халыкның бер өлеше християн дине тарафдары булса, күпчелеге үзен мөселман дип саный. Бу күренеш тарихи вакыйга булып, гасырлар дәвамында формалашкан һәм халык менталитетында, сөйләмдә урын алган. Хәзерге татар телендә дини төшенчәләргә белдергән берничә йөз сүз кулланылышта йөри. Аларның әдәби тел нормасы буларак кабул ителгәннәре дә бар, аерым сөйләشلәргә хас булганнары да очрый. Семантик аспектта караганда вакытта бу сүзләр халык тарихын, аның башка милләт вәкилләре, башка телдә сөйләшүчеләр белән багланышларын, табигатькә, әйләнә-тирәгә мөнәсәбәтен чагылдыра. Шулар рәвешле, лингвокультурология фәне күзлегеннән караганда, дини эчтәлекле сүзләр татар халкының рухи һәм матди мәдәнияте, үзәге, дөнья тел картинасын тасвирлауда зур әһәмияتكә ия.

Билгеле сәбәпләр аркасында, XX гасыр дәвамында татар халкы тоткан христиан һәм ислам диннәренә күндәлек кулланылышын, әлеге тематик төркемгә караган сүзләргә жентекле өйрәнү күләгәдә калып килгән. Бүгенге көндә исә, бигрәк тә рус тел белемдә, дини эчтәлекле берәмлекләргә фәнни яссылыкта өйрәнү яңа сулыш белән күтәрелеп килә. Билгеләп үтелгәнчә, татар телендә күпсанлы дини эчтәлекле сүзләр кулланыла. Аларны берничә тематик төркемгә берләштерергә мөмкин:

- “теге дөнья”да тормыш булуга ышану белән бәйле төшенчәләр: *ахирәт, ахыр заман, кабер газабы, иман нуры, сират күпере, жәннәт, жәһәннәм* һ.б.;

- дини эхлак белән бәйле төшенчәләр: *гәнаһ, зина, тәкъдир, тәүбә, хәрәм, шәригәт* һ.б.;

- дини бәйрәм атамалары һәм календарь исәбе белән бәйле сүzlәр: *бәрмәнчек, боламык, гашурә, зөлкагъдә, изге ай, илжсин, иташар, йомырка бәйрәме, кадер киче, качманар, кершәнә, кызыл йомарка, май чабу, мәүлед, нардуган, олы көн, пасха, питрау, раштуа, рәжәп, тройсын* һ.б.;

- Аллаһ Тәгаләгә мөрәжәгать итү сүzlәр: *Аллаһ Тәгалә, раббе, тәңре, Хак Тәгалә, Ходай Тәгалә* һ.б.;

- төрле корылмаларны һәм аларның өлешләрән белдерә торган сүzlәр: *Алла йорты, госел бүлмәсе / госелханә, гыйбадәт йорты / гыйбадәтханә, Кәгъбә, келья, лавра, манара, михраб, мәчет, мөнбәр, нәүдә, чиркәү, храм* һ.б.;

- төрле затларны белдерә торган сүzlәр: *Газраил, Газазил, дәжжәл, әжен, иблис, Исрафил, фәрештә, шайтан* һ.б.;

- дин әһелләрән һәм алар белән бәйле кешеләрне белдерә торган берәмлекләр: *абыстай, Адәм, азанчы, ахун, вәгазьче, дин башлыгы, дьякон, имам, казый, католик, коръәнхафиз, кяфер, мөфти, Нух, пәйгамбәр, поп, раһиб, Хава, хәҗи* һ.б.;

- дини ритуалларга бәйле кулланыла торган предмет атамалары: *ахирәт күлмәге, дисбе, кәбен алжапкычы, кәбен күлмәге, комган, лампада, намазлык, тәре, тәре жаулыгы* һ.б.;

- төрле ритуал атамалары: *азан, намаз, вәгазь, госел, руза, тәяммем, чукындыру* һ.б.;

- дини текст яки аның өлешен белдергә сүzlәр: *аять, Библия, Инҗил, Коръән, Тәүрат* һ.б.;

- абстракт төшенчәләрне белдерә торган сүzlәр: *атеистлык, буддизм, диндарлык, мәжһүслек, суфыйлык* һ.б.

Моннан тыш күпсанлы фигуралар ярдәмендә дә дини эчтәлек
житкерелә:

- ислам дине тарафыннан фарыз саналган гамәлләрне башкару белән
бәйлә төшенчәләр: *авыз ачу, азан әйтү, гөсел алу / гөсел коену, гыйбадәт
кылу, дога кылу / дога уку, зекер әйтү, иман китерү, ифтар ашау, ихрамга
керү, Коръән чыгу / уку, намаз уку, намазга басу, никах уку / никах укыту,
сәждә кылу / итү, сәждәгә китү, сәхәр ашау, сәхәргә тору, тәкбир әйтү,
тәравих әйтү / уку, тәсбих тарту, тәяммем кылу / сугу, тәүбә итү, тәүбәгә
килү, тәһарәт алу, тәһарәт яңарту, тәһарәтләнү, ураза тоту, уразага керү,
хәҗ кылу, хәтбә уку* һ.б.;

- кешенең табигате белән бәйлә эшләнә торган гамәлләр: *Аллага
тапшыру, гөнаһ кылу / гөнаһ эшләү, зина кылу, иман сату, иман яңарту,
иманга килү, никах яңарту, нәзер әйтү, өшкерү, потка табыну, савап эшләү,
талак итү / талак кылу, христианлашу, чукыну, ырымлау* һ.б.;

- төрле горейф-гадәтләр, йолалар белән бәйлә гамәлләрне белдерә торган
төшенчәләр: *аш уздыру / Коръән укыту / Коръән ашы уздыру, бабага бирү,
нәфел намазын уку, нәфел уразасын тоту, хәтем кылу, сөннәткә
утырту* һ.б.;

- төрле түләүләр белән бәйлә төшенчәләр: *гошер түләү, зәкят бирү,
сәдака бирү / хәер бирү, сәдака җыю / хәер җыю, сәдака тарату / хәер
тарату* һ.б.;

- нинди дә булса вазыйфа башкару белән бәйлә төшенчәләр: *имамлык
итү, ишанлык итү, монахлыкка китү, муллалык итү, мәзинлек итү / мәзин
булу, мөфти булу, хәлфәлек итү* һ.б.

Нинди генә әдип ижатын карасак та, әсәр телендә дини эчтәлекле
лексика кулланылышын очратырга мөмкин. XIX гасыр ахыры – XX гасыр
башы аралыгында бу тема бигрәк тә ачык яктыртыла. Соңгы бер-ике дистә ел
дәвамында да әлеге тематик төркемгә караган сүзләр язма һәм сөйләм
телебездә активлашты. Бу – җәмгыять тормышының, нинди проблемалар
күтәрелүнең күрсәткече. Кайсы чорда гына ижәт ителгән булса да, әсәрләрдә,

төрле текстларда дини эчтәлекле лексика файдаланылып, чорның рухи халәтен тасвирлауга хезмәт иткән. Язучы шәхесе, аның тел үзенчәлекләре милли үзаңны ачарга ярдәм итә. Авторлар әйтергә теләгән фикер язучының, гомумән халыкның тел картинасы, дөньяга карашы буларак гәүдәләнеш таба. Бу исә чорның психологик, эмоциональ төсмерен билгели һәм милли үзаң үсешен анализларга мөмкинлек тудыра.

Лингвомәдәни яссылыкта дини эчтәлекле сүзләрнең халык аңында ни дәрәжәдә әһәмиятле булуын һәм нинди урын алуын ачыклау өчен ассоциатив эксперимент уздыру да кызыклы нәтижәләр бирә. Ирекле ассоциатив эксперимент – кеше аңында беренче чиратта телгә килә һәм кулланыла торган әһәмиятле төшенчәләргә барлау максатыннан нәтижәле алым.

Мәсәлән, югарыда санап узган сүзләрдән Аллаһ берәмлеген генә алып карасак та, бүгенге көндә татар телендә аралаша торган яшь буын (18-25 яшь аралыгында) вәкилләренең бу төшенчәгә ничек күзаллаулары ачыклана.

Казан шәһәренең төрле югары уку йортларында белем алучы 250 егет һәм 250 кыз катнашында уздырылган ассоциативэксперимент нәтижәләре түбәндәгечә булды. 500 кешедән 22 кеше (4,4%) бу сорауга бөтенләй җавап бирмәгән. Барлығы 68 төрле җавап бар. 34 җавап (6,8 %) берәр тапкыр гына кабатланган.

Беренче чиратта җавапларның популярлыгы ягыннан карыйбыз: *Тәгалә* – 75 (5%), *ышану* – 32 (6, 4%), *сакласын* – 18 (3,6%), *тәгалә* – 18 (3,6%), *бер* – 17 (3,4%), *дин* – 16 (3,2%), *бөек* – 13 (2,6%), *күк* – 12 (2,4%), *бар* – 11 (2,2%), *ходай* – 10 (2%), *мәчет*, *бер генә*, *Ходай* – 9 (1,8%), *боерса*, *дога* – 8 (1,6%), *Коръән*, *иман* – 7 (1,4%), *ислам*, *бирса*, *ышан*, *ризалыгы* – 4 (0,8%), *саклый*, *ышаныч*, *табыну*, *күрә*, *өчен* – 3 (0,6%), *белмим*, *бөеклек*, *Аллага шөкер*, *мөселман*, *рәхмәт*, *бер ул*, *кодрәтле* – 2 (0,4%), *болыт*, *коръән*, *югары көч*, *иң көчле*, *ярдәменнән ташламасын*, *иләһ*, *курык*, *Бирса*, *ходай тәгалә*, *аллаһка ышан*, *мәгънә*, *сабырлык*, *сакаллы зат*, *бәхетлелек*, *булышыр*, *аллаһның ярдәме*, *курка*, *кешенең ышануы*, *азан*, *сәламәтлек*, *таяныч*, *коткаручы*,

Раббе, әкбәр, кешесе, Пугачева, ярату, биек, аллаһка ышану, Газраил, олы, хакы, кодрәт – 1 (0,2%).

Тупланганматериалны берничә яссылыкта төркемнәргә берләштереп анализларга мөмкин. Сүзләр формаль яктан да, эчтәлек ягынан да бик төрле. Биредә реакцияләренең күплеге кеше шәхесе, сүзлек байлыгы, рухи мәдәният буларак дин турында хәбәрдар булуы белән аңлатылырга мөмкин.

Ассоциация тудырган төшенчәләрне түбәндәгечә төркемләргә мөмкин:

1) дини эчтәлекле төшенчә белән аңлату: *Тәгалә, тәгалә, дин, ходай, Ходай, дога, Коръән, иман, ислам, мөселман, иләһ, ходай тәгалә, Раббе, Газраил һ.б.;*

2) Аллаһ Тәгаләне сыйфатлау, характерлау: *бер, бөек, бар, бер генә, саклый, бөеклек, бер ул, кодрәтле, югары көч, иң көчле, мәгънә, сабырлык, сакаллы зат, таяныч, коткаручы, кодрәт һ.б.;*

3) нинди дә булса урынга бәйле кабул итү: *күк, мәчет һ.б.;*

4) эш-гамәл, хәләт белән бәйле: *ышану, сакласын, боерса, ризалыгы, саклай, күрә, ярдәменнән ташламасын, булышыр һ.б.;*

5) абстракт төшенчәләр: *ышаныч, бәхетлелек, саламәтлек;*

6) гадәти булмаган кабул итү: *болыт, Пугачева;*

7) бер жавапдә язылмаган очраklar –22.

Массакуләм характерда бер типтагы күпсанлы кешеләрдән жавап-реакция туплаумилли телдә ижтимагый аң чагылышын ачыкларга мөмкинлек бирә. Ягъни бүгенге көндә татар телендә фикерли торган егетләр һәм кызлар арасында рухи мәдәниятнең бер күрсәткече буларак дини тәрбия, дини гыйлемнең ни дәрәжәдә булуын күзалларга мөмкин.

Иң еш очраган ассоциацияләрдән *Тәгалә, ышану, сакласын, дин* кебек берәмлекләр экспериментта катнашучыларның күпчелеге *Алла / Аллаһ Тәгалә* төшенчәсен тулаем һәм дәрәс күзаллы дигән нәтижә ясарга мөмкинлек бирә. Бер генә тапкыр кабатланган сүзләренең саны шулай ук үзенчәлекле фикер булуын күрсәтә. Бер үк тамырдан яки бер мәгънәне белдергән сүзләренең төрлечә язылышы контингентның төрле һөнәр юнәлеше вәкилләре

булуы, грамоталылык күрсәткече дип саныбыз. Алла сүзе белән бәйле тупланган 500 ассоциациянең дини этәлекле сүзләр белән белдерелүе табигый. Димәк, яшьләр телендә дини лексика пассив түгел. Алланы сыйфатлау, характерлау белән бәйле төшенчәләр дөшактый. Димәк, экспериментта катнашкан буын сөйләм телендә Алла күптөрле лексик берәмлекләр белән тасвирлана, күзаллана. Бу төр аңлатмалар белән янәшә охшатуны белдергән берәмлекләр дә бар. Уйлавыбызча, чагыштырулар аша өйрәнелә торган төшенчәне тасвирлау гадәттә, балаларга аңлатканда кулланыла һәм ул хәтердә саклана.

Дини этәлекле сүзләрнең бүгенге жәмгыятебездә кабул ителеш үзенчәлекләрен ачыклау өчен бер сүз материалы күпмедер нигез булдыра, әмма берәмлекләрнең барысына да жентекле анализ ясау зарур. Яшь буын вәкилләре арасында уздырылган бу эксперимент алга таба эзләнүләр өчен этәргеч булып тора һәм комплекслы тикшеренүнең бер өлешен тәшкит итә.

Чыганақлар

1. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. – Казан: Матбугат йорты, 2005. – 838 б.
2. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге. – Казан: Мәгариф, 2009. – 839 б.

Nurmukhametova R. S. candidate of science,, Assosiate Professor rsagadat@yandex.ru

Sattarova M. R. candidate of science,, Assosiate Professor m-sattarova@mail.ru Kazan (Volga region) Federal University,

The Republic of Tatarstan, Kazan

LINGVOCULTURALPOTENTIAL OF RELIGIOUS CONTENT VOCABULARY OF THE TATAR LANGUAGE

Abstract. The article analyzes the religious vocabulary that is used in the modern Tatar language. As is known, the Tatars adhere to the canons of the two world religions – Islam and Christianity. The adoption of each of these religious ideologies has its own history and circumstances that affected the use of religious language in the Tatar language for several centuries. That is why the specifics of the use of the vocabulary of the thematic group bring lingvokultural and ethno-linguistic potential. Thematic classification of concepts makes it possible to imagine the breadth of the use of these words. Special attention should be paid to the verbs system, denoting religious action. Tatar language as a language of verbs, from this point of view is very interesting. The presence among the concepts of words relating to both the material and spiritual culture of the Tatars, lead to the conclusion that Muslim and Christian religious outlook to "master" and is his for the Tatar people. Part of these words constitutes a vocabulary, reflecting the rules of conduct in society, which means the importance of religious education for the Tatars. From the point of view of clarifying the peculiarities of the use of these concepts currently, interesting are the results provided by the authors of the free associative experiment.

Key words: Tatar language; religious language; the vocabulary of spiritual culture; vocabulary of material culture; associative experiment.

TAŞKESENLİĞİL Muhammed
Kafkas Üniversitesi, Kars, Türkiye
Slav Dilleri ve Edebiyatları Bölümü
Rus Dili ve Edebiyatı Anabilim Dalı
m.taskesenli@kafkas.edu.tr

TÜRKÇE VE RUSÇADA ZAMAN KATEGORİSİNİN MORFO- SEMANTİK ÖZELLİKLERİ

Özet: Bu çalışmada Türkçe ve Rusçada zaman kategorileri ele alınacaktır.

Geçmiş zaman; başlangıçtan, yani sıfır noktasından sözün söylendiği ana kadar olan bölümdür. Yaşanmışlık, bitmişlik ifade eder. Gelecek zaman, sözün söylendiği andan geriye sonsuza doğru olan dilimdir. Şimdiki zaman ise, çok kısadır. Sadece o anı, içinde bulunulan anı gösterir.

Bu çalışmada her iki dilde zaman kategorileri birbirleriyle karşılaştırılarak incelenecektir. Tablolar içinde çeşitli örnekler verilerek konunun daha iyi özümsemesi sağlanacaktır.

Anahtar Kelimeler: Zaman Kategorileri, Morfo-Semantik, Rusça Türkçe, Türkçe Gramer

Her dilde genelde; *yaşanmış an, yaşanan ve yaşanacak an* olmak üzere üç çeşit zaman diliminden söz edilir ki; bunu dün, bugün ve yarın sözcükleriyle ifade ederiz. Dün, geçmiş; bugün, şimdiyi; yarın ise geleceği temsil eder. Bu bağlamda işin/oluşun meydana geliş anını anlatmak için geçmiş zaman, şimdiki zaman ve gelecek zaman terimlerinden yararlanır. [2, c .2]

Rusça fiillerde zaman, Türkçede olduğu gibi hareketin konuşma anında ne zaman gerçekleştiğini göstermek için kullanılmaktadır. Rusçada zamanlar, şimdiki (*настоящее время*), gelecek (*будущее время*) ve geçmiş (*прошедшее время*) zaman olmak üzere üç başlık altında incelenmektedir.

Rus dilbilimciler Rusçada zamanları genelde üç kategoride incelerler: Şimdiki, geçmiş ve gelecek. Ancak Türkçe gramerde durum biraz farklıdır. Çünkü Türkçe, zaman ifade eden birimler bakımından zengin bir dildir. Türkçe dilbilgisi kitaplarında ikisi geçmiş olmak üzere beş zamandan bahsedilir: Bunlar; *şimdiki zaman, belirli geçmiş zaman, belirsiz geçmiş zaman, gelecek zaman ve geçmiş zaman* olarak sınıflandırılır.

1. Türkçe ve Rusça Gramerde Şimdiki Zaman (*Настоящее время на русском и на турецком языках*)

Rusçada şimdiki zaman (*geniş zaman da bu zamanda incelenmektedir*) konuşma anında gerçekleştirilen ya da sürekli, sık sık yapılan hareketler için kullanılmaktadır.

Türkçe gramerde ise şimdiki zaman Rusçada olduğu gibi eylemin belirttiği iş ve oluşun içinde bulunduğumuz zamanda gerçekleştiğini bildirir.

Türkçede şimdiki zaman fiil köküne, **-iyor (-iyor, -uyor, -üyor)** zaman ekleri getirilerek elde edilir.

Sizi burada ilk defa **görüyorum**. *‘Я вижу вас здесь первый раз!’*

Ben burada **oturuyorum**. *‘Я живу здесь.’*

Paris’e **gidiyorsunuz**, değil mi? *Вы едете в Париж, не так ли?*

Bu isim size bir şey hatırlatmıyor mu? *Неужели это имя вам ничего не напоминает?*

Ne dostlara, ne de sinemaya **gidebiliyorum**. *Я не могу сходить ни к друзьям, ни в кино.*

Bu piyesin sahneye konulacağı geceyi **düşünüyorum**. *Я думаю о (том) вечере, когда эта пьеса будет поставлена на сцене.* [2, с. 244]

Rus dili zaman kategorisinde fiiller, Türkçeden farklı olarak aldıkları şahıs eklerine göre iki çekim altında incelenmektedir. I. çekim (**первое спряжение**) ve II. çekim (**второе спряжение**)’ dir. I. çekim şahıs ekleri: **-у (ю) -ешь, -ет, -ем, -ете, -ут(ют) ve -у (ю) -ёшь, -ёт, ём, ёте, -ут (ют)**’ tur. II. çekim şahıs ekleri ise; **-у (ю), -ишь, -ит, -им, -ите, -ат (ят)**’ tır.[4, с. 267]

Rusçada eğer şahıs eki vurguyu üzerine çekiyorsa bu eke göre eylemin hangi çekime girdiği belirlenmektedir. Eğer şahıs eki vurguyu üzerine çekmiyorsa o zaman fiillerin hangi çekime girdikleri fiillerin mastar şekillerine bakılarak belirlenmektedir. [1, с. 351]

Tablo 1.

Şimdiki Zaman (Настоящее вр.)	
Rusçada Şimdiki Zaman (Наст. вр)	Türkçede Şimdiki Zaman

<u>I.Çekim</u>	<u>II.Çekim</u>	
Я чита-ю ‘okuyorum’	Я говор-ю ‘konuşuyorum’	Sev-iyor-um
Ты чита-ешь ‘okuyorsun’	Ты говор-ишь ‘konuşuyorsun’	Sev-iyor-sun
Он она оно чита-ет ‘okuyor’	Он она оно говор-ит ‘konuşuyor’	Sev-iyor
Мы чита-ем ‘okuyoruz’	Мы говор-им ‘konuşuyoruz’	Sev-iyor-uz
Вы чита-ете ‘okuyorsunuz’	Вы говор-ите ‘konuşuyorsunuz’	Sev-iyor-su-nuz
Они чита-ют ‘okuyorlar’	Они говор-ят ‘konuşuyorlar’	Sev-iyor-lar

2. Türkçe ve Rusça Gramerde Geçmiş Zaman (Прошедшее время на русском и на турецком языках)

Rusçada geçmiş zaman, Türkçede olduğu gibi konuşulan ana kadar gerçekleşmiş olan hareketi göstermek için kullanılır. Rusçada fiiller geçmiş zamanda mastar eklerini kaybedip bunun yerine ‘л, ла, ли’ son eklerini alırlar.

Вы всё ещё не сказали, зачем приехали в Анкару. ‘Ankara’ya niçin geldiğinizi hala söylemediniz.’

Türkçe gramerde ise geçmiş zaman, Rusçadan farklı olarak belirli ve belirsiz geçmiş zaman olmak üzere iki kategoride incelenir. Bunlardan belirli geçmiş zaman; işin geçmiş zamanda yapıldığını kesin olarak bildirir. Bu kip, fiil köküne –*di (-di, -du, -dü)* veya –*tı (-ti, -tu, -tü)* zaman ekleri getirilerek elde edilir.

Türkçe gramerde belirsiz geçmiş zaman ise, geçmişte yapılan bir işin başkalarından öğrenildiğini veya belirsiz olduğunu ifade eder. Bu kip, fiil köküne –

Rusçada Geçmiş Zaman (Прошедшее вр.)	Türkçede Belirli Geçmiş. Z.
<i>miş (-miş, -muş, -müş)</i> zaman ekleri getirilerek elde edilir.	

<p><i>Я читал книгу.</i> ‘Kitap okudum.’</p> <p><i>Он долго писал письмо.</i></p> <p>‘Uzun süre mektup yazdı.’</p> <p><i>Она готовила еду.</i></p> <p>‘О, yemekleri hazırlıyordu.’ (Dişi c.)</p> <p><i>Что ты делала сегодня утром?</i></p> <p>‘Bu sabah ne yaptın?’ (Dişi c.)</p> <p><i>‘Вы всё ещё не сказали, зачем приехали в Анкару.</i></p> <p>Ankara’ya niçin geldiğinizi hala söylemediniz?</p> <p><i>Пошёл прошёл лестницу и свернул налево.</i></p> <p>Yürüdü, merdivenleri geçti ve sola saptı.</p>	<p>Dün bir kitap okudum.</p> <p>‘Вчера я прочитал книгу.’</p> <p>Bir hafta tatil yaptık.</p> <p>‘Мы отдохнули одну неделю.’</p> <p>Kitabı okuyamadın mı?</p> <p><i>Ты не смог прочитать книгу</i></p>
	<p>Türkçede Belirsiz Geçmiş. Z.</p>
	<p>Dün bir kitap okumuş.</p> <p>‘Вчера он читал книгу.’</p> <p>Bir hafta tatil yapmışız.</p> <p>‘Мы отдыхали одну неделю.’</p>

3. Türkçe ve Rusça Gramerde Gelecek Zaman (*Будущее время на русском и на турецком языках*)

Rusçadaki fiillerin gelecek zamanı, Türkçedeki gibi konuşulan andan sonra gerçekleşecek hareket için kullanılır. Rusçada eylemlerin gelecek zamanı, Türkçeden farklı olarak *basit (простое) ve bileşik (сложное)* olmak üzere iki kategoride incelenir. Rusçada basit gelecek zaman, fiillerin *bitmişlik durumuyla (сов. в)*, bileşik gelecek zaman ise fiillerin *bitmemişlik durumuyla (несов. в)* yapılan gelecek zamandır.

Türkçe gramerde ise gelecek zaman Rusçadaki gibi eylemin belirttiği işin içinde bulunulan zamandan sonra, yani gelecekte gerçekleşeceğini bildirir. Ancak Rusçadan farklı olarak bu kip fiil köküne **-acak (-ecek)** zaman eki getirilerek elde edilir. Bizimle birlikte karakola geleceksiniz. *‘Вы пойдете вместе с нами в участок.’*

Türkçe gramerde *geçmiş zamanda gelecek* ifadelerini içeren yargılar da mevcuttur. Bu konunun daha iyi anlaşılması için şu örnekleri verebiliriz:

Bugün gelecekti, gelmedi. *Сегодня хотел прийти, но не пришёл.*
Bu cümle geçmiş zaman ifadesinde bir gelecek zamandır.

Telgraf çekecektim, unuttum, dedi. *Я собирался дать телеграмму, да забьыл сказал он.*

Utancımdan yerin dibine geçecektim. *От стыда я готова была провалиться сквозь землю.*

Sabahleyin ilk vapurla dönecektik. *Мы собирались вернуться утром с первым парходом.*

4.1. Rusça Gramerde Basit Gelecek Zaman (Простое будущее время на русском языке)

Rusçada *basit gelecek zaman* hareketin kesin olarak gerçekleşeceğini ve tamamlanacağını göstermek için kullanılır. Basit gelecek zaman Rusçadaki bitmiş fiillerle(*сов.в*)kullanılır.

Örn: Завтра днём увидимся! ‘Yarın gündüzün buluşacağız.’

4.1.2. Rusça Gramerde Bileşik Gelecek Zaman (Сложное будущее время)

Rusçadaki bileşik gelecek zamanda *быть (olmak)* fiilinin şahıslara göre çekimi, bitmemiş fiillerin(*несов.в*)mastar haliyle birlikte *bileşik gelecek zamanı* ifade etmesidir. Bileşik gelecek zamanda hareketin tamamlanıp tamamlanmayacağı belli değildir. Bileşik gelecek zaman, kesinlik ifadesi bulundurmaz, fiiller genellikle ön eksizdir.

Örn: Птицы будут летать. ‘Kuşlar uçacak’

Tablo 2

Rusçada Basit Gelecek Zaman (Простое будущее время)	Rusçada Bileşik Gelecek Zaman (Сложное будущее время)
<i>Я подпишу</i> ‘imzalayacağım’	<i>Я буду смотреть телевизор.</i> ‘Televizyon seyredeceğim.’
<i>Ты подпишешь</i> ‘imzalayacaksın’	<i>Что вы будете делать?</i> ‘Ne yapacaksınız?’

Он, она, оно	подпишет	Он будет слушать радио. 'О radyo dinleyecek.'
'imzalayacak'		
Мы	подпишем	
'imzalayacağız'		
Вы	подпишете	Türkçede Gelecek Zaman
'imzalayacaksınız'		Şimdi ben ne yapacağım?
Они	подпишут	'Что я теперь буду делать?'
'imzalayacaklar'		Nereye gideceğiz , diye sormaktan korkuyordum.
		'Я боялся спросить, куда мы пойдём.'

4.1.3. Türkçe Gramerde Geniş Zaman

Rusça dil bilgisi kitaplarında geniş zaman kavramı, çoğunlukla şimdiki zaman kavramıyla birlikte ele alınır. Türkçedeki gibi geniş zaman kavramı adı altında incelenmesine pek sık rastlanmaz. Bu sebeple zaman kategorisini, Türkçedeki geniş zaman kavramını anlatarak bitirmeyi planlıyoruz:

Türkçe gramerde geniş zaman, eylemin belirttiği işin her zaman yapıldığını, yapılmakta olduğunu ve gelecekte de yapılacağını bildirir. Bu kip fiil köküne **-r** (**-ar, -er, -ır, -ir, -ur, -ür**) zaman ekleri getirilerek yapılır.

Tablo 3

Dağ dağa kavuşmaz, insan insana **kavuşur**. 'Гора с горой не сходится, человек с человеком сходится.'

Otel sahibini **görebilir** miyim? 'Могу ли я видеть хозяина гостинцы?'

Kızılırmak Karadeniz'e dökülür. Кызылырмак впадает в Черное море.

Ziya Bey gayet şık giyinir. Зия-бей одевается очень шикарно.

Azizim, bir kitaptan kaç lira kazanılır? Дорогой мой, сколько лир можно заработать на одной книге?

Bu çalışmamızda Türkçe ve Rusça Dilbilgisi konularından biri olan Zaman Kategorilerini kıyaslamalı olarak incelemeye çalıştık. Bu konunun Morfo-Semantik özelliklerini bu konu ile ilgili çalışmalar yapan araştırmacıların bilgileri ışığında aydınlatmaya çalıştık. Çalışmamız boyunca tablolar oluşturup, görselliği ön planda tutmaya çalıştık. Bu sayede konunun daha iyi özümsemesine ve kavranmasını umut ediyoruz.

KAYNAKÇA

1. Diétrich, Ayşe Pamir, *Grammatika Russkogo Yazıka*, Kapadokya Yayınevi, Ankara 2007
2. Kononov, A.N., *Grammatika Savremennogo Turetskogo Literaturnogo Yazıka*, Moskova-Leningrad 1956
3. Üstünova, Kerime , “Türkçede Zaman Kavramı ve İşlenişi”, *Uludağ Üniversitesi Fen-Edebiyat Fakültesi Sosyal Bilimler Dergisi*, II (9), Bursa 2005, s. 187-201
4. Vinogradov, V.V., *Kratkaya Russkaya Grammatika Morfoloğičeskiye Kategori Glagola*, <http://slovari.ru>

MORPHO-SEMANTIC FEATURES OF TIME CATEGORY IN TURKISH AND RUSSIAN

Abstract. In this study Turkish and Russian time categories will be discussed. Past tense; beginning, that is part of that which has been said so far from the zero point. It refers experiences, express perfective. Future time, it is the moment that said the word now back towards the infinite. The present time is very short. Just shows that moment, in the current moment.

In This work, time categories will be examined comparing with each other in both languages. The subject will be better understood providing with various examples in table.

Keywords: Time Categories, Morpho-Semantics, Russian Turkish, Turkish Grammar

УДК 811.512 373

Файзрахманов Ильшат Завдатович

*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, Республика Татарстан,
г.Казань e-mail: istorkazan@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕКОТОРЫХ ТАТАРСКИХ ЛИЧНЫХ ЖЕНСКИХ ИМЕН (ПО МАТЕРИАЛАМ IV И V РЕВИЗСКИХ СКАЗОК ЦАРЕВОКОКШАЙСКОГО УЕЗДА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Аннотация. В статье на примере изучения татарских личных женских имен по архивным источникам – ревизским сказкам IV и V ревизий 1782 и 1795 гг. Царевококшайского уезда Казанской губернии делается попытка выявить и соотнести с известными на сегодняшний день именами трудноинтерпретируемые женские имена с целью недопущения их вольной трактовки при составлении родословных. Внимание акцентируется на необходимости охвата большого количества источников для выявления и систематизации таких сложных для толкования имен и расширения татарского именного словаря.

Ключевые слова: татарские личные женские имена; ревизские сказки; Царевококшайский уезд, татарские родословные, XVIII век.

Личные имена, имея определенный смысл, отражали в себе языковые особенности того или иного языка, развивались в рамках той лексической системы, к которой они принадлежали. В этом смысле изменения,

происходившие в общественно-политической, культурной сферах жизни, так или иначе, вызывали изменения и в антропонимической системе – те или иные имена либо выходили из употребления, либо наоборот актуализировались, видоизменялись, при этом шел непрерывный процесс расширения именного словаря. Чтобы выявить изменения в имяназвании нам необходимо сравнить личные имена, использовавшиеся в различные периоды времени.

Изучение татарской антропонимики в историческом разрезе велось и ведется несколькими исследователями. Среди работ следует особо выделить труды Г.Ф.Саттарова, посвященные изучению татарских личных имен [4, 5, 6], Г. Р. Галиуллиной, рассматривавшей динамику изменений в мужских и женских татарских личных именах в г. Казани в XX веке, семантику и структуру антропонимов татарского языка [2, 3]. В кандидатской диссертации М. З. Валиевой наиболее полно освещены вопросы группирования по лексико-семантическому признаку и рассмотрению особенностей образования женских личных имен, она выявляет общеалтайский, древний общетюркский, общестаротюркский, старотатарский и заимствованный пласты [1]. В работе Г. С. Хазиевой определены лексико-семантические, структурно-словообразовательные особенности татарской мужской именной системы. Также выявляются традиционные и современные мотивы имяназвания, проводится сравнение с другими тюркскими языками (казахским, башкирским, турецким, азербайджанским и др.); делаются выводы о наиболее продуктивных татарских мужских именах и тенденциях их развития [7]. З. М. Хуснуллина сосредоточилась на анализе образования и развития татарских фамилий по материалам г.Казани, где она хронологически выделила этапы образования фамилий среди различных слоев татарского народа [8].

В изучении исторического прошлого народа бесценным историческим источником являются ревизские сказки – документы по подушной переписи населения России. Если первый и второй ревизии включали только мужское

население, то последующие, 3-5, 7-10, ревизии фиксировали и женский пол. В процессе изучения татарских имен, особенно при составлении родословных, многие исследователи сталкиваются со сложностями при интерпретации того или иного имени. Особенно часто это происходит с татарскими женскими именами, прежде всего, по причине того, что для русских переписчиков написание татарских имен представляло большие трудности. В ревизских сказках многие татарские личные имена искажены и адаптированы на фонетико-грамматический лад русского языка.

Интерпретация имен XVIII века в ряде случаев также представляет сложность для современного человека, в том числе и по причине устаревших имен. Исходя из этого, необходимо собрать и изучить в полном объеме, насколько это возможно, все материалы в источниках по этой теме с целью помочь людям при составлении родословных определиться с истинными именами своих предков, а не оставаться с теми, в каком бы варианте они не были написаны в документах.

В нашем же случае изучению подверглись личные татарские женские имена, встречающиеся в IV и V ревизских сказках 1782 и 1795 гг. по 43 татарским деревням Царевококшайского уезда Казанской губернии, интерпретация которых вызывала сложности¹. В ревизских сказках 1782 и 1795 гг. сведения о женском населении представлены в следующем порядке: имя, чья дочь, жена или вдова, возраст, сословная принадлежность, место рождения до замужества и место переезда после замужества. Например, «У Зайфулла жена Бекзян Козякова дочь, 20 лет, взята Царевококшайской округи из деревни Дусум ясашная татарка»².

Для более точной интерпретации имен мы сравнивали имена по двум различным ревизским сказкам 1782 и 1795 гг., где имена одних и тех же людей могли быть написаны в искаженном виде. По всему женскому населению этих 43 деревень, которые были указаны за 1782 и 1795 гг.

---

¹ Государственный архив Республики Мари Эл (далее – ГАРМЭ), ф.15, оп.1, д.1, 3, 6, 7.

² ГАРМЭ, ф.15, оп.1, д.3, л.13

(опущены случаи, когда женщина умерла, вышла замуж или убыла по каким-либо другим причинам до 1782 г., так что она не указывалась в ревизии за 1795 г.) были выявлены 80 случаев трудноинтерпретируемых, а также имеющих разночтения за 1782 и 1795 гг. Так, Кубринка – Кубринка, Зюрга – Зухра и Гуннара – Гулнара. Если в первом случае непонятно, что это за имя, то во 2-м и 3-м случаях смысл имен в ревизской сказке за 1782 год проясняется только по документу за 1795 год. Затем по этим 80 случаям был проведен поиск соответствующего имени по книге Г.Ф.Саттарова (среди 3158 женских имен).

Сравнительная таблица трудноинтерпретируемых женских татарских личных имен по материалам IVиV ревизий Царевококшайского уезда Казанской губернии.

Женские имена			
№	IV ревизия, 1782 г. ³	V ревизия, 1795 г. ⁴	По работе Г.Ф.Саттарова [6]
1	Адеки	Адеки	
2	Алепя	Алепя	Алифа
3	Амука	Аминя	Амина
4	Арзьюка	Юрзьюка	Арзубика
5	Бабуш	Бадуш	
6	Бабтуна	Бабмуна	
7	Багдей	Багдея	Багдия
8	Багиды	Габида	Багида или Габида
9	Балки	Балки	Балкия
10	Бархиза	Бархиза	
11	Вадаго	Вадыга	Вадига

³ ГАРМЭ, ф.15, оп.1, д.1, 3

⁴ ГАРМЭ, ф.15, оп.1, д. 6, 7

12	Вамтекея	Бампекея	
13	Гаугер	Гаугер	Гаухар
14	Гаухар	Гугра	Гаухар
15	Зюрга	Зухра	Зухра
16	Гулапа	Гуля	
17	Гулбигай	Гулбея	
18	Гулмана	Гулзайни	
19	Гулшай	Гулейша	
20	Гульма	Гулем	Гулим
21	Гулябда	Гулябда	
22	Гуннара	Гулнара	Гульнара
23	Завра	Завра	Заура
24	Залека	Залека	Залика
25	Занияфа	Занняяфа	
26	Зюлага	Зюлеха	Зулейха
27	Зюмля	Зюмля	Замиля
28	Калипа	Калипа	Халифа
29	Каныш	Каныш	Каныш
30	Капей	Капей	
31	Кибякей	Кибякей	
32	Кирбяза	Гулбяза	
33	Кубринка	Кубринка	
34	Куварья	Куварья	
35	Кузипа	Гузифа	Гульзифа
36	Кулекей	Кулякей	Гулькай
37	Кулсуна	Гулзана	Гульсана
38	Кулька	Гулка	Гулькай
39	Кулямда	Кулямда	Гуляндам
40	Курбяби	Курбяба	

41	Кутыя	Кутья	
42	Мавазия	Мавазья	Маузия
43	Маки	Маки	
44	Мактей	Мактея	
45	Малтаби	Малтаби	
46	Маузия	Маузия	Маузия
47	Махтун	Махтун	
48	Мерхапы	Мерхана	Мархаба
49	Мина	Минка	Минка
50	Мулкая	Мулкай	
51	Мурахеля	Рамахал	
52	Мясега	Мясеха	
53	Мяшюма	Мамюю	
54	Нала	Нала	
55	Новозья	Новозья	
56	Нуха	Нуха	
57	Омрахиль	Умрахила	
58	Осыпа	Осыпа	Асифа
59	Папа	Папа	
60	Патма	Фатыма	Фатима
61	Рузуха	Разуха	Расиха
62	Ряхья	Рах	Рахия
63	Сабгира	Сафира	Сафира
64	Табалака	Табалика	
65	Токтаби	Токтаби	Туктаби
66	Тотья	Тотья	Тутия
67	Улмака	Улмана	
68	Ульбазыр	Гульбазир	
69	Умей	Умея	Уммия

70	Унука	Унука	
71	Урзика	Урзика	Уразбика
72	Утей	Утей	
73	Хасыбья	Хасаба	Хасиба
74	Чута	Чута	
75	Шаим	Шаим	
76	Шайда	Шайда	Шайда
77	Шамка	Шамка	
78	Шарбана	Шарбана	
79	Шарей	Шарей	
80	Шарназим	Шарназим	

Таким образом, сравнение информации ревизских сказок между собой и с собранным Г. Ф. Саттаровым материалами позволило в 38 случаях соотнести известные женские имена с упоминаемыми в его работе именами [6]. Наиболее часто встречающиеся искажения в именах: «б», «ф», «а», «х» заменены соответственно на «п», «я», «к» (Алифа – Алепя, Калипа – Халифа, Фатима – Патма) или какая-то буква может быть пропущена. Остальные случаи требуют дальнейшего истолкования, привлекая дополнительные сведения, в том числе и из метрических книг. Это лишь часть имен. По всему объему документов (ревизских сказок, метрических книг и др.) можно выявить куда больше трудных для толкования имен и попытаться их соотнести, проанализировать.

При составлении родословных многие допускают вольную интерпретацию искаженных в документах имен, в результате чего немало случаев неправильного или неточного истолкования. Такая вольная интерпретация не должна присутствовать. Если есть сомнения, то лучше написать имя в том варианте, в каком оно приведено в документе, а предполагаемый вариант имени давать в скобках.

Для точной интерпретации некоторых женских имен, написанных в ревизских сказках на кириллице, в некоторой степени могут помочь мусульманские метрические книги, ведшиеся с 1829 г., где указывались те же имена на арабице. Что касается мужских имен, написанных на арабской графике, их в обильном количестве можно встретить и в документах XVIII в., чаще всего в подписях к документам.

В целом, можно считать, что имена арабо-персидского происхождения составляют большую часть. Имена тюркского происхождения встречаются реже, чем в ревизиях первой половины XVIII века, но чаще чем в документах XIX в. Также можно обратить внимание на то, что встречаются бинарные имена. Например, имя Каныш, использовавшееся чаще всего как мужское имя, встречаем и среди женских имен⁵.

Таким образом, вольная трактовка искаженных в документах имен недопустима. Необходимо собрать встречающиеся в документах все сложные для толкования имена и на основе их систематизации попытаться выявить их первоначальное значение.

Список использованной литературы

1. *Валиева М.* 3. Историко-лингвистический анализ татарских женских личных имен: дисс.... канд. филол. наук. – Казань, 2007. – 278 с.
2. *Галиуллина Г. Р.* Личные имена татар в XX веке. – Казань: Матбугат йорты, 2000. – 112 с.
3. *Галиуллина Г. Р.* Татарские личные имена в контексте лингвокультурных традиций. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. – 349 с.
4. *Саттаров Г. Ф.* Исемен матур, кемнәр куйган? – Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. – 256 б.
5. *Саттаров Г. Ф.* Татар антропонимикасы – Казан: КДУ нәшр., 1990. – 276 б.
6. *Саттаров Г. Ф.* Татар исеменәре ни сөйли? – Казан: Раннур, 1998. – 488 б.

---

⁵ ГА РМЭ, ф.15, оп.1, д.3, л.119об.

7. *Хазиева Г. С.* Историко-лингвистический анализ татарских мужских личных имен: дисс.... канд. филол. наук. – Казань, 2007. – 215 с.

8. *Хуснуллина З. М.* Историко-лингвистический анализ татарских фамилий г. Казани: дисс.... канд. филол. наук. – Казань, 2006. – 152с.

Faizrakhmanov Ilshat Zavdatovich candidate of historical sciences, senior staff scientist The Institute of the history of the Republic of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan e-mail: istorkazan@mail.ru

PECULIARITIES OF TRANSLATION OF SOME TATAR PERSONAL NAMES OF THE WOMEN (ON THE BASIS OF THE MATERIAL OF IVth AND Vth REVIZSKIYE SKAZKI OF TSAREVOKOKSHAYSKY COUNTY OF KAZAN PROVINCE)

Abstract. On the basis of the archive study of Tatar personal names of the women of Revizskiye Skazki IVth and Vth inspection in the years 1782 and 1795 the article deals with an attempt to reveal and relate it to currently famous women's names difficult to interpret in order to prevent its not exact representation while conducting genealogy research. The attention is concentrated on the necessity of studying the great amount of sources to reveal and schematize names difficult to interpret and to build a better vocabulary of Tatar names.

Key words: Tatar personal names of the women; revizskiye skazki; Tsarevokokshaysky county; Tatar genealogy; the XVIIIth century.

МИСТИЧЕСКОЕ В ТУРЕЦКИХ НАРОДНЫХ РАССКАЗАХ О ЛЮБВИ

Аннотация. Турецкий народный рассказ является бесценным богатством турецкого народа благодаря изобилию неповторимых мотивов и образов, насыщенному языку и уникальной композиции. Использование мистических явлений и образов в сюжете народных произведений, представлены как обыденные, типичные явления в турецкой народной литературе. Заметна тенденция объединения заурядности и сверхъестественности.

Жизнь главных героев является центральным звеном в сюжете народного рассказа. События, происходящие с ними, являются главной темой произведения. Сверхъестественное является неотъемлемой частью их жизни. Главный герой, как правило, сам обладает сверхъестественными способностями. Примечательно, что рождение героев в большинстве случаев также сопровождается мистическими явлениями, которые преследуют их вплоть до самой смерти, которая также случается не без вмешательства мистики.

Мистические образы выступают в народных рассказах в роли второстепенных персонажей. Данные персонажи могут быть как положительными, так и отрицательными героями. Так, дервиши – это герои-помощники, которые всегда рядом с главным героем и всегда готовы помочь ему. В качестве персонажей-злодеев выступают ведьмы. Образы животных могут играть как положительную, так и отрицательную роли.

Человечество с самых древних времен присваивало природе волшебные качества. В народных рассказах объекты и явления природы

нередко содействуют героям произведений, помогая им или ставя препятствия.

Мистические мотивы, имея непосредственное отношение к главному герою, обогащают народные рассказы, делая их звучание более глубоким.

Ключевые слова: народный рассказ, мистика, мотив, главный герой, сюжет.

Традиционно распространенный в Турции, а также и во всем тюркском мире, народный рассказ (*halkhikâyesi*) представляет собой прозаический текст новеллистического или фантастического содержания с поэтическими фрагментами. Сначала народный рассказ существовал исключительно в устной форме, а впоследствии рассказы, передающиеся из поколения в поколение, начали собираться фольклористами и тюркологами, получая письменную форму. Подобные повествования, будь они в устном или письменном виде, являлись неотъемлемой частью турецкой культуры.

Использование мистических явлений и образов в сюжете народных рассказов, легенд, сказок и дастанов, не акцентируя внимания на них как на сверхъестественных и необычных, типичное явление в турецкой народной литературе. Сюжет рассказов, как правило, строится вокруг жизни главных героев. События, происходящие с ними, являются главной темой произведения. Главного героя всегда окружают люди и животные, которые оказывают влияние на его жизнь. Такие персонажи являются второстепенными в народных рассказах и могут играть как положительную, так и отрицательную роли.

В народных рассказах рождение главного героя, как правило, сопровождается какими-либо сверхъестественными событиями. Так, нередко народные рассказы начинаются с повествования о бездетном правителе, которому дервиш либо старец дает какой-либо фрукт или семя дерева. И, как правило, у правителя бывает помощник, у которого так же нет ребенка. В результате того, что правитель вместе со своим помощником съедают фрукт,

у них рождаются дети: у одного – сын, у другого – дочь. Примером этому может служить рассказ «*Тахир и Зухра*», где навстречу падишаху и визирю выходит дервиш и дает им поделенное пополам яблоко. И после этой встречи у обоих рождаются дети.

Нередко герой народного рассказа, потерявший любимого/любимую, проводит дни и ночи у могилы, прося Аллаха забрать его душу. Так, например, Меджнун, узнавший о смерти Лейлы, проводит несколько дней у ее могилы с мольбами о смерти до тех пор, пока Аллах не исполняет его желание.

В народных рассказах главные герои, как правило, обладают волшебными свойствами, что отличает их от остальных героев. Обычно главные герои обладают нечеловеческой силой. Такой сверхъестественной силой обладает главный герой рассказа «*Лейла и Меджнун*», который от своей любви разрывает железные оковы и цепи. В рассказе «*Ферхад и Ширин*» так же присутствует данный мотив. Ферхад по приказу Мехмене Бану проламывает гору и поворачивает русло реки в сторону города.

Герои исследованных произведений нередко понимают язык животных и птиц. Например, Меджнун разговаривает с птицами и животными, пытаясь найти поддержку и сострадание. Керем просит помощи в поисках любимой у газели и журавля. Ширин же видит сон, в котором говорящая утка помогает ей добраться к дервишу. Но не всегда только главные герои обладают даром понимания языка животных. Отец Юсуфа Святой Якуб, поверив словам сыновей о том, что волки съели Юсуфа, разговаривает с вожаком стаи.

Наряду с главными персонажами, обладающими сверхъестественной силой, были обнаружены мистические образы, выполняющие роль второстепенного персонажа. «Функцию помощников героев <...> выполняют сверхъестественные существа, традиционные для сказочного эпоса Ближнего и Среднего Востока. Это демонические персонажи: *дев, пери* <...>, *джады* (ведьма); средоточие святых сил – *дервиш*; животные, которые тоже являются сверхъестественными существами» [1:7].

Дервиш, являясь важным персонажем в турецкой литературе, и в культуре вообще, присутствует во всех исследованных произведениях.

Дервиш, как правило, сопровождает героя от его рождения до смерти и оказывает помощь в любой сложной ситуации. Так, например, в рассказе *«Тахир и Зухра»* на протяжении всей жизни Тахира находится рядом с ним и приходит на помощь каждый раз, как только Тахир попадет в сложную ситуацию. К примеру, именно дервиш вызволяет юношу из темницы в Мардине и помогает ему вернуться к Зухре. От дочерей Гёл падишаха помогает бежать тот же дервиш. То есть старец, предрешивший судьбу Тахира и Зухры еще до их рождения, не дает им расстаться ни при каких условиях. Стоит отметить, что обычно дервиш попевал к герою после того, как юноша совершал молитву.

Ведьмы были встречены во всех исследованных произведениях. Они играют важную роль как персонажи, разлучающие влюбленных и являющиеся препятствием на пути главного героя. «Всех их объединяют общие черты, что наводит на вывод о их сущности злого духа, либо Эрлика» [3:46] – владыки царства мёртвых в тюрко-монгольской мифологии. Образ ведьмы, стоящей на пути возлюбленных, один из наиболее распространенных в турецкой народной литературе. Мотив злой ведьмы был обнаружен в большинстве исследованных нами рассказов. Так, в рассказе *«Тахир и Зухра»* мать девушки обращается к ведьме для создания эликсира, который охладит падишаха от Тахира, а затем и заставит его возненавидеть юношу и сослать его в Мардин.

Иногда ведьма становится не только персонажем, к которому обращаются за помощью, а также и тем, кто сам подстрекает других творить зло. Так, например, именно ведьма подговаривает Мехмене Бану избавиться от Ферхада, помогает ей бороться против войска Хурмуз Шаха во время войны и скрываться после неудач.

Что касается животных и птиц, то они помогают героям избегать опасности. В исследованных нами рассказах мы нередко встречали

различных птиц, обладающих сверхъестественными способностями, которые, как правило, выручают главного героя в трудных ситуациях. Одна из наиболее популярных среди турецкого народа птиц – журавль. Эта птица является символом бессмертия, долголетия, богатства, удачи, процветания.

Так, например, Керем, бродящий в поисках Аслы, встречается на своем пути журавлей и с помощью тюркю спрашивает у них об Аслы и передает ей привет.

Примечательно, что в народной литературе не часто можно встретить домашних животных, гораздо чаще герою помогают или же становятся ему помехой лесные животные. Так, например, в ходе исследования были выявлены такие животные, как газель и волк, считающиеся священными у тюрков.

Газель является культовым животным не только среди тюрков, но и вообще среди народов Востока. Как правило, газель помогает герою. В ходе исследования был выявлен образ газели в рассказе «*Керем и Аслы*», где Керем спасает раненную газель с детенышем от охотника, в благодарность, за что животное помогает ему в поисках Аслы. В некоторых источниках указано, что газель говорит человеческим языком, о том, куда направилась семья девушки.

Образ волка так же является священным среди тюркских народов. Более того, волк – одно из важнейших и наиболее почитаемых животных у тюрков. «Почитание волка, отношение к нему как к существу могущественному и в известном смысле – божественному, распространено <...> у башкир» [2:9-10]. В тюркской мифологии волк является символом доблести, чести и государственности. В народной литературе волк обычно носит имя *Vozkurt* (*Серый Волк*). В некоторых источниках («*Дастан Бозкурт*», «*Эргенекон*», «*Дастан Туреши*») говорится о происхождении тюрков от волков.

В исследованных произведениях образ волка был обнаружен в рассказе «*Юсуф и Зулейха*». Здесь ясно прослеживается почитание турками волка.

Впервые волк предстает перед нами, когда братья Юсуфа обвиняют волков в том, что они съели мальчика. Но народное сознание встает на защиту священного животного, показывая невиновность волков, которые так же помогают отцу Юсуфа в поисках сына и поддерживают его.

Нередко представители животного мира приходят к героям народных рассказов во снах. Ширин видит вещий сон, в котором утка помогает ей добраться до дервиша, который предоставит ей право выбора, что будет истолковано как «три судьбы», одну из которых Ширин должна будет выбрать. Иногда же животные из снов героев предостерегают их от опасностей в реальной жизни. Так, Тахир видит сон, в котором черные псы мешают ему идти к Зухре. Этими псами оказались араб, мать Зухры и ведьма.

Народные рассказы, как правило, построены на мистических образах и событиях. Выше были рассмотрены представители животного мира, обладающие какими-либо способностями. Наряду с этим в турецкой народной литературе можно встретить мифических животных и птиц. В ходе исследования была обнаружена так называемая «птица счастья» (*devlet kuşu/talih kuşu*), фигурирующая в рассказе «Юсуф и Зулейха». «Эта птица воспринималась как посланник Бога среди древних тюрков... Нередко выбор правителя осуществляла именно эта птица» [4:548]. Именно благодаря птице счастья, которая, описав в воздухе три круга, приземлилась на голову Юсуфа, данный персонаж становится падишахом.

Люди издавна наделяли природу магическими свойствами и создавали различные легенды и сказания о тех или иных природных явлениях.

Использование образа дерева как источника жизни широко используется в турецкой народной литературе. В исследованных источниках данный мотив был обнаружен в рассказах «Тахир и Зухра» и «Керем и Аслы», где судьбоносная встреча падишаха и соратником (либо же их жен) с дервишем случается именно около дерева.

Что касается цветов, то они, как правило, выступают как символ душ возлюбленных. Нередко в произведениях турецкой народной литературы, и в

рассказах в частности, после смерти возлюбленных хоронят рядом, и на их могилах расцветают цветы, как правило белая и алая розы, символизирующие их любовь, которую не в силах разрушить даже смерть. Но стоит отметить, что даже после смерти воссоединению возлюбленных что-то мешает. Так, нередко можно встретить куст терновника или плюща, который разрастается между могилами возлюбленных, символизируя того героя произведения, который ставил преграды перед ними при жизни.

В ходе исследования данный мотив был обнаружен в рассказах «*Ферхад и Ширин*», «*Керем и Аслы*» и «*Тахир и Зухра*». В этих произведениях на могилах возлюбленных распускаются розы, которых разделяет сорняк (вид которого варьируется в различных трактовках). Так, в рассказе «*Тахир и Зухра*» растущий между розами возлюбленных куст терновника символизирует араба; плющ, не дающий воссоединиться розам в рассказе «*Ферхад и Ширин*», является перевоплощением Мехмене Бану; колючка, разделяющая могилы Керема и Аслы, является символом Кешиша.

Гора обладает особым местом в жизни турок. Горы издавна пленили людей своей недоступностью и величием, что привело к появлению множества поверий, одно из которых основывается на вере людей в оберегающие силы гор. Что касается мотива горы в народных рассказах турок, то тут гора чаще всего получает статус помощника, советника. Так, в рассказе «*Керем и Аслы*» гора играет важное значение. На своем пути главный герой нередко сталкивается с туманной, снежной горой и каждый раз он с помощью тюркю говорит с горой, прося ее дать путь. Выслушав Керема, проявив сочувствие к нему, гора помогает юноше, умирив бурю, и дает дорогу.

Данный мотив также был выявлен нами в рассказе «*Тахир и Зухра*», где Тахир с помощью тюркю просит гору дать ему дорогу. На что гора загорается, а Тахир теряет сознание от увиденного. Когда же он приходит в себя, обнаруживает узкий проход в горе.

Как уже было сказано вначале, народные рассказы, как и мифы, преимущественно основываются на сверхъестественных явлениях. Ранее были исследованы заурядные явления и объекты, обладающие сверхъестественными способностями или качествами. Сейчас же будут рассмотрены непосредственно сверхъестественные явления.

Бессмертие всегда было желанной, но недостижимой мечтой для людей. И воскрешение стало воплощением бессмертия в произведениях народной литературы у турок. В ходе исследования нами были обнаружены несколько примеров мотива воскрешения. В Хорасанской версии рассказа *«Керем и Аслы»* после смерти любимого Аслы проводит сорок лет у его могилы, моля Аллаха вернуть его. В итоге ее молитва была принята, и Керем воскрес. Подобную концовку можно обнаружить и в некоторых вариантах рассказа *«Тахир и Зухра»*, где Зухра, молясь, проводит на могиле возлюбленного сорок дней, что приводит к воскрешению Тахира.

Мотив колдовства был обнаружен во всех исследованных рассказах за исключением рассказа *«Юсуф и Зулейха»*. Вероятно, причиной этого является библейско-кораническое происхождение сюжета произведения. К такому выводу подводит тот факт, что в религии использование колдовства порицается.

В ходе исследования было обнаружено два примера мотива заколдованного подвенечного платья. Данный мотив встречается почти во всех версиях рассказа *«Керем и Аслы»* и в одной из трактовок рассказа *«Арзу и Камбер»*. В обоих случаях колдовство совершается с целью навредить юноше и не дать возлюбленным соединиться, а заколдованное платье приводит к смерти обоих героев.

В рассказе *«Тахир и Зухра»* мать девушки не раз обращается к ведьме с целью избавиться от юноши. Так, сначала она просит ведьму создать зелье, которое заставляет падишаха возненавидеть Тахира и выслать его из замка. С помощью второго зелья они заставляют падишаха закрыть Тахира в темницу.

Мотив сна – один из наиболее распространенных мотивов турецкой народной литературы. Сны, издавна считающиеся ключом ко всему скрытому, привлекали людей своей таинственностью и пугали их, что и стало причиной того, что сны так часто становились одной из основных тем различных произведений народной литературы. Мотив сна бесспорно можно отнести к мистическим мотивам. Сны могут давать какую-либо информацию, связанную с будущим, или подсказывать что нужно сделать. Мотив вещего сна встречается в произведениях турецкой народной литературы довольно часто. В ходе исследования были обнаружены несколько примеров данного мотива. Так, в рассказе *«Тахир и Зухра»* юноша не раз видит вещие сны, предупреждающие его о подстерегающих его опасностях. В одном сне Тахир видит двух черных псов, не дающих ему подойти к Зухре, нападая на него. Уже очень скоро этот сон воплощается в жизнь: мать Зухры и слуга-араб, пришедшие к Тахиру во сне в обличие черных псов, начинают строить козни против него. Примечательно, что тут же мы встречаемся с другим примером мистики: черный цвет издавна считался цветом несчастья. В данном рассказе посредством черного цвета изображаются отрицательные герои.

Наибольшее количество примеров мотива вещего сна было обнаружено в рассказе *«Юсуф и Зулейха»*. Стоит отметить, что мотив сна является одним из центральных мотивов во всех трактовках данного рассказа. Сон Юсуфа, с которого, собственно, и начинается повествование, является лейтмотивом произведения. Маленький Юсуф видит во сне месяц, которому поклоняются одиннадцать звезд. Чувствуя значимость этого сна, мальчик рассказывает этот сон отцу, который толкует его как предзнаменование величества Юсуфа, которому будут преклоняться его одиннадцать братьев. Именно этот момент служит отправным в развитии сюжета. Этот сон, вырвав Юсуфа из спокойной жизни дома, превращает его судьбу в приключение, в конце которого увиденный им сон осуществляется, несмотря на все сложности.

Сон правителя Египта также является переломным моментом в произведении. Правитель видит во сне семь тощих коров, поедающих семь

жирных коров. Юсуф толкует этот сон, как семь лет голода и засухи, которые последуют за семью годами изобилия. И именно благодаря этому толкованию сна правитель Египта присваивает Юсуфу титул святого.

Примечательно, что именно этот сон правителя Египта, являющийся переломным моментом, подводит Юсуфа к тому моменту, о котором говорил первый его сон.

Подводя итог можно сказать, что исследованные турецкие народные рассказы о любви построены на мистических мотивах, которые представлены как обыденные. Заметна тенденция объединения заурядности и сверхъестественности. Во всех исследованных произведениях было найдено множество мистических мотивов, которые гармонично вписаны в обыденную жизнь. Мистические явления, выявленные в ходе исследования, будь то мифологический элемент или Библейско – Коранический мотив, занимают важное место в сюжете народных рассказов, исследованных нами.

Библиографический список

1. Стеблева, И. В. Очерки турецкой мифологии [Текст] / И. В. Стеблева. – М.: Восточная лит-ра РАН, 2002. – 102 с.
2. Урманчеев, Ф. И. По следам белого волка [Текст] / Ф. И. Урманчеев. – Казань: Изд. ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2007. – 126 с.
3. Aydoğan, E. Anadolu Sahası Türk Halk Hikâyelerinde Mitolojik Unsurlar [Текст]: маг. дис./ E. Aydoğan. – Ankara, 2006. – 131 с.
4. Ögel, B. Türk Mitolojisi II [Текст] / B. Ögel. – Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınlar, 2002. – 610 с.

Aktash Gulnara Nailevna postgraduate student of G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Arts, Kazan.

E-mail: yozhiechka@mail.ru

THE MOTIFS OF EXTRAORDINARINESS IN TURKISH FOLK LOVE STORIES

Abstract. Turkish folk story is an invaluable wealth of the Turkish people, thanks to the abundance of unique motifs and images, rich language and unique composition. Using in the folk stories the mystical events and images as an ordinary, is a typical phenomenon in Turkish folk literature. There is a tendency of association of mediocrity and supernatural.

The life of the main characters is the central theme in the folk tale story. Events that occur with them, are the main theme of the work. Supernatural is an integral part of their lives.

The main character, as a rule, has supernatural powers. It is noteworthy that the birth of the heroes in most cases is also accompanied by mystical phenomena that follow them until death, that also does not happen without some mystical event.

Mystical images appear in folk tales as secondary characters. These characters can be both positive and negative. So, dervishes are the helpers who are always near the main character and always willing to help him. And the witches play the role of the villains. Images of animals can play both positive and negative role.

Mankind have been appropriating nature magical qualities since ancient times. In folk tales objects and natural phenomena are often promote the works of heroes, helping them or putting obstacles.

The motifs of extraordinariness, having a direct bearing on the main character, enrich folk stories, making them sound more profound.

Key words: Turkish folk, Mystical images, motifs of extraordinariness

XIX ВЕК: КИРГИЗСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ, ИЗДАННЫЕ В УФЕ И КАЗАНИ

Аннотация. В статье исследуются литературные труды киргизских авторов XIX века, изданные в Уфе и Казани: Молдо Кылыча “Кысса-изилзала” и Осмонаалы Сыдыкова “Мухтасар тарых-Кыргызийа”. Первые книги на киргизском языке были изданы в Уфе и Казани. В XIX веке киргизско-татарские взаимоотношения были очень сильными. В данной статье рассматриваются тюрко-мусульманские взаимосвязи (религия, образование, культура) и делаются научные выводы.

Ключевые слова: киргизское литературное наследие, Молдо Кылыч, взаимосвязи, акыны-письменники, XIX век, современность.

В XIX веке киргизский и татарский народы поддерживали довольно крепкие взаимоотношения (религиозные, образовательные, культурные и др.). Переселяясь в киргизские земли, татарские муллы открывали врата к просвещению, путем обеспечения населения образованием и обучением киргизской молодежи письму в местных медресе (мусульманские школы). Кроме того, из далеких краев приезжали молодые люди тюркского происхождения, которые получили образование в медресе Галия, находившееся в Уфе. Среди них были “... Ишенаалы Арабаев, Осмонаалы Сыдыков и Канат Исаков” [1, с.248]. Такую информацию в XIX веке предоставил знаменитый сын киргизского народа – Осмонаалы Сыдыков [1]. В киргизских медресе, преподавались не только религиозные основы, кроме этого ученики ознакомились с ведущими представителями восточной литературы - Хафизом, Саади, Жами и Навои. Таким образом, можно сделать

вывод о том, что татарские муллы внесли определенный вклад в развитие кыргызской литературы XIX века, которая являет собой особый шаг в развитии кыргызской литературы. Самые первые книги на кыргызском языке, а именно - произведения Молдо Кылыча Шамыркан уулу “Кысса-изилзала” (1911г., Казань) и Осмонаалы Сыдыкова “Мухтасар тарых-Кыргызийа” (1913г., Уфа), “Тарых-и кыргыз Шадманийа” (1915г., Уфа) были изданы в Уфе и Казани, и до сих пор хранятся в народе как великое наследие.

Кыргызская литература XIX века представляет собой очень интересное явление, соединившее воедино устную и письменную литературу. Таким образом, архетип и построение стихов напоминают устные народные произведения, но имеют определенную литературную форму. Стоит отметить правдивость того, что условия появления кыргызской манускриптной литературы были особенными, ее порыв к профессионализму являлся разносторонним и “отношение” к ней также выходило за рамки обычного. Под выражением “отношение” подразумевается то, что произведения, написанные на арабском, в частности, на чагатайском языках бережно хранились, и соответственно, имели огромную ценность. Причина такого отношения скрывается в том, что буквы таких произведений напоминали “Коран”, были написаны “муллами” и духовные надписи в некоторых из них пугали исследователей, что и было причиной запрета на них. Поэтому, подобные образцы художественного наследия тщательно скрывали. (Мы говорим “скрывали”, потому что в 2013 году на крыше одного дома были найдены книги Хафиза, обмотанные платком). С обретением независимости, благодаря текстологу-исследователю Омору Сооронову и его ученикам, произведения, относящиеся к XIX веку, были переведены на современное письмо и представлены широкому кругу читателей.

***

Одним из ведущих поэтов - письменников XIX века является Молдо Кылыч Шамыркан уулу. Неграмотность Молдо Кылыча была устранена

благодаря сельскому мулле, позже он обучался у Закир мурлы в городе Токмок, освоил арабское письмо и начал читать газеты и журналы, изданные на казахском и татарском языках.

Несмотря на богатство и власть отца – Шамыркана Торокелди уулу – Молдо Кылыч отдавал все свое внимание на поэзию и начал писать свои стихи. Религиозные мотивы в его произведениях в свое время не одобрялись властью, и эти ценные строки были спрятаны в железных сундуках. Не только он, но и исследователь произведений Молдо Кылыча - Тазабек Саманчин, страдали от насилия властей того времени. Среди его таких произведений были “Зарзаман”, “Чүй баяны”, “Керме-Тоо”, “Бүркүттүн тою”, “Зилзала” и др.

“Кысса-и-зилзала” была посвящена землетрясению, произошедшему на кыргызской земле в 1911 году. По словам литератора Али Турдугулова, такая природная катастрофа, скорее всего, сильно потрясла поэта. Написание произведения о землетрясении является явным подтверждением слов Гёте: “Через сердце поэта проходит трещина мира». Впервые, произведение было издано с арабским письмом в Казани в 1911 году. Турдугулов рассказывает о процессе его издания: «В те годы кыргызские (казахские) ученики, обучающиеся в Уфе (Медресе, Галие) старались претворить в жизнь наши идеи о том, что наши дети нуждаются в книгах на родном языке. Услышав об этом, Молдо Кылыч отправил нам свой казал “Кыссаи-зилзала”, чтобы история, произошедшая перед его глазами, не канула в лету.”[2, с.313].

Существуют две версии о месте издания вышесказанного произведения Молдо Кылыча. По моему мнению, информация, полученная от К.Карасаева является достоверной. К.Карасаев заявил о том, что книга в действительности была издана в Казани и выразил свое сожаление о том, что не смог приехать в Казань и исследовать архив [1, с.168].

“Кысса-и-зилзала” – одно из весомых произведений Молдо Кылыча. В данном произведении, поэт рассказал о землетрясении, произошедшем в

местности Кемин, и объяснил причину этой трагедии религиозными мотивами, считая ее наказанием Всевышнего. Например,

Кара жерди силкинтип, (Треснув черную землю,)

Баарыжандычыдаткан. (Заставит все живое пережить.)

Буйруккылсакудайым (Если Всевышний велит,)

Тоону, таштыкулаткан. (Скала, и камень не велик.)

***

Жер силкинсе бир жерге, (Если земля трясётся здесь,)

Билбей калаар башка эл. (Не заметит это другой народ.)

Кудуретине таң калып, (Как же велик Всевышний,)

Жараткандын ишин көр. [3]. (Все под его властью.)

Из-за подобных строк и мотивов, чтение и распространение произведений Молдо Кылыча были запрещены советской властью. Но с течением времени его произведения приобретают свою ценность. В поэме “Зилзала” поэт выражает свое философское мнение и обоснование причины происшествия землетрясения, основываясь на своем мировоззрении.

***

Одним из великих ученых, который первым исследовал родословия кыргызского народа и перенес их из устных сказаний на бумагу, был Осмонаалы Сыдыков. Он объездил много мест в Кыргызстане и исследовал историю кыргызского народа. Осмонаалы Сыдыков является одним из первых историков-ученых, который имел противоположное мнение касательно версии шейха Мансура о “кырк кыз”. Осмонаалы обладал уважением народа, поэтому, его называли Молдо Осмонаалы. Молдо Осмонаалы родился в волости Абайылда Кочкорского района Нарынской области в 1875 году. Во многих источниках говорится о его сильном стремлении к учебе и письму. Он начал обучаться у Шакир молдо, приехав в город Токмок. Он учился у него пять лет. Кроме этого, он продолжал учебу в Турфане, Бухаре и Уфе. Во время учебы, он издал свои труды “Мухтасар тарых Кыргызийа” в 1913 году и “Тарых кыргыз Шадмания” в 1914 году в

типографии “Шарк”. Сам автор не возглавлял процесс издания, и, скорее всего поэтому, кыргызские предложения в некоторых местах были изменены, что, позже, создало трудности в транскрипции. В данное время обе книги имеют аналоги в кириллице и читатели знакомятся с ними в новой форме.

К.Карасаев играл очень важную роль в процессе перехода к кириллице и его воспоминания об этом очень интересны [4, с.166-170]. После приезда из Уфы, в 1920-1928-годы, О.Сыдыков работал в качестве преподавателя в татарской школе в Пишпеке.

Что было рассмотрено и что интересного содержится в двух книгах вышеуказанного писателя? В первой книге рассказывается о кыргызской родословной; она содержит детальную информацию о кыргызских племенах и некоторых исторических личностях. Вторая книга является дополненным вторым изданием первой книги, к которой было добавлено произведение “Шабдан казалы”. Читая и анализируя труды О.Сыдыкова, можно сделать нижеследующие выводы:

1. О.Сыдыков является первым кыргызским историком и создателем родословной;
2. Можно быть уверенными в правдивости и достоверности предоставленной им информации об исторических личностях, которую он передал следующим поколениям посредством своих произведений, потому что О.Сыдыков своими глазами видел некоторых из них (например, Шабдан баатыра);
3. О.Сыдыков – человек с сильным стремлением к учебе и науке. Следующие строки доказывают этот факт: “Восхищаясь Европой и Россией, О.Сыдыков имеет виду их достижения в области науки и техники, средствах информации и печати. Проснись казах и киргиз, брось свое невежество и лень, займись земледелием, строй города, открой мечети, медресе и школы, изучай науку и религию – таковы мотивы поэтического введения”[4, с.134]
4. О. Сыдыков – этнограф. Он обладал хорошим знанием о традициях кыргызского народа и т.д.

В заключении можно сказать о том, что кыргызско-татарское отношение развивалось в разных направлениях – общественно-социальном, культурном, просвещенном, религиозном – и данные, написанные выше, доказывают это.

Литература:

1. *Сыдыков О.* “Мухтасар тарых Кыргызийа” “Тарих кыргыз Шадмания”.-Б.: Турар, 2014
2. *Турдугулов А.* Кыргыз классикасы.-Б.: Шам, 2005
3. *Молдо Кылыч Шамыркан уулу.* Зилзала.- <http://kyrgyzinfo.ru/>, 06.04.2016
4. *Эркебаев А.* Малоизученные страницы истории киргизской литературы.- Бишкек, 1999

Nurzat Kazakova

Assoc.Prof.PhD

Professor of the Russian Academy of Natural Sciences

International Ataturk Alatoo Universit, Kyrgyzstan, Bishkek

e-mail: nurzataskar@mail.ru

19TH CENTURY: KYRGYZ LITERATURE PUBLISHED IN UFA AND KAZAN

Abstract. This article considers the 19th century Kyrgyz authors' literary works published in Ufa and Kazan: “Kyssa-i-Zilzala” by Moldo Kylych and “Mukhtasar Tarih-i-Kirghizia” by Osmaonaly Sydykov. The first books written in Kyrgyz language were published in Ufa and Kazan. In 19th century, the Kyrgyz-Tatar relationship was very strong. This research considers the Turkic and Muslim interrelations (religion, education, culture) and provides with scientific solutions.

Key words: Kyrgyz literary heritage, Moldo Kylych, interrelation, writing-poets, 19th century, modernism.

УДК 821.512.111

Софронова Ирина Владимировна

кандидат филологических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н.

Ульянова», Чувашская Республика, г.

Чебоксары, e-mail:

muxtar2@yandex.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТРАДИЦИЙ О. ХАЙЯМА

В ЛИРИКЕ Ю. СЕМЕНТЕРА

Аннотация: Чувашский поэт Ю. Семенгер в своей поэзии творчески использует традиции О. Хайяма, а именно мотивов вина, восхваления любви, описание образа возлюбленной. Сходно отношение к религиям, правящим кругам. Ю. Семенгер сочетает традиции восточной классики с особенностями чувашского фольклора, описывает простые понятия и явления, передает через них глубокий смысл. Близки по значению и лирические герои двух авторов.

Ключевые слова: четверостишие, поэзия, традиции, влияние, мотив вина, философская лирика, фольклорные традиции, интерпретация.

Рубаи – один из излюбленных жанров философской лирики чувашских поэтов. Стихотворения, в которых через небольшое количество строк выражается глубокий смысл, они называют четверостишиями или рубаи. Синкретичность, творческое использование традиций чувашского фольклора и восточной классики, характерно для лирики многих авторов. Восточное мировоззрение, традиции народной поэтики сохранились у чувашей на уровне подсознания. Они "подобно прекрасному цветку, посеянному веками назад и выращенному крупными солнечного тепла и света. Его красота, образы древних предков, их мысли переходили из поколения в поколение, и дошли до нашего нового времени" [3, с. 123]. В некоторых случаях чувашские поэты, зная особенности восточной классики, видя их близость чувашскому миропониманию, творчески используют их в своей поэзии. Поэт

Ю. Семенгер отмечает, что знаком со среднеазиатской классикой, он наблюдает его влияние на лирику чувашских авторов. Не отрицает, что вдохновленный их богатыми традициями восточных авторов не раз сочинял четверостишия.

В четверостишиях Ю. Семенгера отразился своеобразный художественный мир. Это проявляется в оригинальной композиции, изложении смысла, тематике, использовании традиций фольклора. В то же время в них проявляется влияние традиций О. Хаяма и других авторов рубаи. Свои четверостишия Ю. Семенгер, подобно О. Хайяму, пишет экспромтом. Поэта интересуют народные ценности, представление о красоте. Он не переживает о повседневных проблемах, несправедливости. Смотрит на них свысока. Он поглощен идеями гармонии. Поэтому в стихотворениях описываются добрые события и явления, он не высекает искры, соединив воедино противоположные понятия, не стермится их примерить. Описывает простые на первый взгляд явления, повседневные образы, спокойное течение жизни: родная деревня, ива, роса, Волга, взаимоотношение соседей, бесконечное течение времени... В простоте скрывается глубокий смысл. С другой стороны в ней проявляется и многозначность: черты гармонии в явлениях жизни, его быстротечность, переходность материй и т.д. Каждый читатель, в зависимости от жизненного опыта, мировоззрения воспринимает эти простоты образы посвоему.

В четверостишиях Ю. Семенгер подобно О. Хайяму восхваляет вино, состояние опьянения, призывает возлюбленную наслаждаться этим мгновением. В стихотворениях упоминаются чувашские национальные напитки, связанные с ними атрибуты: шерпет, пиво, застолье, черкке (рюмка), ковш. Лирический герой наслаждается моментами застолья с друзьями, дорогими людьми, видит пользу уместно и в меру выпитом вине, пиве. Сравнивает глаза возлюбленной с двумя бокалами вина. Гроздья винограда использованы в значении вина:

Ахах-мерчен ваййи пек чаплă	Виноград подобный изумруду
иçем	Играет в этом кубке, дорогая.
Йăлтăртатать ку шерпетре,	Поднимем же его скорей
савниçем.	В душе сверкает молния
Çĕклер, эппин, часрах, мĕн-ма покуда.	
тесен	(Подстврочный перевод наш –
Чунра ёмрипелех çиçеймĕ С.И.)	
çиçем	

[1, с. 160].

Образы вина, молнии означают молодость, пору влюбленности. Лирический герой призывает наслаждаться этими моментами. Местом для наслаждения служит зеленый луг. Он встречается в рубаях О. Хайяма и Н. Исмукова. У всех трех авторов он имеет одинаковое значение – пока не выросла трава на нашей могиле, надо наслаждаться жизнью. У Ю. Сементера немало четверостиший, описывающих негативное воздействие алкоголя. Оно пагубно влияет и на мужчину, и на женщину, является угрозой вырождения нации, из-за него люди попадают в беду. Лирический герой, как и Тилли П. Хузангая, остерегается испортить красоту застолья, опозориться перед собравшимися.

В поэзии О. Хайяма призыв наслаждаться любовью считается традиционным. Так же в четверостишиях Ю. Сементера описываются любовные переживания, радости и горести. Возвышенное чувство возникает под влиянием глаз красавицы. Ее образ прекраснее всех цветов в саду.

Купленные лирическим героем букеты вянут при виде ее внешности. В четверостишиях немало художественных тропов, связанных с чувашским миром: сравнение ее образа с зарницей, ее образ приносит боль, похожий на укус пчелы, глаза подобны голубому цветку, волосы словно лен. Если Всевышним задумано, чтобы мужчина и женщина были вместе, то и сопротивление любви бесполезно. Лирический герой о своих чувствах рассказывает светлой грустью. Несмотря на то, что оно приносит страдание,

любовь наполняет человеческую жизнь смыслом. В рубаях есть описание отдельных моментов переживания лирического героя, так и самого чувства.

В стихотворениях Ю. Сементера изображается не только образ прекрасной красавицы, возлюбленной, но и образ неидельной женщины со всеми ее недостатками. Поэт осуждает страсть женщины к выпивке, ее пассивность в кулинарии, демонстрацию девушками пупка, страсть к деньгам. Если в любовной лирике обрисовывается образ идеальной красавицы, то в осуждающих четверостишиях описание недостатков выходит на первый план. Нельзя утверждать о том, что эти стихотворения основаны на публицистичности. Они отражают повседневную жизнь:

Хёр чухне эс именчѣкчѣ, Где нежность гнездилась, там
сепѣс, чечен, селится проза.

Халѣ чърсър арсын та хърать Где раньше был любимый, там
чѣлхунтен. ныне любовник.

Мѣнтавас, тепѣрчух Садовники знают, культурная роза
пахчари розаран Порой выражается в дикий

Пулать те ларать шѣвѣр шиповник (перевод А.И. Дмитриева)
йѣплѣ шалан

[1, с. 46].

Четверостишия, посвященные образу матери можно рассмотреть в отдельной группе. Они отличаются конкретностью, описанием субъективных чувств. Поэт через этот образ выражает близкого человека, так же он является обобщающим. Он сходен с такими понятиями как родная деревня, совесть, детство. Когда поэт пишет о близком человеке, использует конкретные детали: ее уход в марте, голос синиц в воздухе. Изображение образа матери сопровождается деталями, характерными для детства поэта, чувашского мира: дом с тремя окнами, детство детей военного времени, выросших без отцов:

Суралнă килĕн чĕречисенчен Из окна родительского дома

Пире сӑнаҫсӗ аннесем куллен.	За нами наблюдают матери
Ҫапӑсура пуҫ хунӑ аттесем	всегда.
Пӑхаҫсӗ тӑванла масарсенчен	Отцы, что в битве голову
[2, с. 112].	сложили,
	Следят за нами из братских
	могил.
	(Построчный перевод наш –
	С.И.)

В душе лирического героя на всю жизнь запечатлелось, как мама в детстве наблюдала за ними из окна. Во взрослой жизни ему так же кажется, что мама продолжает присматривать за его добрыми и плохими поступками. Не случайно после совершения очередного проступка "во сне мать смотрит в глаза". Каждый раз по возвращению в родную деревню, ему кажется, что мать так же ожидает его у окошка. Упоминание о том, что умершие родители продолжают следить за детьми, исходит из национальной философии, мировидения. Оно основано на почитании предков, вере в то, что они продолжают оберегать нас. Неслучайно лирический герой говорит: "Не боюсь умереть – там я воссоединюсь с предками" [1, с. 27].

Ю. Сементер, как и О. Хайям, в четверостишиях зартрагивает и проблему религии. Он описывает два вероисповедания: Христианство и исконно чувашскую веру. Христианство, по его мнению, присутствует рады формы, это религия отпущенная государством ради установления порядка в обществе. Чувашская же религия – для души человека, его совести, судьбы. Подобно О. Хайяму, чувашский автор осуждает, стыдит служителей церкви, так как они и сами не живут по законам Божьм. Жизнь в церкви развивается согласно "бизнес-плану". Лирический герой порицает людей, прикрывающихся христианством, для формы посещающих церковь. Лекомысленная женщина здесь находит место для встречи с очередным вздыхателем, а Сюзанна, сделавшая несколько аборт, не стесняется посещать святое место. Лирический герой отдает предпочтение чувашским

богам, отзывается о них с уважением. Они находятся не где-то в небесах или в каком-то здании, а в душе каждого человека.

Пин-пин шӑпалӑ вӗҫсӗр тӗпере	Оттуда, где безбрежность
Ларать пурне те куракан Тӗре.	бытия,
Хӑш пӗрнипе тӗллет ҫӗлти	Все видит справедливый судья.
ҫыруҫӑ	Своим постом он выбирает
Шӑп ҫав элчел лекет, туссем,	судьбы
пире	И наделяет ими нас, друзья.
[1, с. 66].	(Перевод А.И. Дмитриева)

Чуваши верят в предопределение, вездесущность Бога. Никому не удастся избежать судьбы, поменять течение жизни. Во вселенной присутствует закон постоянного изменения. Поэт приводит названия чувашских богов: Пюлех, Пихампар, Ҫӗлти Атте (Верховный Отец), Киремет и Ҫӗл Хуҫа (Всевышний), который утвердился в лексике благодаря переводу Библии. Чувашские боги следят за делами людей, помогают народу сохранить себя. Образ Бога соответствует совести для чувашей.

Лирический герой Ю. Сементера, подобно восточному автору, не боится высказать осуждение и в адрес политического строя, правящих кругов. Его беспокоит то, что правительство не заботится о народе, цены поднимаются, суэта перед выборами не оправдывает себя. Нередко действия политиков в краткостиших изображаются в шутовском, ироничном тоне:

Ҫулне-йӗрне, сарлакӑшне, юхӑм	Длину и ширину, и частоту
шайне	теченья
Виҫсех тӑраҫсӗ Атӑл-аттенне.	Все изучают у Волги-Батюшки.
Тӗресене вӑл пӗринче каларӗ:	Однажды он чиновникам
– Эп хам пӗлеп мӗнле сказал:	
юхмаллине	– Как правильнее течь я знаю
[2, с. 93].	сам.
(Построчный перевод наш –	

С.И.)

Ю. Семенгер с почтением относится к людям искусства. Изображает моменты муки, умиротворения, вдохновения творческого труда. Особенно высоко оценивает труд поэта. Короли уйдут, а слово поэта – бессмертно.

Однако нужно быть достойным этого имени. Его хлеб добывается не так-то легко. Он должен в своих произведениях выражать не только голос эпохи, но и жизнь космоса, звезд. О нелегкой судьбе поэта автор нередко отзывается и в шутовском, ироничном тоне. Молодой стихотворец мелодию будущего произведения ищет в шуме воды, удовлетворяется приходом хромого осла вместо крылатого Пегаса. Осуждается стихоплетство, формализм, показное поведение графоманов:

Туясăра каларё туялли:	Кто с тростью, сказал товарищу
– Уксах вăл – уйрăм пултару	без трости
палли.	– Хромота – признак
Элкер те, Хусанкай та творчества.	
уксахланă,	И Элкер, и Хузангай хромали.
Туя тени – ѓс-хакăл япали.	Они большим талантом
[1, с. 89].	обладали.

(Построчный перевод наш –

С.И.)

В четверостишиях большое место отведено чувашскому миру. Поэт размышляет в них об истории и будущем родного языка, народа. Приводит названия древних городов, царей, богатырей, народов. В стихотворениях описывается определенное событие, важный момент из жизни народа. В некоторых случаях оно могло бы соответствовать сюжету романа. Есть переложение сюжета исторического, топонимического предания. Однако оно не выглядит как произведение, написанное на фольклорный манер. Через изображение исторической личности, переломного момента автор хочет напомнить читателям о богатой истории народа, возрождает чувство

гордости. От древности делает переход к современности. В этом ему удачно помогают образы-символы. Одним из емких символов является образ хмеля:

Пин ҫул ҫёрте упранӑ чёр хӑмла	Сын волжско-булгарских земель,
Тухать те – хуҫине тӑлех пулать:	Тысячелетний молвил хмель: – Я узнаю тебя сувар,
– Аван-и, – тет вӑл, – пиллӑхлӑ сӑвар?	Прими мой новый корень в дар. (Перевод А.И. Дмитриева)

Сан ятупа яратӑп ҫӑн тымар.

[1, с. 40]

Слова *благословенный, сувар, тысяча лет, земля* олицетворяют историю, прошлое, слово *новый корень* связан с будущим. Поэт объединяет два понятия в единое целое, сувары (чуваши), как хмель, имеют не только глубокие корни, но и богатое потомство. Поэтому он уверен в сохранности чувашского народа в будущих тысячелетиях. Чувашей автор считает одним из восточных народов. В нем течет кровь славных хазар, болгар. В то же время он переживает о том, что молодое поколение плохо знает язык и культуры своих дедов. Быть чувашем это не только носит национальную одежду и разговаривать на просторечии. Чувашем надо быть в душе. Ведь не зря знаменитые люди других наций, такие как С. Репях, К. Кулиев, Р. Гамзатов, почтительно относились к нашей нации, дорожили дружескими отношениями с нашими поэтами.

Интерпретация традиций О. Хаяма в четверостишиях Ю. Сементера проявляется и в сочетании пейзажной и философской лирики. Изображаются рисунки пейзажа в разные времена года: красота декабрьского дня, богатство желтого цвета в осеннем пейзаже, особая прелесть убранного поля.

Присутствующая в этих рисунках гармония, красота, любовь противопоставляются электронной эпохе, железным людям. Изображаемый пейзаж передает глубокий смысл, переход материй:

Юр кайнă чух епле-ха эс пултарăн	Не говори, что снег весне сдается
Юр парăнать, юр парăнать теме?	И прочь уходит, волю дав слезам.
Юр хай вилет, анчах çакать таврамър	Он после смерти сам же отзовется
Пахчи çине шап-шурă шўлкемме.	Цветеньем белослежным по садам.

[1, с. 118].

(Перевод А.И. Дмитриева)

В четверостишиях поэт задумывается о смысле жизни, значении человека на земле. Его размышления исходят из представлений народа. Так, из всех периодов человеческой жизни, лирический герой самым дорогим и светлым считает детство и юность. Они пролетают очень быстро, но есть надежда на то, что они вернуться снова. Это время повторится с рождением детей, внуков. В рубаях время развивается по спирали. Чуваш уверен в том, что счастливое время, прожитое однажды, вернется заново. Так как детство и юность являются самыми светлыми периодами, в четверостишиях для их описания использованы счастливые, мимолетные образы: игра зарницы, край крыла ласточки.

В четверостишиях Ю. Сементера строки, образы из фольклора служат для углубления смысла. Приводятся выражения из песен, пословиц, благословлений, примет, образы тотемных животных. В некоторых образцах ритмика стиха напоминает мелодию народной песни. Поэт пересказывает сюжет какого-либо предания, использует фольклорный мотив.

Пайтул, чётремё аллунти пăлат, Пуç усмё çул çинче хушка булат, хăлат.	Пайдул, не вздрогнет в руках Не поникнет головой в дороге
Йышра шанса пётмен этем конь. пурри	Но есть в твоём полку

Чуна кушак чёрни пек предатель
чърмалать Это царапает сердце как кошка.
[1, с. 170]. (Построчный перевод наш –
С.И.)

У Байдула надежны оружие, конь. Подозрение на то, что в армии есть предатель, не дает ему покоя. Хотя в произведении описывается исторический образ, вполне можно предположить, что подобная ситуация характерна и для современности. Упоминание имени Байдула придает стихотворению историчность, углубляет его смысл.

Лирический герой четверостиший Ю. Сементера подобен хаямовскому герою. Он такой же оптимист, призывает наслаждаться молодостью, любовью. В некоторых случаях обращается к себе по имени, называет себя *Шур сухал* (белобородый). Он – человек по достоинству выполняющий свою миссию старца. Белобородый не стремится навязать свой опыт молодому поколению, невзначай рассказывает о простых на первый взгляд вещах и понятиях. Читатель же улавливает их глубину, находит ответы на актуальные для себя вопросы. Так же в четверостишиях есть образы простых людей. Автор как бы рассказывает о случае из их жизни, передает их слова. Эти образы называет простыми современными именами, или же именами древних знаменитых чувашей.

Мысль в четверостиших излагается параллельно или же последовательно. Первые две строки могут противоречить послудующим, или же в них есть переход от изображения жизни человека к миру природы. Немало примеров, в которых мысль передается через монолог или диалог героев.

Ю. Сементер является мастером рубаи. Он творчески использует традиции О. Хайяма, чувашский фольклор и идеи народной философии. Передает свои размышления через простые образы, приводит к глубоким размышлениям.

Литература:

1. Сементер, Ю.С. Ҫиҫём сапаки: Сăвăсем. / Ю.С. Сементер. – Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2009. – 223 с.
2. Сементер, Ю.С. Ҫулталăк кĕнеки: Сăвăсем. / Ю.С. Сементер. – Шупашкар: Ҫĕнĕ вăхăт, 2013. – 140 с.
3. Чекушкин, В.С. Некоторые особенности цикла «Песни Тилли» / В.С. Чекушкин. // П. Хузангай: сб. статей. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1988. – С. 123.

Sofronova Irina Vladimirovna candidate of philological Sciences, associate Professor FGBOU VO "Chuvash state University named I. N. Ulyanov", Chuvash Republic, Cheboksary, e-mail: muxtar2@yandex.ru

Abstract. Chuvash poet Yu. Cementer in his poetry creatively uses the tradition of O. Khayyam. This is evident in the themes of wine, praise of love, the description of the image of the beloved. A similar attitude to religion, ruling circles. Yu. Cementer combines the traditions of Eastern classical music with the peculiarities of the Chuvash folklore, describes basic concepts and phenomena passes through them deeper meaning. Similar in behavior, in the value and lyrical characters of the two authors.

Key words: quatrain, poetry, tradition, influence, Votiv wine, philosophical lyrics, folk tradition, interpretation.

*Зарипова-Четин Чулпан Афраймовна,
кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой
русского языка и литературы, Кавказский университет, отделение
Славянские языки и литературы, Республика Турция, г. Карс, e-mail:
chulpancetin@gmail.com*

“ИДЕГЭЙ” ДАСТАНЫНДА УРТАК ТӨРКИ ГАДЭТЛЭР

Аннотация. Дастаны, занимающие особое место в мировой культуре, прежде всего ценны тем, что дают нам сведения об образе жизни, культурных ценностях и мировоззрении не только одного народа, но и тех народов в совокупности, которые раньше исторически жили на одной территории в пределах одного государства. Так и дастан “Идегей” наравне с тем, что даёт понятие и представление о жизни, традициях и государственности татар, несёт в себе огромную информацию и о жизни и культурных ценностях других тюркских народов, живших вместе с татарами на территории Золотой Орды.

Ключевые слова: Идегей, дастан, татары, тюрки.

Дөнья мәдәниятында аерым урын биләгән дастаннар безгә бер милләтнең генә түгел, ә бәлки бер халык булып оешкан күп кенә милләтләрнең иң борынгы яшәү һәм фикерләү рәвешен житкерүдә иң мөһим чыганаclarның берсе булып торалар. «Идегей» дастаны да татар халкының омтылышларын, холык-фигылен, горейф-гадәтләрен сурәтләү белән берлектә, башка төрки халыclarның ышануларына, дәүләт тоту тәртибенә, гаилә-көнкүреш йолаларына киң урын бирә. Төрки халыclar дастанда яктыртылган чорда XIV-XVI гасырларда Алтын Урда (1241-1502) дәүләтендә бер берләре белән тыгыз тарихи һәм мәдәни бәйләнештә иде. Алай гына да түгел, биредә кыпчаклар, кимәкләр, болгарлар һәм татарлар белән бергә хәзәрләр, монголлар һәм славяннар да яшәгән. Ләкин дастандагы горейф-гадәтләргә һәм

ышануларга килгәндә, беренче нәүбәттә, Алтын Урда мәдәниятенен аерылгысыз бер өлеше булып исәпләнгән ярым күчмә, ярым утрак тормыш сөргән кыпчакларның (башкорт, ногай, кыргыз һәм казах халыкларының) горейф-гадәтләренә һәм ышануларына мөрәжәгать итү дәрәс булып.

Тәхәттә утырган Чыңгыз нәселеннән булган Алтын Урда хәкимләре ассимиляциягә бирешсәләр дә, шул ук вакытта монголларга хас үзенчәлекле горейф-гадәтләргә дә тугрылыклы калдылар. Шуна күрә дастанга анализ ясаганда төрки халыкларның горейф-гадәтләре белән бер рәттән монголларның борынгы динен дә өйрәнү шарт.

“Идегәй” дастанында тамырлары бик борынгы гасырларга, төрки халыкларның һәм монголларның мәжүсилек чорында уртага чыккан ышануларына барып тоташа торган гаять кызыклы детальләр бар. Мәсәлән, бишекне чабу, бишектәге баланы үтерү, чаңгыракны (чадырны тотып торган терәкне) егу. Кешенә өе, ризык пешергән учагы элек-электән бер микрокосм хәленә китерелгән. Учагында аш кайнаган йорт – гаилә мәртәбәсе, гаилә хозуры һәм нәселнең дәвам итүенә символы булган. Мәсәлән, балалары булмыйча, нәселсез калган гаилә турында “ул йортның учагы сүндә”, дигәннәр. Кыргыз халкының “Манас” дастанында оныгына терәк булырга тиеш Жакып хан, бу баланың ата мирасын даулавыннан куркып, Манасның нәселен корыту өчен, Сәмәтәйне үтерергә әмер бирә: “Бу Манасның баласы/Сәмәтәйне үтереп,/Янган учагын сүндереgez!..”[8, с. 303]. Төрки халыкларда учак белән бәйле ышанулар һәм йолалар тәңре котына барып тоташа. Бу котның гел өстебездә торуы өчен, һәр гаилә учагының януы шарт. “Учак сүнү”, “учак таркалу” дигән сүзләр “тәңре газабына юлыгу” мәгънәсенә килгән. Күп кенә төрки халыклар гасырлар буге күчмә тормыш белән яшәгәннәр һәм учак алар яшәгән чатыр эчендә янган. Шуңа күрә дә йортның учагын сүндерү, чатырның терәген егу, ягу – бик зур фажиғага, бер гаиләне, бер нәселне юк итүгә ишарәт булып торган. Күп кенә төрки халыкларда әле бүген дә “учак хакы” дигән сүз һәм “учагың сүнсен!” дигән бәддога очрый. Учакның сүнүе гаиләнең, нәселнең коруын да аңлаткан [2, с.

59]. “Идегэй” дастанында, мәсәлән, Норадын мондый сүзләр әйтә: “Дустым утын сүндермәм./Дошманым утын яндырмам!” Нәкъ бу сүзләрне Идегэй Кин Жанбайга да сөйли. Дастанның башында, Котлыкыя бигә ачуы чыгып ярсыган Туктамыш хан, аны хыянәттә гаепләп, куркыныч әмер бирә: “Әй, Дорман би, Дорман би,/Айбалтанны тот, - диде./Айнычагың так, - диде./Котлыкыя ялган бине/Муйнын ора чап! – диде./Бишектә ятыр баласы;/Ул баланы тап! – диде./Бишеген ора чап! – диде./Котлыкыя ялган бинең/Чыңгырагын чап, - диде./Чабып утка як диде! – диде.”

Бала, бигрәк тә ир бала - төркиләр һәм монголларда нигезне саклаучы, нәселне дәвам итүче варис һәм атага төрәк булып саналган. Үсә төшкәч ир бала атасы урынына йорт, гаилә белән идарә итә башларга тиеш булган.

Учакның хужасы дип, гаиләдә тәңренәң символы булып торган ата кешене атаганнар [2, с. 59]. Бәнгү таш язубарында куркыныч янаган очракта йортын саклап калу вазифасы Күл-Тәгингә йөкләнә [3, с. 75]. Сугыш кырында Билгә Каган үлеп калган булса, өйне саклап калган Күл-Тәгин учакны да сүндермичә сакларга тиеш булып иде [5, с. 53].

Күчмә тормыш белән яшәгән халыкларда чыңгырак - гаилә реликвиясе дип саналган һәм ул буыннан буынга күчеп килгән. Мәсәлән, казахларда олы уллар ата өеннән бүленеп башка чыкканда, аталары аларга үз өлешләрен биреп жибәргән. Чатыр-өйдә атасы янында иң кече угыл калган. Аның хужалыгы атасыныкы белән уртак булып, ул атасының варисы саналган һәм аңа “шаңырак иеси» дигәннәр. Бер нәселнең бөтен вәкилләре үлеп беткән очракта исә, чаңгыракны сүтеп, иң соңыннан үлгәнненең кабере өстенә илтөп калдыра торган булганнар. Казахларда әйтелгән иң изге теләк булып та, «чаңгырагың биек, нык булсын!» дигән теләк санала [6, с. 26]. Димәк, йорт, учак – элек электән иң кече улга амәнәт итеп калдырылган иң мөкаддәс ата мирасы саналган. Бу учакны сүндермичә саклау – кече улның вазыйфасы иде. Татарларда да гасырлар буге төп варис дип кече угыл исәпләнгән һәм ул ата йортында яшәп калырга тиеш булган. Бишектәге ир баланы (ягъни иң кече ир баланы) үтерү, бишекне чабу, чатырның терәген егу – йортны, нәселне

корыту мэгнэсенэ килгэн. “Монголларның яшерен тарихы” исемле, легенда һәм риваятьләрдән башлап Өдегэй яшэгән дәвергә кадәр булып үткән бөтен вакыйгаларны һәм мэгълуматларны аңлатып биргән, 1240 елда тамамланган китапта бу күренеш белән бэйле мондый юллар бар: “Бу куркак Тактоганың чатырының өстәге тишегеннән кереп, чатырны тотып торган терәк-багана өстенә атылып, аны егачакбыз, балаларын һәм улларын иң соңгысына кадәр бөтенесен үтерәчәкбез, гаилә иһрамының (ягъни чатырның – Ч.З-Ч.) нигезе өстенә басып, аны юк итәчәкбез”[9, с. 180]. “Идегэй” дастанында да Туктамыш ханның әмере Котлыкыя бинең нәселен юк иту, учагын сүндерү нияте белән тормышка ашырыла.

Дастанда сөткә кан кушып ант эчү гадәте турында да әйтелә. Туктамыш ханның мәрхәмәтсез әмеренә Жантимер исемле ир каршы чыга һәм бер вакытлар сөткә кан тамызып кардәшлек анты эчкән дустаны Котлыкыя бинең улын (димәк, нәселен дә) коткарып кала: “Киң кунычлы Жантимер – /Котлыкыя би белән/Кан тамызып ак сөткә,/Ант эчешкән ир иде.” Кардәшлек жепләрен булдыру, ныгыту – кешеләрнең жәмәгать эчендә тоткан урыннарын, дәрәжәләрен көчлеләндерү өчен бер ысул булган. Ант эчеп, кардәш булган ике кеше үлгәнче бер-берсенә терәк булып, эчкән антларына тугъры калганнар. Төрки халыкларда мондый кардәшлеккә «кан кардәшлегә» дигәннәр. Кече Азиядә яшәүче күчмә төрки кабиләләр, кан кардәше булырга теләгән ике кешенең беләкләрен кисеп, кан аккан жирдән беләкләрне күпмедер вакыт бер-берсе белән берләштереп торганнар. Ягъни каннары кушылгач кына, бу ике кешенең кардәшлек дәрәжәсенә күчүенә ышанганнар. Кан эчеп, ант итү гадәте скифларда да булган. Алар да бу рәвештә ант эчкән кешеләрне “кан кардәшләр” дип атаганнар[10, с. 25]. Монголлар исә, кулларындагы кан тамырыннан яисә бармак очыннан аккан канның беразын алып, аны баш сөягеннән махсус эшләнгән бер касәгә жыйганнар һәм, ачыган сөткә кушып, соңыннан эчә торган булганнар: “Шан-ю, Ю-чәләр патшасының баш сөягеннән ясалган бер касәдән кан эчеп, ант итте”[9, с. 180]. Кан касәдән эчелгәнгә күрә, бу антка “ант эчү” дигәннәр. Бу әйтемне

без “Дәдәм Коркыт Китабы” һәм “Күр углы” дастаннарында да очратабыз. Кече Азиянең Анатолия өлешендә һәм Монголиядә бу төр ант әле дә киң кулланыла. Монголлар аны “анда” дип атаганнар. Башкорт галиме А.Инан да, дуслык һәм кардәшлек жепләрен булдыру нияте белән бирелгән ант вакытында, дуслык һәм кардәшлек символы итеп, кан эчү, корал өстенә ант итү, каршылыклы буларак бүләкләр алышу, берәр әйберне китеп кую (мәсәлән, бишекне китү яисә баланың колагын тешләп кую), аю башы һәм тиресе өстендә ант итү, тырнак ялау кебек гадәتلәрне санап үтә [4, с. 327].

“Идегәй” дастанында Жантимер дә Котлыкыя би белән бер заманнар сөткә кан тамызып эчелгән ант хакына үз баласын корбан итеп, кан кардәше булган дуслыгының улын, ягъни аның нәселен коткара. Гомумән, дастанда кан белән сөт төшенчәсе үрелеп бара. Өстә күреп үткәнбезчә, ант иткәндә, сөткә кан тамызып эчкәннәр. Норадын атасын Иделгә кайтырга чакырып, халыкның теләген телгә китергәндә дә болай ди: “Идегәй безгә кайтсын дип,/Башыбызда торсын дип,/Сөт белән юган кылычын/Кан белән янә юсын дип,/Болгаринның Бодай би/Артымнан куа житеп/Әйтте инде.” Кан белән кылыч юу – яуга чыгуны, туган илне, кулга кылыч алып, дошманнардан коткарып калуны, дошман канын түгүне аңлата. Дастанның башка бер бүлегендә, Идегәй улы Норадынны, татулашуга чакыра: “Кызыл канлы кылычын/Ак сөт белән юсын дип.” Биредә сөт - изге төшенчә, ул – ата белән баланың туганлык жебе һәм дуслык-татулык символы булып тора. Канлы кылычны сөт белән юарга чакыру - дошманлыктан дуслыкка өндәү. Ләкин кан белән сөт төшенчәсе дастанда болар белән генә дә бетми: Туктамыш ханның да, Идегәйнең дә башлары чабылгыннан соң кан урынына сөт ага. Бу инде дастанда урын алган Туктамыш хан белән Идегәй арасындагы низагларның, дошманлыкның бер милләттән булган ике кардәш арасында булуына ишарәт итеп тора.

“Идегәй” дастанында кунакны олылау билгесе итеп, кунакка, касә тутырып, бал бирү - сары бал һәм кымызның төбен (кур) эчертү гадәте дә чагылыш тапкан. Бал бирү – зур хөрмәт билгесе булып саналган. Сары бал,

яисә сары кымыз, “жәй уртасында, үләннәр элгергән заманда ясала. Көннәр эссе булу һәм күченеп йөрү сәбәпле, ул бик тиз ачып, кирәкле консистенциягә килеп сары төскә керә. Бу чорда хайваннарның һәр төрле үлән һәм чәчәк ашаулары нәтижәсендә кымыз (сары бал) да хуш исле һәм шифалы була”[7, с. 33-34]. Болгар дәүләтенә сәяхәт иткән Ибне Батутта, Мөхәммәд Үзбәк ханның хатынын зиярәт итүе турында язып, болай ди: “Хатын үз кулы белән миңа кымыз бирде. Бу исә үзләре гадәтенә күрә соң дәрәжәдә хөрмәт икән”[13, с. 104]. Дастанда Туктамыш хан да Субра җауабына “Үз кулынан бер сараяк бал бирде” диелә. Аксак Тимер янына качкач, Идегәй артыннан кире кайтуын үтенеп, Киң Жанбай аңа хан исемненән бүләкләр вәгъдә итеп: “Ирене юка чынаяк,/Хан-ияң бал бирәдер,/Ханәшләр тоткан сараяк,/Сурәтмәле сөт кымыз/Кулынан коеп бирәдер,/Эчсәнә, Идегәй, эчсәнә!..” ди. Туктамыш хан исә: “Чапчагы белән сары бал,/Аны да кулдан күтәртеп,/Ак утауга китертеп,/Идегәйне аякчыга куйдырды./Сары баллар салдырып/Субрадаен җауабына/Өч тустаган бал бирде.” Аякчы булу, ягъни касә белән сары бал эләшү - хан мәжлесләрендә хөрмәтле эш саналган. Ләкин дастанда сүз сары бал турында гына бармый. Биредә “кур”, “саркыт” дигән төшенчәләр дә бар. Дастанның беренче бүлегендә Әмир Борлас Шаһ Тимернең Туктамышка язган хатында мондый юллар бар: “Җаектан ашу Ак Түбә,/Иделдән ашу Күк Түбә,/Күк Түбәдә ак сарай;/Анда утырган Туктамыш -/Ул Туктамыш син булсаң,/Курымны эчкән син булсаң,/Сине баккан мин булсам.” Биредә иске дуслыкны, күреп-багышкан көннәрне хәтерләтү бар. Элеккеге заманнарда ханнар, дуслыкларын күрсәтү һәм олылау нияте белән, касәләрендәге кымызның төбөн калдырып, якин күрергә теләгән кешеләренә тәкъдим итә торган булганнар. Бу - ханның хөрмәте, дуслыгы дип саналган. Идегәйгә, Субра җауабына тарафыннан сыналганда, Туктамыш ханның хөрмәте итеп, Киң Жанбай саркыт бирә (касә төбөндә калган эчемлек): “Жанбай тотып килгәндә,-Хан саркытын эч! –диеп.” Ләкин дастанда бу «хөрмәт» явыз ният белән эшләнә. Башка бер урында исә Идегәй: “Ирнәве алтын сараяк,/Ир саркытын эчсен” дип, улы Норадынның кайтуын үтенеп, янына илчеләр

жибэрэ. Ата кеше улының үз илендә хөрмәткә лаек булуын теләп, аны ир кулыннан саркыт эчәргә чакыра.

Дастанда кызыклы бер вакыйгаларның тагын берсе - караклык эшләп тотылган баланы жазаландыру. Дастанда жәллад Дорман би углы Урман би турында “Туксан бала эчендә/Каракчылык кылган би:/Балалар менгән таяк ат –/Аны урлап тотылды.../Өч урлады – котылды,/Дүртенчедә тотылды.” диелә.

Идегәй гадел рәвештә бу карак угылга жаза сораган туксан баланың берсен жәллад итеп, Урман бинең башын чаптыра: “Урман бинең кашына/Тора килеп Идегәй/Кулдан кылын тоттырды,/Кылдан кыл жеп тактырды,/Салкын ташка тарттырды./Туксанның берен жәллад итеп/Анда башын чаптырды.”

Франсуз галиме Жан Поль Роксның монголлар белән хезмәтендә мондый юллар бар: “Борынгы төрки халыкларда, Хиюнг-ну династиясе идарә иткән чордан бирле кеше үтерү, хатын-кызны көчлөү, караклык кебек күренешләр - жәмгыять эчендә эшләнгән иң ямьсез эшләрдән саналган. Чыңгыз ханның “Ясаг”ында караклык үлем белән жазаландырылган. Караклык, матди зарар китерү – акчалата зур жазага яисә, таяк белән сугып, үтерелүгә хөкем ителгән. Бигрәк тә урланган мал ат булса, мондый караклык бик зур әһәмияткә ия булган” [9, с. 178]. Әйтәп үтергә кирәк, борынгы Болгар дәүләтендә дә караклык нәкъ зиначылык кебек үлем белән жазаландырылган [13, с. 72]. Дастанда балалар булу сәбәпле, аларның атланып уйнаган атлары агачтан ясалган. Ләкин дастанда караклык бала-чага тарафыннан эшләнсә дә, үлем белән жазаландырыла. Хәтта Туктамыш хан да Идегәйнең хөкемен дәрәс дип таба. Күрәсең, Туктамыш ханның бабалары кабул иткән “Ясаг” Алтын Урда дәүләтендә әһәмиятен югалтмаган була: “Анда әйтте Идегәй:/Илендә йөргән каракчы/Өч ат урлап котылса/Дүртенчедә тотылса,/Синең түрәң буенча/Дүртенчедә чабылса,/Дорман улы Урман би – /Ул да шулай тотылды,/Синең хөкемең буенча/Ул да шулай чабылды.”

Ут белән арыну, ике ут арасыннан үтү. Дастанда Идегәй Аксак Тимернең кызы Акбеләкне, Кара Тиен Алыптан азат итеп, әтисенең кулына исән-имин алып кайтып тапшыра. Шаһ Тимер исә Идегәйне: “Корбагына

(чадырына) чакыртты,/Ике чыртан яктырды,/Идегәйне йөгентеп,/Арасыннан үткәрде.” Кешелек тарихында утның биш йөз мең елдан бирле кулланылуы билгеле. Бу вакыт эчендә ут белән бәйле бик күп ышану һәм гыйбадәтләр уртага чыккан. Хәтта, билгеле булганча, Иранда һәм Һиндистанда утка табынганнар. Ут тәңреләргә хас саналган. Борынгы грек мифологиясе каһарманы Прометейне генә искә төшерик. Азия, Ауropa һәм Африка кыйтгаларында да ут белән бәйле күп кенә ышанулар яшәп килгән. Безнең эрага кадәр Пнче йөзъелда Урта Азиядә үлгән кешеләрне яндыра торган булганнар. Америкалы галим Г.Томсон фикеренә күрә, борынгы кешеләр ут белән кешене чистартып, “янадан туган” хәлгә китереп була, дип ышанганнар һәм үлгән кешене ягып, аны икенче бер тормыш өчен хәзерләгәннәр. Кешенең бу тормышта яшәп “керләнгән” тәне, бары тик ут белән генә чистарынып, яна бер рухка кавыша алган [1, с. 6].

Күк төркиләр дә утның көченә ихластан ышанып яшәгәннәр. Мәсәлән, 568 елда Византия империясе илчесе Земаркхос, Урта Азиядә Көнчыгыш Күк төркиләр яшәгән чиккә якынлашкач, биредә яшәгән төрки халык аның үзен һәм иптәшләрен, ут өстеннән атлатып, кара көчләрдән арындыралар [9, с. 25]. Казах һәм үзбәк халыкларында әле бүген дә “ут янган жиргә женнәр килми”, дигән ышану яшәп килә. Чирле хайваннарны һәм кешеләрне казахлар учак өстеннән үткәрәләр [11, с. 52]. Ут белән арынуны шаманнар да киң кулланганнар. Зираттан женаза озатып кайткан кешеләрне һәм килгән-киткән юлчыларны, үзләрен яисә кулларындагы йөкләрен “ут белән чистартырга кирәк”, дип ышанганнар. Ут - арындыру, чистарту көченә ия бердәнбер чара дип кабул ителгән. Чисталыгы шикле булган һәр нәрсәне ике ут арасыннан үткәрәп, учакны әйләнеп, аның өстеннән атлатырга кирәк булган. Батый хан сараена килгәч, ПIANO Карпинига да (XIII гасыр урталары) ике ут арасыннан үтәргә кушалар. Ул моңа каршы чыккач, аңа: “Бу утлар арасыннан хозур белән үтегез, чөнки без моны әфәндебезгә каршы бертөрле кара гамәлегез булып-булмавын яисә агу китерү ихтималына каршы эшләргә мәжбур. Ут һәр төрле зәхмәтне юкка чыгара” дип, җавап бирәләр [9, с. 178]. Соңырак

чорда Россиянең бөөк кнэзе Михаил, Батый ханга үзен эсир тэгъдим иткэндә дә, монголлар аны ике ут арасыннан үткэрэләр. Бу очракта кешенең явыз ниятеннән бигрәк, килгән йөк эчендә агу һәм бозым килүдән курыкканнар.

Плано Карпини бу гадәтнең тәртибен болай язып калдырган: “Ике учак якканнан соң, учакларның янына ике сөңге кадыйлар, аларның очлары бер жеп белән бер-берсенә бәйләнә; бу жеп өстенә берничә кисәк чүпрәк бәйлиләр. Менә шул жеп һәм чүпрәк кисәкләре астыннан кешеләр, хайваннар, арбалар һәм йөкләр үткәрелә. Һәр ике якта хатын-кызлар, су түгеп һәм такмак әйтеп, торалар. Әгәрдә бу жирдә арбалар ватылса, йөкләр ишелеп жиргә төшсә, сихерчеләр боларны үзләренә алалар”. Үлгән кешенең ятагын һәм урын-жирен дә шулай ук ут белән арындырганнар. Чыңгыз хан “Ясаг”ында да ут белән чистарыну турында аерым сүзләр бар. Бу гореф-гадәт XVIII гасырда Урта Азиядә һәм Себердә дә зур әһәмияткә ия булган.

Монголларда да, мәсәлән, килен булып төшүенә кырык-илле ел вакыт үткән бер хатынны, яңадан арулау өчен, нәкъ бу рәвештә ике ут арасыннан үткәрә торган булганнар [9, с. 178]. Утның дошман йөрәгендәге бөтен үчне, кара ниятләрне үтерүенә ышанганнар. Шаманнар да авыру кешеләрне ут белән дөваларга тырышканнар, үзләрендә жыелган кара көчләрдән котылу өчен дә, ялан аяк утлы күмерләр өстенә басып йөргәннәр [12, с. 39]. Ут белән сынау Туранда яшәгән төркиләргә дә хас булган. Мәсәлән, Фирдәүсиниң легендар “Шаһнамә”сендә дә кемнең ялган сөйләвен ачыклау өчен, Сүбәтәйгә һәм аның үги анасына ут өстеннән сикерергә кушалар. Гөнаһсыз Сүбәтәй исән кала, аңа яла яккан үги анасы исә, учакта янып, үлә. Төрки халыкларның ел фасыллары белән бәйле жыеннарында һәм төрекләрнең Хызыр-Ильяс көнендә кучактан сикерү, татарларның боз озату бәйрәмендә учак ягу, чувашларның сөрән салу йоласының нигезендә дә шул ук кара көчләрдән, зәхмәттән арыну һәм яңа елга савыгып, пакъләнәп керү теләге ята. “Идегәй” дастанында да Аксак Тимернең Идегәйне ике ут арасыннан үткәрүенең сәбәбе – аның кара ният белән килеп-килмәвен, үзе белән агу-бозым алып килеп-килмәвен ачыклау өчен була.

Үрнәкләрдән күренгәнчә, татар халык дастаны «Идегәй»не кардәш төрки халыкларны берләштергән, аларны якынлаштырган һәм аларның аерылгысыз бер өлешенә әверелгән уртак байлык дип исәпләргә хакыбыз бар.

Библиография:

1. Akyurt M. İ. M. Ö. İkinci Binde Anadolu'da Ölü Gömme Adetleri. – Ankara, 1998.
2. Ayva S. Türk Kültüründe Gelinler ve Ocak//Anayurttan Atayurda Türk Dünyası. - 2002. - N-23. - s. 59.
3. Engin M. Orhun Abideleri. - İstanbul, 1970-72.
4. İnan A. Makaleler ve İncelemeler. C. 1. – Ankara, 1987.
5. Kalafat Y. Doğu Anadolu'da Eski Türk İnançlarının İzleri. - Ankara, 1990.
6. Каракузова Ж.К., Хасанова М.Ш. Космос казахской культуры. – Алматы: Евразия, 1993.
7. Kasımanov S. (Akt. Ertuğrul Yaman) Kazakların milli yemekleri. – Ankara: Kültür Bakanlığı Yay., 1992.
8. Manas. S. Orozbekov'un Varyantı. Kırgızstan. - Frunze, 1980.
9. Roux, Jean-Paul. Türklerin ve Moğolların Eski Dini, Çeviren A. Kazancıgil, İkinci Baskı. – İstanbul, 1998.
10. Tarhan T. İskitlerin Dini İnanç ve Adetleri//Tarih Dergisi. İstanbul. – 1969. – s. 25.
11. Türkiye'de yaşayan Kazak, Kırgız ve Özbeklerde Halk İnançları//Anayurttan Atayurda Türk Dünyası. - 2001. - N- 21.
12. Yoloğlu G. Türklerin Aile Merasimleri. – Ankara: Atatürk Kültür Merkezi Başkanlığı Yayınları, 1999.
13. Фәхреддинев Р. Болгар вә Казан төрекләре. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1993.- 287 с.

*Zaripova-Chetin Chulpan Afraimovna,
Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of
Russian Language and Literature, Caucasus University, Department of
Slavic Languages and Literature, the Republic of Turkey, of Kars, e-mail:
chulpancetin@gmail.com*

COMMON TURKIC EPOS MOTIVES “IDEGEI”

Abstract. Dastan has a special place in world culture, especially valuable because they give us information about the way of life, cultural values and world view, not only of people but also of the nations together, who used to have historically lived in the same area within a single state. Так и дастан “Идегей” наравне с тем, что даёт понятие и представление о жизни, традициях и государственности татар, несёт в себе огромную информацию и о жизни и культурных ценностях других тюркских народов, живших вместе с татарами на территории Золотой Орды.

Key Worlds: Idegei, dastan, Tatars, Turks.

УДК 80:801.8

*Хабибуллина Эльмира Камилевна
Институт международных отношений, истории и
востоковедения Казанский федеральный университет e-mail:
minabova@mail.ru*

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЗАМЕНЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТАТАРСКОЙ ПРОЗЫ НА ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК (на примере падежных категорий)

Аннотация. Важность исследования основывается на повышенном интересе, проявленном к явлению грамматических замен в процессе

художественного перевода и в том, что эти замены являются традиционным предметом теории и практики перевода. Тем не менее, в настоящее время все больше работ посвящены анализу переводов на уровне разноуровневых языковых семей, в данной же статье освещается вопрос трансформаций при переводе с одного родственного языка на другой (в татарском и турецком языках).

Данное исследование направлено на выявление и изучение характеристик замен как своего рода грамматических преобразований на уровне тематических категорий с использованием татарских литературной прозы переводов в качестве примера.

Ведущий подход к изучению этой проблемы является системный подход, который включает в себя изучение теоретических аспектов лексических трансформаций в переводе упомянутых в работах отечественных и зарубежных исследователей, а также анализ замен как форма грамматических преобразований на уровне тематических категорий были определены в исследуемые переводов и на основе теоретической базы, приведенной выше.

В ходе анализа татарской литературной прозы в переводе на турецкий язык, возникновение некоторых грамматических трансформаций (несмотря на сходство конкретных систем в татарском и турецком языке) был найден. В большинстве случаев это явление выражается заменой одного случая формы в другую из-за грамматических различий в использовании глагола в татарском и турецком языках.

Основные положения данной статьи являются ценными для дальнейших исследований, в том числе сравнительные, в теории перевода, использование грамматических трансформаций в переводе на практике. Материалы также могут быть представлены в виде теоретического материала в исследованиях перевода.

Ключевые слова: грамматические трансформации, перевод литературных произведений, тематические замены, татарский язык, турецкий язык

Вопрос грамматики в теории и практике перевода всегда занимал важное место. Причиной тому является то, что грамматика представляет собой основу языка, на которую основывается вся система языка в целом.

Формальность и категоричность грамматики помогает ей диктовать конкретные языковые нормы. Нарушение этих норм в свою очередь провоцирует ошибки в использовании языка и в переводе. Именно поэтому чтобы избежать совершения ошибок, важно иметь представление о схожих и различных сторонах грамматики как исходного, так и переводного (конечного) языка при переводе. Необходимо помнить и то, что грамматические ошибки способны исказить содержание перевода не меньше, чем лексические.

На сегодняшний день существует много трудов, посвященных как лексическим, так и грамматическим трансформациям в переводе. Как правило практически все эти работы освещают особенности переводов между разносистемными языками. В этом аспекте большой вес имеют труды Юсупова Р.А., посвященные вопросам перевода, сопоставительной типологии и культуры речи. В его работах особое отражение нашли такие аспекты перевода, как нарушение норм татарского языка при переводе с русского, которые проявляются в морфологических формах отдельных слов. Выявляются причины возникновения подобных нарушений, предлагаются пути их устранения и недопущения [Юсупов 2005].

Однако среди упомянутых нет работ, касающихся вопроса языковых трансформаций при переводе между родственными языками, в частности с татарского на турецкий язык, в которых отражались бы теоретические и практические аспекты переводческих особенностей татарского языка.

Выполняя перевод, переводчик всегда находится перед выбором грамматических возможностей, он должен суметь выбрать наиболее соответствующий из возможного ряда синонимичных грамматических конструкций. При этом не стоит забывать, что данные конструкции синонимичны, только будучи единым целым, составляющие их элементы по отдельности не являются синонимами. Также стоит помнить и то, что вариативные грамматические конструкции не равноценны с точки зрения стилистики, то есть не в каждом контекстуальном случае взаимозаменяемы. Обобщая сказанное выше, отметим, что при выборе того или иного варианта грамматической конструкции из всех возможных зависит как от узкого контекста, определяющего необходимый оттенок содержания, так и от широкого, то есть всей системы определенного стиля речи.

Анализ переводов татарской литературы на турецкий язык показал, что морфологические трансформации, выраженные в большей степени категориальными преобразованиями, встречаются в процессе перевода достаточно часто. Подобные преобразования довольно органичны и, как правило, не провоцируют существенных изменений содержания оригинала. Они являются наиболее «незаметными» и для самого переводчика, так как реализуются непосредственно и естественно. Если говорить о конкретных типах категориально-морфологических трансформаций, то стоит отметить, что они достаточно разнообразны и здесь имеют место практически все комбинации «заменяемых» и «заменяющих» частей речи.

Преобразования, происходящие на уровне тех или иных грамматических категорий, можно определить, как категориально-морфологическими трансформации. Стоит отметить, что именно данный тип трансформаций достаточно часто встречается при реализации художественного перевода. Особенность их заключается в том, что они в достаточно незаметной степени отражаются на конечном содержании перевода, то есть не влекут за собой существенных содержательных потерь или модификаций.

Целью нашего исследования было изучение замен на уровне падежных форм. Основываясь на полученные в результате анализа трудов по грамматике татарского и турецкого языков сведения о падежных системах обоих языков, мы можем утверждать, что падежная системы турецкого языка очень близка к татарскому языку, и, казалось бы, при переводе татарской литературы на турецкий язык не должно происходить языковых трансформаций на уровне падежной системы. Однако анализ переводных текстов показал, что при реализации перевода в некоторых случаях происходит замена одной падежной формы на другую. Чаще всего это связано с тем, что глагольное управление в татарском языке не всегда совпадает с турецким. Рассмотрим некоторые примеры:

• Дәрес, без мәдрәсәгә бер вакытта жылабыз, бер вакытта таралабыз... (M: 214) / Doğru medresede aynı vakitte toplanıyor aynı vakitte dağılıyoruz... (G: 44) (Правда, мы собираемся в медресе и расходимся в одно и то же время)

Из вышеприведенного примера мы видим, что использованный в слове мәдрәсәгә (в медресе) аффикс направительного падежа –га/-гә в турецком варианте был заменен на аффикс место-временного падежа -da/-de: medresede. Подобное различие вызвано тем, что использованный в данном предложении глагол жылырга/toplanmak (собираться) может иметь два варианта управления (куда собираться? и где собираться?). Так автор исходного текста использовал первый вариант, при переводе же встречается другой. Оба варианта при этом не препятствуют передачи семантики текста.

В татарском языке для передачи значения передвижения на каком-либо транспортном средстве используется местно-временной падеж, в турецком же языке для передачи подобного значения используется посредственный (творительный) падеж. Связанную с этим случаем морфологическую трансформацию мы наблюдаем на следующем примере: тарантаста/at arabasıyla (на (лошадиной)повозке).

• ...без бит әле өчәүләшен читән тарантаста хозур гына авылыбызга кайтып барабыз (М: 216). / *Üçümüz at arabasıyla neşe içinde köyümüze gidiyorduk* (G:46). (Мы втроем на повозке едем в деревню).

Как говорилось ранее, иногда в исследуемом нами татарском языке не соответствует с турецким языком глагольное управление, и тогда, переводчик вновь вынужден прибегать к грамматическим заменам. Так в нижеследующем примере глагол *oşarğa* (нравиться) согласуется в именительном падеже, тогда как в турецком языке глагол *hoşlanmak* (нравиться) согласуется с именем существительным в исходном падеже. Это мы отслеживаем на примере ниже.

• *Нуриәхмәт хәзрәткә бу ошамады* (СК: 20). / *Nuriehmet Hezret bundan hoşlanmadı* (SK: 14). (Нурияхмат Хазрату это не понравилось).

• *Ә шулай да жанында тыңгылык юк Мирсәетнең...*(СК: 47) / *Yine de gönlü rahat değil Sultangaliyev'in...*(SK: 35) (И все же беспокойно на душе у Мирсаита).

В приведенном выше предложении мы встречаемся с заменой формы место-временного падежа на именительный: *Мирсәетнең жанында* (в душе у Мирсаита) - *Sultangaliyev'in gönlü* (душа Мирсаита). Данная трансформация обусловлена тем, что произошла замена подлежащего в предложении.

Таким образом грамматические замены на уровне падежных форм довольно часто распространенное явление при переводе с татарского языка на турецкий. Чаще всего подобная замена обусловлена несовпадением в языках формы глагольного управления.

Как мы уже упоминали выше, в одних случаях послелоги могут уточнять грамматическое отношение, уже выраженное косвенным падежом. В этом случае речь идет об аффиксально-послеложном выражении падежи, при котором аффиксы мы называем аналитическо-синтетическими. В других же случаях, когда послелоги выступают единственным оформителем падежных форм, тогда они образуют аналитический падеж. Ганеев Ф.А. выделяет в своих трудах восемь аналитических падежей [Ганеев 1980: 28].

Одной из наших задач было также отследить каким образом трансформируются подобные падежные формы при переводе на турецкий язык. Для удобства мы использовали классификацию аналитических падежных форм, предложенных Ганеевым Ф.А. [Ганеев 1980: 28-29].

1. Одной из самых распространенных форм аналитических падежей в татарском языке, которые мы наблюдали при анализе переводов, явилась форма орудийно-совместного (социативного) падежа. Данная форма оформляется сочетанием имени существительного с нулевым аффиксом + послелог белән (с). Выражает совместность или инструментальное значение. В турецком языке данная форма представлена синтетическим способом, так как исторически послелог белән в турецком языке перешел в разряд аффиксов и приобрел форму –*yla/-yle*, при этом сохранив те же значения, что и в татарском языке.

- *Тизрәк, тизрәк Шәмсегаян белән сөйләшергә кирәк!..* (ӨАЖ: 155) / *Hemen acele Şemsigayan'la konuşması lazımdı* (ВАТ35). (Немедленно необходимо поговорить с Шамсегаян).

На примере выше мы наблюдаем, что послелог белән в предложении имеет значение совместности: Шәмсегаян белән (с Шамсегаян), и при переводе имеет синтетическое оформление: *Şemsigayan'la*.

- *Госман белән Самат – күршеләр* (Телефонлы: 48). / *Gosman'la Samat birbiriyle komşular* (Telefonlu: 178). (Госман и Самат - соседи).

В данном примере послелог белән имеет значение союза «и»: Госман белән Самат - Госман и Самат. В переводном тексте мы вновь наблюдаем использование аффикса – *la*.

Стоит отметить, что в турецком языке используется и аналитическая форма орудийно-совместного падежа посредством использования послелога *ile* (с). Однако при анализе переводов подобное использование нами обнаружено не было.

Во время анализа было выявлено, что все остальные аналитические падежные формы, используемые в татарском языке, переводились на

турецкий язык такими же аналитическими формами. Рассмотрим по одному примеру для каждой формы.

2. Причинно-целевой или предназначенный (дестинатив) падеж. Данная форма оформляется сочетанием существительного с нулевым аффиксом + послелог өчен (для). Выражает значение цели, причины или предназначения. В процессе анализа переводов данная форма оказалась достаточно распространенной.

• ... чөнки аның үз кулы белән ясаган каеш тупсалы, әржә сыман сандыгында мәдрәсә өчен кирәк бөтен нәрсәсе <...> саклана торган иде. (M: 215) / *Çünkü Bedrettin'in kendi eliyle yaptığı kayış mafsalı, küfe gibi sandığında medrese yaşatı için lazım her şeyi <...> bulunuyordu* (G: 45). (Потому что в его смастеренном своими руками и похожем на короб, с кожаными ручками сундуке хранилось все, что могло понадобиться для студенческой жизни...)

На примере выше мы видим, что сочетание мәдрәсә өчен (для медресе) имеет грамматическое значение предназначенного падежа и при переводе сохраняя свою аналитическую форму, лишь существительное мәдрәсә (медресе) трансформировано в именное словосочетание *medrese yaşatı* + послелог *için* (жизнь медресе), что в переводе оформляется как «для жизни медресе».

3. Уподобительно-сравнительный падеж. При имени существительном с нулевым аффиксом употребляются такие послелогии, как кебек, шикелле, кадәр, төсле, сыман, хәтле, чаклы и т.д. Выражает уподобление кому(чему)-нибудь. При переводе на турецкий язык данная форма имеет также аналитическое оформление, при этом активно используются такие послелогии, как: *gibi*, *kadar* и т.д. На приведенном выше примере мы встречаемся с аналитической формой данного падежа: *әржә сыман / küfe gibi* (похожий на короб). При переводе также сохранена аналитическая форма. Стоит также отметить, что синтетическая форма уподобительно-сравнительного падежа, которая выражается при помощи аффиксов –дай/-дәй/-тай/-тәй в турецком языке имеет только аналитическое оформление:

• ... аның бөдрәләнеп торган йомшақ чәчләрен балавыздай сары битләренә сибен-сибен куйды (ЖКК: 216) / ... *dalgalı yumuşak saçlarını balmumu gibi sararmış yüzüne yayıverdi* (CGA: 33). (... вьющиеся волосы разведал по ее словно воск лицу)

В приведенном выше предложении мы видим, что синтетическая форма уподобительного падежа, выраженная аффиксом –дай: балавыздай (словно воск) в переводе трансформировалось в аналитическую форму, выраженную сочетанием имени существительного *balmumu* (воск) + послелога *gibi* (словно, как)

4. Изъяснительный падеж. Оформляется сочетанием имени существительного с нулевым аффиксом + послелога *турында*, *хакында* (о). Выражает собой объект разговоров, размышлений, забот. При переводе на турецкий язык данный падеж практически во всех случаях оформляется аналитическим способом с применением послелога *hakkında*. Однако в отдельных случаях мы встречаем и другие виды преобразований.

• *Söz Gaspıralı İsməğyıl turında түгел бит әле* (СК: 8). / *Mesele Gaspıralı deęil řimdi* (СК: 4). (Речь не об Исмаиле Гаспринском).

На примере выше мы видим, что аналитическая падежная форма *Гаспıралы Исмәгыйль турында* (об Исмаиле Гаспринском), образованная именем существительным и послелогом, при переводе путем синтаксической трансформации приобрела форму *Mesele Gaspıralı deęil* (Тема – не Гаспринский). При данном преобразовании дополнение в исходном тексте было заменено именованным сказуемым. Данная замена не является вынужденной, так как это больше личное решение переводчика.

5. Местный падеж. Оформляется сочетанием имени существительного с нулевым аффиксом + послелога или послеложные слова. Выражает предмет на поверхности, вдоль, рядом или ниже которого что-либо находится и что-либо происходит. Данные конструкции при переводе на турецкий язык сохраняют свою аналитическую форму, однако имя существительное в турецком языке присоединяет к себе аффикс

родительного падежа: ağaçların arasında (среди деревьев), так как послеложные слова, выражающие значение местного, исходного и направительного падежа согласуются с существительными, стоящими перед ними, в родительном падеже:

- ... гүяки, бу агачлар арасында, үләннәр урынына, кәгазьгә төрелгән хәлдә башлы шикәрләр үсеп утыралар... (Сәмиг: 307) / Güya bu ağaçların arasında, otlar yerine, kağıda sarılmış halde küp şekerler büyüymüş (Semig: 119). (... и словно среди этих деревьев, вместо травы, растут куски сахара, обернутые в бумагу).

6. Исходный падеж. Выражается сочетанием имени существительного с нулевым аффиксом + послеложные слова астыннан, өстеннән и т.д. Перевод аналитической формы исходного падежа на турецкий язык происходит по аналогии с местным падежом:

- ... тау артыннан сызылып килгән таң белән бергә, авылдан киң яланга чыктык (ТБ: 1). / ... dağın arkasından doğan tanla birlikte köyden geniş kırlara doğru açıldık (КÇ: 128). (Мы вышли на широку полянку вместе с восшедшим из-за горы солнцем).

В приведенном ниже предложении мы наблюдаем, как конструкция тау артыннан (из-за горы) при перевожде трансформировалась в конструкцию имя существительное в родительном падеже + послеложное слово: dağın arkasından.

7. Направительный падеж. Оформляется сочетанием имени существительного с нулевым аффиксом + послеложные слова, обозначающие направление: өстенә, астына и т.д. Приведенные ниже примеры также демонстрируют преобразование аналитической падежной формы путем уподобления и добавления к имени существительному аффикса родительного падежа. В приведенном ниже предложении мы наблюдаем как конструкция тау-сырт өстенә (на склон горы) переводится как tepenin başına (на верхушку горы).

• ...ак абиләр тау-сырт өстенә жылып Коръән чыга икән дигән хәбәрдән Дүсем авылы тынып калды (АӘД: 3). / *Köydeki mübarek ninelerin tepenin başına toplanıp yüksek sesle Kur'an okumaya başladığı haberi Düsim Köyü'nü hayretler içinde bıraktı* (EDDBV: 139). (Новость о том, что набожные старушки соберутся на горе и будут вслух читать Коран, удивила всех жителей деревни Дюсем).

В отдельных случаях при переводе происходят и более широкие преобразования: в отдельных случаях происходит добавление слов. Так, например, на примере ниже сочетание кәжәбез янына (к нашей козе) переведено как *keçimizin olduğu yere* (к месту, где находится коза).

• *Менә кичен миңа иярерсең, туп-туры кәжәбез янына алып барам үзеңне!* (Телефонлы: 51) / *Ben seni doğrusca keçimizin olduğu yere götüreyim* (Telefonlu: 179). (Вот пойдешь вечером со мной, я прямиком приведу тебя к нашей козе!)

8. Причинный падеж. Анализ переводов показал, что аналитическая форма причинного падежа оказалась самой малоактивной. При анализе текстов оригинала и перевода нами подобных конструкций обнаружено не было.

Таким образом, анализ грамматических замен на уровне падежных форм имен существительных на турецкий язык показал, что в преобладающем большинстве случаев падежные формы как текста оригинала, так и переводного текста совпадают в обоих языках за исключением случаев, когда в обоих языках отличается глагольное управление. Также интересно, что аналитические падежные формы при переводе трансформируются путем уподобления, за исключением немногочисленных преобразований: добавление аффиксов, добавление лексем. В отдельных случаях замены происходят по воле самого переводчика, выбравшего иной способ преобразования значения.

Список сокращений:

На татарском языке:

М - Матурлык

АӘД - Ак әбиләр догасы

ӨАЖ – Өч аршин жир

Сәмиг – Сәмигулла абзый

СК – Сират күпере ТБ –

Табигать балалары

Телефонлы – Телефонлы кәжә

На турецком языке:

ВАТ – Bir Avuç Toprak

EDDBV – Elbet Duayı Duya Biri Var

G – Güzellik

КÇ – Köy Çocukları

Semig – Semigulla Amca

СК – Sirat Köprü

Telefonlu – Telefonlu Keçi

Список литературы:

1. Ганеев, Ф.А. Вопросы морфологии / Ф.А. Ганеев. - Казань: Таткнигоиздат, 1990. - 81 с.
2. Гыйләжев А. Сайланма әсәрләр. – Казан: Татарстан Республикасы “Хәтер” нәшрияте (ТаРИХ), 2004 – 511 б.
3. Гыймадиев А. Телефонлы кәжә. – Казан: Татар.кит.нәшр.,2013. – Б. 48-51
4. Еники Ә. Юлчы: Хикәяләр.- Казан, Татар.кит.нәшр., 1979. – Б. 214 – 224, 267- 308
5. Әмирхан Ф. Сайланма әсәрләр. – Казан: ТаРИХ, 2002 – Б. 297 – 308
6. Ибраһимов Г. Табигать балалары / Г.Ибраһимов // Татар хикәясе антологиясе. – Казан: Татар.кит.нәшр., 2001. – б. 71-80
7. Мөхәммәдиев Р. Сират күпере. – Казан: Татар.кит.нәшр., 1994. – 512 б.

8. Яхин, Ф. Ак әбиләр догасы: Хикәяләр, повестьлар/ Ф. Яхин. — Казан: Татар. кит. нәшр., 2000. — 255 бит.

Khabibullina Elmira

Kazan (Volga region) Federal University,

The Republic of Tatarstan, Kazan

e-mail: minabova@mail.ru

**GRAMMATICAL SUBSTITUTIONS USED IN THE TRANSLATION
OF TATAR LITERARY PROSE INTO THE TURKISH LANGUAGE
(USING GRAMMATICAL CASE AS AN EXAMPLE)**

Abstract. The importance of the research is based on high interest, shown to the phenomenon of the grammatical substitutions in the process of translation and on the fact that these substitutions are the traditional subject of the theory and practice of translation. However, nowadays more works are devoted to the analysis of translations between different language families, which raises the question of translation between related languages, such as Tatar and Turkish.

This research aims to identify and study characteristics of substitutions as kind of grammatical transformations at the level of case categories using of the Tatar literary prose translations as an example.

The leading approach to studying this problem is systematic approach, which involves the study of theoretical aspects of lexical transformations in translation mentioned in the works of national and foreign researchers, and analysis of substitutions as the form of grammatical transformations at the level of case categories identified in the studied translations and based on the theoretical framework given above.

During the analysis of Tatar literary prose translated into the Turkish language, the occurrence of some grammatical transformations (despite the similarity of case systems in Tatar and Turkish) has been found. In most cases,

this phenomenon is expressed by the substitution of one case form to another due to the grammatical differences in verb usage in Tatar and Turkish languages.

Main statements of this article are valuable for further studies, including comparative, in translation theory, the use of grammatical transformations in translation practice. The materials also can be presented as theoretical material in translation studies.

Key words: grammatical transformations, translation of literary works, case substitutions, Tatar language, Turkish language

УДК 80

Юсупова Альфия Шавкетовна,
*доктор филологических наук, профессор Казанский
(Приволжский) федеральный университет,
Республика Татарстан, г. Казань e-mail:
alyusupova@yandex.ru*

Салихова Айгуль Иршатовна,
*Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Республика Татарстан, г. Казань e-
mail: aigul.tatarka@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СТИХОТВОРЕНИЯ Г.ТУКАЯ «ТУГАН ТЕЛ» НА РАЗНЫЕ ЯЗЫКИ

Аннотация. В статье изучаются особенности перевода стихотворения Г.Тукая «Туган тел» на английский, русский, турецкий и чувашский языки. Творчество Г.Тукая привлекает многие сферы человеческой деятельности: лингвистов, филологов, режиссеров (кино, театр, баллет) и переводчиков. Данная тема актуальна, так как переводы стихотворений поэта каждым днем становятся все больше и требуют тщательного анализа. Есть множество вариантов перевода стихотворения «Туган тел» (на английский язык:

А.Валеева, С.Бадрутдин, Николас Остлер; на русский язык: В.Думаева-Валеева, А.Максменко, Р.Бухараев). Для сравнительного анализа были выбраны переводы британского профессора Николаса Остлера, Рафиля Бухараева, профессора университета Гази Фатма Озкана и Василия Тургая.

Ключевые слова: переводоведение, сравнительный анализ, английский язык, татарский язык, турецкий язык, чувашский язык.

Татарскую литературу начала XX века и в целом историю татарского народа нельзя представить без творчества Габдуллы Тукая. Творческая деятельность поэта продолжалась всего восемь лет. Он умер в возрасте 27 лет, оставив после себя свыше 10 тысяч стихотворных строк (более 400 стихов, 9 поэм), около 50 листов прозы (350 рассказов, очерков и воспоминаний) [1]. Его имя пронеслось по всему миру и, пожалуй, не найдется человек, которому в той или иной степени незнакомо его творчество. В первую очередь это доказывает то, что стихотворения поэта переведены на 26 языков мира. Среди них такие языки, как русский, украинский, французский, башкирский, турецкий, английский, немецкий, венгерский, арабский, китайский, узбекский, казахский и другие. Почти все его стихотворения переведены на русский язык. И это не вызывает особого удивления, так как Г.Тукай – поэт России.

В честь 125 летия Габдуллы Тукая в Татарстане было принято решение издать стихотворения поэта на языках народов, проживающих меж Волгой и Уралом. В книгу были включены множество переводов на чувашский язык В.Тургая. Тургай Валерий Владимирович – писатель, переводчик, публицист, общественный деятель. Перевел на чувашский язык произведения М. Карима, Г. Тукая, Р. Гамзатова, К. Кулиева, А. Кешокова, В. Колумба и других поэтов [2]. А.Валеева, С.Бадрутдин, Николас Остлер, Р.Бухараев – самые активные переводчики творчества Г.Тукая на английский язык.

Исследователь из университета Гази Фатма Озкан является знатком творчества и переводчиком стихов Тукая на турецкий язык.

В данной работе мы решили указать на особенности перевода стихотворения Г.Тукая «Туган тел» на английский, русский, турецкий и чувашский языки. Творчество Г.Тукая привлекает многие сферы человеческой деятельности: лингвистов, филологов, режиссеров (кино, театр, баллет) и переводчиков. По нашему мнению, данная тема актуальна, так как переводы стихотворений поэта каждым днем становятся все больше и требуют тщательного анализа.

Родной язык... Существует множество толкований данного словосочетания. Например, в словаре социолингвистических терминов «родному языку» дается следующее определение: «Родной язык 1. То же, что и материнский язык. Первый язык, который усвоен человеком с детства («язык колыбели»). 2. То же, что этнический язык и т.д.» [3].

Для каждого человека родной язык является откликом Родины, и стремление изучать особенности своего языка – это ценный труд. Но при неверном и неясном формировании слов, достижений, знания передаваемые родным языком и чувства проникнутые в наш родной язык могут остаться неизвестными для других народов.

Нельзя забывать, что данное стихотворение возрасло до гимна татарского народа, и, на переводчика, который является хранителем национальных ценностей и посредником между разными народами и этническими группами, возложена большая ответственность. Таким образом, главная цель нашей работы – это сравнение текста перевода с текстом оригинала и определение степени понимания рецептором (получателем) содержания текста на языке перевода.

Есть множество вариантов перевода стихотворения «Туган тел» (на английский язык: А.Валеева, С.Бадрутдин, Николас Остлер; на русский язык: В.Думаева-Валеева, А.Максменко, Р.Бухараев). Для сравнительного анализа были выбраны переводы британского профессора Николаса Остлера, Рафиля Бухараева, профессора университета Гази Фатма Озкани Василия Тургая.

Все переводчики остаются верны оригиналу при переводе названия стихотворения: «Туган тел» – «Native language» (Н.Остлер), «Родной язык» (Р.Бухараев), «Anadilim» (Ф.Озкан) и «Тăванчĕлхе» (В.Тургай).

Повествование автор ведет от первого лица, что придает стихотворению искренность и личностное присутствие автора. Переводчики так же обращают внимание на эту особенность: «Кечкенэдэн аңлашылган шатлыгым, кайгым минем» – «Sincemy childhood I have known you / As my sorrow and my joy»; «С детства стала мне понятна радость и печаль твоя»; «Küçüklükten beri hisse derim sevincimi, kederimi»; «Мён пĕчĕкрен мана эс май паратăн / Хавасланма та савăнма, хăшчуххурлантаратăн».

От начала до конца стихотворения лирический герой «я» обращается к «родному языку». И при этом стоит обратить внимание на восклицательную частицу, стоящую перед обращением: «И туган тел...» – «О язык родной...»; «Еу anadilim...». Данная частица придает стихотворению более эмоциональный оттенок. В переводах на английский и чувашский языки она отсутствует.

Н. Остлер старается создать перевод адекватный оригиналу текста. Его работу можно назвать скорее прозаическим, чем стихотворным. В тексте трудно найти такой поэтический элемент как рифма, хотя присутствуют ритмическая структура и разбиение на строфы. Но благодаря этому Н.Остлеру удалось сохранить авторскую мысль, которая является одной из главных ценностей.

Native language, lovely language,
Language of my parents dear, Many
things I've learnt in this world
Through this language of my birth.

Лексему «Ходам», которая встречается на последней строфе Н.Остлер переводит как «God» (Бог) и «Lord» (Господь Бог). В других переводах на английский язык данного стихотворения встречаются и иные варианты, например, «Creator», «Allah», «Lord Almighty».

Р. Бухараев принимает авторскую манеру, интонацию и ритм, сохраняя при этом верность своему языку и своей поэтической индивидуальности. В его тексте мы видим множество переводческих трансформаций. Например, добавления: «певучий», «что сумел я уберечь», «подрастая», «неразлучные друзья», «сердечно» и т.д. Переводчик прибегает к приему опущения: «и матур тел», «Ходам» и т.д. Знаки препинания так же отличаются от текста оригинала: «Аннары төннәр буе эбкәм хикәят сөйләгән.» — «Подрастая, сказки бабушки начал я понимать...»; «Ярлыкагыл, дип, үзем һәм эткәм-энкәмне, Ходам!» — «Помоги, — шептал, — помилуй мать с отцом, помилуй нас...». Р.Бухараев заменяет повествовательное предложение на вопросительное: «Дөньяда күп нәрсә белдем син туган тел аркылы.» — «Что еще на свете знал я, что сумел я уберечь?». Во многих предложениях переводчика изменен порядок слов. В данном случае использование инверсии при переводе не только усиливает ее выразительность, эмоционально-экспрессивное значение сказанного, но и приближает ритм стихотворной речи к оригиналу: «Что еще на свете знал я, что сумел я уберечь?», «Колыбель мою качая, тихо-тихо пела мать» и т.д.

Как известно, татарский, чувашский и турецкий языки входят в состав западно-хунской ветви. И возможно благодаря этому, в отличие от остальных переводчиков, Ф. Озкан удалось добиться полного смыслового соответствия при переводе с татарского на турецкий.

Bu dil ile evvelâ, annem ninni söylemiş,
Sonraları, geceler boyu ninem masal anlatmış.

В своем переводе Ф.Озкан использует перестановку как один из видов трансформации: «Дөньяда күп нәрсә белдем син туган тел аркылы» — «Senin sayendedir, dünyada öğrendiğim her şey».

Лексему «Ходам» переводчик предлагает перевести как «Tanrı'm». Можно заметить, что лексема «Тенгри» у татар используется реже, чем «Ходай», так как она утратила свое реальное значение, и некоторые татарские лингвисты рассматривают ее в составе архаизмов:

Ey anadilim! Seninleydiettiğim ilk duam:

Affetdemişim, beni, annemi ve babamı Tanrı'm.

В переводе В.Тургая можно найти множество переводческих трансформаций. Например, добавления: «ытарайми еткерё» («изумительное наследие»), «хавасланма» («вдохновение») и т.д. Также можно заметить вместе с перестройкой грамматического порядка и стилистическую замену:

«Эс сөс мана пёлү тёнчин сүл түпине сёклерён» («Ты поднял меня на вершину познаний»). В этом примере наблюдается одновременная замена и членов предложения.

«Ходам» В.Тургай переводит как «Туря».

Таван чёлхем! Сана пула эппусаса кёлтурам:
Атте-аннем, сире тата манақсарғар Туря.

Ту́ра (чуваш.Туря, Тора) — верховный и единственный бог в чувашском пантеоне [4].

Таким образом, переводчик выбирает лексему, которая лучше подходит менталитету своего народа.

Нужно заметить, что все переводы прозаически просты и понятны. Они воспринимаются без каких-либо затруднений. Но в оригинальном тексте есть лексические архаизмы, которые вытеснены в пассивный словарный запас: «кыйлган догам», «ярлыкагыл».

Таким образом, проанализировав переводы стихотворения Г.Тукая «Туган тел», мы пришли к выводу, что при переводе на английский язык смысл и лексика, которые вложены в оригинал, полностью передаются, но ритм и интонация не сохранены. По нашему мнению, это недостаток, так как для татарского народа естественна певучость и звучность текста. В варианте перевода на турецкий язык и текст, и интонация совпадают с оригиналом.

Р.Бухараеву и В.Тургаю удалось добиться ритмичности как в оригинале, хотя они внесли и свои поэтические элементы в перевод текста.

Список использованной литературы

1. <http://gabdullatukay.ru/> – интернет-портал посвященный творчеству Г.Тукая.
2. <http://enc.cap.ru/> - чувашская энциклопедия.
3. http://sociolinguistics.academic.ru/607/Родной_язык – онлайн словарь.
4. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Тура_\(Мифология\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Тура_(Мифология)) – Википедия.
5. Стихотворения. / Габдулла Тукай. – Казань: Татар.кн.изд-во, 2011. – 135 с.

Yusupova Alfiya

*Doctor of Philology, Associate Professor
Kazan (Volga region) Federal University,
The Republic of Tatarstan, Kazan e-mail:
alyusupova@yandex.ru*

Salikhova Aigul

*Kazan (Volga region) Federal University,
The Republic of Tatarstan, Kazan e-mail:
aigul.tatarka@mail.ru*

FEATURES TRANSLATIONS OF POEMS BY G.TUKAY "TUGAN TEL" IN DIFFERENT LANGUAGES

Abstract. In this article we study the translation of the poem G.Tukay "Tugan Tel" in English, Russian, Turkish, and the Chuvash languages. Tukay creativity attracts many spheres of human activity: linguists, philologists, directors (cinema, theater, ballet) and translators. This topic is relevant because the translations of poems of the poet every day becoming more and require careful analysis. There are many translations of the poem "Tugan Tel" (in English: A.Valeeva, S.Badrutdin, Nicholas Ostler, in Russian: V.Dumaeva-Valeeva, A.Maksmenko, R.Buharaev).For comparative analysis were selected transfers

British professor Nicholas Ostler, Ravil Bukharaeva, professor of Gazi University
Fatma Ozkan Turgay and Basil.

Keywords: translation studies, comparative analysis, English, Tatar,
Turkish, Chuvash.

РАЗДЕЛ II

ИСТОРИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 94. (512.145)

*Гилязов Искандер Аязович,
доктор исторических наук, профессор Казанский
(Приволжский) федеральный университет,
Республика Татарстан, г. Казань e-mail:
gilyazov1958@mail.ru*

*Гатауллина Лейла Раисовна
Республика Татарстан, г. Казань*

ГЕРМАНИЯ И ИДЕЯ «ДЖИХАДА» В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ОЦЕНКИ СОВРЕМЕННОКОВ

Аннотация. В годы Первой мировой войны Германия пыталась использовать исламский фактор в своих военно-политических целях и привлечь таким образом колониальный мир на борьбу против стран Антанты. Интерес к исламу и мусульманскому миру вырос не только в глазах военных и политиков – большую активность проявил и ученый мир. Эта активность во многом способствовала складыванию научного исламоведения в Европе. Мнения об исламе среди ученых разделились. Одной из острых дискуссий вокруг идеи «джихада», развернувшейся между авторитетными европейскими исламоведами, идет речь в данной статье.

Ключевые слова: Первая мировая война, ислам, джихад, Германия, исламоведение

В годы Первой мировой войны Германия попыталась активно использовать в своих военно-политических целях исламский фактор.

Император Вильгельм II еще в 1898 г. провозгласил себя «другом мусульман». Поэтому пропагандисты разных уровней самыми различными способами стремились развить эту идею. Своеобразную поддержку в Германии получила и пропаганда «священной войны» - джихада. Позволим себе привести довольно пространную цитату из наблюдений известного дипломата Макса фон Оппенхайма, которая ярко показывает, чего же ждали немецкие дипломаты, политики и военные от «священной войны». Вот что дипломат писал о «джихаде»: «Джихад, священная война против неверных, на протяжении времени изменил свою сущность, в настоящее время ему приписывает вместо чисто агрессивного, что было характерно для него раньше, более оборонительный характер. И сегодня трудно рассчитать его последствия, если раздастся призыв, следуя которому мусульманские народы надлежащим образом будут готовиться. Даже не объявляя джихада, константинопольский султан в последней войне с Россией получал из всех мусульманских стран денежные пожертвования и добровольцев.

Мусульманский мир уже очень давно перестал быть единым государством, но панисламистская идея всегда сохранялась и сохранится в дальнейшем. С давних времен из Константинополя начиналось своего рода панисламистское движение. Чрезвычайно умело и с большой энергией сегодняшней султан взял его в свои руки. Более чем когда-либо султан воспринимается сейчас всем мусульманским миром как самый могущественный мусульманский правитель, как господин и защитник святых городов. Если же он выступит в качестве непосредственного противника какой-либо державы и покажется не слишком опасным, то в борьбе против державы, у которой имеется немало мусульманских подданных, он мог бы быть для нас ценным союзником.

Примечательно, насколько большим почтением среди мусульманских народов пользуется в настоящее время Германия, которая показала себя как друг султана ещё тогда, когда он был в бедственном положении». [13, S. 95]

В первые годы войны появилось множество публикаций и книг немецких авторов (Готтфрид Галли [4], Губерт Гримме [5], Йозеф Колер [12], Рихард

Шефер [15] и Рудольф Тчуди [22]), которые в общем и целом служили целям официальной пропаганды и представляли собой более или менее квалифицированные суждения авторов, в общем рассуждавших об учении ислама и «священной войне». Какой-либо серьезной и обоснованной критики исламской политики Германии мы в этих публикациях не встречаем.

Действовавшая в стране цензура, видимо, не допускала выхода резкой критики на публику. Хотя некоторые из авторов все-таки пускали критические стрелы в адрес официально проводимой политики. Немецкий востоковед Георг Кампфмайер, например, обвинял организаторов «джихада» в поспешности, критиковал необдуманность их решений, имевших, по его мнению, довольно поверхностные представления об исламских государствах. Кампфмайер не высказывался собственно против «джихада», но его суждения не допускают сомнения в том, что он считал напрасным приложение каких-либо усилий для «джихада», по меньшей мере, в Северной Африке.[11, S. 45]

Выражение «TheHolyWar «MadeinGermany» («Джихад, сделанный в Германии») в 1915 г. породило на страницах журналов острую дискуссию вокруг немецкой стратегии провоцирования антиколониальных восстаний в странах Антанты. Оно берёт своё начало с январской публикации голландского востоковеда профессора Лейденского университета Кристиана Снук-Хургронье. [18] Почти сразу она была переведена и опубликована на английском языке, а в 1923 г. вновь переиздана. [19,20]

Ученый подверг острой критике германскую кампанию «джихада», обвиняя немецких стратегов в эгоизме, злоупотреблении чувствами мусульман и с иронией заметил, что даже некоторые ученые-исламоведы начали служить политике. Своего немецкого коллегу К.-Х. Беккера, привлеченного к сотрудничеству по пропаганде «джихада», а также другого немецкого востоковеда М. Хартманна он упрекнул в измене своим научным убеждениям. Ответ Беккера, который отстаивал правомерность немецкой исламской политики, не заставил долго ждать.[1] Так началось обсуждение

между двумя учёными теоретических и практических аспектов немецко-турецкого «джихада», вышедшее далеко за рамки науки. Это обсуждение впоследствии вызвало большой интерес немецких ученых-исламоведов, отметим здесь публикации В.Шванитца [16,17] и П.Хайне.[9]

В чём же суть состоявшейся острой дискуссии?

Непосредственным толчком для написания голландским исламоведом своей статьи стало провозглашение османским султаном священной войны – «джихада». Рассмотрев общие положения мусульманского учения о «священной войне» с учетом изменения мировоззрения мусульман в новейшее время, К. Снук-Хургронье отмечал, что турецкий султан преследует тем самым одну цель – «завоевание мира мусульманским войском», что, по мнению, практически неосуществимо. В то же время он опасался, что сама по себе идея может вызвать «смятение и беспокойство» в «непонимающих массах». К.Снук-Хургронье пытался доказать, что идеи панисламизма часто противостояли нормальному развитию и добрым взаимоотношениям между европейскими и мусульманскими государствами. Он с сарказмом утверждал, что с началом мировой войны «младотюрки были вынуждены извлечь из антикварного музея и эксгумировать фетиш халифата».[20, р. 268] Эпоха исламского религиозного единства давно прошла, убеждал ученый, панисламизм, халифат и «джихад» уже не имеют никакой основы.[20, р. 259] Европа, считал он, проявляет свое неправильное понимание ислама, приравнивая халифат к папству, так как турецкий султан узурпировал титул халифа, и Турция, которая находится в зависимости от немусульманских держав, владеет лишь более 5 процентами всех мусульман, признающих балканского халифа. Отстаивая свою точку зрения, К. Снук-Хургронье называет провозглашение «священной войны» возвратом в средние века. По его мнению, современные государства, в которых проживает мусульманское население (или в качестве союзников и протекте), должны решать задачу их воспитания, чтобы они достигли высот

цивилизации в той же степени, что и эти государства, а не вести их вновь к средневековому образу жизни.

Особенно досталось от голландского исламоведа его немецким коллегам, которые, на его взгляд, проявляли политический эгоизм и поставили свои знания на службу политике. Он обрушился на них с обвинениями в том, что те стали игнорировать свои концепции, представленные ранее в их собственных научных трудах. В первую очередь, критике подверглись Хуго Гроде [6], Карл-Хайнрих Беккер и Мартин Хартманн (голландский ученый обращался к двум довоенным публикациям известного исламовед. [7,8] Причём, в довоенных публикациях эти довольно известные ученые резко критически высказывались в отношении ислама, считая опасным для европейских стран возбуждение мусульманского религиозного фанатизма. Так, М. Хартманн в 1911 г. утверждал: «Ислам – это религия ненависти и войны. И он не может являться господствующим принципом нации цивилизованного мира».[Цит. по: 9, S. 380]

Цитируя высказывания об исламе и панисламизме М. Хартманна и К.-Х. Беккера, К.Снук-Хургронье заявлял, что те вдруг пришли к мнению, что симпатия немцев к Турции и исламу имеет далекую историю. Дружба Германии с Турцией не такая уж и давняя, настойчиво подчеркивал он, и в доказательство этого указывал на недавнее прошлое: когда, к примеру, Австро-Венгрия аннексировала в 1908 г. Боснию и Герцеговину, немцы не поспешили вмешаться и оказать помощь турецкому правительству турок.

«С иронией и злостью, с использованием искусных цитат и личных подозрений здесь высмеивается немецкая исламская политика, – писал Карл-Хайнрих Беккер в ответной статье Снук-Хургронье, – [...] автор пытается возбудить недовольство нашими намерениями по отношению к Турции».[3, р. 640] «Немецкие исламоведы, – отмечал Беккер, – признают Снук-Хургронье основателем дисциплины. Однако эта статья, где он утверждает, что призыв к «джихаду» не принесёт успеха, показывает, что даже великие ученые нейтральных стран поддались политическому фанатизму, будь то

фанатизм пацифиста или же преобразователя мира». Немецкий востоковед выступал против обвинения Германии в вовлечении Турции в войну и заявил, что люди живут не в волшебной пацифистской стране, а в реальности, где идёт борьба за существование нации против мира врагов. Он допускал, что провозглашенный султаном «джихад» не имеет параллелей в истории, и этот «джихад» приспособлен для актуальной ситуации современности. По мнению К.-Х. Беккера «джихад» со времён средневековья претерпел значительные изменения и что в настоящее время речь идёт уже о «современном джихаде», даже о «секуляризованном джихаде», который младотюркские политики провозгласили из тактических соображений.

Если Снук-Хургронье видел в «джихаде» прежде всего «немецкую исламскую политику» и критиковал её, то Беккер полагал, что Берлин проводит вполне достойную политику по отношению к исламу. Он описал её как политику, свободную от попыток вмешиваться во внутренние дела Турции. Не скрывая своей цели оправдания исламской политики Германии, он поставил вопрос так: должна ли Турция, которая сейчас как никогда близка к своей мечте стать великой исламской державой, отказаться от важнейшего оружия для осуществления этой мечты – добиться того, чтобы мусульманские граждане стран-противников признали её оплотом ислама? По его мнению, «сознательная исламская политика» Германии состояла в том, чтобы путём развития дружеских отношений с Турцией признать международную значимость ислама и считаться другом мусульман. Начало мировой войны дало немцам возможность использовать эти преимущества, и Германия должна была поддержать Турцию. Она призвала к борьбе за освобождение персов, египтян, алжирцев и др., а эта борьба на Востоке может произойти только в форме «джихада». Беккер предполагал, что во время войны европейские культурные ценности якобы будут уничтожены, вновь придёт «восточное варварство», и придётся расплачиваться кровавыми жертвами. Ввиду этого Берлин должен был удерживать Турцию от активной пропаганды «джихада», ставшего реальностью уже после включения её в

войну. Он указывал, что «джихад» как средство борьбы Турции признан и одобрен Германией, но «джихад» «не сделан в Германии» и подчеркивал, что турецкая фетва о «джихаде» соответствует общественному настроению и, что политическое вмешательство ислама в мировую войну было неминуемо. Нападки Снук-Хургронье Беккер обосновал тем, что того беспокоит возможная реакция на призыв к «джихаду» мусульманских подданных в колониях самой Голландии. Он согласился с суждениями Снук-Хургронье о том, что мусульмане, находящиеся под господством Голландии, вряд ли будут контактировать с Османской империей, так как султан для них только легендарная фигура.

Позицию Беккера принял и его коллега – известный немецкий исламовед М. Хартманн, к этому времени уже успевший написать Снук-Хургронье 12 января 1915 г. о том, что «с большим удовольствием прочитал» его статью и выразил свою радость по поводу того, «с какой остротой он поднимает этот вопрос». После получения письма от своего коллеги Беккера, «очень огорченного» статьей голландского ученого, Хартманн поменял своё отношение к позиции Снук-Хургронье и написал ему 16 января следующее: «Более тщательное чтение вашей статьи вызвало во мне несколько другие чувства, чем большое удовольствие». При этом он указал, что учёный – тоже человек, и при наивысшей опасности вынужден хвататься за любое средство спасения.[10, S. 82, 123] Эта ситуация ясно даёт понять, что ученые-востоковеды, многие из которых, кстати, были привлечены к агитационной деятельности, вынуждены были демонстрировать свою лояльность к властям, затеявшим политическую акцию, не поддающуюся оправданию с научной точки зрения.

В мае 1915 г. Снук-Хургронье, в свою очередь, опубликовал ответ Беккеру на немецком языке, где отверг его некоторые утверждения и заявлял, что тот ради политических интересов пожертвовал своей совестью перед наукой.[21] Снук-Хургронье предостерегал, что призыв к «джихаду» несёт в себе некоторую опасность и всячески пытался доказать, что идеи халифата и

«джихада» совершенно чужды турецкой аристократии, интеллигенции и купечеству, и эти слои общества мало восприимчивы к «одному из новых творений младотурок» и что, так как призыв султана имел отклик только среди необразованной части населения и реакционных ученых, следует ожидать только незначительных локальных волнений, инициированных фанатичными группировками.[21, S. 1030] Но он все же допускал, что «при проведении продолжительной и беспрепятственной пропаганды, в мусульманских странах с немусульманским правительством можно было бы вызвать противоречия между населением и властями», что могло отразиться также и в отношении к властям мусульманского населения Голландской Индии.[21, S. 1031]

В том же номере журнала, где была опубликована статья Снук-Хургронье, вышел и ответ Беккера, завершающий этот диспут, где автор констатировал разногласия политических позиций двух сторон. Беккер заявил, что его голландский коллега имеет нечистые мотивы, действует в защиту колониальных интересов собственной страны и назвал его «научным руководителем» голландской исламской политики.

Как отметил немецкий историк В. Шванитц, оба ученых фактически отражали европейскую двойную игру по отношению к мусульманам: немецкий востоковед Беккер, поставивший свои знания на службу политике, пытался оправдать невиданную провокацию кажущимися «исламскими» аргументами; голландский учёный Снук-Хургронье тоже выступал с позиции колониального политика, защищая военную и колониальную стратегию своего государства.[16, S. 16] Ученые занимались, таким образом, «прикладным востоковедением», жертвуя своей научной самостоятельностью. Таким образом, спор вокруг «джихада» вместо научного обсуждения превратился в политический диспут.

Думается, что совершенно прав современный немецкий историк Петер Хайне, когда отмечает, что в споре голландского и немецких исламоведов очень четко проявилось, насколько различно может быть в востоковедении

отношение к мусульманскому миру. По его мнению, позиция К. Снук-Хургронье – это позиция «патерналистского воспитателя, который обходится со своим протеже строго, но справедливо», представления же К.-Х. Беккера о сотрудничестве европейских стран с мусульманскими сводятся к тому, что обе стороны стараются извлечь из этих отношений лишь экономическую пользу.

Столь гневную реакцию Беккера на фразу «Священная война, сделанная в Германии», П. Хайне объяснил тем, что голландский ученый представил общественности действительно «слабое место» немецкой исламской политики. [9, S. 383] Речь идёт о том, что объявление «джихада» было принято далеко не всеми слоями немецкой общественности. Особенно опасались тем, что могут возникнуть проблемы с мусульманским населением в немецких колониях, миссионерские круги. Недовольство проявлялось и среди представителей германской внешней торговли, предвидевших материальный ущерб, который может быть нанесён в результате этой политической игры. [9, S.384] Потому было очень важно объяснить немецкой общественности, какие же цели ставит Германия, поддерживая «джихад», объявленный султаном. При этом наряду с более или менее серьёзными научными и агитационными публикациями имели место и совершенно курьезные случаи, которые как раз восходили к имевшимся в обществе опасениям. П. Хайне описывает настоящую авантюру некоего доктора Макса Ролоффа, который получил от Службы информации по Востоку 200 000 марок на то, чтобы совершить паломничество в Мекку и при этом всячески объяснять и пропагандировать немецкое «положительное» отношение к исламу. Однако в Мекку он не поехал, а, получив деньги, отправился в свою деревню в Рудных горах и именно там сочинял свои очень красочные и яркие сообщения о якобы состоявшемся путешествии. [9, S.384]

Публикации голландского ученого привели не только к «взволнованной» реакции его немецких коллег, но также к тому, что немецкие официальные учреждения в какой-то степени занялись конкретной

контрпропагандой. Одним из примеров этого явился перевод на немецкий язык брошюры «Правда о духовной войне» шейха Салиха Шерифа ат-Туниси, известного исламского теолога и правоведа.[14] В брошюре, в которой, по словам П. Хайне, содержится попытка «придания публикации научной серьезности», [9, S.385] более или менее детально объясняется призыв султана к «джихаду». Для германской пропаганды особенно важны были два положения этой брошюры: 1. «Частичный» джихад правоверных на стороне неверных против иных неверных вполне правомерен – иначе говоря, мусульмане могут вести «священную войну» в качестве союзника христианской Германии против христианских же Англии, Франции и России. 2. Как «оборонительный», так и «наступательный» джихад в качестве личного долга станет основой мира между исламом и Европой, когда родина мусульман будет освобождена или же ей далее не будет угрожать какая-либо опасность.

Впоследствии шейх ат-Туниси много ездил по Германии и знакомил общественность с правдой о войне. Однако, прав Петер Хайне: «Были ли в состоянии книга «Правда о духовной войне», которая была представлена кайзеру, различные поездки шейха и прочая активность преуменьшить «вскормленный» веками страх перед турками – это остается под вопросом».[9, S.387]

Подытоживая свой анализ дискуссии между К. Снук-Хургронье и немецкими исламоведами, В. Шванитц находит весьма колоритные выражения: «Едва родившись, немецкое исламоведение в этой войне потеряло невинность. [...] Аргументы Беккера против Хургронье привели в целом к следующему: внутриимперские споры освятили мусульманскую радикализацию. Но у того, кто заигрывает с верой других народов таким образом, разрушается собственная вера. [...] Ученые и эксперты, от которых в силу их знаний об исламе следовало бы ожидать умеренности, отвергли призывы Хургронье к гуманизму и религиозному миру».[17, S.12]

В ходе войны отмеченная дискуссия не имела каких-либо практических последствий, не оказала какого-либо заметного влияния на немецкую внешнюю политику. И все же сегодня эти споры между учеными, которые волей судьбы оказались втянуты в политические дразги, вызывают живой познавательный интерес. И точка зрения В.Шванитца в данном случае представляется весьма точной и актуальной.

Примечания

1. Becker C. H. Deutschland und der Heilige Krieg // Internationale Monatsschrift für Wissenschaft, Kunst und Technik, 9 (15.2.1915), S. 631–662.
2. Becker, C.-H.: Deutschland und der Islam. Der deutsche Krieg: Politische Flugschriften, Stuttgart; Berlin 1914.
3. Becker, C.-H.: Die Kriegsdiskussion über den Heiligen Krieg (1915) // Becker C. H. Islamstudien: Vom Wesen und Werden der islamischen Welt, Bd. 2, Leipzig, 1932, S. 281–304.
4. Galli, G.: Dschihad. Der Heilige Krieg des Islams und seine Bedeutung im Weltkrieg unter besonderer Berücksichtigung der Interessen Deutschlands. Freiburg/Br., 1915.
5. Grimme, H.: Islam und Weltkrieg. Münster, 1915.
6. Grothe, H.: Deutschland, die Türkei und der Islam. Ein Beitrag zu den Grundlinien der deutschen Weltpolitik im islamischen Orient, in: Zwischen Krieg und Frieden, Heft 4. Leipzig 1914.
7. Hartmann, M.: Das Ultimatum des Panislamismus, in: Das freie Wort 11(1911), S. 605–610.
8. Hartmann, M.: Mission und Kolonialpolitik, in: Koloniale Rundschau 3 (1911), S.167–195.
9. Heine, P.: C. Snouck Hurgronje versus C.H. Becker. Ein Beitrag zur Geschichte der angewandten Orientalistik // Die Welt des Islams XXIII–XXIV (1984). – S. 378–387

10. Islamkunde und Islamwissenschaft im Deutschen Kaiserreich. Der Briefwechsel zwischen Carl Heinrich Becker und Martin Hartmann (1900–1918). Eingeleitet und herausgegeben von Ludmila Hanisch. Leiden, 1992.
11. Kampfmeier, G.: Deutschland im Bunde mit dem Islam und die Aussichten des gemeinsamen Kampfes gegen England und Russland // Die Vernichtung der englischen Weltmacht und des russischen Zarismus durch den Dreibund und den Islam. Berlin, 1915.
12. Kohler, J.: Der heilige Krieg. Berlin, 1915.
13. Oberhaus, S.: „Zum wilden Aufstanden entflammen“. Die deutsche Propagandastrategie für den Orient im Ersten Weltkrieg am Beispiel Ägypten. Saarbrücken, 2007.
14. Schaich Salih Aschscharif Attunisi: Die Wahrheit über den Glaubenskrieg. Aus dem Arabischen übersetzt von Karl E. Schabinger. Berlin, 1915.
15. Schäfer, R.: Islam und Weltkrieg. Leipzig, 1915.
16. Schwanitz, W. G.: Djihad „Made in Germany“: Der Streit um den Heiligen Krieg 1914–1915 // Sozial. Geschichte. Zeitschrift für historische Analyse des 20. und 21. Jahrhunderts, NF 18. Jg., Juni 2003, Heft 2, S. 7–34.
17. Schwanitz W. G. Paschas, Politiker und Paradigmen: Deutsche Politik im Nahen und Mittleren Osten 1871 bis 1945, in: Comparativ. Leipziger Beiträge zur Universalgeschichte und vergleichenden Gesellschaftsforschung, 14 (2004), S. 22–45.
18. Snouck Hurgronje C. Heilige Oorlog made in Germany // De Gids, Amsterdam 79 (Januar 1915) 1, S. 1–33.
19. Snouck Hurgronje C. The Holy War «Made in Germany». – New York, London, 1915.
20. Snouck Hurgronje C. The Holy War «Made in Germany». New York, London, 1915 // Ders. Verspreide Geschriften. Bonn / Leipzig, 1923. Bd. III. S. 257–284.

21. Snouck Hurgronje C. Deutschland und der Heilige Krieg // Internationale Monatsschrift für Wissenschaft, Kultur und Technik 9 (01.05.1915), S. 1025–1034.
22. Tschudi, R.: Der Islam und der Krieg. Hamburg, 1914.

Gilyazov Iskander Ayazovich,
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kazan (Volga) Federal University,
Republic of Tatarstan, Kazan e-mail:
gilyazov1958@mail.ru

Gataullina Leila Raisovna
Republic of Tatarstan, Kazan

GERMANY AND THE IDEA OF "JIHAD" DURING THE FIRST WORLD WAR: ASSESSMENT CONTEMPORARIES

Abstract. During the First World War Germany tried to use the Islamic factor for their political and military purposes and to bring thus the colonial world to fight against the Entente. Not only the military and politicians were interested in Islam and the Muslim world, but also a great activity was shown by the scientists. This activity largely contributed to the establishment of the academic Islamic studies in Europe. The opinions about Islam differ. One of the burning discussions around the idea of "Jihad" between the authoritative European Islamic scholars is studied in this article.

Key words: First World War, Islam, Jihad, Germany, Islamic studies.

*Рысмендеева Назгул Качкынбаевна,
Старший преподаватель кафедры Практический курс Русского и
кыргызского языков Кыргызский государственный университет
имени Ишеналы Арабаева, Кыргызская Республика, город Бишкек, e-
mail: r-nazgul@mail.ru*

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИГРЫ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Аннотация. У кыргызов немаловажное значение в формировании в детей культурного, духовного начала имели игры. В обычаях многих тюркских народов по сей день бытуют традиции, отражающие суть народных игр. Поскольку кыргызы вели кочевой образ жизни, кыргызский воин олицетворялся всадником, всегда на коне. Поэтому среди национальных игр наибольшее распространение получили конные состязания. На поминках у кыргызов есть обычай, устраивать на поминках по умершему разного рода игры: устраивались скачки, битва на копьях, борьба, стрельба из лук по жамбы (серебряный или золотой слиток) и разного рода развлечения. Из всех развлечений главными считались конные игры. У кочевых народов с детских лет мальчика приучали к езде на коне, так как в первую очередь в них воспитывали будущих воинов, защитников народа и отчизны.

Немаловажными народными играми считались игры в альчики. Альчики являются одним из древних игр у всех кочевых тюркских народов. На сегодняшний день известны более сорока видов этих игр.

В изучении национальных игр кыргызского народа основным источником является эпос “Манас”. В нем содержатся сведения о более ста народных играх. Такое отношение к играм свидетельствует о важности народных игр в формировании мировоззрения, миропонимания, религиозных убеждений. Как говорит Н.Жоробекова: "Человек играя объявляет войну своему разуму, чтобы его развивать". Это и есть Тенгрианство.

Ключевые слова: национальные игры; этнокультурные взаимодействия; кыргызские обычаи; эпос «Манас»; Тенгрианство; кочевые народы

Еще с древних времен игры существовали у всех народов без исключения. Любопытные факты, связанные с игрой содержатся в исторических документах, археологических материалах. Любопытные – это означает, что интерес человека и есть большой опыт. Это есть факт.

Поэтому факты, связанные с играми мы сегодня встречаем в разных исторических и археологических материалах. Из них мы узнаём, что во все времена игре придавалось большое значение. При раскопках древних могильниковрядом с покойными археологами были обнаружены разные элементы игр и игрушек. Например, египтяне представляли, что загробная жизнь непременно сопровождалась музыкой, плясками, играми.

Спартанский царь Агезилай вместе с детьми ездил на палочках верхом.

Наскальные рисунки на камнях являются одним из древних памятников истории. Один из таких памятников, который сохранился в Саймалы-Таш, что на территории Кыргызстана. В Саймалы-Таш сохранились более 10 тысяч камней с разными рисунками, относящимися к III веку до нашей эры. Об этих рисунках известный археолог К.

Табалдиев пишет следующее: "В Саймалы-Таш есть интересный рисунок отражающий настоящую игру. Изображенные в нем в руках держат кожаные мешки, эти мешки привязаны к канату. Видно, как они готовятся ударить друг друга этими мешками" [8, 251]. Действительно, некоторые рисунки являются не просто отдельно взятым рисунком, они представляют целую композицию. Этим рисункам более 4 тысяч лет. Это еще раз доказывает слова Й.Хэйзинге, что игры существовали еще до появления культуры[9, 13].

Существует еще один интересный факт. Философ Анаксагор, отказываясь от всяких почестей при жизни, просил как о великой чести,

чтобы в день его смерти, были устроены игры молодёжи. Как гласит монгольская пословица: "Если хочешь знать какой народ живет в том или ином государстве, посмотри, во что играют их дети". Действительно, игры - отражают по сути жизнь того или иного народа.

В обычаях многих тюркских народов по сей день бытует подобные традиции. Например, у кыргызов есть обычай, устраивать на поминках по умершему разного рода игры. Чем разнообразнее и пышнее были игры и развлечения, тем почетнее считался умерший. К этому ярким примером может послужить эпизод из эпоса "Манас" Көкөтөйдүнашы ("Поминки по Көкөтөю").

Хан Көкөтөй был одним из знатных и богатых ханов своего времени.

После его смерти сын Бокмурун устраивает поминки, на которую созывает гостей со всего света [5, 216]. Апогеем таких пиршеств были игры. На поминках устраивались скачки, битва на копьях, борьба, стрельба из лука по жамбы (серебряный или золотой слиток) и разного рода развлечения. Из всех развлечений главными считались конные игры.

Конь у тюркских кочевых народов олицетворял его образ жизни. Для кыргыза он был больше чем просто средство передвижения. С детских лет мальчика приучали к езде на коне, так как в первую очередь в них воспитывали будущих воинов, защитников народа и отчизны. Поэтому до сих пор, если широко не бытует, то по крайней мере у кыргызов в отдельных местах сохранился обычай "Атка мукул бака бут".

В обычаях китайских кыргызов (этнические кыргызы, проживающие на территории современного Китая) хорошо сохранился этот обряд. "Когда ребенок достигал 7–8 летнего возраста, его отец сажал его на молодого жеребца, взяв с собой чапан (верхняя одежда) сшитый из дорогого материала, и направлялся к самому близкому другу или родственнику в гости. Подарив хозяину дома чапан, они гостили у него. В их честь резали барана, готовили лучшие угощения. Хозяин дома заметив, что ребенок

достаточно вырос чтобы ездить на коне самостоятельно, дарил мальчику празднично оседланного коня (кунан - молодой жеребец) [1, 103].

О лошадях кочевников и всадниках известный историк Л.Н. Гумилев пишет следующее: "Лошади не взнузданы, что указывает на их хорошую выучку и вместе с подстриженной гривой создает впечатление хорошо тренированных и подготовленных кавалерийских коней, которых любят и на которых надеются в трудные минуты. Всадники сидят в седле, свесившись набок (казачья посадка), что обличает людей, проводящих в седле большую часть жизни [3, 67].

Поскольку кыргызы вели кочевой образ жизни, кыргызский воин олицетворялся всадником, всегда на коне. Поэтому наибольшее распространение получили конные состязания.

Народная игра содержит в себе многовековую информацию о традициях многих поколений. У кыргызов, как и у других народов, особенностью во всех народных играх является то, что она входит в качестве ведущего компонента в народные традиции. Это позволяло старшему поколению посредством игр ненавязчиво, целенаправленно вводить детей в мир народной культуры, этики, человеческих отношений, эстетического восприятия.

Немаловажное значение в формировании в детей культурного, духовного начала имели игры. Игры в альчики были одним из древних игр у всех кочевых тюркских народов.

В кыргызско-русском словаре К.Юдахина альчиком дает следующее определение: чюкё – "*коленная косточка овцы или козы*" [10, 379]. На казахском – *асық*, по-монгольски – *шагай*, по-таджикски – *ошуқ*, по-узбекски – *oshiq*, по-туркменски – *aşık*)– это средство игры многих государств Центральной Азии и Монголии. Чюкё, асық, астрагалы, бабки, как бы они не назывались, суть игр в альчики состоял в том, что в первую очередь в ребенке воспитывали будущего воина.

На сегодняшний день у кыргызов сохранились более сорока видов таких игр. Учитывая возрастные, половые особенности, игры в альчики условно можно поделить следующим образом: игры для детей, семейные игры, игры для взрослых, и игры для настоящих мужчин. Выбивая выстроенные альчики с сака (бита) ребенок учился меткости, сосредоточенности, также играя в игру "Үчүм" ребенок учился считать. Если внимательно взглядеться, все игры в альчики являются частью большой игры - ордо. Ордо - уникален. В него играют исключительно взрослые мужчины. В нем встречаются элементы почти что всех остальных игр в альчики. Ордо можно считать отражением тактики и стратегии государства, выработанной на основе многовекового опыта кыргызского народа.

В эпосе "Манас" Манас со своими 40 чоро (джигитами) играли в ордо. По правилам игры чертится большой круг, и никто кроме игроков не имел права наступать на черту. Он олицетворял границы государства. Шпионы, посланные китайским ханом Эсенханом, на своих верблюдах специально пересекли эту черту. Тогда разгневанный Манас одним ударом своего томпоя (бита, коленная кость коровы или быка) сломал ноги семи верблюдам.

Эпос "Манас" является самым объемным эпическим произведением устного творчества во всем мире. Строки которого превышают более полумиллиона строк, когда такие эпосы как "Илиада" и "Одиссея" вместе взятые меньше в 20 раз, Шахнаме в 5 раз, а Махабхарата в 2,5 раза.

В эпосе "Манас" охвачены все стороны жизни кыргызского народа, от деталей быта до больших событий в его судьбе. В "Манасе" синкретически соединены многовековая история кыргызского народа, быт, обычаи, этические и нравственные нормы, эстетическое восприятие, взаимосвязь с природой во вселенском масштабе, мировоззрение и многое другое, т.е. отражена вся жизнь народа. Каким бы уникальным, океаноподобным не был бы, но Манас достиг своего пика как эпос. При этом существующий живой интерес к Манасу не иссякает, и требует сегодня все большего и большего внимания и

исследований. В результате таких исследований в Кыргызстане возникли такие условные понятия:

Манас - эпос; Манас -
высший разум;

Манас - код жизни.

В Кыргызстане параллельно в общечеловеческими религиозными понятиями ярко прослеживается национальное мировоззрение, миропонимание, основным объектом исследований которых является Манас. Тема Манаса более чем актуальна в кругу исследователей. Корни научных исследований национальных особенностей кыргызского народа, независимо от ракурса исследований уходят в глубь почвы эпоса «Манас». Этнографические исследования будут неполноценны без ссылки на эпос «Манас». В изучении национальных игр кыргызского народа также основным источником является эпос «Манас». Как говорит Н.Жоробекова: "Человек играя объявляет войну своему разуму, чтобы его развивать". Это и есть Тенгрианство.

В научном кругу Тенгрианству дается следующее объяснение. До принятия мировых религий — ислама, христианства и буддизма, тюрки имели древнюю религию – тенгрианство. Хочется обратить внимание на то, что формировавшиеся веками понятия, определения на сегодняшний день потеряли свою актуальность (или же сегодняшнее понятие Тенгрианства потеряла те исконные корни, свое изначальное предназначение). В связи с чем хочется обратить внимание на определение понятия Тенгрианства из учений Н. Жоробековой.

"Тенгрианство - учение о теле. Тело человека - это теория науки. В человеческом теле есть естественная сила - его энергетика. Эта энергетика - она сияющая сила. Человек глубоко дышит, значит, это тело ищет. Есть обыкновенное мнение тела. Это - мигающий миг осознания. Осознать - значит, узнать. Узнать - это и есть учение человека. Поэтому человек умеет учить самого себя, чтобы не было неуверенности. Уверенность дает

человеку умственное достижение. Это - его желание. Значит, он знает, как жить дальше.

Тенгрианство - это направление к Богу. Это творчество тела. С этим творчеством тело всегда чувствовало логику. А логика - есть мышление тела. Потому что, у тела есть единое направление - это видение. Поэтому, тело всегда чувствует что ищет. Оно ищет истинность. Истинность - естественность. Естественность - это сияющая сила".

"Учение о теле", "тело - теория науки", действительно, на протяжении всей истории человечества, человек изучал самого себя. Сегодня человечество стоит на грани между исследованным, опознанным, потерявшим свою актуальность ценностями жизни и новым, порой таинственным, неизведанным миром. К чему примером может послужить кризис в Европе и т.д. Научно-технический рост прогрессирует, социально-экономический уровень развития населения достиг своей вершины. Возникает вопрос: "Что дальше?" [12]

Действительно, что дальше? Каждый из нас ищет ответ на этот вопрос. Человеческий разум достиг своего апогея. Он может все, он умеет все, он имеет все. Все равно, чувство пустоты, ненасыщенности, неполноценности преследует его, не дает ему покоя. Поэтому на сегодняшний день всё прогрессивное человечество ищет ответ на этот вопрос. Подобно Будде (он искал себя, он голодал, подвергал себя разным испытаниям) мы ищем единственное истинное направление, основную суть нашего существования.

В нашей жизни все направлено на изучение, познание нас самих. При этом мы забываем, что мы сами являемся источником этих знаний. Потому что, человек подобие вселенной, таким его создал Бог. И все в этом мире, будь это религия, будь это наука, будь это культура, искусство, традиции, обычаи, все направлено на познание самого человека. Одним из таких явлений человековедения являются народные игры. Этнокультурные взаимодействия тюркских народов находят отражение и в народных играх. При рассмотрении игр тюркских народов мы находим больше тождеств, чем

различий. Это свидетельствует о том, что все народы (не только тюркский мир) имеют одни корни. По этому поводу хочется вспомнить слова Й. Хейзинга "Все люди играют одинаково".

Список использованной литературы

1. Абдалиева Г., Н.Рысмендеева. Мурас. - Б., 2013.
2. Вайнштейн С.И. Мир кочевников Центральнoй Азии. - М.: Наука, 1991. -с.:299.
3. Гумилев Л. Н. Древние тюрки: - Санкт-Петербург, 2002.500 с.
4. Диваев А.А. Древние игры киргизской молодежи // Туркестанские ведомости, 1907. № 54. -С. 3.Мамай Ж. Манас. - Б., 2014. 752 с.
5. Манас. Эпос. Жүсүп Мамай варианты боюнча.1-китеп. - Ф. 2014. - 752б.
6. Манас эпос Икитеп. С. Орозбаковварианты боюнча. Ф.: «Кыргызстан», 1979. 296с.
7. Табалдыев К.Ш. Древние памятники Тянь-Шаня. Б.: 2011. 319с.
8. Табылдиев К. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. - Бишкек, 1996. -122с.
9. Хейзинге Й. Человек играющий. М., 2004.
10. Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь: В 2-х кн. - М.: Советская энциклопедия, 1965.
11. Юнусалиев Б.М. Тандалган эмгектер:[Текст]/Б.М. Юнусалиев Ф., 1985. -509 с.
12. Жоробекова Н. Труды. Рукописные варианты.

Rysmendeeva Nazgul Kachkynbaevna
Senior Lecturer, Department of Practical Course of Russian and Kyrgyz
languages Kyrgyz State University named IshenalyArabaev, Kyrgyzstan, Bishkek,
e-mail: r-nazgul@mail.ru

NATIONAL GAMES: ETHNOCULTURAL INTERACTION OF TURKIC PEOPLES

Abstract. The customs of many Turkic peoples today are prevalent tradition, reflecting the essence of folk games. Since the Kyrgyz were nomadic, Kyrgyz soldier personified rider, always on horseback. Therefore, the most widely used among the national horse race games. At the memorial service at the Kyrgyz people have the custom, arrange on a memorial service for the dead all sorts of games: jumps were held, the battle on the spears, fighting, shooting from bow on Jamba (silver or gold bar), and all sorts of entertainment. Of all the major entertainment considered Equestrian Games. In the nomadic peoples since childhood a boy accustomed to riding on horseback, as in the first place they were brought up future soldiers, defenders of the people and the homeland.

No small importance folk games were considered alchiki. Alchiki games are one of the oldest games in all nomadic Turkic peoples. To date, it is known for more than forty types of games.

In a study of national games of the Kyrgyz people is the main source of the epic "Manas". It contains information about more than one hundred national games. This attitude to the games shows the importance of the popular games in the formation of the world, worldview, religious beliefs. As N.Zhorobekova says: "A man playing declares war on his mind, to develop it." This is Tengrianism.

Keywords: national games; ethnic and cultural interaction; Kyrgyz customs; epic "Manas"; Tengrianism; nomadic people.

U. Schamiloglu
Ph.D., Professor,
Department of Languages and Cultures of Asia
University of Wisconsin
Madison, Wisconsin, USA
E-mail: uschamil@wisc.edu

Qul^cAli’s Qıssa-i Yusuf: What It Was, and What It Was Not

This paper addresses the question of whether one work is, or is not, a major work in the literary history of the Tatars, namely the Story of Joseph, based on *sūra* 12 in the *Qur’ān*. This story later developed into one of the most beloved stories and was retold in a number of different versions. According to Hickman, *Qıssa-i Yusuf*, Qul^cAli’s early 13th century telling of this verse poem, was probably intended for an audience of recent converts to Islam.⁶ By any standard, Qul^cAli’s *Qıssa-i Yusuf* (“Story of Joseph”) should be considered a work that is critical in the history of Islamic Turkic languages and literatures, since it has been noted that it can be considered the next major work in Islamic Turkic literature after Yusuf Hass Hacib’s *Qutadğubilig* and Mahmud Kāşgarī’s *Dīwānluğāt at-Turk* (both late 11th century). This assertion also depends on how one dates certain other undated early works such as the “Central Asian Tafsir”, the *Atabätül-haqa’iq*, and other works that might be from the late 12th century or more likely the 13th century or even later.⁷

According to the colophon in the manuscripts of Qul^cAli’s *Qıssa-i Yusuf*, it was written in 1233 CE. Of particular importance in the history of the study of this work are the manuscripts from Dresden and Berlin, on the basis of which a number of European scholars have studied this work since the late 19th century.⁸ The

---

⁶William Hickman, *The Story of Joseph: A Fourteenth-Century Turkish Morality Play* by Sheyyad Hamza, Middle East Literature In Translation (Syracuse: University of Syracuse Press, 2014), p. 5.

⁷For an intelligent survey of these works see G. Clauson, *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish* (Oxford, 1972), pp. xvii ff.

⁸Selected works on this subject include: M. Houtsma, “Ein alttürkisches Gedicht”, *ZDMG* 43 (1889); Carl Brockelmann, “^cAlī’s Qıssa’i Jūsuf. Der älteste Vorläufer der osmanischen Literatur”, *Abhandlungen der königlichen preussischen Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Klasse* 1916:5; A.N. Samoylovich,

overwhelming majority of known manuscripts – mostly fairly recent manuscripts – are found in the Volga region, Because of its popularity this work was also made available in published editions beginning in 1839. The Dresden and Berlin manuscripts on which the most important scholarship is based also originate in the Volga region. It is in part on the basis of its popularity in the Volga region and the abundance there of manuscript versions of this work that Qul^cAli's *Qıssa-i Yusuf* is considered by modern scholars to be a work that is indigenous to the Volga region.⁹

As noted by Xisamov, Qul^cAli is mentioned in the pre-modern corpus of histories of Bulğar. The author of one of these works, the *Tävarix-ibulğariya* or the *Tarixnamä-ibulğar*, weaves Qul^cAli into his own genealogy in the medieval period.¹⁰ Even though Xisamov is aware of the criticisms of this work, he considers the fact that such a genealogy is offered “is a unique fact which can somehow cast light on the author”.¹¹ Therefore Xisamov is reluctant to dismiss information that may somehow link Qul^cAli to the Volga region in earlier times.

What alternative interpretation can we offer for such information? This work, written by Tacäddin Yalçıqul (1763-1837) in 1220/1805 (and republished in a second edition in Ufa),¹² is characterized by Mirkasim Usmanov as naïve and not very convincing, a view which I have also endorsed.¹³ Not unlike more recent

---

“K istorii literaturnog sredneaziatskog yazıka”, *Mir-Ali-Shir* (Leningrad, 1928); A.K. Borovkov, *Leksika sredneaziatskog otefsira XII-XIII vv.* (Moscow, 1963), p. 10; E. Bertel's, “Literaturnarodov Sredney Azii ot drevneyshikh vremen do XV v.”, *Novyy Mir* 1939:9; A.T. Tagirdjanov, “Vliyanie poemy Firdousi ‘Yusuf i Zulayxa’ na ‘Kıssa-i Yusuf’ ^cAlii ‘Yusuf i Zulayxa’ Shayyad Xamzi”, *Palestinskiy sbornik* 21 (1970); E.N. Nadjip, “O yazıke pamyatnika XIII veka ‘Kyssa-i Yusuf’ Ali”, *Sovetskaya turkologiya* 1976:2; N.Sh. Xisamov, *Poema “Kyssa-i Yusuf” Kul ^cAli* (Moscow: Nauka, 1979).⁹ The major publication of the text is Kul Gali, *Kıssa-i Yusuf. Skazanie o Yusufе/Kol Gali, Kıyssi Yusuf. Yosıfturındaki yssa* (Kazan: Tatarstan Kitap Näsriyatı, 1983), whose text was prepared by F.S. Faseev, with historical commentary by M.A. Usmanov, and with the participation of a number of other scholars. The manuscripts of this work are reviewed and analyzed on pages 426-494.

¹⁰Xisamov, *Poema “Kyssa-i Yusuf” Kul ^cAli*, pp. 20-21. See number 66 in the genealogy in the recently published new edition of this work: I.G. Galyautdinov, “*Tarixnama-ibulğar*” *Tadjetdina Yalsıgulovala* (Ufa, 1998), pp. 189 (text) and 164 (Russian trans.).

¹¹Xisamov, *Poema “Kıssa-i Yusuf” Kul ^cAli*, p. 20.

¹²I.G. Galyautdinov, “*Tarixnama-ibulğar*” *Tadjetdina Yalsıgulovala* (Ufa, 1998). This is the second revised edition of a work originally published in 1990.

¹³M.A. Usmanov, *Tatarskie istoričeskie istočniki XVII-XVIII vv.* (Kazan, 1979), p. 158. Elsewhere I have added my strong endorsement of Usmanov's view concerning this work, see my “We Are Not Tatars! The Invention of a Bulğar Identity”, *Néptörténet – Nyelvtörténet. A 70 éves Róna-Tas András köszöntése*, ed. László Károly and Éva Nagy Kincses (Szeged, 2001), pp. 137-153; and “My ne tatory! Izobretenie bulgarskoysamosoznaniya”, *Istochniki issledovaniya po istorii tatarskogo naroda: Materialy k uchebnam kursam v chest' yubileya akademika AN*

works, I would argue that the author of this modern history of the Bulğars is weaving a popular religious work of his time, Qul^cAli's *Qıssa-i Yusuf*, into his historical narrative, thereby establishing continuity with an earlier era, even though such forged links are by definition a marker of discontinuity. This is consistent with my argument that authors in this period who are writing histories of Bulğar are forging links to an Islamic past. As I noted above, the mere fact that such links must fabricated itself is an indicator of discontinuity with the past.

The modern Tatar claim that Qul^cAli's *Qıssa-i Yusuf* is a product of Bulğar literature and therefore of Tatar literature was first made by ŞihabäddinMärçani(1818-1889) in his *Müstäfadül-axbar fi ähvalQazanvä-Bulğar*. In this work, Märçani writes casually that the Bulğars were really Turks, and that among their works were the *Nähcül-färadis*, *BaşlaĖali* [= *Kisekbaşkitabı?*], *Yusuf kitabı*, *Nashihatüs-salihin*, and *Bädävamkitabı*.¹⁴ As noted by Xisamov, the *Yusuf kitabı* to which Märçani is referring to what we know today as Qul^cAli's *Qıssa-i Yusuf*.¹⁵

Not surprisingly, modern Kazan Tatar scholarship such as the introductory essay in the publication of Qul^cAli's *Qıssa-i Yusuf* takes it for granted that this is a work of literature from the Volga region in the Bulğar period.¹⁶ This is also reflected in the first volume of the history of Tatar literature, in which this work is treated in the section on Bulğarian literature of the 9th-early 13th centuries.¹⁷ Such a view is consistent with the earlier "Bulğarist" ideology and is also firmly entrenched in the modern national claim first formulated by Märçani.

Reading this work in the modern Tatar edition (which includes a transcribed text vocalized as though the work were Old Tatar), the work still appears to be a work in a "mixed" dialect with many Oğuz elements very close to the texts of Old

---

RT M.A. Usmanova, ed. D.M. Usmanova and D.A. Mustafina (Kazan: Kazanskiygosudarstvennyy universitet, 2006), pp. 360-379.

¹⁴ (Kazan, 1885). I have been able to consult only the second edition of this work: i-ii (Kazan, 1897-1900), i, p. 13. On Märçani see the references in my "The Formation of a Tatar Historical Consciousness: ŞihabäddinMärçani and the Image of the Golden Horde", *Central Asian Survey* 9:2 (1990), pp. 39-49.

¹⁵ Xisamov, *Poema "Kyssa-i Yusuf" Kul^cAli*, p. 3.

¹⁶ See FazılFäsiev, "KolGalineĖ 'KıyssaiYosıf' poeması"/FazılFaseev, "Poema 'Kyssa-i Yusuf' Kul Gali", *Kyssa-i Yusuf. Skazanie o Yusufe/KıyssaiYosıf. Yosıfturındakıyssa*, pp. 7-44.

¹⁷ Ş.Ş. Abilov and N.Ş. Xisamov, "KıyssaiYosıf", *Tatar ädäbiyatıtarixı*, i (Kazan, 1984), pp. 114-157.

Anatolian Turkish. By this I mean features (vocalized by me as in Ottoman Turkish) including:

regular *d-~t-* alternation as in Oğuz dialects (*düş, dutmadı*)

ver- ‘to give’ (*vermez*)

ol- ‘to be’ (*olur*)

dative in *-a* (*dinlere*)

participle in *-an* (*dutan-lar*)

use of the *-dıkas* in Ottoman Turkish (*olduğunu*)

use of *-miş* in Ottoman Turkish (*vermiş*)

imperative forms as in Ottoman Turkish (*qalalum, olalum, qılalum*)

Oğuz vocabulary (*uyurken* ‘while sleeping’)

Brockelmann¹⁸ has also shown (as well as could be shown in his day) that while there are “eastern Turkic” elements in the work linking it with Uyğur/Turki and Tatar, the majority of lexical elements are, in fact, Oğuz. Certain elements in the orthography of the Arabic script are also consistent with the transition to Arabic script in Old Anatolian Turkish texts, such as the use of vocalization markers such as the doubled *kesre* to indicate *-in*.¹⁹ Therefore, I would support the view that this work must be considered a work in a “mixed” dialect that is very close linguistically to the first works of Old Anatolian literature, all of which postdate Qul^cAli’s work.²⁰ Therefore I connect it with Anatolia rather than Central Asia. Even though the major manuscripts of this work are modern manuscripts from the Volga region, the language is not heavily influenced by modern Tatar. While some scholars argue that this work was written in the Volga region based on a single

---

¹⁸“cAlī’s Qissa’i Jūsuf. Der älteste Vorläufer der osmanischen Literatur”.

¹⁹ See M. Mansuroğlu, “The Rise and Development of Written Turkish in Anatolia”, *Oriens* 7 (1954), pp. 250-264.

²⁰ For a review of studies of Old Anatolian literature, see B.G. Guzev,

“Kratkiy obzor issledovaniy poyazikuyurkov Maloy Azii XIII-XIV vv.”, *Tyurkologicheskiiybornik* 1972 ((Moscow, 1973), pp. 69-92. On this work and its language see more recently Sinan Uygur, *Ali’nin Kıssa-i Yūsuf’u (Giriş-İnceleme-Metin-Sözlük)*, Yüksek Lisans Tezi, Atatürk Üniversitesi (Erzurum, 2003).

name occurring in the Volga Bulğarian inscriptions (*Mämli*),²¹ I will argue (below) that this is also a linguistically flawed argument.

The argument of Tatar scholars since Märçani is that Qul^cAli's *Qıssa-i Yusuf* is a work of Volga Bulğarian. We cannot exclude the possibility that this work was written in Old Anatolian Turkish (?) in the territories of what already was or was about to become the co-called "Golden Horde" in 1233. Perhaps it even could have been written in the territory of Bulğar itself. But many Tatar scholars are under the erroneous view that the Volga Bulğarian language is no different from Old Tatar. This view is incorrect, however. Although there are tantalizing references to earlier works written in Bulğar (though we do not know in which language), the only authentic examples of the language of the Volga Bulğarians are the Volga Bulğarian funerary inscriptions of the 13th-14th centuries. Without getting overly technical for our purposes here today, this emerging literary language – from only a very limited corpus – was a mixture of Arabic combined with Bulğar Turkic phrases whose main features include:

Standard Turkic *y*- > Volga Bulğarian *c*- (*cür* '100')

Standard Turkic *z* > Volga Bulğarian *r* (*cür* '100', *sakir* '8', *xiri* 'daughter of')

Plus numerous other features!

In other words, this is a dialect which is closely related to modern Chuvash, not to Kazan Tatar. I should that modern Chuvash is not even remotely mutually intelligible with Kazan Tatar.

Another issue is how Qul^cAli's *Qıssa-i Yusuf*, written in 1233, could be a product of Bulğarian literature when the history of the development of an Islamic Turkic literary language in the territory of the Golden Horde (including Volga Bulğaria) actually has quite a different chronology. In the Volga region the first tombstone in Volga Bulğarian dates from 1271 and the major works of literature in the Golden Horde date from the mid-14th century. From this perspective, 1233 seems somehow too early for such a work to have been written on the territories of

---

²¹ See the review of this literature in Xisamov, *Poema "Kyssa-i Yusuf" Kul^cAli*, pp. 18ff.

Volga Bulğaria, before the Golden Horde was even established. It is not inconsistent, however, with the relatively earlier development of an Old Anatolian literary language.

As a conclusion I would offer several observations. The first is that this is a work that was much loved and read by Tatars in the 18th-19th centuries, if not earlier. The popularity of such religious works is no doubt tied to the renewed influence of Sufi orders in the Volga region in this period. It does not follow, however, that this was necessarily a native work of Bulğarian and therefore Kazan Tatar literature from the early 13th century. This requires leaps of faith that I am not willing to make – at least not as a scholar – but it is the kind of leap of faith that nationalists regularly do make.

In a survey of Tatar literary history would I include it as a “Tatar” work of the Bulğar period from the 10th-early 13th centuries? No. Would I include it in the section of Tatar literature created in the 16th-19th centuries? No. But one would have to include it in any literary history or cultural history of this period not as a work of native literature, but as a work that was introduced to the region later and widely read and loved.

[Submitted to: proceedings of the Conference on Turkology, Kazan Federal University (Kazan, Tatarstan/Russian Federation, April 2016).]

U. Schamiloglu
Ph.D., Professor,
Department of Languages and Cultures of Asia
University of Wisconsin
Madison, Wisconsin, USA
E-mail: uschamil@wisc.edu

Qul cAli’s Qıssa-i Yusuf: What It Was, and What It Was Not

This paper addresses the question of whether one work is, or is not, a major work in the literary history of the Tatars, namely the Story of Joseph, based on

sūra 12 in the *Qur'ān*. This story later developed into one of the most beloved stories and was retold in a number of different versions. According to Hickman, *Qıssa-i Yusuf*, Qul cAli's early 13th century telling of this verse poem, was probably intended for an audience of recent converts to Islam.¹ By any standard, Qul cAli's *Qıssa-i Yusuf* ("Story of Joseph") should be considered a work that is critical in the history of Islamic Turkic languages and literatures, since it has been noted that it can be considered the next major work in Islamic Turkic literature after Yusuf Hass Hacib's *Qutadğū bilig* and Mahmud Kāşgarī's *Dīwān luġāt at-Turk*

¹ William Hickman, *The Story of Joseph: A Fourteenth-Century Turkish Morality Play by Sheyyad Hamza*, Middle East Literature In Translation (Syracuse: University of Syracuse Press, 2014), p. 5.

УДК 297(008)

Рахимова Язгуль Ринатовна

Соискатель института международных отношений, истории и востоковедения, кафедра религиоведения и исламоведения Казанский (Приволжский) федеральный университет, Республика Татарстан, г.Казань, yagoda504@gmail.com

КЛАССИЧЕСКИЕ ТАФСИРЫ КОРАНА КАК ДОСТОЯНИЕ ТАТАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Создание и развитие значимой отрасли в корановедении – комментирование Корана, т.е. тафсир является одним из значимых направлений в традиционной исламской науке, а также в современном европейском и отечественном востоковедении и науке о Востоке. В статье освещается феномен тюрко-татарских тафсиров конца XIX – начала XX вв., оценивается наследие тафсиров и их влияние на развитие татарской культуры, приводятся сведения о наиболее распространенных сочинениях.

Внимание в статье уделяется обзору наиболее авторитетных авторов тафсиров средневековья – тафсирам арабских, персидских, индийских богословов.

Ключевые слова: духовное наследие татар, Коран, татарские тафсиры, тюрко-татарские богословы.

В последнее время отмечаются повышение интереса к исламу, его культурному наследию, уважительное отношение к Корану как Священному Писанию. Играя значительную роль в истории человечества, Коран продолжает оказывать влияние на основные сферы жизни общества:

политическую, правовую, религиозную и культурную во многих государствах мира, в первую очередь в странах Ближнего и Среднего Востока, Центральной и Малой Азии, Кавказа и Закавказья, а также в таких регионах России, как Поволжье и Приуралье. Влияние ислама и мусульманского права на государственно-правовое развитие в этих странах имеет отличия. В этом плане представляет интерес история татар Поволжья и Приуралья. С одной стороны, татары стремились жить и развивать духовность в соответствии с мусульманскими канонами, с другой – права мусульман Поволжья и Приуралья были в значительной степени ущемлены законодательством Российской империи. Татары всегда ассоциировали себя с исламом, несмотря на происходящие изменения в их политической и социокультурной жизни: потерю государственности в 1552 г., христианизацию, двойную смену алфавита и т.д. Татарский народ стремился сохранить свое богатое духовное наследие, в том числе рукописные памятники, сокращая тем самым разрыв духовной преемственности в передаче письменного наследия.

Изучение арабоязычной литературы у татар началось с принятия ислама в Волжской Булгарии и на других территориях. Наши предки имели тысячелетнюю историю искусства рукописной книги на основе арабской графики. Арабский язык использовался в качестве литературного в

богослужении, в школьном обучении и науке. Во многом благодаря рукописной книге у татар сохранились язык, религия и национальная культура. Однако в первую очередь арабские письменные источники, Коран, кораническая литература, религиозно-богословские, этико-правовые, филологические и другие сочинения служили для мусульман Поволжья источником познания учения пророка Мухаммеда.

Пережив сложный период радикальных перемен в ценностных ориентациях по отношению к религии (XVIII – начало XX вв.), богословие у мусульман Поволжья и Приуралья получило новый виток развития.

Наступило время пробуждения общественной мысли татар. К концу XIX в. существовало два направления философской мысли: реформаторское и традиционалистское. В этот период появилось большое количество работ, посвященных религиозно-философской мысли татар. Представляет интерес изучение наследия наиболее крупных представителей этих направлений: А. Утыз-Имяни (1754–1834), А. Курсави (1776–1812), Х. Фаизханова (1828–1866), Ш. Марджани (1818–1889), К. Насыри (1825–1902), Р. Фахреддина (1859–1936), А. Баязитова (1847–1911), М. Биги (1875–1949), С. Максуди (1878–1957), Ю. Акчуры (1876–1935), Г. Исхаки (1878–1954). Их первые сочинения в большинстве своем были переводами более ранних трудов арабских и персидских писателей и мыслителей. Изучение памятников на арабском языке позволило перечисленным выше авторам выявить особенности ислама как мировой религии. Тафсир является основным жанром арабо-мусульманской богословской литературы. Именно к тафсирам обращались татарские авторы в поисках разъяснения внешних (захир – араб. *رهاظ*) и внутренних (батын – араб. *نطاب*) сторон Корана (Внешняя сторона Корана – это чтение (словесная форма, конструкция), внутренняя его сторона – это его смысл и толкование // tawhid.com/index.php...).

Наиболее авторитетными авторами тафсиров были средневековые арабские, персидские, индийские богословы М.Айнтаби, аль-Балхи, аль-

Байдави, аль-Бухари, аль-Джуфи, аз-Замахшари, Ибн Касир, аль-Куртуби, ас-Суйути, ат-Табари, ат-Тустари, аль-Багави, ар-Рази, и др.

Абу Джафарат-Табари (839 – 923) – один из наиболее известных мусульманских историков и комментаторов Корана. Его фундаментального объема тафсир «Джами аль-баян фи тафсир аль-Куран» (араб. ريسفت يف نايبلا عماج – «Совершенно полное разъяснение Корана») [1] считался первым среди прочих комментариев. Тафсират-Табари в 30 томах имеет статус главного источника для более поздних муфассиров (комментаторов). Объясняя смыслы аятов, ат-Табари цитирует различных ученых и затем доказывает позицию, которая, по его мнению, является более весомой в плане доводов.

Однако следует признать, что в тафсире ат-Табари присутствуют не только достоверные хадисы, но и недостоверные. По этой причине не все приведенные им хадисы можно считать надежными. Целью автора этого тафсира было собрать все хадисы, которые ему доступны, чтобы этот материал можно было использовать далее. Ат-Табари привел цепочки иснадов (Иснад (араб. دانسنا – подтверждение) — перечисление людей, передававших друг другу, из поколения в поколение, тексты о словах и действиях пророка Мухаммеда) к каждому хадису.

Абу Мухаммад аль-Хусейн ибн Масуд аль-Багави (1041 – 1122) – автор труда «Маалимат-Танзиль» (араб. ليزنتلا ملاعم – «Достопримечательности Корана»)[2], который более известен как «Тафсир аль-Багави» (يوغبلا ريسفت).

Это средний по объему комментарий, в котором коранические аяты толкуются с помощью хадисов от пророка Мухаммеда, а также сообщений от его сподвижников, табиитов и богословов последующих поколений.

Абуль-Касим Махмуд ибн Умар аз-Замахшари (1075 – 1144) – среднеазиатский писатель, философ, толкователь Корана, видный представитель ханафитского мазхаба (Ханафитский мазхаб – одна из четырех правовых школ в суннитском исламе) и мутазилитской богословской школы. Его тафсир «аль-Кашшаф ан хакаик гавамид ва гуюн аль-акавил» (араб. فاشكلا ليوأتلا هو جو – «Раскрытие истин Корана») [3],

больше известный как тафсир «аль-Кашшаф», по сей день является каноническим трудом в области корановедения. Автор уделил большое внимание лексикологическим особенностям этой книги и подробно проанализировал разночтения. Труд можно охарактеризовать как приятный для чтения и изучения. Многие представленные в нем выражения считаются достойными образцами красноречия. По сути, это толкование является первым образцом научной критики. Вокруг труда аль-Кашшафасосредоточилась значительная по объему критическая литература. На основе этой работы было написано множество опровержений и переработок.

Фахруддин Абу Абдуллах Мухаммад ибн Умар ар-Рази, известный как Фахруддин ар-Рази (1149 – 1209), видный представитель ашаритского калама, служил при дворе султанов и хорезмшахов, полемизировал с мутазилитами, ханбалитами, исмаилитами. Автор знаменитого незавершенного тафсира «Мафатих аль-гайб, ау ат-Тафсир ал-Кабир» (араб. *ريكلا ريسفتلا* *وا بيغلا حينافم* – «Ключи от сокровенного, или большое толкование Корана») [4], который был составлен в ответ на тафсир мутазилита аз-Замахшари. Ар-Рази считается имамом в акыде (Акыда – вероубеждение в исламе), поэтому в своей работе он уделил внимание рационалистике и дебатам в области калама по опровержению сект. Его труд занимает высокое место среди толкований Корана.

Насируддин Абу Саид Абдуллах ибн Умар аль-Байдави (ум. в 1286 г.) – выдающийся мусульманский богослов, историк, муфассир, известен как автор комментария к Корану «Анвар ат-танзиль ва асрар ат-таэвиль» (араб. *ليوأتلا رارساؤ* *ليزنتلا راونا* – «Свет Корана и секреты толкования») [5]. Тафсир аль-Байдави составлен с позиции ашаритского калама, скомпилирован из более ранних тафсиров «аль-Кашшафа» аз-Замахшари, «Тафсира аль-Кабира» ар-Рази. После каждой суры аль-Байдави приводит хадисы, повествующие о достоинстве этих сур. На этот тафсир написано свыше 250 комментариев.

Абу Абдуллах Мухаммад ибн Ахмад аль-Куртуби (1214 – 1273) – исламский богослов и мыслитель. Мусульманские историки характеризуют его как богобоязненного и аскетичного человека. Самым известным трудом аль-Куртуби является толкование Корана «Аль-джами ли-ахкам аль-Куранваль-мубаййин ли-матадаммана мин ас-сунна вааят аль-Фуркан» (араб. ناقرا فلا ءياو ءنسلانا نم نمضت امل نيبملاو نارقلا ماكحلا عيمج. – «Собрание норм Корана и разъяснение содержащейся в нем сунны и стихов Писания»)[6]. Этот тафсир – один из самых известных и авторитетных комментариев к Корану.

Автор критикует различных философов и мутазилитов, крайних суфиев и представителей других течений. Основной целью написания этого труда было выведение филологических правил из Корана. Наряду с этим аль-Куртуби представил объяснение аятов, исследовал сложные по смыслу и составу слова, диакритические знаки, риторику, стилистику и композицию, привел множество хадисов. Книга состоит из 12 томов.

В последующие века особую известность в исламском мире получил исламский ученый – правовед, историк, толкователь Корана и хадисов Имадуддин Исмаил ибн Умар ад-Димашки, известный как ибн Касир (1301 – 1373), автор труда в 4 томах «Тафсир аль-Куран аль-азим» (араб. نارقلا ريسفت – «Толкование великого Корана») [7], в котором акцент сделан на поясняющие хадисы. Особенность этого тафсира – критика различных хадисов с позиции мухаддиса, с этой точки зрения книга занимает видное место среди всех книг по тафсиру.

Джалаладдин Абуль-Фадл Абдуррахман ибн Абу Бакр ас-Суюти, известный как Джалаладдин ас-Суюти (1445 – 1505), – исламский богослов. По мнению ученых историков, один из наиболее плодовитых авторов не только мамлюкской, но и арабо-мусульманской литературы в целом. Некоторые историки при описании биографии ас-Суюти приводят более 600 названий его сочинений. Среди тафсиров, пользующихся наибольшим уважением мусульман, следует назвать «Тафсир ал Джалалайн» (араб. ريسفت نيلالاجلا – «Толкование двух Джалалов»). Одним из авторов этого сочинения

является факих и теолог Джалаладдин Мухаммад ибн Ахмад аш-Шафии (ум. в 1459 г.), работу продолжил его ученик Джалаладдин ас-Суюти. Поскольку над этим сочинением работали два Джалаладдина, оно получило известность под названием «Толкование двух Джалалов».

Классическиетафсиры этих авторов пользовались большой популярностью и уважением среди мусульман Поволжья. Об этом сообщает Р.Р. Сафиуллина в своем исследовании «Арабская книга в духовной жизни татарского народа». Татары были хорошо знакомы с Кораном и сунной, трудами мусульманских теологов, философов, ученых, поэтов. Местные авторы создавали свои труды по типу восточных сочинений, составляли комментарии и субкомментарии к трудам восточных мыслителей, распространяли их научные идеи в Волго-Уральском регионе [8].

Судя по литературе, обнаруженной в фондах местных библиотек, можно заключить, что среди татар были широко распространены тафсиры выдающихся мыслителей Востока: Мухаммада Абдо, Рашида Риды, Сайида Кутба, Абдуррахмана ас-Саади, аль-Маудуди, Мухаммада Табатабаи, аль-Касими, аль-Луси и др. Тафсиры этих авторов оказывали заметное влияние на духовную жизнь татарского общества. Более того, богословы по сей день обращаются к этим работам. Тафсиры переводятся и цитируются, являются образцами в изложении смыслов Корана. Однако не следует забывать, что в основу этих толкований к Корану положены работы богословов Средневековья.

Среди тафсиров на арабском языке есть образцы, достойные изучения и использования в коранической науке для поиска смыслов Корана. Однако это не означает, что нет необходимости в создании более совершенных тафсиров. Необходимы тафсиры на разных языках, которые выступали бы в качестве связующего звена между людьми и Кораном. Создание подобного рода тафсиров ложится на плечи мусульман каждого столетия. Стоит заметить, что авторы тафсиров на татарском языке, начиная от богословов XIX в., таких как Нугман бин Сабита ас-Самани, Мухаммад Зариф Амирхан

и заканчивая современными татарскими богословами –Рабитом Батуллой, Шамилем Аляутдиновым, Рамилем Юнусовым и др., внесли большой вклад в развитие культурного и исторического наследия татарского народа. Наследие арабо-мусульманской цивилизации является достоянием всеобщей культуры мусульман, в том числе и татар.

Список использованной литературы

1. Абу Джафар ат-Табари. Джами аль-баян фи тафсир аль - Куран (عماج نارقلا) (ريسفت يف نايبلا) Совершенно полное разъяснение Корана. – Каир, 1984.
2. Абу Мухаммад аль-Хусейн ибн Масуд аль-Багави. Маалимат-Танзиль (ليزنتلا ملاعم) Достопримечательности Корана. – Эр-Рияд: Издательство «Дар Тайиба», 1997.
3. Абуль-Касим Махмуд ибн Умар аз-Замахшари. Аль-Кашшаф ан хакаиқ - аль-Куран (ليواتلا هوجو يف ليوافلا نويع و ليزنتلا ضماوغ قئاقح نع فاشكلا) Раскрытие истин Корана. – Бейрут: Издательство «Дару-ль-кутуби-ль-ильмийа», 1995.
4. Фахруддин Абу Абдуллах Мухаммад ибн Умар ар-Рази. Мафатих аль-гайб, ау ат-Тафсир ал-Кабир (رييكلاريسفتلا وا بيغلا حيتافم) Ключи от сокровенного, или большое толкование Корана). - Бейрут, 1998.
5. Насируддин Абу Саид АбдуллахибнУмар аль-Байдави. Анвар ат-танзиль ва асрар ат-таэвиль (ليواتلا رارساؤ ليزنتلا راونا) Свет Корана и секреты толкования. – Каир, 1960.
6. Абу Абдуллах Мухаммад ибн Ахмад аль-Куртуби. Ал-джами ли ахкам-аль-Куран (نارقلا ماكحلا عيمج) Собрание сочинений. Т.20. Ливан. – Бейрут: Издательство «Дару –ихйаи –турас-ал-араби», 1982.
7. Имадуддин Исмаил ибн Умар ибн-Касир. Тафсир аль-Куран аль-азим (ميظعلا نارقلا ريسفت) Толкование великого Корана. Собрание сочинений. Т.4. – Бейрут: Издательство «Дару-ль-андалус», 1996.

8. Сафиуллина Р.Р. Татарская книжная традиция XIX – начала XX вв.: рукописная и старопечатная книга // Филология и культура. – 2013. – №1 (31). – С.163 – 169.

Rakhimova Yazgul Rinatovna

Post graduate student of Institute of the international relations, the history and oriental studies, the department of the oriental and islam studies Kazan Federal University, Republic of Tatarstan, Kazan yagoda504@gmail.com

THE CLASSICAL COMMENTS ON KORAN – THE PROPERTY OF THE TATAR CULTURE

Abstract. The article focuses on the phenomenon of the Turko-Tatar comments on Koran in the end of XIX – the beginning of XX centuries, the article deals with expanding the idea of the cultural and historical traditions of comments. The article focuses on the review of authoritative writers of Comments on Koran–translations of Arabic, Persian, Indian theologians.

Key words: spiritual culture of Tatars, Koran, Tatar Comments on Koran, Turko-Tatar theologians.

УДК: 94(470)821.512 "18/19"

Исхаков Д.М.

ТАТАРСКО-БАШКИРСКИЙ ДАСТАН «ТУЛЯК И СУСЫЛУ»: КИМАКСКИЙ СЛЕД

Аннотация.В последнее время начали накапливаться данные, свидетельствующие о необходимости новой трактовки роли восточных кыпчаков-кимаков в этническом становлении золотоордынских татар, частично и башкир. Нашей задачей в данном случае является повторный

анализ содержания дастана «Туляк и Сусылу» с тем, чтобы более полно выделить в нём кимакский пласт, позволяющий, как нам представляется, несколько иначе, чем это принято в исторической литературе, объяснить этнические процессы, происходившие в Улусе Джучи в XIII-XIV вв.

Ключевые слова: дастан, кимаки, Бачман, Яик, юрт, хан.

Дастан «Туляк и Сусылу», бытовавший в прошлом в Волго-Уральском регионе у татар и башкир, уже становился объектом исследования (обзор литературы см.: [21]). Но некоторые сведения, которые содержатся в этом эпическом произведении, остаются не объясненными, на что уже обращалось внимание в одной из наших публикаций^[10]. Речь идёт о присутствии в этом дастане выраженного кимакского «следа» в составе волго-уральских татар и западных групп башкир (детальнее об этом см.: [8, с.122-157]).

В свое время, известным археографом и историком М. А. Усмановым время формирования рассматриваемого эпического произведения было отнесено к периоду Золотой Орды с указанием на то, что сюжетом данного дастана являются события, которые происходили раньше эпохи становления эпических произведений «ногайского» цикла («Идегей» и др.) [4, 297 б.].

Вслед за ним с этим выводом согласился ещё один татарский археограф – Р. Ф. Марданшин [20, 6 б.]. По нашему мнению, по проблеме определения даты возникновения дастана “Туляк и Сусылу” названные выше исследователи были на правильном пути, хотя из анализа содержания эпоса можно извлечь и более точную информацию относительно его хронологии – это вторая половина XIV в., эпоха распада Золотой Орды [10]. Но в реальности в эпосе есть и данные, относящиеся к более раннему периоду золотоордынской истории – ко времени начала образования Улуса Джучи, однако, выявление этого слоя информации, связанного с кимаками, требует определенных усилий.

Дело в том, что отцом главного героя дастана Туляка (*Туләк*) или Заятуляка (*Заятуләк*) выступает Мирказый (варианты: *Мыркас /Миркас/*

Сары – Мыркас) с титулом «бий» или Бачман с титулом «хан». Однако изучение разных версий дастана показывает, что в более древних его вариантах Бачман выступает как самостоятельная фигура, как отец некоего не названного хана, или, если он и объявляется отцом Туляка, вопреки логике тут в эпосе сообщается, что отцом последнего все-же был Мирказый, определенный как «бай» (последнее в данном случае - это позднее переосмысление титула «бий»). Кроме того, в сохранившихся среди башкир версиях дастана – а это преимущественно устные его варианты – фигурируют ещё несколько имен отца Туляка: Албыр (*Албырйолкыш*), Сэмэр (*Сэмэр*) – хан и Миннегужа (*Миңнехужа карт*). Так как устные версии эпоса по сравнению с его письменными вариантами сильно сокращены и их сюжеты упрощены, эти имена в некоторых случаях могут быть результатом более позднего творчества сказателей. Однако, их нельзя автоматически отбрасывать, ибо некоторые из них содержат ценную историческую информацию (подробности см.: [10]).

Указанные выше разночтения относительно отца Туляка возникают и при обращении к его титулу – в одних случаях он объявляется “ханом”, но в других случаях его титул не указывается или он даже объявляется безродным “бедняком” (*йолкыш*) [3, 200, 205, 213, 215 бб.].

Для объяснения указанных противоречий дастана надо исходить из того, что на башкирский круг этого эпического произведения, т.е. на его устные варианты, явно произошло наложение какой-то другой традиции, скорее всего той, что у татар сохранилось в письменной форме или какой-то другой версии, частично дошедшей до нас в татарских письменных источниках (А.Р.Фахрутдинова высказывала мнение, что отмеченные выше противоречия в тексте дастана возникли при создании его сводного варианта из нескольких версий эпоса [21, с. 28]. Такое объяснение возможно и оно не противоречит сказанному нами). Скорее всего, Бачман – хан фигурировал в этой, первоначальной версии дастана, в которой он и являлся реальным правителем юрта, о локализации которого будет сказано далее. То, что на

данную версию дастана затем произошло наложение другого его варианта или существовала вторая версия эпоса, возникшая путем сокращения начального текста, где Бачман и был представлен более полно, доказывається одним рукописным вариантом этого эпического произведения, в котором Туляк вначале объявляется сыном хана Бачмана, затем он же выступает как сын «Мирказы́й бая» (*Мирказы́й бай угълы, Түләк ирде*), но с объяснением, что тот рос без отца (*йалгызугыл*) и хан взял его к себе на воспитание.

Так вот, из сохранившихся в дастане «Туляк и Сусылу» данных наше внимание привлекли сведения о хане Бачмане, его «отце» по имени Албыр (*Албыр йолкыш*), а также место правления первого.

До того, как приступить к интерпретации данных, связанных с ханом Бачманом, следует остановиться на вопросе о территории его владения, информация о которой есть только в письменных вариантах дастана. Во-первых, в них Туляк признается сыном Бачман-хана, жившим в бассейне р. Яика (*Жайык сулаган*). Во вторых, Туляк, жизнь которого закончилась на местности Балкан – тау, находящейся в настоящее время в 15 км. от большого (площадь 18 км²) озера Ачылыкуль (Асылыкуль, Аслы күл) в Башкортостане [10, с. 124], прибыл туда, на этот раз, по сообщениям устных версий дастана, из-за угрозы своей жизни со стороны своих врагов из «страны Туркестан» (*Төркестан иле*), параллельно именуемой и «Киргизской страной» (*Кыргызиле*), а также «юртом десяти санов уйматов» (*Унсануйматдигән йорт*). Так как где-то там находилось и владение главы периев Чачдар-хана, чью дочь Сусылу Туляк и взял в жены, мы опять оказываемся в дастане в районе р. Яика [10, с. 125].

В результате у нас появляется возможность более детального разбора сведений о Бачман-хане.

Начнём с того, что татарская историческая традиция, сохраненная в источнике конца XVII в. «Дефетери Чингиз наме», об этом правителе сообщает: «Ак Тюба – юрт Бачман хана» (*АкТүбә – Бачман ханның йортыдыр*) [14, с. 675]. В другом источнике – некоей “татарской истории”,

которую в XVIII в. П.И. Рычкову пересказал башкирский старшина Ногайской дороги Уфимского уезда КадрасМулакаев, речь также идет о «ногайском хане Басмане», в 6 верстах от Оренбурга, на горе близ устья р. Сакмары построившем г. Актюбу. Во время П.И. Рычкова на том месте ещё существовала часть кладбища с «разными камнями и арабскими надписями», в том числе там же находилась и могила названного хана с каким-то каменным сооружением над ней[17, с. 181-182]. Как видно, из работы П.И. Рычкова, в легендарной истории о «хане Басмане» имелись интересные детали (о миграции группы во главе с этим ханом в бассейн Яика из «Малой Татарии близ Крыма», о местах её кочевий, о численности его людей, о политических событиях, приведших к его убийству одним из подчиненных ему «ногайских мурз», о родственных связях некоторых местных правителей с ним и т.д.), свидетельствующих о том, что мы в данном случае имеем дело с достаточно обширным произведением явно эпического характера (об этой фигуре писал казахский историк Ж.М.Сабитов[18]. Нашу критику его позиции см.: [12]). Наконец, имя Бачмана (Пачман/Бачман) с титулом «султан» или «хан» и с информацией о приходе группы во главе с ним из «Румского вилайета» (вариант – из «города Эрзерума») в бассейн р. Яика – на устье р. Сакмары, где переселенцами была построена крепость, присутствует и в генеологии родоначальника Арских князей из Казанского ханства из рода Кара-бека [2, 12-18 бб.; 11], бывших кара-беями клана кыпчак.

На самом деле Бачман-султан (хан) являлся исторической личностью и жил в эпоху начавшихся в 1220-х – начале 1230-х годов монгольских завоеваний Средней Азии и прилегающих степных ареалов, будучи предводителем клана *алтарлы (илбари/олбурлик)*, игравшем важную роль в зоне р.Яика и Нижнего Поволжья накануне монгольского вторжения в 1236г. в Волго-Уральский регион [8, с.132, 134, 140-143].

Его имя в источниках появляется в ходе «западного похода» монгольских войск при описании событий, случившихся в Поволжье вслед за

захватом ими Волжской Булгарии осенью 1236г. Но надо иметь ввиду, что этому завоеванию болгар предшествовал рейд 30-тысячного корпуса во главе с Субэдей-бахадуром в 1229/1230 гг., когда, согласно Лаврентьевской летописи, «Саксини и Половцы взбегошабьени от Татар, близ реки, ей имя Яик [15, с. 453]. Как видно из «Сокровенного сказания», этот рейд встретил «сильное сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых ... было поручено еще при Чингисхане» [19, с.138]. Тем не менее, к зиме 1231/1232 гг. эта группа монгольских войск скорее всего подошла к стенам «Великого города» - Биляра [9, с.138], но не смогла подчинить Волжскую Булгарию. Общеимперский поход, решение о начале которого было принято весной 1235 г., фактически должен был завершить вначале операцию по завоеванию болгар. И действительно, между февралем и мартом 1236 г. монгольские войска начали продвигаться в направлении Волжской Булгарии, соединившись осенью того года «в пределах Булгара» и захватив штурмом его столицу [16, с.38]. Но после того, как Волжская Булгария была покорена, а «тамошние вожди Баян и Джику изъявили покорность», они «опять возмутились» и Субэдэй-бахадур пришлось их подчинять заново [16, с. 37-38]. Видимо, восстание охватило все Поволжье, так как вслед за событиями в Волжской Булгарии разные группы монгольских войск пошли «каждый со своим войском облавой» и при этом Менгу «с левого крыла» двинулся «по берегу моря» [Каспия], в итоге которого он пленил «одного из тамошних эмиров», из народа кипчаков, из племени олбурлик» по имени Бачман [16, с. 37-38]. Это весьма информативное сообщение перекликается со сведениями Джувейни [5, с. 399-400] и «Юань-ши» [24, с.503].

Согласно «Юань-ши» захваченный монголами Бачман сказал Менгу, повелевшему ему поклониться: «Я являюсь владельцем страны, и разве стал бы разными путями искать спасения?». В другом месте этого источника Бачман назван «главарем кипчаков». Как видно из этого источника, «западный поход» во главе с Бату вообще был направлен прежде всего

против Бачмана, причем в авангарде должны были идти войска во главе Субэдеем, назначенным командовать «главной армией» монголов [15, с. 453]. Показательно также, что Бачман был схвачен в низовьях Волги, а жены и дети его попали в плен еще раньше «на Каспийском море» [22, с. 503]. Очевидно, эти кыпчаки, против которых были брошены корпуса во главе с таким опытным воином, как Субэдей-бахадур, были значительной силой и Бачман, которого «Юань-ши» маркирует как «владельца страны», а Джувеини называет одним из «вождей кифчаков» [5, с. 399-400], Рашид ад-дин – «эмиром» [19, с. 138], действительно являлся крупной политической фигурой, как полагает П.Голден – представителем правящей династии восточных кыпчаков [23;24]. Клан, который он возглавлял, именуется Рашид ад-дином «албурлик», а Джуджани – «ильбари» [6, с. 251] и благодаря работе С.М. Ахинжанова [1, с.203, 228-229, 232] мы об этой группе можем составить определенное представление.

Согласно анализу источников, проведенных этим автором, владение, где правила династия из клана ильбари, находилось «в предгорьях Южного Урала и степях Западного Казахстана» или «в области Югур к северу от Аральского моря», с уточнением, что речь идет о междуречье Кайлы и Кимача, бассейне р.Иргиз, т.е. по современному административному делению - о границе Актюбинской области Казахстана и Оренбургской области РФ [1, с. 203, 228-229, 232], что достаточно близко к той территории, о которой писалось выше. Далее, опираясь на Джуджани, этот исследователь отметил, что некоторые представители указанной «царственной» династии носили титул «хана ильбари и шаха йемеков» [1, с. 202], еще раз подтверждая ее связь с кимаками. На самом деле, указание С.М.Ахинжановым на возможность связи упоминающегося у Джуджани «Абар-хана Ильбари», являвшегося «ханом над 10 тыс. семейств» [25, pp.791, 800-801], с Табар-ханом, по Махмуду Кашгари, бывшим правителем у «кыпчаков» [восточных] [1, с. 202], позволяет поставить вопрос о том, а не эта ли клановая группа фигурирует у Ибн ал-Асира, согласно которому в

1043/1044 г. «неверныетюрки», насчитывавшие 10 тыс. кибиток и делавшие «набеги на края Баласагуна и Кашгара», где они зимовали, проводя лето «в краях Булгара», приняли ислам? [7, с. 389] Имея ввиду, что под 1184 г. мы в Лаврентьевской летописи находим известие о приходе тогда «половцев Емяковых» на территорию ВолжскойБулгарии [15, с. 382], что предполагает близость их территории проживания к булгарам, при учете сведений Джуджани о подчинении 10 тыс. «семейств» предку предводителей клана ильбарыАбар-хану, которому скорее всего соответствует живший в XI в. Табар-хан Махмуда Кашгари, у нас появляется возможность не только утвердительно ответить на этот вопрос, но и очертить территорию локализации данного клана - к началу XIII в. это бассейн р. Яика и прилегающие земли, а в более раннее время - кочевки зимой далеко на юг, в район Баласагуна и Кашгара. Кроме того, можно выяснить и политические, а также иные связи данного племени с государством Хорезмшахов (более полно см.: [1]), наконец, время принятия ими ислама – середина XI в. под воздействием контактов с исламскими государствами (ВолжскаяБулгария, государство Хорезмшахов).

После проведения таких изысканий мы еще раз можем вернуться к эпическим и генеалогическим данным о Бачмане.

Прежде всего подтверждается высокий социальный статус Бачмана, маркируемого в дастане «Туляк и Сусылу» как «хан» - он действительно являлся правителем самостоятельного владения, политический центр которого располагается в бассейне р. Яик. Был ли он у кимаков верховным ханом – остается под вопросом. Во-первых, термин «эмир», который по отношению к нему применяет Рашид ад-дин, по смыслу ближе к понятию «князь». Но оценка этого историка может отражать более позднюю ситуацию, когда социальный статус потомков Бачмана в результате вхождения клана илбари после поражения в состав Монгольской империи, затем в Улус Джучи, мог понизиться. Кроме того, следует принять во внимание, что из работы Джуджани видно - один из представителей

правлящего «дома» клана илбари по имени Азам (на его дочери был женат сын Мухаммада-хорезмшаха), во время завоевания Средней Азии монголами ушедший в Индию, носил титул «улуг-хана», с примечанием, что «их отцы были важными персонами из рода племени Илбари, носили титул хана, имели многочисленный клан и зависимых» [25, pp. 791-820]. Именно про Азама этот источник делает уже приведенное выше замечание, что «он [является] ханом Ильбари и шахом йемека» [25, p.1295. См. также: [1, с. 200-202]. Поэтому не исключено, что Бачман, который мог быть с ним в родстве, но в каком, сказать трудно, был возможно не центральным правителем восточных кыпчаков. На эту мысль наталкивает и информация из некоторых версий родословной потомков Бачмана – Арских князей, где титул их предка указан как «султан» [11, с. 103-104]. Далее, клановая принадлежность эпического Бачман-хана сохранилась в виде приписываемого ему в устных версиях дастана отца по имени «Албыр», что достаточно точно отражает название племени илбари (др. варианты: албар/алпар/альбар/алперли).

Более детальное изучение дастана «Туляк и Сусылу» позволяет утверждать, что в его содержании пересекаются две исторические традиции – собственно «монгольская» и более ранняя – восточно-кыпчакская, т.е. кимакская (более подробно см.: [8, с. 122-137]). То, что кимаки сыграли большую роль в закреплении в Улусе Джучи татарской идентичности, сейчас вполне очевидно, поэтому этот дастан нам еще раз показывает особенности протекания этнических процессов в Золотой Орде в XIII-XIV вв., когда кимаки, являвшиеся в их элитной части носителями татарской идентичности, были вынуждены под руководством своих новых сюзеренов переселиться севернее (временами, скорее всего, в ходе «западного похода» 1230-1240-х годов, оказываясь и вблизи «Крыма», «Румского вилайета»), в том числе и в Приуралье. О последнем недвусмысленно указывается в сочинении Абул-Гази Бахадур хана «Шеджере-и таракимэ» (Родословная туркмен), сообщающего: «[Джучи] с приданными ему нукерами... пошел (дело могло происходить как после 1220/1221 гг., так и, скорее, в 1225 г. –

Д.И.) в Дешт-и Кыпчак», где «кыпчакский народ (а это – кимаки – Д.И.) собрался и произошла битва. Джучи-хан победил и перебил [всех] попавших [ему] в руки кыпчаков; те из них, которые спаслись, ушли к иштякам» [13, с. 44]. Если принять во внимание, что в данном случае под «иштяками» скорее всего подразумеваются предки башкир (или их часть, что будет более точно), то тут мы, как в уже приведенном выше сообщении Лаврентьевской летописи о бегстве «половцев» к булгарам, имеем свидетельство об уходе потерпевших поражение от монголов кимаков в Волго-Уральский регион, где они и стали участниками формирования средневековых (золотоордынских) татар, а также башкир.

Можно полагать, что кыпчакская, точнее, кимакская, сюжетная линия в дастане «Туляк и Сусылу», связанная с фигурой Бачман-хана, отражает эпические традиции одной из страт – «черного народа» (*кара халык*) золотоордынского общества, возникшей на основе кимакской общности. Она находилась в подчинении у другой страты – «белой кости» (*ак сөяк*) золотоордынских татар, на этот раз имеющей отношение к фигуре Туляка, как сейчас установлено, связанного с кланом Кыйат. Согласно сохранившимся генеалогиям Арских князей из Казанского ханства, бывших потомками Бачмана, на одном из этапов их этнической истории они действительно пребывали в бассейне рек Сакмары, низовьях р.Белой, а также в районе рек Ика и Зая. Легендарные сведения об их приходе туда из «Крыма», вполне вероятно, отражают участие кимаков, подчиненных Джучи, в составе отрядов его сына Шибана, в ходе завоевательных походов в Причерноморье. На деле весь комплекс вопросов, имеющий отношение к отмеченному выше кимакскому «следу» в истории средневековых татар, выводит нас на обширную проблему участия восточных кыпчаков – кимаков в этническом становлении татарского народа.

Список использованной литературы

1. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1989.
2. Әхмәтжанов М.И. Татар шәжәрәләре (беренче китап). Казан, 1995.
3. Башкорт халык ижаты. Т. III. – Уфа.: Китап, 1998.
4. Госманов М.А. Каурый каләм эзеннән. Археограф язмалары. Казан, 1994.
5. Джувейни Ата-Мелик. История завоевания мира. – М.: Изд. дом «Магистр-Пресс», 2004.
6. Золотая Орда в источниках. Т.1. Арабские и персидские сочинения. – М., 2003.
7. Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-тарих (Полный свод истории). – Ташкент: Узбекистан, 2006.
8. История и культура татар Западной Сибири. Монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015.
9. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009.
10. Исхаков Д.М. Об отражении некоторых золотоордынских реалий в татарско-башкирском дастане «Туляк и Сусылу» // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Вып. 4. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 199-127.
11. Исхаков Д.М. Арские князья и нукратские татары (историко-этнографические сведения, генеалогии, клановая принадлежность, место в социально-политической структуре Казанского ханства и Русского государства). Казань: Изд-ва «Фэн» АН РТ, 2010.
12. Исхаков Д.М. Тюркские исторические предания о кыпчаках (кимаках) Оренбуржья // Степи Северной Евразии. Материалы VI международного симпозиума и VIII международной школы-семинара «Геоэкологические проблемы степных регионов» / Под. науч. ред. чл.-корр. РАН А. А. Чибилева. Оренбург, 2012.

13. Коновалов А.П. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази хана хивинского. –М.Л., 1958.
14. Мирастан биш сәхифә: XVII-XIXгасырлар әдәби – тарихи ядкярләре. – Казан.: Татар. кит. нәшр., 2011.
15. ПСРЛ. Т.1 Лаврентьевская летопись. - М.: Наука, 1962. –с. 453.
16. Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. II. – М.: НИЦ «Ладомир», 2002.
17. Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. - Уфа., 2001.
18. Сабитов Ж.М. Башкирские ханы Бачман и Тура // Сибирский сборник. Вып. I. – Казань: Изд-во «Яз», 2011. С. 63-69.
19. Сокровенное сказание монголов. перевод С.Акозина. –Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во. 1990.
20. Түләк китабы: дастан / төз. Мәрдәнов Р.Ф. – Казан.: “Милли китап” нәшр., 2008.
21. Фахрутдинова А.Р. Дастан «Туляк и Сусылу»: тюрко-татарские варианты. - Казань, 2011.
22. Юань ши (Официальная хроника династии Юань)//Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. –М.: ООО» «Издательство АСТ»: ОАО «ОЗОН», 2004. С. 432-540.
23. Golden P. Cumanica II. The olberli (olperli); The Fortunes and misfortunes of Inner Asia nomadic clan // ArchivumEurasiaemediiaevi. Vol. 6, 1986. PP. 5-30.
24. Golden P. The polovciDikii // Harvard Ukranian studies. Vol. III-IV. Part 1. 1979-1980. PP. 296-306.
25. Tabakat-iNasiri: A General History of the Muhammadian Dynasties of Asia, IncludingHindustian; from a.h. 658 (810 a.d.) to a.h. 658 (1260a.d.) and Irruption of the infidel Mugals into Islam by MaulanaMinhaj –ud-din, Abu-`Umar-i` Usman[ibn Sirajal-din al Jouriani] Vol6 I-II6 New Delni:Oriental Books Reprint corporation, 1970, Vol. I.

УДК 930.27=811.512

Сафарян Александр Виленович
зав. кафедрой тюркологии, профессор,
Ереванский государственный университет (Армения, Ереван)
alexander-safarian@ysu.am

Саакян Лусине Суреновна
зав. отделом института арменистики ЕГУ, доцент
Ереванский государственный университет (Армения, Ереван)
lsahakyan@ysu.am

АРМЯНО-КЫПЧАКСКИЕ РУКОПИСИ - ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Аннотация. Важность исследования армяно-кыпчакских исторических и языковых связей (в частности-императива сравнительного анализа языка армяно-кыпчакских памятников с языком Codex Cumanicus' а, ранних письменных памятников языка крымских татар и караимов), более ста лет подчеркивается арменоведами и тюркологами (Гевонд Алишан, В. В. Радлов, А. Е. Крымский, В. А. Гордлевский, Н. А. Баскаков, Э. В. Севортян, Т. И. Грунин, О. Еганян, Я. Дашкевич, Н. Коч и др.). Нами была введена в научный оборот рукопись, созданная писцом Аветиком в XVII в. во Львове (Матенадаран, N 3522, 1634 г.), манускрипт завершает "Грамматика кыпчакского" (сс. 226-353)-двуязычный (армяно (грабар)-кыпчакский), местами-трехязычный (армяно-кыпчакско-польский) армянографичный текст. Словарные статьи относятся к духовной сфере, к природе, животноводству, ремеслам, геометрии и единицам измерений, астрономии и музыке. Приведены части речи армянского и кыпчакского языков. Имя существительное представлено по падежным формам, даны варианты аффиксации. Сопоставлены причастные и деепричастные формы. Нашли место таблицы спряжения армянского и кыпчакского глаголов, модели сослагательного и повелительного наклонений, возвратной формы глагола. Приводятся местоимения, числительные, сопоставляются предлоги и

послелогои, союзы армянского и кыпчакского языков. Представленный манускрипт может быть издан совместно с Институтом Арменистики-ЕГУ, К(П)ФУ и ЕНУ им. Л. Н. Гумилева.

Ключевые слова: армяно-кыпчакские рукописи; армянская графика; фонетика тюркской речи.

Тюркологи и арменоведы (Гевонд Алишан, В. Радлов, А. Крымский, В. Гордлевский, Л. Рашоньи, Н. Баскаков, Э. Севортян, Т. Грунин, О. Еганян, Я. Дашкевич, А. Гаркавец, Н. Коч и др.) [1; 8; 2; 5; 7; 11; 6; 3; 13] уже более века подчеркивают важность исследования армяно-кыпчакских исторических и языковых связей. Всеми издателями и исследователями армяно-кыпчакских текстов отмечена огромная лингвистическая ценность этих памятников, в которых нашел отражение разговорный кыпчакский язык эпохи.

Видный советский тюрколог Тимофей Иванович Грунин (1898-1970), в 1928 году зачисленный сотрудником Тюркологической комиссии, руководимой А. Е. Крымским, начал работу над армяно-половецкими актами XVI века. “Обработка архива Каменец-Подольской армянской общины, вернее той книги, которая содержала около трехсот документов, составленных по-тюркски, но записанных армянским письмом, была завершена в 1934 г. и получила положительные отзывы акад. А. Н.

Самойловича и слависта акад. Б. М. Ляпунова. ... Обратившись снова к половецким документам, Т. И. Грунин подготавливает работу “Половецкий язык по документам Каменец-Подольской армянской колонии XVI в.”, за которую в 1944 г. ему присуждается ученая степень кандидата филологических наук. Фрагмент этой работы был напечатан в 1953 г. .... В 1967 году вышла в свет работа Т. И. Грунина “Документы на половецком языке XVI в. (Судебные акты Каменец-Подольской армянской общины)”.

Ценность данной публикации заключалась в том, что тюркологи вместе с ней получали образцы старокыпчакского разговорного языка XVI в.” [4, с. 90].

Известный тюрколог-филолог советского периода Н. А. Баскаков, в ставшем учебником для всех вузов бывшего СССР, труде писал: “Крупнейшим памятником кыпчакского (половецкого) языка является латино-персидско-кыпчакский словарь конца XIII в. “Codex Cumanicus”.

Кроме того, науке известны также довольно многочисленные словари и грамматические очерки кыпчакского языка на арабском языке, из которых укажем только словарь Абу-Хайяна (1313 г. н. э.) и анонимную грамматику первой половины XV в., изданную в Стамбуле в 1928 г.” [2, с. 231-232]. (Общеизвестна классификация Н. А. Баскакова, согласно которой в кыпчакско-булгарскую подгруппу кыпчакской группы западнохунской ветви тюрских языков входят средневековый западный золотоордынский литературный язык, татарский и башкирский языки, которые “образовались в результате взаимодействия болгарских и кыпчакских племенных языков и дальнейшее развитие получили в составе народов Золотой Орды”) [2, с. 240].

В используемом во многих вузах учебнике известного турецкого лингвиста Нуреттина Коча указывается, что армянская графика использовалось в золотоордынский период и последующие века армянами, говорящими на “кыпчакско-тюрском” (Kırçak Türkçesi) или турецком (Türkçe) [13, с. 30].

В арменистики проблема необходимости всестороннего исследования армяно-кыпчакских литературных памятников была поставлена уже в XIX в. выдающимся армянским ученым и писателем, членом католической Конгрегации Мхитаристов в Венеции Гевондом Алишаном (1820-1901гг.), который в частности писал о “Каменецкой летописи” [1]. Алишан также подчеркивал, что среди тридцати объемных томов судебных книг польских армян, которые хранились в киевских архивах, наиболее ранние написаны на армянском, поздние - на татарском [с. 3].

1950-60-ые годы в Армянской ССР, бывшими директорами Института Древних рукописей-Матенадарана, академиками АН Арм. ССР Л. Хачикяном и С. Аревшатыаном была поставлена задача изучения армяно-кыпчакских

рукописей как историками, так и филологами. Примечательно, что в 1962 году в наиболее авторитетном московском лингвистическом журнале было опубликовано краткое научное сообщение О. Еганяна о манускрипте Матенадарана N 2267 (писца Лусика, 1581г.) [7, стр. 151-154]. Данной публикацией автор и руководство Матенадарана хотели привлечь внимание казахских и татарских ученых. Очевидно, что исследование текстов подобных манускриптов требует знания тюркских (кыпчакских и огузских), а также древнеармянского и среднеармянского языков, фонетических особенностей армянских диалектов.

В Матенадаране среди 23.000 рукописей сохранились также армянографичные кыпчакоязычные манускрипты, представляющие интерес по проблематике “Armeno-Turcika” (в частности - для изучения истории кыпчакских (казахского, крымско-татарского) языков):

Рукопись N 2267, Сборник. XVI в., (1581-1598 гг.), XV в., Илов (Львов) (б). Писец-Лусик, Вардан, Мкртич (Б). Кол. Листов-189. Бумага: 20.5x16. Текст- одностолбцовый. *Нотргир, болорагир*. Строка: 19-30. Миниатюра: полусвод, заставки на полях. Форзац: Пергамент 4, *болорагир*, заглавными обтянутая тисненой кожей доска. Обрат: клетчатое полотно. Колофон: 18а, 43а, 70а, 77а. Содержание: Вопросы и ответы о теологии. Толкование псалмов. Закон царей-победителей. Слова дьякона Лусика (кыпчакский яз., арм. графика) (Грамматика, Псалтырь, Лекарственник-рецепт бальзама долголетия, Песня о воскресении Христа, О Евангелии). Проповеди (Григор Татеваци, безымянные). Молитва Златоуста. *Ovatio* Александра (1626г.). Исповедание веры (Вардан Айгекци, Ованнес Воротнеци, католикос Пилипос). Начало века. Франки (т.е.-католики) о Павле и Петре. Послание Зигмунда Августа Стефана армянам Львова. О шараканах, о сказителях. Церковный служащий-о хранилище (на кыпчакском). Молитва в засуху. Наставление о смешении воды. Притчи Соломоновы²².

---

²²Цуцак дзераграц Маштоци анван Матенадарани, т. А, сост. О. Еганян, А. Зейтунян, П. Айнтабян (на арм.), Ереван, 1965, стр. 760.

Рукопись N 2403. Часослов. Молитвенник (кыпчакский яз., арм. графика) XVI в. кол. листов 211. Бумага: формат 9,1x13,5см.. Текст-одностолбцовый. Почерк- болорагир. Миниатюра: заставки на полях. Переплет: обтянутый тканью картон. *Содержание:* Молитвенник диакона Миско, сына Мурада, из Замостья, написанный по заказу Вартана, сына старосты Сучавы барона Агопши, для дочери Зофии. Молитвы, псалмы, чтения²³.

Рукопись N 3883. Сборник XVI в. Кол. листов- 383. Бумага: 17,5x12. Текст -одностолбцовый, двустолбцовый. Почерк-болорагир. Строки: 24-25. Миниатюра: полусвод, заставки на полях. Переплет: обтянутый тканью картон. Печать: 12б (вардапет Есаи, 1630 г). *Содержание:* Дионисий Фрагийский, Искусство грамматики. Грамматический словарь. Слово мудрости Мовсеса Хоренаци. Теория грамматики Ованнеса Ерзнкаци. Толкование грамматики Давида Зейтунци. Аракел Сюнеци о грамматике. Толкование грамматики Мовсеса. Анализ Ованнеса Воротнеци - о Порфирии. Иоанн Дамаскин - о сущем. Грамматический словарь (армяно-кыпчакский). Что есть точка, линия, поверхность?²⁴.

Рукопись N 5985. Сборник Диакона Богдана. XVI в. Кол. листов-152. Бумага: 14:10. Текст - одностолбцовый, Почерк-нотргир. Строка: 17, 14. Миниатюра: пророк Мовсес (Моисей), царь Овасап 2, полусвод. Переплет: обтянутая тисненой кожей доска. Обрат: синий шелк. Колофон: 125 а, 16-17 вв, (кыпчакский яз., арм. графика), 2а, 34а, 83а, 126б (18 в). Печать: 107б, 109а (Маттеос), 150б (вардапет Саргис).*Содержание:* Стих и размер (Ованнес Тылкуранци, Аракел Багишеци, Нерсес Шнорали, Торос Мшеци, Мкртич Нагаш, Хачатур Кечареци, Фрик, Закария Гнунянц, безымянные). История малыша и девочки²⁵.

---

²³См. там же, стр. 794.

²⁴См. там же, стр. 1104.

²⁵Цуцак дзераграц Маштоци анван Матенадарани, т. Б., сост. О. Еганян, А. Зейтунян, П. Айнтабян (на арм.), Ереван, 1970, стр. 227.

Рукопись N 1232, *Содержание*: Нерсес Ламбронаци, Толкование притчей, 1620 г, Иерусалим, писец Скантар. Получатель-Ованнес вардапет. Кол. листов-263. Бумага 21x15. Текст-двустолбцовый, Почерк-нотргир. Строка 35. Миниатюра: полусвод, заставки на полях. Форзац: пергамент 4, болорагир заглавными буквами, Евангелие. Переплет: обтянутая тисненой кожей доска. Памятная запись писца: 257а. Также кыпчакско-армянский словарь(12 слов). Лекарственник²⁶.

Рукопись N.1763, Сборник-1611-1613 гг. Львов. Писец: монах Григор. Получатель: вардапет Ованнес. Кол. листов - 252. Бумага: 19.3:14.9. Текст-одностолбцовый. Почерк - болорагир. Строки - 22. Переплет: обтянутая тисненой кожей доска. Обрат: тисненное полотно. Колофон: 142б, 144а, 144б (кыпчакский яз., арм. графика), 227б, 250а. *Содержание*: Вступление Порфирия к речам Аристотеля. Давид (Анахт/Непобедимый)-о Вступлении Порфирия. Толкование Анализа Аристотеля. О святой троице и т.д. Григора Татеваци. Исповедание веры²⁷.

Рукопись N.3521, Сборник - 1609, 1630 гг.. Писец: дьякон Саак (А), дьячок Церик (Б). Кол. листов - 220. Бумага 19.5:15. Текст - одностолбцовый, двустолбцовый. Почерк -нотргир. Строка 21, 25. Миниатюра: полусвод, заставки на полях. Переплет: обтянутая тисненой кожей доска. Обрат: полосатое полотно. Памятная запись писца: 214а (1609 г.), 11а (1630 г.). *Содержание*: Житие Григора Папы Римского. Послание императора Феодосия (кыпчакский яз. арм. графика). Каноны Нерсеса, Саака (Армянской Апостольской Св. Церкви). Календарь. Святцы. Вопросы Геворга и ответы Акоба Крымеци и т.д. (на грабаре – древне арм. яз.). Молитва²⁸.

Подробно обратимся к рукописи **N 3522²⁹**, созданной последователем Св. Армянской Апостольской церкви - писцом Аветиком в XVII в. во Львове (1634 г.). Ранее не были исследованы как грамматический материал, который

---

²⁶Цуцак дзераграц Маштоци анван Матенадарани, т. А, стр. 505-506.

²⁷См. там же, стр. 632.

²⁸См. там же, стр. 1032.

²⁹См. там же, стр. 1033.

содержится на стр. 226-346, так и проблемы фонетики, отраженные в рукописи и впоследствии введенные в научный оборот усилиями сотрудников ЕГУ[10, с. 103; 9, с. 48-51; 11, с. 244-249]. Описание манускрипта: количество листов - 353. Бумага: 19:15. Текст - одностолбцовый, двустолбцовый. Почерк - арм. нотргир (курсив). Строка 24-29. Переплет: обтянутая тисненой кожей доска. Памятная запись писца - 223а; печать: 331б (вардапет - архимандрит Петрос). Содержание: О шараканах и о сказителях. О происшедшем в мире. Вопросы и ответы. О последних часах Агафона и собрании. Наставления мудрых. Наставления (Ованнес Кулеон, безымянные). Послание Пилата Тиберию. Послание К. Александрийского Нестору, Теодосу (Феодсию), Ованнесу Ерзнкаци. Послание против неприятелей. Житие Иуды. Житие Никогаеса (Николая) Змюрнеци (из Смирны). Кредо. Свидетельства о Христе. О свершениях Христа. Словарь задуман как трехязычный, но польские эквиваленты есть только в самом начале. Манускрипт завершается «Грамматикой кыпчакского». Это двуязычный (армяно-кыпчакский), местами - трехязычный (армяно-кыпчакско-польский) армянографичный текст. Армянские слова-на грабаре (древнеармянский язык). Включенные в словарь слова в большинстве своем относятся к духовной сфере, однако есть также слова и термины, относящиеся к быту, природе, животноводчеству, ремеслам, геометрии, метрики, астрономии и музыке. Отметим, что алфавитный порядок местами нарушен.

В рукописи N 3522 приведены части речи армянского и кыпчакского языков. Имя существительное представлено по падежным формам как в единственном, так и во множественном числе; даны варианты словообразования (представлена аффиксация, в том числе – отрицательная), синонимы и омонимы. Приведем несколько примеров: *стег'цог'к'* (создатели)-*еаррадучилар-свожичеле* (польск.), *стег'ц'ац'* (созданный)-*еаррадылкан-свожоны* (польск.), *стег'ц'уац'к'-еаррадылканлар-свожениа*; *арарич* (творец, созидатель)-*эдучи*, *арарог'* (творящий, созидующий)-*эдучи*, *араричк* (творцы, созидатели)-*эдучилар*, *арарог'к*

(творящие, создающие)-эдучилар, арарог'ут'юн (созидание, обряд)-эдучылх, арарог'утюнк' (обряды)-эдучылхлар; еркин (небо)-гог, еркинк' (небеса)-гоглар, еркнаин (небесный)-гогтаки, еркнаинк' (небесные)-гогтакилар; лойс (свет)-еаррых, лойск (свет /мн.ч./)-еаррыхлар, лусавор (светлый, просвещенный)-еаррыхлы, лусаворутюн (освещение)-еаррыхчилх, лусаворутюн (освещение)-еарыхчилхлар; мах' (смерть)-олум, анмах' (бессмертный)-олумсуз, анмах'к' (бессмертные)-олумсузлар, мах'канацу (смертный)-олумлу, мах'канацук' (смертные)-олумлулар.

В грамматическом словаре приведены также некоторые отглагольные формы армянских и кыпчакских глаголов: бхум (от гл. “истечь, истекать, течь”) – ахма, бхог'– ахдручиеа, бхеал- ахкан, бхе-ахар; елум-чыхмах, елумк' – чыхмахлар, елог' – чыхучи, елеал – чыхкан, елеалк' – чыхканлар.

В соответствии с грамматическими формами армянского языка в словаре параллельно приводятся таблицы спряжения армянских и кыпчакских глаголов в настоящем, прошедшем и будущем временах, а также их неопределенные, причастные и деепричастные формы, модели образования возвратных глаголов, сослагательного и повелительного наклонений например:Хаварецуци (1-е лицо ед.ч.) – харамг'уладтым, Хаварецуцер (3-е лицо ед.ч.) – харамг'уладтынк, Хаварцойц (3-е лицо ед.ч.) – харамг'улаты, Хаварецуцак' – харамг'улатых, Хаварецуцик – харамг'улатынкыз, Хаварецуци – харамг'улатылар.

Словарь содержит также местоимения с их падежными формами, союзы, предлоги и послелогои, как например: воманк' (некие) – пирлар, к'имсалар; сора (этого) – пунунк, соца (этих) – пуларнынк, сок'а (эти) – пулар, смин (этого) – пункарнынк, са (этот) – пу; инк'н (сам) – к'енти, инк'н инк'неан (само собой, сам по себе) – к'енти к'ентина, инк'еан (себе) – к'ентина, инк'еанк' (себе /мн.ч./) – к'ентиларына; ворк'ан (сколько) – нэ хатар, зи (поскольку) – нэ, зэра, зи к'ан (поскольку) – зэра к'и, к'ан (чем) – нэ к'и, к'анзи (поскольку) – зэра к'и. По такому же принципу в словарь включены и числительные.

Представленный словарь является ценным источником для изучения истории кыпчакского языка, языковые факты, зафиксированные в рукописи, делают возможным восстановление фонетических, грамматических и морфологических моделей (Общеизвестный факт -армянская графика более точно передает фонетику тюркской /кыпчакской/ речи, чем арабская или еврейская). Описываемый грамматический словарь-пособие также дает некоторое представление о словарном запасе кыпчакского, о заимствованиях из других языков. Он является важным источником для сравнительного исследования кыпчакского и других тюркских языков, сопоставительного анализа кыпчакского и индоевропейских языков. По утверждению известного исследователя данной проблематики Ярослава Дашкевича, среди лингвистических и “экстралингвистических” задач изучения кыпчакоязычных рукописей, записанных армянской графикой, на данном этапе на первый план выдвигается именно задача тщательного анализа языка /лексики, фонетики, грамматики/ вышеупомянутых рукописей в сравнении с языком Codex Cumanicus’а, а также ранних письменных памятников языка крымских татар и караимов, этот путь “сулит настоящие научные открытия, он, несомненно, расширит наши представления об истории кыпчакских языков” [6, стр. 108].

Представленный манускрипт - № 3522 Матенадарана (писца XVII века Аветика) может быть издан совместно институтом Древних рукописей-Матенадараном, Институтом Арменистики ЕГУ, К(П) ФУ и ЕНУ им. Л. Н. Гумилева.

Список использованной литературы

1. Алишан Гевонд, Камениц тарегирк айоц Лехастани ев Руменио (Каменецкая летопись армян Полши и Румынии), Венетик (Венеция), С. Казар, 1896 (на арм. яз.)
2. Баскаков Н. А., Введение в изучение тюркских языков, Москва, 1962.

3. Гаркавец А. Н., Кыпчакское письменное наследие, т. III, Кыпчакский словарь (по армянописьменным памятникам XVI-XVII веков), Алматы, 2010.
4. Грунин Т. И. (некролог), “ Советская Тюркология”, № 5, Баку, 1970, стр. 138-139.
5. Грунин Т. И., Памятники половецкого языка XVI века (сб. «Академику В. А. Гордлевскому к его 75-летию»), Москва, 1953.
6. Дашкевич Я., Кто они-“Армяно-кыпчаки”? (Об этносе создателей армяно-кыпчакский рукописей XVI-XVII вв), «Банбер матенадарани», Ереван, 1994.
7. Еганян О. С., Об одном армяно-кыпчакском грамматическом пособии XVII в., «Вопросы языкознания», Москва, 1962.
8. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Томъ 1, 2, Санкт Петербургъ, 1893.
9. Саакян Л., Меликян Г., Сафарян А., Об историко-филологической ценности рукописи № 3522 Матенадарана (писца XVII века Аветика), “Иран-намэ- Востоковедческий журнал”, 2012-2013.
10. Сафарян А., Саакян Л., О филологической ценности армяно-кыпчакских рукописей XVII в., хранящихся в Матенадаране (Ереван), Тезисы международного тюркологического симпозиума «Тюркский мир: история и современность», Евразийский Национальный Университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан, 2016.
11. Симонян А., Сафарян, А. С., Об изучении вопросов тюркской филологии в Армении, Актуальные вопросы отечественной и зарубежной иранистики международная научно-практическая конференция, К(П) ФУ, Казань, 2015.
12. Armenian-Qypchaq Psalter. Written by deacon Lussing from Lvov, 1575/1580. (Edited by Alexander Garkavets, Eduard Khurshudian), Almaty “Desht-i Qypchaq”, 2001.

13. Nurettin Koç, Yeni Dilbilgisi, “İnkılâp Kitabevi”, İstanbul, 1990.

Aleksandr Safaryan Vilen

Head of Turkic Studies Department, Professor, Doctor of History

(Yerevan State University, Yerevan-Armenia)

E-mail: alexandr-safaryan@rambler.ru

Lusine Sahakyan Suren

*Head of the Section of Armenian-Ottoman Relations, the Institute of
Armenological Studies, YSU, Associate Professor: Doctor of Filology, Chairf*

Turkish 94(470):34(575)=512.145:929

ARMENIAN-KIPCHAK MANUSCRIPT - SOURCES OF STUDY OF HISTORY OF TURKIC LANGUAGES

Abstract. The importance of the study of the Armenian-Kipchak historical and linguistic ties (in the above privacy-imperative comparative analysis of the language of the Armenian-Kipchak monuments language Codex Cumanicus' and, earliest written Crimean language monuments of the Tatars and the Karaites), more than a hundred years highlights Armenologist and Türkologists (Ghevond Alishan, W.W.Radloff, A.E. Krinsky, V.A. Gordlevsky, N.A. Baskakov and E.V. Sevortyan, T.I. Grunin, O. Yeganyan, J. Dashkevich, N. Koch, and others.) . We have been introduced into scientific circulation manuscript created by a scribe Avetik in the XVII century. Lviv (Matenadaran, N 3522, 1634), the manuscript ends "Grammar of Kipchak" (pp. 226-353) - a bilingual (Armenian (Grabar) - Kipchak), in some places, a trilingual (Armenian-Kypchak-Polish) armyanografichny text. Entries are related to the spiritual realm of nature, animal husbandry, handicrafts, geometry and measurement units, astronomy and music. Results of the speech of the Armenian and Kipchak languages. The noun is represented by case forms, affixing options are given. We compared participle and verbal participle form. We found a place conjugation tables of verbs and Armenian Kipchak, model subjunctive and imperative, recurrent forms of the verb. We give

pronouns, numerals, prepositions and postpositions are compared, and the Union of Armenian Kipchak languages. Submitted manuscript can be published together with the Institute for Armenian Studies of YSU, K(P)FU and L.N Gumilyov ENU.

Key words: Armenian-Kipchak manuscript; Armenian graphics; Phonetics of Turkic speech.

Почекаев Роман Юлианович
кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
теории и истории права и государства Санкт-Петербургский
филиал Национального исследовательского университета
“Высшая школа экономики”, Санкт-Петербург e-mail:
ropot@mail.ru

**РОЛЬ РОССИЙСКИХ ЧИНОВНИКОВ ТАТАРСКОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И
ПРАВА ХАНСТВ СРЕДНЕЙ АЗИИ (М. БЕКЧУРИН, М. АИТОВ, И.
БАТЫРШИН)**

Аннотация. В статье анализируется роль и значение российских чиновников татарского происхождения в сборе сведений о государственности и праве среднеазиатских ханств – Бухарского, Хивинского, Кокандского – в XVIII-XIX вв. В качестве примеров разобрана деятельность трех служащих Оренбургской пограничной комиссии – М. Бекчурина, М. Аитова и И. Батыршина. Двое первых из них выполняли дипломатические поручения в среднеазиатских ханствах, третий взаимодействовал с информаторами из указанных ханств. Всех трех объединяет то, что они были тюрками и мусульманами. Это, во-первых, располагало к ним население ханств (включая и представителей их властных элит) и позволяло собрать больше полезной информации. Во-вторых, будучи сами представителями тюрко-мусульманской культуры, они были способны лучше понять и оценить уровень политико-правового развития ханств

Средней Азии и объективно отразить эти сведения в отчетах для своего руководства. Также необходимо отметить, что принадлежность к тюрко-мусульманскому миру по происхождению никоим образом не влияла на качество выполнения ими заданий оренбургских властей, и они всячески старались способствовать реализации российской политики в государствах Средней Азии и продвижению Российской империи в регионе.

Ключевые слова: Российская империя, Бухарское ханство, Хивинское ханство, Кокандское ханство, татарские чиновники, Оренбургская пограничная комиссия, тюрко-монгольское право, мусульманское право.

Роль чиновников-татар в развитии владений Российской империи в “Русской Центральной Азии” и, в частности, в Казахстане достаточно подробно изучается в последнее время [см., напр.: 15; 19]. Их участие в реализации российской политики в отношении среднеазиатских ханств также привлекает внимание исследователей, однако в несколько меньшей степени. При этом наибольший интерес для исследователей представляет роль чиновников татарского происхождения (равно как и татарских торговцев) в развитии экономических отношений с ханствами Средней Азии [3; 11; 18], до некоторой степени – в исследовании истории и культуры региона [см., напр.: 2]. В настоящем исследовании предлагается более подробно рассмотреть вопрос о чиновниках татарского происхождения как информаторах о государственности и праве этих ханств – Бухарского, Хивинского, Кокандского. Насколько нам известно, эта тема до сих пор не привлекала внимания исследователей.

Несомненно, изучение государственного устройств и правовой системы среднеазиатских государств не являлось основной задачей российских дипломатов и, тем более, путешественников (торговцев, ученых и пр.). Однако эти сведения были достаточно важны для российских властей, поскольку позволяли выстраивать более гибкую политику по отношению к Бухаре, Хиве и Коканду, адаптируя ее к среднеазиатским политико-правовым

реалиям. И в этом вопросе чиновники-татары могли получать информацию более эффективно, нежели их коллеги русского происхождения: в общении с представителями среднеазиатских властей и населения у них практически (или даже полностью) отсутствовал языковой барьер, единство вероисповедания способствовало налаживанию более доверительных отношений и, как следствие – получению более подробных сведений. Кроме того, наличие определенных сходств в политических, правовых, культурных традициях татар и тюркских народов Средней Азии позволяло чиновникам татарского происхождения лучше понимать особенности политико-правового развития региона и, соответственно, более четко формулировать их в своих отчетных материалах по результатам миссий в Среднюю Азию.

В настоящем исследовании мы намерены проследить роль российских чиновников-татар в изучении государственности и права ханств Средней Азии на примере деятельности трех таких чиновников – Мендиара Бекчурина (1740–1821), Мухаммедшарифа Аитова (р. 1802) и Искандера Батыршина (р. 1819). Естественно, мы отдаем себе отчет, что ими круг татарских дипломатов и путешественников, посетивших среднеазиатские ханства в XVIII–XIX вв. далеко не исчерпывается [см., напр.: 9; 10], однако именно эти три деятеля, на наш взгляд представляют собой наиболее яркие примеры эффективной деятельности татар – пограничных имперских чиновников по сбору сведений политико-правового характера о ханствах Средней Азии.

Мендиар Бекчурин служил переводчиком при Оренбургской губернской канцелярии и, в качестве такового неоднократно выполнял дипломатические поручения оренбургских губернаторов. Наверное, наиболее значительная из его поездок – это миссия в Бухару в 1781 г. по поручению военного губернатора И.А. Рейнсдорпа. Подробная информация об этой поездке содержится в серии отчетных документов, направлявшихся им в течение поездки в Оренбург в дальнейшем пересылавшихся петербургским властям [6].

Для нас наиболее интересны его сведения об организации системы управления в Бухарском ханстве – номинальном верховенстве хана Абу-л-Гази и реальной верховной власти аталыка Даниял-бия, назначившего на ключевые должности своих родственников и сторонников [6, с. 301].

Достаточно подробно М. Бекчурин описал и административный аппарат ханства, во многом унаследованный от монгольской имперской традиции (аталык, шигаул, ясаулы и пр.) – благодаря тому, что ему самому пришлось пройти

“через руки” большого количества чиновников [6, с. 297–301]. Упоминает М. Бекчурин также о суде и расправе “на основании их Алкорана”, которую осуществляет сам аталык и назначаемые им чиновники [6, с. 301].

Представляет определенный интерес также характеристика Бекчуриным системы налогов и сборов Бухарского ханства, включая поземельный налог, различные промысловые сборы, а также “подушную подать с жидов”, т.е. с иноверцев [6, с. 304]; т.о., можно сделать вывод, что в налоговой системе ханства сочетались как налоги, предусмотренные шариатом, так и оставшиеся от “чингизидского” времени.

Некоторые авторы считают, что сведения М. Бекчурина не обладают большой ценностью, поскольку, якобы, он провел почти все время в Бухаре фактически под арестом и не имел возможности собрать значительной информации о ханстве [см., напр.: 1, с. 19; ср.: 5, с. 89–91]. Полагаем, что такая оценка несколько сурова и в большей степени относится ко второй миссии Бекчурина – на этот раз в Хиву в 1819–1820 гг., которую он осуществил по указанию уже другого оренбургского военного губернатора, П.К. Эссена. Дипломату предписывалось обсудить с ханом и его советниками вопросы торгового сотрудничества и возврата русских пленных, однако миссия окончилась неудачно, да и сведений о ханстве Бекчурину собрать не удалось, поскольку его содержали “под крепчайшим присмотром в унижительном месте четыре месяца” [16, с. 142–144].

Важные сведения о Хивинском ханстве были собраны уже М. Аитовым – переводчиком Оренбургской пограничной комиссии, который, правда, попал в Хиву не по своей воле. В конце 1839 г. он был отправлен оренбургским военным губернатором В.А. Перовским в Казахскую степь для найма верблюдов для “зимнего похода” на Хиву, но был схвачен казаками, у которых его вскоре забрали хивинские эмиссары и доставили в Хиву.

Некоторое время Аитов провел в ханском подземелье (которое он описал в своем отчете [17, с. 240]), но, тем не менее, и тогда имел возможность общаться с самим ханом Алла-Кули, его мехтером (фактически канцлером) Якуб-баем, казахским султаном Каип-Гали Ишимовым – хивинским ставленником на троне Младшего жуза. А к лету 1840 г. хан решил возобновить переговоры с Оренбургом, и М. Аитов был освобожден, став своего рода советником хана по вопросу восстановления мирных отношений с Российской империей [17, с. 241–244].

В это время Аитов начал собирать ценную информацию о политической ситуации в Хивинском ханстве, положении хана и влиянии чиновников, намерениях Хивы относительно казахов Младшего жуза. Хан позволил М. Аитову участвовать в поисках русских пленников в Хиве для отправки их на родину, и он получил возможность собрать также неофициальную информацию, в т.ч. и слухи. В частности, это позволило ему узнать о расстановке сил в ханстве, истинном отношении хивинских властей к казахским вассалам и пр. Важной оказалась информация о пребывании в Хиве английских агентов, в частности – лейтенанта Р. Шекспира, которого Аитов по возвращении в российские пределы помог разоблачить и выслать [14, с. 17].

Сведения Аитова о Хиве были оценены по достоинству: в 1841 г. он был включен в миссию капитана П. Никифорова, причем после ее окончания В.А. Перовский видел его в качестве “постоянного русского агента” в Хиве, что было одобрено и руководителем российского МИДа К.В. Нессельроде [13, № 13, с. 21, 21]. Согласно предписаниям, на Никифорова возлагались

официальные переговоры с ханом и его сановниками, на будущего же агента ложилась вся работа по установлению неформальных контактов и сбор информации о Хиве и ее соседях. Впоследствии Никифоров в письме В.А. Перовскому высоко отозвался о дипломатических способностях Аитова, его умении находить общий язык с самыми разными лицами [13, № 52, с. 95, № 60, с. 113].

Хан поначалу согласился оставить М. Аитова в Хиве в качестве постоянного российского представителя, но затем передумал. Полагаем, причиной такого решения было именно слишком хорошее знание Аитовым хивинских реалий и расстановки политических сил в Хиве и зависимых от нее казахских регионах. Так, когда переговоры между посланцем В.А. Перовского и ханом по поводу статуса Младшего жуза, зашли в тупик, хан устроил Никифорову встречу с казахскими султанами и биями, признававшими власть Хивы – чтобы они подтвердили, что не признают власти русских и находятся под сюзеренитетом Хивинского ханства. Его казахские сторонники обвинили русских в постоянных походах в степь, а также заявили, что, будучи мусульманами, казахи не имеют права подчиниться христианам-русским. Но М. Аитов убедительно опроверг все аргументы приверженцев хивинского хана. Так, в ответ на довод о неподчинении иноверцам он привел пример Османской империи. На упреки по поводу русских экспедиций в степь он прямо заявил, что присутствующие не вправе говорить от имени всех казахов, поскольку сами являются мятежниками. А в заключение Аитов, уже успевший изучить историю Хивы, напомним казахским султанам, что их прямые предки еще менее века назад сами занимали трон Хивы, а теперь они сами являются вассалами потомка их же прежних сановников! В результате многие из казахских сторонников Алла-Кули-хана стали добиваться встречи с капитаном Никифоровым, чтобы получить амнистию и право вернуться в родные степи [7, с. 76–77]. В результате М. Аитов выехал из Хивы, но за участие в миссии Никифорова в 1842 г. был награжден орденом св. Станислава 3-й степени.

Сведения М. Бекчурина и М. Аитова были преимущественно практического характера и основывались преимущественно на личных впечатлениях. Существенно отличается от них информация о государственности и праве Хивы, собранная еще одним переводчиком Оренбургской пограничной комиссии – И. Батыршиным. Он не бывал в Бухаре или Хиве: самыми дальними его поездками были миссия на Мангышлак и участие в походе В.А. Перовского на кокандскую крепость Ак-Мечеть. Тем не менее, Батыршин, в отличие от М. Бекчурина и М. Аитова, признается исследователями не только эффективным чиновником, но и талантливым ученым [см.: 4, с. 280], и его сведения как по итогам общения с представителями населения Центральной Азии, так и по личным впечатлениям представляют не меньшую ценность, чем отчеты его предшественников, лично посетивших ханства.

К числу наиболее ценных работ относится “Записка”, подготовленная И. Батыршиным по результатам общения с казахским султаном Ермухаммадом (Иликеем) Касымовым – еще одним хивинским ставленником на троне Младшего жуза, который в 1852 г. сдался русским властям. И. Батыршин провел немало времени, общаясь с султаном (к которому, судя по отзывам о нем в своих отчетах, испытывал большую симпатию) и получил весьма ценные сведения о Хивинском ханстве [8]. Несомненно, заслугой Батыршина стало то, что он сумел систематизировать сведения султана, соотнести их с другой имеющей информацией о ханстве (возможно, и с материалами М. Аитова) и представить их в виде целостной характеристики. К сведениям о государственности и праве следует отнести, в частности, сведения о статусе хивинского правящего рода Кунграт, взаимоотношении его представителей между собой [8, с. 305], о полномочиях чиновников – мехтера, махрема, кушбеги, кази-каляна [8, с. 306]. Важными являются сведения об организации управления казахами, признававшими власть Хивы – о претендентах на ханский трон, взимании с казахов закята и т.д. [8, с. 302, 307]. Эти сведения представляли ценность, поскольку отражали

приверженность Хивы к прежним традициям управления в Казахстане, к этому времени радикально измененным в результате российских реформ. Естественно, консервативно настроенные казахи склонялись к признанию власти Хивы, а не России.

Важная информация содержится также и в “Дневнике” И. Батыршина, который он вел во время похода В.А. Перовского на Ак-Мечеть в 1853 г. [12]. Несмотря на то, что формально этот документ представлял собой запись ежедневных впечатлений автора, фактически он содержал и важные наблюдения относительно политико-правовой ситуации в регионе.

Неслучайно после возвращения из похода Батыршин представил доработанную версию дневника Перовскому, который намеревался его издать, но не успел это сделать из-за ухудшения здоровья [4, с. 285–286].

Весьма важным представляется наблюдение чиновника о признании кокандцами за вышеупомянутым Иликеем ханского достоинства: не только с Перовским, но и с ним вели переговоры власти Ак-Мечети и подвластные Коканду кочевые племена [12, с. 335, 339]. Чингизидское происхождение султана делало его легитимным претендентом на трон любого среднеазиатского государства (в отличие от правителей Коканда из узбекского рода Минг с сомнительной легитимностью). Также в дневнике содержатся сведения, касающиеся административного устройства ханства – статуса и полномочий ташкентского бека, которому подчинялся комендант Ак-Мечети, и фактической независимости его от Коканда [12, с. 335–336, 342] (Ташкентский Малла-бек был старшим братом хана Худояра, и это обусловило его независимую от столицы политику (впоследствии он сам стал кокандским ханом, свергнув на короткое время брата)). Также дается характеристика системы управления кочевыми подданными ханства (во главе которых стояли “сотенные начальники”, назначаемые кокандскими властями), сбора с них закята ханскими чиновниками-ясаулами и т.д. [12, с. 339, 347].

Как видим, сведения имперских чиновников-татар о государственности и праве среднеазиатских ханств довольно разнообразны и нуждаются в дополнительном подробном исследовании на предмет их изучения и соотнесения с другими источниками информации о политико-правовой ситуации в Бухаре, Хиве и Коканде в конце XVIII – середине XIX в.

В завершение следует отметить довольно противоречивое положение чиновников-татар. С одной стороны они находились на службе Российской империи, пользовались доверием своего начальства и качественно выполняли возложенные на них поручения. С другой же стороны они являлись тюрками и мусульманами и, в качестве таковых, вызывали определенное доверие у представителей среднеазиатских ханств и, возможно, платили им тем же. Достаточно вспомнить тот факт, что Алла-Кули доверительно советовался с М. Аитовым о перспективах развития русско-хивинских отношений или, например, несомненную симпатию И. Батыршина к бывшему хану Иликею – ставленнику хивинских властей, столь отличавшуюся от всеобщей нелюбви к нему в окружении оренбургского генерал-губернатора Перовского. Думается, эта “двойственность” в положении чиновников татарского происхождения в полной мере осознавалась имперской пограничной администрацией, руководители которой эффективно использовали ее в своих интересах. Вероятно, именно это обусловило ту значительную роль, которую сыграли чиновники-татары в сборе информации о ханствах Средней Азии и в разработке и реализации имперской среднеазиатской политики в целом.

Список использованной литературы

1. *Арапов Д.Ю.* Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. М.: Изд-во МГУ, 1981. 128 с.
2. *Галиев В., Султангалиева Г.* Вклад татарских служащих в изучение истории и культуры народов Казахстана и Средней Азии // История татар с древнейших времен: В 7 т. Т. VI. Формирование татарской

- нации. XIX – начало XX в. Казань: Ин-т истории АН РТ им. Ш. Марджани, 2013. С. 360–363.
3. *Гулямов Х.Г.* К истории связей между Россией и Бухарой во второй половине XVIII века // *Общественные науки в Узбекистане*. 1976. № 7. С. 38–40.
  4. *Ерофеева И.В., Жанаев Б.Т.* Путевой дневник переводчика И.А. Батыршина о военном походе В.А. Перовского на Акмечеть // *История Казахстана в документах и материалах*. Вып. 2. Астана: Общество инвалидов - Чернобылец, 2012. С. 279–299.
  5. *Жуковский С.В.* Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг.: Изд. Общества русских ориенталистов, 1915. XII, 215 с.
  6. Журнал, учиненный с описанием из держанных коллежским регистратором и переводчиком Мендиаром Бекчуриным во время путешествия по порученной ему секретной экспедиции в Бухарию по возвращению в Оренбург записок лежащему тракту (Посольство переводчика Бекчурина в Бухару в 1781 году) / Пред. С. Жуковского // *Восточный сборник*. Кн. II. СПб.: Изд. Общества русских ориенталистов, 1916. С. 275–340.
  7. *Залесов Н.* Посольство в Хиву капитана Никифорова в 1841 г. // *Военный сборник*. 1862. № 9. С. 41–92.
  8. Записка младшего переводчика Оренбургской пограничной комиссии Искандера Батыршина о Хивинском ханстве и хане присырдарьинских казахов Ермухаммеде (Иликее) Касымове // *История Казахстана в русских источниках*. Т. VI. Алматы, 2007. С. 300–318.
  9. *Игдавлетов И.С.* Дипломатическая деятельность Максюта Юнусова и Мендияра Бекчурина в юго-восточной политике России в XVIII в. // *Теория и практика общественного развития*. 2014. № 13. С. 114–116.

10. *Игдавлетов И.С.* Отчет о поездке конфидента Абзялила Рязиева в Бухару в 1789–1790 гг. // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 354–356.
11. *Игдавлетов И.С.* Торговая и дипломатическая деятельность российских мусульман Урало-Поволжья в XVIII в. Автореф. ... канд. ист. наук. Уфа, 2013.
12. Краткий дневник, веденный переводчиком Искендером Батыршиным во время похода на Акмечеть. 1853 г. / Пред., подгот. текста, коммент. И.В. Ерофеевой, Б.Т. Жанаева // История Казахстана в документах и материалах. Вып. 2. Астана: Общество инвалидов - Чернобылец, 2012. С. 300–372.
13. *Серебренников А.Г.* Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. Т. III. 1841 год. Ташкент: Типография Штаба Туркестанского военного округа, 1912. II, VI, 142 с.
14. *Султангалиева Г.С.* Каратолмач. Штабс-капитан Мухаммед-Шариф Аитов в Казахской степи (первая половина XIX в.) // Панорама Евразии. 2008. № 2 (2). С. 13–21.
15. *Султангалиева Г.* Татары в административном управлении Казахстаном // История татар с древнейших времен. Т. VI. Формирование татарской нации. XIX – начало XX в. Казань: Ин-т истории АН РТ им. Ш. Марджани, 2013. С. 351–357.
16. *Халфин Н.А.* Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М.: Наука, 1974. 407 с.
17. *Цыпляев П.И.* Рукописи С.Н. Севастьянова // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XXIII. Оренбург, 1911. С. 190–261.
18. *Шкунов В.* Татарские купцы в российско-восточной торговле (вторая половина XVIII - первая половина XIX вв.) // Гасырлар авазы. 1997. № 3/4. С. 64–69.
19. *Sultangalieva G.* The Russian Empire and the intermediary role of Tatars in Kazakhstan: The politics of cooperation and rejection // Asiatic Russia:

Imperial power in regional and international contexts / Ed. by T. Uyama.
London; New York: Routledge, 2012. P. 53–79.

Roman Yulianovich Pochekaev candidate (Ph.D.) in law, professor,
Head of the Department of theory and history of law and state of the
National Research University
“Higher School of Economics”, St. Petersburg
e-mail: ropot@mail.ru

**ROLE OF THE TATAR-BORN RUSSIAN OFFICIALS IN STUDY
OF STATE AND LAW OF CENTRAL ASIAN KHANATES
(M. BEKCHURIN, M. AITOV, I. BATYRSHIN)**

Abstract. Article devoted to analysis of the role and significance of Tatar-born Russian officials in gathering of information on state and law of the Central Asian khanates – Bukhara, Khiva, Khoqand in the 18th-19th cc. on the examples of M. Bekchurin, M. Aitov and I. Batyrshin. All of them served as officials of the Orenburg Frontier Commission, two of them were diplomats in Bukhara and Khiva, last one contacted with informers from above-mentioned khanates. The common feature for them was that they were Turks and Moslems. Firstly that fact provided Central Asian population’s sympathies to them (including favor of representatives of the ruling elites of the khanates) and gave an opportunity to gather more useful information. Secondly, as representatives of the Turkic-Islamic culture they could better understand and estimate the level of political and legal development of the Central Asian khanates and prepare impartial reports for their chiefs. Also it’s necessary to notice that their affiliation with Turkic-Islamic world didn’t influence on quality of fulfillment of missions by such officials: they tried all ways to contribute to realization of the Russian policy in the Central Asia and advance of the Russian Empire in this region.

Keywords: Russian Empire, Bukharan Khanate, Khivan Khanate, Khoqand Khanate, Tatar officials, Orenburg Frontier Commission, Turkic-Mongol law, Islamic law.

УДК 94(470):616.9

Хайдаров Тимур Фаритович

*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
ЦИЗОТХ Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, г. Казань e-
mail: timkh2000@yandex.ru*

МОР 1408 – 1410 ГГ.

Аннотация. Конец XIV в. выдался в Улусе Джучи не простым. Разгром татарского государства войсками Тамерлана позволил Василию I и Витовту начать активно проводить антиордынскую политику. В этой ситуации окончательный разгром татарского государства стало делом предопределенным. Массовая гибель населения от разразившихся осенью – зимой 1395/96 гг. эпидемических заболеваний (чума, сибирская язва), масштабные разрушения ордынских городов армией Аксак-Тимура и последующая дезурбанизация страны сделало такой вариант развития вполне реалистичным. Поэтому когда в 1398/99 гг. в глубь ордынской территории начались военные походы московских и литовских войск в мире не нашло бы ни одного бы человека, кто стал бы ставить на вариант дальнейшего существования татарского государства. В этой ситуации появление такой сильной и харизматичной фигуры, как Едигей больше как чудо нельзя и рассматривать. В большей степени, его политический взлёт можно было объяснить удачной службой при дворе Тамерлана, а также узурпация власти в наименее пострадавшим от эпидемии чумы 1396 г. и военных набегов войск самаркандского правителя Мангытском юрте. Прямая поддержка своих новых подданных позволила не только остановить Витовта и Василия I, но и после изгнания Тохтамыша фактически стать при новом ордынском хане

Тимуре-Кутлуке верховным правителем Улуса Джучи. Однако, окончательно закрепится в землях Великого княжества Московского во время похода 1408 – 1410 гг. ему так и не удалось. Одной из явных причин этой неудачи стала разразившаяся эпидемия чумы.

Ключевые слова: Едигей, Великий князь Московский Василий I Дмитриевич, монеты, военный поход 1408 – 1410 гг., эпидемия чумы.

Начиная с 1406 г. Едигей вплоть до 1411 г. в своей внутренней политике он старался следовать известному еще со времен темника Мамайя принципу: *«преболи всех князи ординьскихъ, иже все царство единъ держаше и по своей воле царя поставляйте, его же хотяше»*. Поэтому как и беклерибек он стремился закрепиться на политическом олимпе за счет игры на противоречиях между основными своими противниками. В итоге, это могло привести к тем же результатам, что и у предшественника. Поэтому ничего не было удивительно в том, что в 1408 г. Едигей предпринял поход на Москву.

Хотя в отечественной историографии господствует мнение, что одной из главных причин похода сарайского правителя стало переселение на Русь сыновей убитого в Тюмени в 1405 г. Тохтамышша. В действительности же, по мнению отечественного историка А.П. Григорьева, имело место быть неудачная попытка проведения Едигеем в отношении русских земель политики *разделяй и властвуй* [3]. Впрочем, данная оценка событий 1408 г. была подвергнута резкой критики со стороны А.А. Горского. Согласно его точки зрения, основной причиной этого похода явилось фактическое не признание сюзеренитета Орды над Москвой, характеризовавшееся в виде неуплаты дани начиная с 1396 г. и начала чеканки монет с указанием *«князь великий Василий Дмитриевич»* [4, с. 126].

Ясно одно, что согласно данным представленным в хронологически близких летописных текстах (Рогожского летописца и Симеоновской летописи), поход Едигея на Москву стал неожиданным, татарское войско появилось между 23 и 30 ноября 1408 г., обороной города вместо

отсутствующего великого князя Василия Дмитриевича руководили бояре, Великое княжество Московское вынуждено было выплатить дань и признать свою подчиненное положение. Впрочем, из-за того, что эти события пока очень плохо отражены в отечественной историографии, остаются очень много белых пятен.

Определенность в этом вопросе предоставляют тексты русских летописей. Согласно им одним из факторов поспособствовавших началу похода Едигея явилась эпидемия. Так в тексте Сименовской летописи можно найти следующие слова: *«Въ лето 6916. Того же лета моръ бысть на люди по многымъ странамъ коркотою въ волостей Ржевьскихъ, Можайскихъ, Дмитровскихъ, Звенигородскихъ, Переславскихъ, Володимерскихъ, Юрьевскихъ, Рязаньскихъ, Торускихъ; были и инде въ Московскихъ волостехъ»* [9, с. 155, л. 317]. Ссылки на это событие можно найти по крайней мере в 8 летописных сводах [6, С. 257; 8, С. 203 – 205; 9, с. 155, л. 31; 10, с. 237, л. 332 об.; 11, с. 265, л. 104 об.].

Это подтверждает и данные полученные в 2013/14 гг. европейской исследовательской группы. Используя естественнонаучные методы (дендрохронологический анализ европейской и азиатской растительности, метод СЕИ осадочных пород), они пришли к выводу, что в 1408/09 гг. на территории северо-восточной Руси и Улуса Джучи разразилась крупная эпидемия чумы. Исходным источником последней явилась среднеазиатская вспышка 1391 г. При этом было отмечено, что перед большими вспышками в 1346 – 1348, 1363 – 1367 гг. фиксировались резкие перепады зимних и летних температур [15]. Именно о резких перепадах температур и свидетельствуют летописные тексты. *«Того же лета, месяца Августа, засуха бысть и мрази велицы»*[8, с. 203].

В отечественной науки пока не существует однозначной оценки этой вспышки. Так авторы крупнейшего исследования по истории эпидемий в России считали, что это был грипп [2, с. 33]. Другой отечественный исследователь С.И. Бараш склоняется к оценке, что это была все же черная

оспа [1]. Определенность в этих вопросах опять же предоставляют летописные источники, где говорится об одном характерно для чумы симптоме. *«Того же лета морь бысть на люди силенъ коркотою»* [6, с. 257]. Впрочем, проведенные в конце XIX – начале XX в. специалистами форта Александр I лабораторные исследования, подтвердили возможное параллельное протекание нескольких эпидемических заболеваний [2. С. 33].

Как известно поход Едигея на Москву состоялся поздней осенью 1408 г. Если учесть, что на Руси эпидемии происходили в период *«от Семена дни летопроводца до рождественского говения»*, то есть со второй половины лета по начало зимы, то становится понятна причина появления татарского войска в конце ноября [13, с. 381 – 382]. При этом в наиболее пиковые годы смертность среди населения могла достигать от 20 до 100 человек в день [9, с. 102, л. 184 – 187 об.], что превращало любую оборону города в практически невыполнимую задачу. Зачастую такое развитие исторических событий подталкивал противоборствующие стороны к началу активных действий. Так после вспышек 1365/66 и 1374/75 гг. ушкуйники совершили свои опустошительные походы вглубь ордынских территорий, попутно разграбив множество татарских и русских поволжских городов [7, с. 449 – 450; 9, с. 116 – 117, л. 214]. Татарская сторона также не брезговала этими методами введения войны. В 1365/66 г. татарский царевич Тагай совершил набег на пострадавшее от эпидемии Рязанское княжество [9, с. 102 – 103, л. 184 – 187 об.].

Скорее всего, схожая ситуация возникла осенью 1408 г. На это указывает перечисление разграбленных войском Едигея русских городов, которые на тот момент, если верить летописным источникам, уже пострадали от эпидемии, (Ростов Великий, Юрьев-Польский Переславль-Залесский, Дмитров, Коломна, Нижний Новгород, Городец и др.) [8, с. 208, 209, 216, 218]. Впрочем, даже не смотря на то, что ордынскому хану так и не удалось взять Москву, результаты этого похода для татарской стороны были более чем успешными. Великий князь Московский Василий I Дмитриевич

вынужден был выплатить дань за несколько лет в размере 3 тыс. рублей, перестал действовать московско-литовский антиордынский военный союз, что позволило на время продлить существование единого татарского государства.

Несмотря на это великий князь Московский начал систематически выплачивать дань только в 1412 г. Причем общая сумма полученной законным чингизидом Джелал-ад-Дином (Зеледи-салтан в русских источниках) равнялась 7 тыс. рублей, то есть равнялась установленной еще в 1399 г. сумме ежегодного «ордынского выхода» и скорее всего это была первая выплата дани в XV в. в рамках установленных ранее правил финансовых отношений с Сараем [3, с. 129]. Причиной такого хода событий, как и в 1408 г. стала эпидемическая вспышка 1409/10 г. Причем в отличие от 1408/09 г., где первоисточником выступал среднеазиатский природный эпидемический очаг, вспышка 1409/10 г. скорее всего имела кавказский первоисточник. Если учесть, что ордынским вспышкам (1363 – 1367, 137/75) предшествовали за 3 года эпидемии в Закавказье и Персии, то последствием крупной тебризской вспышки 1407 г. стала как раз последняя вспышка [14].

Хотя об этих событиях практически не сохранилось летописных свидетельств, косвенно о её масштабах и возможных районах её распространения говорят ход военных столкновений между Московским и Нижегородским княжеством, Витовтом и Едигеем [4, с. 130]. Исходя из этого можно говорить о море 1408 – 1410 гг. как о едином историческом событии. Впрочем, и по общему количеству умерших и по масштабности политических последствий эпидемия 1408 – 1410 гг. меркнет с эпидемическим десятилетием в истории России (1417 – 1430/31 гг.).

Таким образом, можно утверждать, что одним из главных факторов приведших к началу похода Едигея 1408/09 гг. и поспособствовавший его общему успеху стал мор 1408 – 1410 гг. При этом, как считают исследователи, это был первый предвестник надвигавшегося большого мора.

Khaydarov Timuor Faritovich
*Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and
Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute, Academy of Sciences of the Republic of
Tatarstan, Cand. Sci. (History), Kazan, Russian Federation e-mail:
timkh2000@yandex.ru*

PLAGUE 1408 – 1410.

Abstract. In the early fifteenth century was outlined a trend of recovery of the ulus of Jochi. Thanks to the new Horde ruler Adieu Shed managed in the shortest possible time to regain control over many areas. One of the most successful political actions of the Tatar ruler is considered to be a military March on Moscow 1408 – 1409. the Author believes that one of the reasons for the successful completion of the military campaign was razrazilsya in Moscow plague epidemic. It is indicative of modern climate research.

Keywords: Yedigei, Grand Prince of Moscow Vasily I Dmitriyevich, coins, military campaign 1408 – 1410, plague.

УДК 94(470)(930)

Хаутала Роман

*PhD (история), старший научный сотрудник Институт истории им.
Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан исследователь на
историческом отделении гуманитарного факультета*

*университета Оулу (Финляндия);
email: virisequisque@hotmail.com*

СВЕДЕНИЯ ЛАТИНСКИХ ИСТОЧНИКОВ О РЕЛИГИОЗНОЙ СИТУАЦИИ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ В РАННИЙ ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ХАНА УЗБЕКА

Аннотация. Автор настоящей статьи представляет содержание избранных латинских источников по миссионерской деятельности

францисканцев на территории Золотой Орды в XIV столетии. Данные источники представляют особый интерес для изучения истории улуса Джучи, поскольку они были написаны внутри Золотой Орды в период правления хана Узбека (1312/13–1341). В частности, эти источники содержат ценнейшую информацию о религиозной политике правителей улуса Джучи, которая позволяет переоценить процесс распространения ислама в Золотой Орде и степень исламизации кочевников в период правления хана Узбека.

В первую очередь, автор представляет ярлык, предоставленный ханом Узбеком миноритам Каффы в 1314 году, и указывает на определенные соответствия его содержания с общеизвестными ярлыками, выданными ханами Золотой Орды митрополитам православной церкви Руси. Данный ярлык Узбека имеет первостепенное значение для выяснения характера религиозной политики Узбека в начальный период его правления. Эта информация позволяет пересмотреть достоверность сведений, содержащихся в общеизвестных мусульманских источниках.

Далее автор указывает на важность информации, содержащейся в более позднем письме францисканцев Каффы, отправленном ими на Запад в 1323 году. Данное письмо упоминает существенные прозелитические успехи францисканцев и, что важнее, указывает на то, что администрация хана Узбека не чинила препятствий миссионерской деятельности миноритов, развернутой ими среди кочевников улуса Джучи.

Ключевые слова: история Золотой Орды; исламизации кочевников; внешние и внутренние письменные источники; латинские источники; францисканское миссионерство среди кочевников.

В ближайшем будущем я намереваюсь собрать и перевести на русский язык основную часть синхронных латинских источников, содержащих сведения о правлении хана Узбека в Золотой Орде (1312/13–1341). Прежде чем представить короткий обзор содержания некоторых из этих источников, я хотел бы сделать несколько замечаний по поводу исторического контекста,

в котором эти источники были составлены. В первую очередь я хотел бы уточнить, что эти источники были написаны внутри Золотой Орды и во время правления хана Узбека. Современные исследователи нередко подчеркивают, что правление хана Узбека совпало с окончательным периодом исламизации Золотой Орды. С другой стороны, латинские миссионерские источники, составленные внутри Золотой Орды, появляются в большом количестве именно в течение этого периода. Изобилие латинских источников этого периода позволяет пересмотреть несколько чрезмерные обобщения некоторых современных исследователей в отношении окончательной исламизации улуса Джучи.

В действительности, первый источник, который я хотел бы представить, не является латинским. Речь идет о ярлыке, пожалованном ханом Узбеком митрополиту Киева Петру в 1313 году [12, с. 845, 849; 6, с. 467–468]. Данный ярлык, на самом деле, является подделкой XV века [7, с. 88; 9, с. 142–143].

Вполне возможно, однако, что эта фальсификация основывалась на действительно существовавшем ярлыке [9, с. 143–146; 10, с. 51]. Большой интерес представляет содержание “предисловия” к этому ярлыку, основывавшееся на несохранившейся русской летописи. Это предисловие описывает поездку митрополита в орду Узбека в 1313 году, которая упоминается и в других русских летописях. Но в отличие от других русских летописей, это предисловие перечисляет причины, побудившие митрополита отправиться в путь. В частности, предисловие упоминает стремление митрополита опередить католического епископа Матвея и добиться ханских привилегий до прибытия к Узбеку западного прелата [2, с. 111; 10, с. 49–51]. Таким образом, это предисловие содержит интересную информацию о соперничестве между православным и католическим прелатами в получении привилегий от хана Узбека.

Анонимный автор предисловия несомненно ошибался, именуя католического епископа Матвеем. Латинские источники упоминают Маттео Манни из Кортонь в качестве второго католического епископа Каффы [19,

III, p. 57; 20, p. 19; 21, p. 113]. Но он был назначен епископом только через 12 лет после поездки митрополита. На самом деле, автор предисловия спутал Маттео с первым католическим епископом Каффы, Иеронимом из Каталонии, присутствовавшим в Каффе уже начиная с 1311 года (Латинские источники предоставляют следующую информацию о карьере Иеронима: 20 декабря 1310 года папа Климент V возвел его в ранг епископа без определенной резиденции и в качестве суффрагана архиепископа Ханбалика, Джованни да Монтекорвино [26, p. 149; 28, p. 292]; папская булла от 19 февраля 1311 года подтверждала это назначение, одновременно уточняя время отправления Иеронима на восток [15, no. 176, p. 74; 18, p. 535, 547; 19, I, p. 302, III, p. 40; 30, p. 476]; официальное постановление Генуэзской республики от 30 августа 1316 года упоминает восстановление францисканской церкви в Каффе благодаря стараниям Иеронима [19, III, p. 40; 22, col. 407]; в одном письме от 6 февраля 1318 года папа Иоанн XXII упоминает Иеронима в качестве епископа Каффы [15, no. 303, p. 142–143; 19, III, p. 41, 44]; буллой от 20 февраля 1318 года Иоанн XXII официально возводит Иеронима в ранг епископа Каффы [13, no. 8, p. 12–13; 28, p. 292].). Но более важным является его указание на то, что митрополиту удалось получить ярлык раньше, чем это сделал католический прелат.

Католический епископ смог получить ярлык от Узбека только годом позже. Артур Кристофер Моуль обнаружил латинский перевод этого ярлыка в библиотеке университета Кембриджа и опубликовал его текст в 1924 году [14, p. 65]. Данный ярлык был адресован “латинским священникам, которые зовут себя по собственному обыкновению меньшими братьями”³⁰. Очевидно, что ярлык Узбека подтверждал возвращение францисканцев в Каффу, изгнанных оттуда шестью годами ранее ханом Токтой вместе с другими жителями генуэзской фактории [19, III, p. 174; 26, p. 156]. Интересно, что Узбек пожаловал ярлык “в соответствии с теми же условиями”, которые оговаривались в предыдущих ярлыках его предшественников – ханов Менгу-

---

³⁰ “Istud priuilegium tenentes sacerdotes latini qui suo more se fratres minores appellant” [14, p. 65].

Тимура и Токты³¹. Таким образом, данный ярлык указывает, в первую очередь, на устоявшийся обычай джучидских ханов подтверждать прежние привилегии своих предшественников сразу же после своего восхождения на золотоордынский трон [8, с. 59]. В то же время этот ярлык косвенно указывает на то, что францисканцы получили ярлык со схожим содержанием и от Менгу-Тимура³². То есть францисканцы могли присутствовать в Золотой Орде уже в 1267 году.

Ярлык 1314 года содержит интересную информацию о религиозной политике хана Узбека, позволяющую пересмотреть содержание параллельных мусульманских источников. Мамлюкский автор ан-Нувейри сообщает, что в марте–апреле 1314 года в Египет прибыло торжественное посольство от хана Узбека с поздравлениями “с расширением ислама от Китая до крайних пределов Западных государств”. По словам ан-Нувейри, золотоордынские послы сообщили о том, что хан Узбек ввел в действие программу насильственной исламизации своих подданных и уничтожил всех тех, кто отказался обратиться в ислам [11, с. 163]. Это утверждение ан-Нувейри о скоротечной и принудительной исламизации Золотой Орды было принято на веру современными исследователями [см., например: 5, с. 136; 4, с. 612; 1, с. 146; 3, с. 111–112]. Однако здесь следует отметить, что это утверждение основывалось исключительно на словах послов Узбека и не обязательно соответствовало действительности. Вероятно, отчет послов содержал намеренное преувеличение, которое должно было способствовать восстановлению дружественных отношений с мусульманским султанатом Египта [16, р. 94–95; 17, р. 121].

Анализ содержания ярлыка Узбека, пожалованного францисканцам, вынуждает поставить под сомнение сведения мамлюкского автора.

---

³¹“... priuilegium quod dederat Culuk progenitor noster et successor eius, frater noster senior, inperator, nos eciam nunc dedimus secundum eundem tenorem ...” [14, р. 65]. См. пояснения по поводу идентификации имен предшественников Узбека в: [25, р. 58–60].

³² Здесь следует упомянуть предположение Василия Григорьева, недавно подтвержденное Романом Почекаевым и Юрием Сочневым, что в своей переработке ярлыка Узбека 1313 года русский редактор XVI века опирался на содержание ярлыка Менгу-Тимура 1267 года [2, с. 92–93; 9, с. 145–146; 10, с. 51]. Все упомянутые исследователи указывают на особую взаимосвязь между обоими ярлыками.

Безусловно, сам факт пожалования ярлыка не опровергает возможности радикальной исламизации улуса Джучи. Однако отдельное позволение хана “ходить [повсюду], преподавая многим христианский закон”³³ ясно противоречит утверждению о насильственной и повсеместной исламизации Золотой Орды. Очевидно, что это позволение беспрепятственной деятельности “неверных” миссионеров противоречило предполагаемому намерению Узбека принудить “северные народы” силой оружия принять мусульманскую религию [29, p. 111; 30, p. 399].

Более позднее письмо крымских францисканцев, отправленное на Запад в 1323 году, указывает на то, что минориты в полной мере воспользовались разрешением хана [24, p. 104–112]. Францисканцы развернули миссионерскую деятельность среди местных кочевников и достигли ощутимых успехов, поскольку они не встретили каких-либо препятствий со стороны золотоордынской администрации. В частности, безымянный автор францисканского письма 1323 года писал: “Но ежечасно следуя за кочующими лагерями и всецело предаваясь столь многим нашим занятиям, у нас часто нет времени отведать еды до сияния звезд на небе. И не удивительно, что в ходе одной такой поездки некий немецкий брат вырвал из ук язычников 93 их идола, крестил все их семьи и наставил их в вере по мере возможностей. Некоторые из этих идолов мы переслали посредством неких наших братьев, отправленных к святому верховному понтифику по столь важному делу, дабы он мог увидеть наглядное доказательство истинности”³⁴.

Это письмо францисканцев, написанное через 10 лет после прихода к власти хана Узбека, интересно также следующей характеристикой религиозной политики золотоордынских правителей: “они прочат твердость

---

³³“... quoddeumsuumorandoxristiservi, dictisacerdoteslatini,
legemxristianammultisdicen , p. 65; 27, p. 350].

³⁴“ ... set crebro castra sequentes ob diligenciam meram tante occupacionis gustare victum non vacat usque ad lucentes stellas. Nec mirum, cum exitu vno frater quidam almannus 93 paganorum ydola de eorum manibus surripuit et omnes familias baptizavit et in fide quo potuit plenius instruxit, quorum aliqua ydolorum per quosdam nostrum sancto summo pontifici pro tanto negocio a nobis destinatos transmisimus ad videndum in testimonium veritatis, et per venientes mercatores viros fidedingnissimos de quorum eciam consilio et assensu hec scripsimus, vt omnino vera sciatis et scienter vitam habeatis, si ad hec valere non negligatis” [24, p. 107; 23, p. 361].

в вере, хоть и являются язычниками; чтобы все придерживались той религии, которой, в конечном счете, придерживались их родители. Они считают проявлением чрезвычайного непостоянства отказ от веры, была бы она христианской или иной. Ибо они терпимо допускают существование у них всех религиозных общин, вероисповеданий и духовников до тех пор, пока те исполняют в своих земных делах то, к чему их обязывает закон этой земли»³⁵.

Несомненно, мы должны критично относиться к содержанию латинских источников. Однако в равной степени, мы должны подвергать критическому анализу и восточные хроники. И по моему глубокому убеждению точность сведений латинских источников не уступает в своей достоверности содержанию мамлюкских и персидских летописей.

Список использованной литературы

1. Гарустович Г.Н. Католическая миссионерская деятельность на Южном Урале в XIV веке // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 5. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 137–148.
2. Григорьев В.В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. Историко-филологическое исследование. Москва: Университетская типография, 1842. 132 с.
3. Егоров В.Л. Развитие центробежных устремлений в Золотой Орде // Вопросы истории. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1974. № 8. С. 36–50.
4. Измайлов И.Л., Усманов М. Ислам в Улусе Джучи // История татар с древнейших времен в семи томах. Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. С. 599–617.

---

³⁵ “Conmendant enim firmitatem, licet sint infideles, quod omnes teneant sectam quam finaliter tenuerunt parentes eorum, et autumant [finem] signum falsitatis ab illa recedere, siue sit xristiana siue aliena; omnes enim sectas et leges inter se sinunt pacienter et spirituales, ita quod in temporalibus suis faciant in quibus iure terre illius religantur” [24, p. 111; 23, p. 365].

5. Исхаков Д.М. Проблема “окончательной” исламизации Улуса Джучи при хане Узбеке // Ислам и власть в Золотой Орде. Сборник статей / Миргалеев И.М., Сайфетдинова Э.Г. (ред.). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 129–153.
6. Памятники русского права. Выпуск 3. Памятники права периода образования русского централизованного государства XIV–XV вв. / Черепнин В.Л. (ред.). Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1955. 527 с.
7. Почекаев Р.Ю. Золотоордынские ярлыки русской церкви как пример правоотношений светской и духовной власти на государственном и надгосударственном уровне // Политико-правовые основы социального партнерства государства и традиционных конфессий. Материалы научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 3 июня 2004 г. Санкт-Петербург, 2005. С. 88–92.
8. Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. 260 с.
9. Почекаев Р.Ю. Поддельные акты золотоордынских правителей и их реальные прототипы // Актуальные проблемы истории и культуры татарского народа. Материалы к учебным курсам. В честь юбилея академика АН РТ М.А. Усманов. Казань: Министерство образования и науки Республики Татарстан, 2010. С. 142–154.
10. Сочнев Ю.В. К оценке достоверности сведений предисловия к ярлыку хана Узбека о конфессиональной политике ордынских властителей // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. Вып. 6. С. 49–60.
11. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том 1. Извлечения из сочинений арабских. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1884. 579 с.
12. Ярлыки татарских ханов московским митрополитам / Черепнин Л.В., Арсланова А. (ред.) // История татар с древнейших времен в семи томах.

- Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории им. Ш.МарджаниАНРТ, 2009. С. 843–851.
13. Acta Joannis XXII (1317–1334) e registis vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt / Tăutu A.L. (ed.) // Fontes. Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis, series III, Vol. VII/2. Romae: Typis pontificae universitatis gregorianae, 1966. 302 p.
  14. Bihl M., Moule A.C. Tria nova documenta de missionibus Fr. Min. Tartariae Aquilonaris annorum 1314–1322 // Archivum Franciscanum Historicum. Vol. 17. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1924. P. 55–71.
  15. Bullarium Franciscanum Romanorum Pontificum. Vol. V. Benedicti XI., Clementis V., Ioannis XXII. monumenta / Eubel K. (ed.). Romae: Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1898. 643 p.
  16. DeWeese D.A. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tūkles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 1994. 656 p.
  17. DeWeese D.A. Islamization in the Mongol Empire // The Cambridge History of Inner Asia. The Chinggisid Age / Di Cosmo N., Allen F.J., Golden P.B. (eds.). Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2009. P. 120–134.
  18. Fedalto G. La chiesa latina in Oriente. Verona: Casa editrice mazziana, 1973. 526 p.
  19. Golubovich G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell’Oriente francescano. 5 Vols. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1906–1927. Ъ
  20. Loenertz R.J. Les Missions dominicaines en Orient au quatorzième siècle et la Société des frères pérégrinants // Archivum fratrum praedicatorum. Vol. 2. Romae: Institutum Historicum Fratrum Praedicatorum Romae ad S. Sabinae, 1932. P. 1–83.
  21. Loenertz R.J. La Société des Frères Pérégrinants. Étude sur l’Orient Dominicain. Vol. I. Étude sur l’Orient dominicain. Roma: Istituto Storico Domenicano, 1937. 209 p.

22. Monumenta historiae Patriae edita iussu regis Caroli Alberti. Vol. II. Leges. Tom. I. Torino: Augustae Taurinorum Reg. Typograph., 1838. 1773 p.
23. Moule A.C. Fourteenth Century Missionary Letters // The East & the West: a quarterly review for the study of missionary problems. Vol. 19. Westminster: Society for the Propagation of the Gospel in Foreign Parts, 1921. P. 357–366.
24. Moule A.C. Textus duarum epistolarum Fr. Minorum Tartarie Aquilonaris an. 1323 // Archivum Franciscanum Historicum. Vol. 16/1–2. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1923. P. 104–112.
25. Pelliot P. Notes sur l’histoire de la Horde d’or: suivies de quelques noms turcs d’hommes et de peuples finissant en “ar” // Ouvres posthumes de Paul Pelliot publiées sous les auspices de l’Académie des Inscriptions et Belles-Lettres et avec le concours du Centre National de la Recherche Scientifique. Vol. II. Paris: Librairie d’Amérique et d’Orient, Adrien Maisonneuve, 1949. 292 p.
26. Richard J. La Papauté et les missions d’Orient au Moyen Age (XIIIe–XVe siècles). Rome: École Française de Rome, 1998. 331 p.
27. Richard J. Missions to the North of the Black Sea: Thirteenth and Fourteenth Centuries // The Spiritual Expansion of Medieval Latin Christendom: The Asia Missions / Ryan J.D. (ed.). Farnham: Ashgate Publishing, 2013. P. 343–356.
28. Ryan J.D. Christian Wives of Mongol Khans: Tatar Queens and Missionary Expectations in Asia // The Spiritual Expansion of Medieval Latin Christendom: The Asia Missions / Ryan J.D. (ed.). Farnham: Ashgate Publishing, 2013. P. 285–296.
29. Sinor D. Some Latin Sources on the Khanate of Uzbek // Essays on Uzbek History, Culture, and Language / Nazarov B., Sinor D., DeWeese D.A. (eds.). Bloomington, Ind.: Indiana University, Research Institute for Inner Asian Studies, 1993. P. 110–119.
30. Soranzo G. Il Papato, l’Europa cristiana e i Tartari. Milano: “Vita e pensiero”, Pubblicazioni dell’Università Cattolica del Sacro Cuore, 1930. 624 p.

**LATIN SOURCES ON THE RELIGIOUS SITUATION
IN THE GOLDEN HORDE IN THE EARLY REIGN OF UZBEK
KHAN**

Abstract. The author of this article presents the content of selected Latin sources on the Franciscan missionary activity on the territory of the Golden Horde in the 14th century. These sources are of particular interest for the study of the history of the ulus of Jochi since they were written within the Golden Horde during the reign of khan Uzbek (1312–1341). In particular, these sources contain valuable information about religious policy of the rulers of the ulus of Jochi, which allows us to re-evaluate the process of the spread of Islam in the Golden Horde and the degree of Islamization of nomads during the reign of khan Uzbek.

First, the author presents the *yarlyk* that khan Uzbek granted to the Minorites of Kaffa in 1314. The author points to specific conformity of its content with well-known *yarlyks* granted by the Golden Horde khans to the metropolitans of the Orthodox Church of Rus'. This *yarlyk* of Uzbek is essential for clarifying the nature of Uzbek's religious policy in the initial period of his reign. Its information allows us to review the accuracy of the information contained in the well-known Muslim sources.

Further, the author points to the importance of the information contained in a later letter by the Franciscans of Caffa, sent by them to the West in 1323. This letter mentions the substantial proselytizing successes of the Franciscans and, more importantly, indicates that Uzbek's administration did not obstruct the Minorites' missionary activities deployed by them among the nomads of the ulus of Jochi.

Keywords: history of the Golden Horde, Islamization of the nomads, external and internal written sources, Latin sources, Franciscan missionary work among the nomads.

УДК 947.0

Давлетшин Гамирзан Миргазьянович

доктор исторических наук, профессор кафедры татароведения и тюркологии Казанский (Приволжский) федеральный университет, Республика Татарстан, г. Казань

e-mail: g.davletshah@mail.ru

БУЛГАРО-ТАТАРСКИЕ НАДМОГИЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КАК ЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Болгаро-татарские надгробные памятники являются ценными, а порой неповторимыми, источниками для исследования различных сторон общества.

Автор обоснует не только общемусульманские, но и древнетюркские истоки болгаро-татарских надгробных эпиграфических памятников.

Усиление позиции суфизма в в XIII-XIV веках как в Улусе Джучи в целом, так и в болгарских землях в частности появляются традиция у болгар надгробных камней и строительство дюрбе-мавзолеев.

В текстах в них излагается бусульманско-богословские, суфийские идеи, идеалы человека в болгарском обществе. В памятниках можно проследить напряженные отношения и попытка их сглаживания между суннитами и шиитами.

Встречаются среди памятников из Болгара титулы служителей культа в том числе “шейх ал-кябир», т.е. “шейх великий,, “аш-шейх ал-имам,,. По данным эпитафий, в золотоордынское время продолжает свое существование институт “учитель-ученик,,. Автор предлагает свое толкование различным рисункам-орнаментам, присутствующие в памятниках.

Болгаро-татарские надгробные плиты также могут стать ценным источником в изучении единиц измерения длины. Метрологически анализ сотни памятников позволяют использование таких единиц измерения как локоть, пядь, аршин.

Булгаро-татарские надгробные памятники играли важную роль в культурной, общественной жизни.

Ключевые слова: надгробные памятники; булгаро-татарские; Аллах; суфизм; надписи; Джучиев Улус.

Булгаро-татарские надгробные памятники являются ценными, а порой неповторимыми источниками для исследования различных сторон общества. Булгаро-татарские надгробные памятники изучены достаточно подробно. Монографически они исследованы Г.В.Юсуповым [15] и Ф.С.Хакимзяновым [10;11]. Историография вопроса в полной мере освещена в указанной монографии Г.В. Юсупова [15, с. 7-18], что освобождает нас от детального ее рассмотрения. Но в основном подробно изучен язык надписей на надгробных плитах, их орамент, а как явление культуры, связанное с взглядами людей средневековья и вообще их роль в духовной жизни населения изучены слабо.

У многих древних народов имелся обычай ставить на могиле каменный памятник с надписью. На могилах знаменитых людей сооружались мавзолеи. Ставить на могилах каменные памятники с надписями и в исламском мире было явлением широко распространенным. Этот обычай появился в в Аравии еще в VII—VIII веках. С X века он получает распространение в Средней Азии, на Кавказе. Надписи этого периода очень даже созвучны с надписями на болгаро-татарских надгробных памятниках.

Однако данная традиция у болгар имеют более древние корни, уходящие еще древним тюркам. Общеизвестно монументальные поминальные сооружения древних тюрков с эпитафиями. Следы древнетюркской традиции наблюдается и в других явлениях, присутствующих болгаро-татарских надгробных памятниках. Например, использование в текстах имени древнетюркского высшего божества Тенгре как синонима Аллаха и особенно его символа - солярного орнамента во многих болгаро-татарских памятниках. Ф.С.Хакимзянов обнаружил в

эпитафиях влияние древнетюркского и особенно уйгурского письма (некоторые надписи, например, сделаны столбцом сверху вниз) [3, с.76—77].

В древнетюркских письменах душа описывалась как нечто, способное летать. У многих тюркских народов принято изображать душу в виде птицы. На надгробных камнях болгар душа изображалась в виде птицы с распростертыми крыльями [15, табл. 6].

Татарский праздник Сабантуй имеет древние корни. “День сабантуя,, (Saban tuj kon ati),, 15 июня 1292 г. отмечается памятнике о дне смерти погребенного под ним человека [9, с. 38-39].

Стало быть, болгаро-татарские надписи на могильных плитах связаны не только с исламом, это оказывается, и древнетюркская традиция.

Возможно, имелись и местные истоки. В городе Болгаре была колония армян, у населения которого тоже был обычай ставить на могиле плиты с надписями, самая древняя из них относится к 1218 году. На этих плитах с надписями на армянском языке встречаются и арабские буквы [3, с.45]. Эти надгробные памятники не могли не повлиять на появление и функционирование болгарских могильных плит.

Кроме того, широко представленные на территории Дешти-Кипчак, каменные изваяния были хорошо знакомы болгарам. Ананьинские племена, считающиеся предками современных финно-угоров, живших в наших краях в VIII—III веках до нашей эры, тоже сооружали на могилах своих знаменитых людей различные памятники с рисунками. Естественно, болгары знали об этих памятниках. Таким образом, возникновение в Болгарии надгробных памятников с надписями связано со многими причинами.

Определенно лишь одно: от домонгольского периода не сохранилось ни одного надгробия с надписью или хотя бы какой-нибудь достоверного сведения о них. Самая древняя болгарская эпитафия датирована 1244 годом в Болгарском городище. У арабов эпиграфические находки относятся к VI—VIII веку, но этот обычай писать на могильных плитах религиозными деятелями, ханафийским учением никогда не одобрялся. А болгары были

именно сторонниками ханафийского учения и старались прилежно следовать правилам этого учения еще с домонгольских пор. Конечно, если глубоко задуматься об этом, то обычай ставить на могиле простого человека памятники с возвеличивающими его надписями противоречит основным очень важным правилам исламской религии. Основное положение ислама: “Нет Аллаха, кроме Аллаха, Мухаммад его пророк,, то есть выше Аллаха ничего и никого нет, Мухаммад—посланник Аллаха на земле. А памятники на могиле—это стремление возвеличить простое земное существо, сделать из него кумира. Однако это противоречие разрешается. На памятниках много места отводится сурам Корана, надписям о величии Аллаха, о поклонении ему. Обычай класть на могиле каменную плиту перенимают и ханафийские последователи. Однако болгары, оторванные от исламских центров, не особенно спешат перенять этот обычай. Они пытаются сохранить первоначальную чистоту религии, принятой еще в древности, не вникая в разногласия между различными исламскими учениями в центрах. Положение меняется после образования Джучиева Улуса, частью которого становится и Болгария.

Усиливаются связи Болгарии с другими, входящими в состав Джучиева Улуса странами, из которых в Болгарию проникает обычай делать надгробные памятники с надписями и сооружать мавзолеи. Но все же эти величественные сооружения в основном ставились лишь на могилах болгарской знати. Кроме того, в последние годы ученые высказывают мнение, что эти обычаи в Болгарии связаны с распространением, усилением идей суфизма в XIII-XIV веках как в Улусе Джучи в целом, так и в болгарских землях в частности [2, с.119; 12, с.144]. В отдельных его братствах был широко распространен культ предков, святых, культ отдельных личностей, и было принято пышно помечать могилы их родственников плитами с надписью. Такие плиты назывались белгу, то есть пометка на могиле [9, с.68]. Позднее у татар слово белгу имело то же самое

значение. Даже одна деревня в Алькеевском районе (Тяжбердино), где имелись болгарские могилы, называлась Таш Билге (Каменная метка).

Выдающиеся суфии, дервиши, особенно главы суфийских общин после смерти не только хоронились высокими почестями, но еще и причислялись к лику святых. Главами суфийских общин обычно были видные шейхи.

Примечательно и то, что длинные имена образованных людей Джучиева Улуса обычно также начинались с этого титула: “Аш-шейх...”, Встречаются среди памятников из Болгара титулы служителей культа “шейх ал-кябир,, т.е. “шейх великий,, “аш-шейх ал-имам,,. Этот титул был очень почетным [3, с.108]. Над их могилами сооружались склепы-мавзолеи, устанавливались надгробные плиты с восхваляющими их надписями. Из Каира, центра халифата, ханам Джучиева Улуса направляются списки святых мест, где похоронены святые люди. Это святые всеисламского мира. Кроме того, в Хорезме, на Кавказе, в Крыму и на Черноморском побережье были могилы местных святых.

Именно в период Джучиева Улуса в городе Болгаре над могилами знатных людей, святых шейхов начинают сооружать склепы.

Устанавливаются надгробные памятники с надписями, восхваляющими Всевышнего и похороненного человека. Правда, археолог Р.Ф.Шарифуллин обнаружил кирпичные сооружения на могилах болгарской знати и духовных лиц, возле соборной мечети (возле восточной стены), расположенной в центре Билярского городища, которые относились еще к домонгольскому периоду [13, с.53—74].

По мнению ученых, болгарские надгробные памятники—это признак усиления суфийской идеологии [12, с.144]. В них славится Аллах и похороненный человек. Кроме того, они отражают в какой-то степени религиозное мышление на территории Болгарии. Так звучат религиозные надписи на них в переводе на русский язык.: “Я прибегаю к Аллаху от проклятого шайтана, именем Аллаха милостивого и милосердного,, “Верховный суд принадлежит Аллаху, всевышнему,, “Всякая душа вкусит

смерть, после вы вернетесь к нам,, “Он живой, который не умирает, а все живущее, кроме него, умрет!,, “Смерть – дверь, и все люди войдут в нее,, “Сказал пророк, – да будет мир над ним, – правоверные не умирают, а переселяются из мира временного в мир вечности,, “Сказал пророк, да будет мир над ним, могила есть один из садов рая или одна из огненных ям ада,, “Мир есть час, так используй его в богоугодных делах,, “...обрадовав, да напоит напитком Кевсара,, “Да будет милость Аллаха над ним милостью обширной,, “Аллах пожелает и он придет, кто увидит, тот прочтет суру Фатиха...,, “Спасибо тому правоверному, кто один раз Фатиху, три раза суру Ихлас прочтет,, “Да осветит Аллах обиталище – место лежания его до дня воскресения из мертвых,, и т.д. [10; 15]. Эти ставшие уже трафаретными надписи с изречениями, взятыми в основном из Корана, почти слово в слово повторяются и на надгробных плитах в других исламских районах (Кавказ, Крым и т.д.) [14]. В них немало идеи суфизма. В некоторых строках смерть звучит как радость: “Это сад юной девы,, “Последний дворец,, “Поздравляем надгробием...,, Жизнь на том свете представляется как цветущий сад с волшебным родником каусар, имеется ввиду райский сад. Это подчеркивалось и орнаментом, высеченным на камне. Надгробные плиты имели форму ворот (как бы ворота в рай), украшались изображением цветов и различных растений. Вообще рисунки на надгробных плитах очень красивые, создают хорошее, даже праздничное настроение.

Тексты надписей на плитах имеют следующее содержание: Аллах бессмертен, все другие живые существа смертны, однако смерть—это всего лишь переход из этого мира в другой. Приводятся слова, возвеличивающие Аллаха, потом приводятся слова из Корана, соответствующие обряду погребения. Затем перечисляются хорошие качества покойного, его почетные имена и титулы, приводится его родословная. У Аллаха просят быть милосердным к душе покойного. Затем сообщаются сведения о дате его смерти, год, месяц, число, день недели. На некоторых надписях приводятся стихотворные строки арабского поэта Абу-ль-Аттахи: “Смерть—дверь, и все

люди войдут в нее,, [3, с.47—49]. И действительно, каменные памятники по своей форме напоминают двери величественных восточных зданий, заостренные кверху. Татары частенько древние кладбища называют “иске йорт,, (“старый дом,,) “төп йорт,, (“основной дом,,), “йорт өсте,, (“верх дома,,). “Верх дома,,—это крыша дома, находящегося под землей, в ином мире. “Основной дом,,—это дом в ином мире, так как дом на земле—это лишь временное пристанище. Судя по надписям на надгробных памятниках, человек после смерти переходит из временного дома в вечный, основной.

Интересно то, что на некоторых памятниках или плитах имеется даже схематическое изображение этого “вечного дома,,. Например, на надгробном памятнике XVI века, найденном возле деревни Средние Аты Арского района, на обратной стороне нарисован домик крышей со скатом (15, рис. 13). На других надгробных плитах квадратной формы стенка дома и скат крыши украшены изображением цветка. Шесть венчиков соединены уходящими вглубь хордами. Этот рисунок, видимо, символизирует вечную жизнь.

Некоторые надписи изображают вечность как цветущий сад. Этот образ отражен на многих узорах надгробных памятников. Их верхняя часть и края украшены цветочным орнаментом. Эти узоры очень созвучны с тем, что сказано в Коране: люди, совершавшие при жизни богоугодные дела, после смерти будут жить в райском саду среди цветов.

Мы уже отметили самые характерные эпитеты, описывающие преуспевающего человека, взятые из археологических находок [1, с. 261-266]. С этой точки зрения “каменные знаки,, (ташбилге) более своеобразны. Хотя все “ташбилге,, ставились в основном на могилах болгаро-татарской знати, все же между ними существует разница.

Вот качества, которые характеризуют эмиров и других представителей высших слоев населения: очень великий, очень знаменитый, очень прославленный, из благородного рода, очень уважаемый, непобедимый, гордость своей религии и своего рода, опора для слабых. У людей из более низких слоев населения качества следующие: верность религии, воспитатель

ученых, сирота, вдовец, помогающий бедным, возводящий мечети, совершающий богоугодные дела. Качества женщин: скромность, целомудренность, терпимость, благочестивость, доброта, безгрешность, заботливость, беспокойность, совершающая хорошие, добрые дела.

В болгаро-татарских эпитафиях наблюдаются напряженные отношения наблюдаются между суннитами и шиитами. Но в то же время ощущается стремление приспособить оба направления к друг другу. Характерные для этого периода времени часто встречающиеся двойные имена типа Мухаммадали, образованные соединением имен известных личностей мусульманского мира, видимо свидетельство того, что идея объединения двух религиозных течений была весьма популярна. На нефритовом перстне, найденном в городе Сарай Бату, высечено имя или имена “Мухаммад Али,, [16, с.232, 87, рис.15]. На найденных там же мозаичных медальонах повторяется имя “Али,, [8, с.30]. Стремление объединить суннитов и шиитов, бывших сторонниками Али, и сохранить таким образом целостность религии, чувствуется и в надписях на надгробных памятниках, относящихся к более позднему периоду—времени Казанского ханства. Надписи на надгробных памятниках 1522 и 1555 года, найденные возле деревни Нократ были прочтены Дж.Г.Мухаметшиным как начинающиеся словами: “Йа Мухаммад! Йа Али!,,.

На некоторых надгробных камнях в самой верхней части вместо узора высечена шестиконечная звезда, напоминающая скорее метку, чем орнамент (например, находки в деревне Ямашурма Высокогорского района) (15, табл. 44). Такой знак нанесен и на другие бытовые вещи болгар. Они в основном относятся к периоду Джучиева Улуса. Не будет большой ошибкой сказать, что эта метка—самая распространенная геометрическая фигура [6, с.125, 152, 156, 157, 158 и т.д.]. На архитектурной майолике, найденной в городе Сарай Бату густо синий фон покрыт соединенными между собой шестиконечными звездами из яркокрасных линий. Тарелка, найденная в городе Сарай ал-Джадиде или Сарай Берке, в “Хорезмском стиле,, украшена

узорчатыми кругами, входящими друг в друга. В середине большого центрального круга—шестиконечная звезда (два равносторонних треугольника, вписанные друг в друга). По прочтению Федорова-Давыдова Г.А., по окружности круга повторяется слово “икбал,, (успех) [7, с.111].

Шестиконечная звезда, воспринимаемая нами как символ иудейской религии, оказывается не была чуждой и в исламском мире, в том числе и для Джучиева Улуса. Напротив, изображение шестиконечной звезды с надписями по краям или по поверхности фигуры имели место в старых рукописях или изданных книгах, относящихся к более позднему периоду,

этот знак уважительно называли “Джамигъ йолдыз,, (Великая, объединяющая звезда). Ее использовали и в математических головоломках.

Делая надписи на сторонах, еще более отчетливо подчеркивалась их близость. Например, на некоторых звездах были записаны имена внуков пророка Мухаммада (от его дочери Фатимы и дети его двоюродного брата и верного друга Али бине Талиба) и близнецов Хасана и Хусаина, а также имена родственников, сподвижников пророка Мухаммада и имена первых четырех праведных халифов. Их имена встречаются и на монетах. Так на монете 1351 г. “суннитское изречение: нет Бога, кроме Бога; Магомет посланник его, и вокруг имена первых четырех халифов: Абу-Бекра, Омара, Османа и Али,, [4, с.17]. Таким образом, шестиконечная звезда стала знаком, отражающим в прямом смысле идеологию суннитов. Действительно, только сунниты почитали этих первых четырех халифов (Абу Бакр, Умар, Усман, Али). Сунниты называют их “праведными халифами,,. Их образ жизни и дела служили образцом для других мусульман, были неотъемлемой частью сунны. Шииты, напротив, первых трех халифов считают узурпаторами. Али и его сыновья считались первыми имамами. Таким образом, по духу этот символ не соответствовал другим течениям ислама и превратился исключительно в символ суннитов. Еще и поэтому его изображение на болгарских надгробных камнях вполне естественно. Кроме того, этот знак встречается и на деньгах Джучиева Улуса. Несомненно такое почитание

шестикрылой звезды связано с Кораном и Библией, с пророком Сулейманом—Соломоном, у которого официальная печать имела форму шестиконечной звезды. Этой печатью он скреплял свои приговоры нечистой силе—шайтанам. Увидев этот соломонов знак, шайтаны сразу становились смиренными и кроткими и не причиняли вреда тому, на ком была эта печать. Таким образом, этот знак с древних времен стал для мусульман самым популярным охранным знаком, еще и поэтому он был нанесен на многие здания, на посуду как защита от нечистой силы.

Тех, кто знал Коран наизусть, называли хафизами. Однако в XV—XVI веках значение этого слова расширилось. Этим словом стали называть канцеляристов и любых грамотных людей [5, с.128]. Этот термин встречается и на надгробных памятниках периода Казанского ханства. Например, на кладбище деревни Нижние Метески Арского района есть надгробный памятник на могиле хафиза Амана ходжи сына Кунака Ходжабая, умершего в 1541/79 году [15, текст 8].

В те времена эту работу выполняли хафизы, бахшии, битикчи, катибы, которые по своим обязанностям соответствовали современным секретарям-референтам. Они пользовались большим авторитетом и властью. Их имена встречаются и на болгарских надгробиях. Одним из таких является надгробие на могиле Бахши, сына Мусы, сохранившееся в деревне Старое Ромашкино Чистопольского района [11, с.174-175]. Правда, здесь, похоже, название профессии превратилось в личное имя.

Институт “учитель-ученик,, продолжает свое существование и в этот период. Учительство, наставничество иногда переходило по наследству. Например, на надгробном камне, найденном в деревне Тимерче Высокогорского района, написано: “Учитель Шагимардан, сын учителя Миргали,, умерший в 1534 году [15, текст 5].

Ученым и писателям оказывали покровительство не только представители высших слоев общества, но и представители власти, стоящие на более низкой ступени, что отражается и в надписях на надгробных

памятниках. В эпитафии 1314 года содержатся такие строки: “Содержавший ученых и любивший их, мечети воздвигавший, множества подаяний вершитель, бедных...сын Худжа сын (Османа) сборщик податей Ибрахим ал-Сувари...”, [15, табл.12]. Или же памятник 1311 г.: “Давшего воспитание ученым, любившего набожных, мечети воздвигавшего, множества благих дел совершившего Маджар-кази? Сына, Исмагила, место погребения это,, [11, с.94]. Камень 1317 г. из Болгарского городища: “Красы молодцов, сердца сердец, уважавшего ученых, одиноких, кормившего вдов и сирот Мусы сына золотых дел мастера Шахидуллы, место погребения,, [11, с.98]. Таким образом, просвещение, ученость в Улусе Джучи были в большом почете. Содержание ученых, писателей, религиозных деятелей, их покровительство считалось богоугодным делом. Эти свойства человека наряду с кораническими словами отмечали и на надгробных камнях.

Болгаро-татарские надгробные плиты также могут стать ценным источником в изучении единиц измерения длины. Мастера-изготовители надгробных плит в большинстве случаев добивались, чтобы они соответствовали определенной длине, ширине и толщине. Метрологически анализ сотни памятников позволяют использовать таких единиц измерения как локоть, пядь, аршин.

Таким образом, болгаро-татарские надписи на могильных плитах имеют глубокие корни, берущие начало в глубокой древности. Культура надписей на могильных плитах из времен Джучиева Улуса перекочевала и в Казанское ханство. В этот период их содержание и украшение были еще более изысканными. Эти надписи прославляют Аллаха и человека.

Призывают спешить делать хорошие добрые дела на этом свете. Они проникнуты глубоким уважением, почтением к своим предкам и истории. На некоторых плитах горечь утраты близкого человека выражена стихотворными строками. Вот, например, на могиле человека, умершего в 1552 году вырезаны такие, берущие за душу

строки. 1. “Для смерти радость

2. настала. Наша радость
3. ушла. Как будто коварным соколом
4. улетела. Не найдется желан-
5. [ный] наш. Ог[орчениями] оборвал надежды
6. ушедший. Да[же]
7. в печали своей утопая, у-
8. [шел]. О юноша, душа моя не раду-
9. [ется]. Опечаленный ушедший,
10. о юноша, отними душу мою,, [15, табл. 61].

Эти строки сильно отличаются от обычных надписей на могильных плитах, пропитанных суфизмом, изображающих смерть лишь как переход из одного мира в другой.

Надписи для жителей Джучиева Улуса были не только спутниками в их повседневной жизни, но они сопровождали их и в последний путь, воспевая благие дела на этом свете. Арабские письма наносились и на надгробные сооружения, склепы.

Эти каменные плиты и памятники с надписями бережно охранялись, как святыни. Традиция ставить на могилах памятники с надписями дошла до наших дней.

Список использованной литературы

1. Давлетшин Г.М. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа (истоки, становление и развитие). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2004. – 431 с, с табл. и рис.
2. Мухамеддинов Р.Ф. Болгарские эпитафии // Язык утилитарных и поэтических памятников татарской письменности. -Казань, 1990.—С. 117—127.
3. Мухаметшин Д.Г., Хакимянов Ф.С. Эпиграфические памятники города Болгара.—Казань: Таткнигоиздат, 1987.—128 с.

4. Терещенко А. Окончательное исследование местности Сарая, с очерком следов Дешт-Кипчакского царства.-Т.А. - 2001.—№1- 2.—С. 12-21.
5. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV-XVI вв.—Казань, 1979.—318 с.
6. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья.—М: Изд-во МГУ, 1994.
7. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов.—М., 1976.—228 с.
8. Федоров-Давыдов Г.А. Религия и верования в городах Золотой Орды // Историческая археология. Традиции и перспективы.—М., 1998.—С.28-39.
9. Хакимзянов Ф.С. Булгарские эпиграфические памятники Закамья // Исследование языка древнеписьменных памятников. - Казань, 1980.
10. Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники Волжской Болгарии и их язык.—М.: Наука, 1987.—192 с.
11. Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских болгар.—М.: Наука, 1978.- 206 с.
12. Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Болгария.—Казань: ФЭН, 1994.—164 с.
13. Шарифуллин Р.Ф. Исследования IV Билярского могильника в 1979 году // Археологические памятники Нижнего Прикамья.—Казань, 1984.—С. 65-82.
14. Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII-XV вв.).—Махачкала, 1969.
15. Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. -М.—Л. : Изд-во АН СССР, 1960.—165 с., 27 табл., 11 текст.
16. Fyodorov—Davydov G.A. The culture of the Golden Horde cities // BAR International Series 198, 1984.

*UDC 947.0 DavletshinGamirzan M. doctor of historical sciences,
Professor of turkology and tatarovedeniâ*

*Kazan (Privolzhsky) Federal University, Republic of Tatarstan, Kazan
E-mail: g.davletshah@mail.ru*

BULGAR-TATAR GRAVESTONES MONUMENTS AS A CULTURAL PHENOMENON

Abstract. Bulgarian-Tatar gravestones are valuable and sometimes unique, the sources for the study of various aspects of society. Author justify not only the general Muslim, but also ancient Turkic origins of the Bulgaro-Tatar gravestones epigraphic monuments. Strengthening position in Sufism in the XIII-XIV centuries in the Ulus Jochi as a whole, and in the Bulgarian lands in particular the appearance of the tradition of the Bulgarians tombstones and mausoleums-Building dyurbe. The texts are set out in busulmansko-theological, sufiyskie ideas, ideals of human society in the Bulgar. The monuments can be traced tensions and their attempt to smooth out between Sunnis and Shiites. There are among the monuments of Bulgarian clergymen titles including "Sheikh al-kyabir", ie "Sheikh great", "al-Sheikh al-Imam." According epitaphs Institute "teacher-student" continues to exist in the Golden Horde period. The author offers his own interpretation of the various figures, ornaments, present in monuments. Bulgarian-Tatar tombstones can also be a valuable source for studying the unit of length. Metrological analysis of hundreds of sites allow the use of such dimensions as Edintsy elbow, inch, yardstick. Bulgaro-Tatar gravestones have played an important role in the cultural and social life.

Keywords: tombstones; Bulgar-Tatar; Allah; Sufism; inscriptions; Juchi Ulus.

*УДК 94(575):929 Джалал Ад-Дин
Тимохин Дмитрий Михайлович
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
ФГБУН Институт востоковедения РАН e-mail:
horezm83@mail.ru*

ДЖАЛАЛ АД-ДИН МАНКБУРНЫ КАК ВОЕННЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ.

Аннотация. В данной статье рассматривается истории жизни и деятельности одного из самых выдающихся правителей Хорезма – Джалал ад-Дина Манкбурны. В отечественной и зарубежной историографии этот хорезмшах известен в большей степени благодаря противостоянию монгольской угрозе в период вторжения войск Чингиз-хана в пределы Хорезмийской державы. Однако в данной статье мы попытаемся предложить вниманию читателей не только военную биографию Джалал ад-Дина, но и охарактеризовать его как политического деятеля. Хорезмшах сумел дважды после разгрома его армии монголами на реке Инд в 1221 году создать собственное государство: сначала в пределах Северной Индии, а затем в землях Западного Ирана и на Южном Кавказе. Несомненно, эта часть биографии Джалал ад-Дина Манкбурны нуждается в более тщательном изучении на фоне хорошо известного ученым военного противостояния Чингиз-хану. Также в этой статье мы постараемся дать оценку и военной, и политической деятельности последнего хорезмшаха и объективно оценить его вклад в историю Ирана, Средней Азии, Индии и Южного Кавказа.

Ключевые слова: Джалал ад-Дин Манкбурны, монголы, Чингиз-хан, Индия, Иран, Южный Кавказ, Средняя Азия.

В рамках данной статьи хотелось бы привлечь внимание к истории военной и политической деятельности одного из наиболее последовательных противников монгольской экспансии в страны Востока – хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны. Несмотря на то, что большинство арабо-персидских

исторических источников предлагают подробное описание военной и политической карьеры этого правителя, а также подчеркивают его значимость в борьбе с монгольской угрозой, до сих пор существует крайне ограниченное количество специальных исследований биографии Джалал ад-Дина Манкбурны. Данная статья должна в некоторой степени привлечь внимание исследователей к этой исторической личности и тем военным и политическим событиям, в которых ему довелось принять участие.

Большинство средневековых памятников подчеркивает тюркское происхождение хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны, в частности, его биограф ан-Насави, так описывает этого правителя. “Он был смуглым, небольшого роста, тюрком по речи и по выражениям, но говорил также и поперсидски. Что касается его храбрости, то, чтобы сказать о ней, достаточно упомянутых мной его битв. Это был лев среди львов и самый отважный среди своих смельчаков-всадников. Он был кротким, не сердился и не бранился. Он был серьезен, никогда не смеялся, а только улыбался и не был многословен. Он любил справедливость, однако время смуты, с которой он встретился, возобладало, [изменив его нрав]. Он любил облегчать жизнь подданных, но правил во время упадка и поэтому прибегал к насилию”[1, с. 296-297].

Источники отмечают также вражду внутри тюркской военной верхушки Хорезмийского государства, в результате чего она разделилась на два враждующих лагеря, один из которых возглавлял Джалал ад-Дин Манкбурны, а второй мать хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада, Теркен-хатун. Эта вражда была вызвана тем фактом, что Ай-Чичек, мать Джалал ад-Дина относилась к другому тюркскому племенному образованию, нежели Теркен-хатун и иные жены хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада. ‘Мать Узлаг-шаха была из того же племени и рода, что и Теркен-хатун, и ненавидела Ай-Чичек, мать Джалал ад-Дина”[5, с.129].

Еще одним подтверждением тюркского происхождения Джалал ад-Дина Манкбурны является тот факт, что во всех своих военных кампаниях

главной опорой его армии станут именно тюркские военные отряды, за что он и его предшественники даже будут упрекаемы средневековыми арабо-персидскими историками. “Таким образом, государи этого дома (Хорезмшахов. – *Прим. пер.*) совершили ошибку, взяв в помощь тюрков против такого же племени из числа многобожников. Ведь кто сражается без непоколебимой веры и твердой убежденности, не надеется на воздаяние и не боится [адских. – *Прим. пер.*] мучений, не гарантирован от слабости при нужде и от того, чтобы следовать своим желанием в любое время и ежечасно. Да!” [1, с. 125-126]. Тем не менее, именно опора на тюркские военные формирования позволит Джалал ад-Дину Манкбурны совершить головокружительную военную и политическую карьеру: так в начале своего правления, в 1220-1221 гг., хорезмшах заключит союз с тюрками-канглыс чьим предводителем, Амин-маликом, Джалал ад-Дин Манкбурны даже успел породниться, женившись на его дочери [1, с. 125–126; 14, vol. 2, p. 405, 407–408].

Описывая период хорезмийской экспансии в земли Южного Кавказа средневековые источники упоминают любопытный эпизод накануне сражения между Джалал ад-Дином и грузинской армией, в состав которой входили и наемные кыпчакские отряды. “Вызвав Кошкара, он (т.е. Джалал ад-Дин Манкбурны – прим. Авт.) дал ему хлеб с солью и послал его к кифчакам напомнить им об их обязательстве перед ним. В правление его отца их заковали в цепи и подвергли унижениям, и он своим посредничеством спас их и ходатайствовал за них перед своим отцом. Разве, обнажив теперь мечи против него, они не нарушили свои обязательства? По этой причине кифчакское войско воздержалось от битвы и, тут же покинув поле боя, расположилось в стороне от остальных” [6, с. 311].

Формально военная и политическая карьера хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны начинается с 1220 года, когда его отец передал ему власть в Хорезмийской державе во время войны с монгольскими завоевателями [1, с. 100; 8, с. 186]. Источники указывают на активное участие Джалал ад-Дина в

военной и политической жизни Хорезма и до начала войны с державой Чингиз-хана, то есть до 1219 года. Наиболее ярким эпизодом «домонгольского» периода в биографии хорезмшаха следует признать сражение на Тургайской равнине с монгольской армией под командованием Джучи-хана, где по сведениям отдельных памятников лишь непосредственно действия Джалал ад-Дина и его отрядов смогло спасти хорезмийскую армию от поражения [1, с. 54; 18, s. 76; 15, p. 269–270; 9, с.326-334]. “В свою очередь монгольское войско стало побеждать центр войска хорезмшаха начал отступать, но султан Джалал ад-Дин Манкбурны с правого фланга, где он стоял на неверных татар ударил, усилиями его порядок наступил и он не допустил, чтобы руки людей Чингиз-хана овладели мусульманами” [17, s.650]. Именно Джалал ад-Дин предложит накануне войны с монголами план активного противодействия новой угрозе, однако его предложение будет отвергнуто, что в определенном смысле объясняет ту легкость, с которой монголы завоевали территории Хорасана и Мавераннахра. “И если султан намеревался двинуться сам по пути в Ирак, то старший сын султана Джалал ад-Дина Манкбурны красноречиво отрицал это благоразумие и сказал, что правильное мнение состоит исключительно в том, что «здесь в наличие есть такое большое скопление войск ждущих приказа, что оно не пропустит врагов, если они решат переправиться через Джейхун. И если султан все равно сторону Ирака хочет выступить пусть войско под мое подчинение предоставит вместе с мощным управления аппаратом и обширными надеждами (на успех – прим. автора)”” [17, s.650-651].

Получив власть в Хорезмийском государстве в 1220-м году, Джалал ад-Дин Манкбурны сумел объединить вокруг себя военные силы, находящиеся в столице этого государства, Гургандже. “Эмиры Хорезма разделились в этом вопросе (то есть в отношении поддержки нового хорезмшаха – прим. автора) поровну. Джалал ад-Дин не мог больше оставаться здесь, ни сопротивляться этим эмирам; он направился к Газне. Его братья – Азерлаг и Ак-султан отправились в погоню за ним, чтобы вернуть

обратно; но не смогли его догнать. Затем эти два брата выступили с войсками против монголов и были убиты”[16, р.420]. Эта неудача заставила его начать сбор собственной армии в землях, отдаленных от основного театра военных действий, в Газне и Нишапуре, откуда он начал угрожать монгольским войскам. Именно Джалал ад-Дин стал тем военачальником, который сумел нанести первое поражение монгольской армии в ходе их завоевательной кампании в Центральной Азии и Иране – в битве при Перване им был разбит 45-тысячный корпус под командованием Шики-Хутуху-нойона[4, с.509; 10, с.154; 2, с.365; 6, с.287; 3, с.28-29]. “Когда Чингиз-хан узнал о том, какая беда стряслась с его войском в Кандахаре, он отрядил своего сына Толи-хана с многочисленным войском, состоящим из отборных воинов, [верных], как потник седла, и [храбрых], как острые мечи. Джалал ад-Дин встретил его с твердым намерением вести джихад и усердно защищать ислам. Он столкнулся с ним у Парвана с конницей, подобной горным потокам, и воинами, [храбрыми] как львы. Когда показались оба отряда, он сам ринулся на центр Толи-хана, расстроил его [боевой] порядок, бросил под копыта конницы его знамена, принудил его бежать и оставить свою позицию. И [тогда] обрушились на татар мечи мщения. Сидя в седле ненависти, Джалал ад-Дин отсекал мечами концы шейных вен, отделял плечи от мест, где они сходятся. А как же иначе? Ведь они причинили большие страдания ему, его братьям и отцу, его государству, его родне и приближенным, охранявшим его. Он остался без отца и потомства, без господина и без раба, несчастье забросило его в степи, а опасности завели в пустыни.

Толи-хан был убит в пылу сражения, в самом разгаре атаки. Было взято много пленных, так что слуги приводили захваченных ими людей к нему (Джалал ад-Дину) и вбивали им в уши колья, сводя с ними счеты. Джалал ад-Дин радовался и смотрел на это с сияющей улыбкой на лице. Так подвергли их истязаниям в этом мире, “а, конечно, наказание будущей жизни сильнее и длительнее” (Коран XX, 127 (127))”[1, с.125].

Однако раскол внутри хорезмийской армии после этой победы не позволил Джалал ад-Дину развить этот успех, а приближение основных монгольских сил заставил этого правителя принять решение о переброске остатков своей армии в северную Индию, однако этим планам не суждено было сбыться [1, с.125-126]. Монгольское войско под командованием самого Чингиз-хана разгромило в 1221 году на берегу реки Инд хорезмийскую армию, однако, как указывают арабо-персидские источники, монгольский правитель отметил храбрость и бесстрашие Джалал ад-Дина. “Вот о каких сыновьях мечтает каждый отец! Избежав двух водоворотов – воды и огня – и достигнув берега безопасности, он совершит множество славных дел и станет причиной неисчислимых бедствий. Как может разумный человек не принимать его в расчет?”[6, с.291].

После разгрома на реке Инд Джалал ад-Дин Манкбурны пытается активно укрепиться на территории северной Индии, однако здесь проявляется основной политический недостаток этого правителя: нежелание выстраивать прочные дипломатические отношения, агрессивная внешняя политика и отсутствие постоянных союзников. Хорезмшах своими военными действиями в итоге настроил против себя абсолютно всех региональных правителей северной Индии и, несмотря на целый ряд одержанных им побед, оказался в политической изоляции [1, с. 135; 6, с.294-295]. В результате, план по созданию собственной державы в рамках данного региона и, возможно, последующие попытки отвоевать территории Хорезмийской державы провалился, а сам хорезмшах был вынужден покинуть Индии и вернуться в земли Ирана в 1224/1225 гг. “Тем временем из Ирака пришло известие, что там укрепился султан Гияс ад-Дин, но большая часть войска той страны поддерживала султана и требовала его присутствия. Стало также известно, что Барак Хаджиб находился в Кермане и осадил Джувашир. Говорили также, что монгольское войско, преследующее султана, было уже близко, поэтому он отбыл оттуда через Макран, и множество людей погибло из-за нездорового климата”[6, с.294-295].

Последний период в биографии Джалал ад-Дин Манкбурны занимает всего шесть лет, с 1225 по 1231 г., однако его можно признать и наиболее насыщенным военными и политическими действиями, и, по крайней мере, в первые годы наиболее успешным. Его власть распространилась не только на территории Ирана и Ирака Персидского, но и на земли Южного Кавказа: было подчинено государство атабеков Азербайджана, Арран, Ширван и Грузия. Войска Джалал ад-Дина всерьез угрожали халифу ан-Насиру [5, с.163], который, как считали отдельные средневековые историки и некоторые современные исследователи, был виновен в подстрекательстве монголов к нападению в 1219 году на Хорезмийскую державу. “Поход хорезмшаха на Багдад нельзя объяснять только его желанием получить помощь против монголов. Султан, по-видимому, имел тайное намерение отомстить халифу, которого считал виновным в разгроме государства Хорезмшахов и гибели своего отца – султана Ала ад-Дина Мухаммада. Джалал ад-Дин, вероятно, знал о тайной переписке халифа с монголами, и поэтому во время похода на Багдад он написал ал-Малику ал-Муаззаму следующее письмо: “Будь готов ты и те, кто заключил со мной соглашение – мы двинемся против халифа, так как он является причиной гибели мусульман, гибели моего отца и вторжения неверных в страны ислама”. Таким образом, находятся доводы, подтверждающие предположения о тайной переписке халифа ан-Насира с монголами”[5, с.163]. Сам поход Джалал ад-Дина на Багдад не завершился успехом, и был отчасти демонстрацией силы, а также, по сведениям некоторых арабо-персидских историков, он был предпринят с целью взять богатую добычу. “Войска халифа стянулись в Багдад, а воины Джалал ад-Дина занялись грабежами страны и ее населения. Дело в том, что они прибыли с ним из Индии в Хузистан в самом плохом, бедственном состоянии, с малым числом верховых животных. Те, кто был с ним, и сам он были переутомлены настолько, что им было бы бесполезно (сразу идти на Багдад). Они захватили добычу во всей стране и обогащались ею. Особенно

они усердствовали в захвате лошадей, и мулов, поскольку войско нуждалось в них”[2, с.370].

Отдельным направлением деятельности последнего хорезмшаха следует признать военные походы и покорение Южного Кавказа, в результате чего созданное им государство станет одним из самых могущественных в регионе. В состав державы хорезмшаха благодаря его военным и дипломатическим усилиям вошли земли атабеков Азербайджана, Арран, зависимость от него признал Ширван. Несколько военных походов было совершено Джалал ад-Дином Манкбурны против Грузинского царства, в результате чего была взята столица, Тифлис, а большая часть территорий покорилась завоевателю. “И как увидели (грузин) сторожевые султана, донесли ему. Он же будучи бесстрашным в бою вооружился, шел впереди (своего войска), и произошла война жестокая, и в начале схватки одолели грузины. Когда же разгорелся бой пуще, пало с обеих сторон неисчислимое множество людей, гневно глянул Господь на племя грузинское... и одолели войско царское и бежали от хорезмийцев. Султан же вновь вступил в Тпилиси. И всех, кого где-либо настигали, грабили. Султан же вновь вступил в Тбилиси. И всех, кого где-либо настигали, грабили. И разорял (хорезмшах) вышеупомянутые страны”[11, с.127]. При этом необходимо трезво оценивать то значение, которое имело хорезмийское завоевание для Южного Кавказа: походы Джалал ад-Дина Манкбурны и включение этих территорий в состав его державы во многом негативно сказались на их экономическом развитии, нанесли огромный урон населению, и оставили практически беззащитными перед будущей монгольской угрозой. Это подчеркивают и историки того времени, в том числе и арабо-персидские: “Когда Джалал ад-Дин пришел, страна уже была разорена. Грузины начинают слабеть, затем Татары довершили разгром, как мы об этом рассказывали. И, наконец, Джалал ад-Дин, возвысившись, совершил против Грузии такие же подвиги!” [12, р.492].

Помимо этого необходимо отметить и тот факт, что в 1227 году в окрестностях Исфахана хорезмийцы нанесли поражение монгольскому

войску, чем на несколько лет отсрочили дальнейшее продвижение завоевателей на запад [19, s.75-76; 1, с.185]. При этом отдельные современные исследователи считают, что победа “была неокончательной: очевидными были успехи монголов и они поднялись на городские стены, но затем без какой-либо попытки осады монголы повернули обратно и двинулись назад, на север. Они двигались так быстро, что через три дня достигли Рея и, продолжая свой путь к Нишапуру, вскоре пересекли Оксус, а возможно ушли в горы Афганистана”[13, p.332]. Тем не менее, следует признать, что государство, созданное Джалал ад-Дином Манкбурны, как отмечали многие исследователи, с 1225 по 1231 год было чем-то вроде защитного рубежа, прикрывая мусульманские государства Ближнего Востока и Малой от монгольской угрозы с востока. “Султан Джалал ад-Дин попытался консолидировать бывшие хорезмийские владения в Ираке и Азербайджане, расширить их за счет соседей (в частности, Грузии, аййубидских территорий в Сирии) и тем самым создать заслон для продвижения монголов в Западный Иран, Ирак и Сирию”[7, с.362].

Однако подобная ситуация не могла продолжаться вовсе не из-за постоянного давления со стороны монгольских завоевателей, а из-за недальновидных действий самого хорезмшаха. Ведя постоянные завоевательные войны, Джалал ад-Дин Манкбурны продемонстрировал своим соседям не только боевые подвиги, но и тот факт, что дипломатии он предпочитает грубую военную силу. Кроме того, необдуманные поступки хорезмшаха и постоянная агрессия в отношении соседних мусульманских правителей вызвало в свою очередь создание коалиции против него, куда входили многие из владетелей Ближнего Востока и Малой Азии. “Страх перед непредсказуемыми действиями хорезмшаха Джалал ад-Дина и его войск, и угроза существованию всех малых владений в Малой Азии, Сирии и Северной Месопотамии привел к тому, что конный султан Ала ад-Дин Кей-Кубад I создал против хорезмшаха коалицию, в которую вошли владетель Дамаска ал-Малик ал-Ашраф, владетель Хаша Ибрахим Ширкух,

владелец Хартаберта Уртук-хан, владелец Халеба Шамс ад-Дин Саваб, султан Майафарикина Шихаб ад-Дин Гази и султан Банйаса ал-Азиз Усман”[5, с.175]. В результате в 1230 году в битве при Йассе-Чамана хорезмийская армия была разбита: “Когда на трут войны упал свет и бой достиг того момента, когда подул зефир Удачи и начал распускаться бутон Надежды, султан решил встать со своего ложа и сесть в седло. Но у него не было сил держать поводья, и они выпали из его рук, словно это ускользнула от него победа, и конь, вопреки его воле, повернулся и отступил на несколько шагов. Тогда его (Джалал ад-Дина) слуги сказали, султану надо немного отдохнуть, пока он не наберется сил, и его штандарты были унесены. Увидав это, правый и левый фланги подумали, что султан отступает, и также повернули назад. Однако поскольку враги посчитали это уловкой султана, задумавшего выманить их на равнину, глашатай, находившийся в центре войска, объявил, чтобы никто не двигался с места и не преследовал их”[6, с.319].

После этого поражения Джалал ад-Дин Манкбурны бежал в пределы Южного Кавказа, однако собраться с силами и восстановить собственное могущество он уже не успел[6, с.319]. В 1231 году монгольский корпус, отправленный с целью уничтожения хорезмшаха, разбил остатки его армии, а сам он, спасаясь бегством погиб от рук курдских разбойников. “Затем султан поднялся на гору, где курды стерегли дороги с целью захвата добычи. Они, по своему обычаю, поймали султана и ограбили, как они делали это и с другими захваченными ими [людьми]. Когда они хотели его убить, он по секрету сказал их вожаку: “Я в самом деле султан, и не спешу решать мою судьбу. У тебя есть выбор: или доставь меня к ал-Малику ал-Музаффару Шихаб ад-Дину, и он вознаградит тебя, или отправь меня в какую-либо мою страну – и ты станешь князем”. И человек согласился отправить его в его страну. Он отвел его к своему племени, в свое селение и оставил его у своей жены, а сам пошел в горы, чтобы привести лошадей. Во время отсутствия этого человека вдруг появился презренный негодяй – курд с копьем в руке.

Он сказал женщине: “Что это за хорезмиец? И почему вы его не убили?” Она ответила: “Об этом нечего говорить, мой муж пощадил его, узнав, что он султан”. Курд ответил: “Как вы поверили ему, что он султан? У меня в Хилате погиб брат, который лучше его”. И он ударил его копьем так, что другого удара не потребовалось, и отправил его душу в вечный мир. Так злодей пренебрег правом своего предводителя и обагрил землю запретной кровью. И было этим [деянием] разорвано сердце времени, пролит напиток судьбы, из-за него опустились знамена веры и разрушено здание ислама.

Разверзлось небо, молнии которого видели сыны веры, а безбожные и неблагородные боялись его мечей. И сколько сражений он дал в разных краях земли, вырвался в них из клыков смерти и освободился из пасти бедствий! А когда пришло его время, гибель могучего льва случилась от лап лисиц. И лишь всевышнему Аллаху жалуются на беды времени и превратности судьбы! Да!”[1, с.295-296].

Уже многие современники Джалал ад-Дина понимали, что с его потерей монгольская угроза для регионов Ближнего Востока, Малой Азии и Южного Кавказа становится все более ощутимой. Так ан-Насави приводит высказывание правителя Джазиры и Хилата ал-Малика ал-Ашрафа: “Вы поздравляете меня с его смертью? Но вы будете пожинать последствия этого, ибо, клянусь Аллахом, его гибель означает вторжения неверных в страны ислама. Теперь нет подобного Хорезмшаху, который был стеной между нами и Гогом и Магогом”[1, с.296]. Однако при этом не следует забывать и о том, что печальный финал военной и политической карьеры Джалал ад-Дина Манкбурны был во многом предопределен им самим: дипломатические просчеты вкупе с агрессивной внешней политикой создали вокруг хорезмшаха ореол «неуправляемости». Сложившаяся против него коалиция носила скорее вынужденный характер, а сам не сделал ничего, чтобы предотвратить это столкновение. Кроме того, следует помнить, что хорезмшах практически не занимался укреплением собственной власти на уже завоеванных территориях, предпочитая все новые и новые военные

кампании для покорения новых земель. Все это заставляет нас признать тот факт, что Джалал ад-Дин Манкбурны хоть был прекрасным военачальником и последовательным противником монгольских завоевателей, однако при этом являлся слабым политиком, разрушившим все то, что сумел создать. В противном случае его держава вполне могла бы и далее сдерживать продвижение монгольских завоевателей в земли Ближнего Востока, Малой Азии и Южного Кавказа.

Список использованной литературы

1. *Ан-Насави*. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Пер.: З.М. Бунятов. Баку, 1973. 450 с.
2. *ал-Асир ибн*. «Ал-Камил фи-т-тарих». «Полный свод по истории». Избранные отрывки / Пер. П.Г. Булгаков, Ш.С. Камолиддин. Т., 2006. 560 с.
3. *Арунова М.Р., Лалетин Ю.П.* Очерки средневековой и новой истории Афганистана. М., 2010. 264 с.
4. *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1963. Т. 1. 760 с.
5. *Бунятов З.М.* Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов, 1097–1231. М., 1986. 247 с.
6. *Джувейни*. Чингиз-хан. История завоевателя мира / Пер.: Е.Е. Харитонова. М., 2004. 690 с.
7. *Карпов С. П.* История Трапезундской империи. СПб., 2007. 656 с.
8. Персидские исторические тексты. Хрестоматия / Сост. Дж. Ш. Гиунашвили, Д.В. Кацитадзе. Тбилиси, 1972. 390 с.
9. *Тимохин Д.М.* Первое сражение хорезмийцев и монголов на Тургайской равнине в 1218 г. и его последствия // Золотоордынская цивилизация. Сб. ст. Вып. 5. Казань, 2012. С. 326–334.
10. *Хартог Л.* Чингисхан. Завоеватель мира. М., 2007. 285 с.
11. *Цулая Г. В.* Джелал ад-Дин в оценке грузинской летописной традиции // Летописи и хроники. 1980 г. М.: Наука, 1981. С. 112–128.

12. *Al-Asir ibn. Al-Kamil fi-t-tarih* // Journal Asiatique. Paris, 1849–1850. T. XIII–XV.
13. *Boyle J. A. The Mongol World Empire 1206–1370*. London, 1977. 316 p.
14. *Djuveini. The History of the World-conqueror* / Trad.: J.A. Boyle. Manchester, 1959. Vol. 1–2.
15. *Djuzdjani. Tabakat-i Nasiri* / Trad.: H.G. Raverty. Calcutta, 1960. Vol. 1–2.
16. *Hamdallah Kazvini. Tarihigouzide* / Trad. Y. Le Strange. Paris, 1903. Vol. I. 732 p.
17. *Khondamir. Tarih-e habib*. Tehran, 1954. J. 1–3
18. *Mirhond. Histoire de sultan du Kharezm. Le texte persian. Chrestomathies orientales ou recueil de textes arabes, turks, persans, grecs-modernes, armeniens et indostanis*. Paris, 1841. 113 s.
19. *Tarih-i al-i Saljukdar Anatoli*. Tehran, 1999. 168 c.

Timokhin Dmitry Mikhaylovich
Ph.D. in History, Senior researcher Institute of Oriental studies of the Russian Academy of Sciences e-mail: horezm83@mail.ru

JALALAD-DIN MANKBURNI AS MILITARY AND POLITICAL LEADER

Abstract. This article discusses the history of the life and work of one of the most outstanding rulers of Khorezm, Jalal ad-Din Mankburni. In domestic and foreign historiography the Khorezm is known mostly due to the confrontation of the Mongol threat in the period of invasion of Chingiz Khan in the limits of the Khorezmian Empire. However, in this article we will try to offer readers not only a military biography of Jalal ad-Din, but to characterize him as a political figure. The Khorezmshah was able twice after the defeat of his army by the Mongols on the Indus river in 1221 to create their own state, first in North India and then in the lands of Western Iran and the South Caucasus. Undoubtedly, this part of the

biography of Jalal al-Din Mankburni needs a more thorough study on the background of the well-known scholar of military confrontation Chingiz Khan. Also in this article we will try to assess the military and political activities of the past of Khorezm and objectively assess his contributions to the history of Iran, Central Asia, India, and South Caucasus.

Key words: Jalal ad-Din Mankburni, mongols, Chingiz Khan, India, Iran, South Caucasus, Central Asia.

УДК 94(470.41)

Аксанов Анвар Васильевич

*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Республика
Татарстан, г. Казань, e-mail: aksanov571@gmail.com*

КОМУ И КОГДА ДОСТАЛСЯ КАЗАНСКИЙ ПРЕСТОЛ ПОСЛЕ МАХМУДА Б. УЛУГ-МУХАММАДА?

Аннотация. Статья посвящена проблемам датировки смерти казанского хана Махмуда б. Улуг-Мухаммада и идентификации личности его приемника на казанском престоле. Контекстный сравнительный анализ известий о Казанском ханстве позволил выдвинуть предположение, что Махмуд б. Улуг-Мухаммад скончался в 1462 г. При этом опровергается мнение о том, что приемником Махмуда б. Улуг-Мухаммада был Мустафа б. Улуг-Мухаммад, выдвинутое историками современности. Представление о правлении в Казани Мустафы б. Улуг-Мухаммада базируется лишь на летописных упоминаниях о его царском титуле. Но историки, положившиеся на эти данные, не учли, что это сообщение не подтверждается независимыми источниками и находит противоречие даже внутри самого русского летописания. А независимые источники (“Таварих-и гузида-йи нусрат-наме”,

“Чингиз-наме” Утемиш-хаджи и др.) не называют Мустафу б. Улуг-Мухаммада ханом, или вовсе не упоминают его, опровергая тем самым все построения историков. В результате исследования делается вывод о том, что наследником Махмуда б. Улуг-Мухаммада был его старший сын, Халиль, который правил в середине 1460-х годов (примерно с 1462 по 1467 гг.).

Ключевые слова: Казанское ханство; Московская Русь; Махмуд б. Улуг-Мухаммад; Мустафа б. Улуг-Мухаммад; Халиль б. Махмуд; Ибрагим б. Махмуд.

В историографии до сих пор нет однозначного ответа на вопрос о дате смерти хана Махмуда б. Улуг Мухаммада. М.Г. Худяков, понимая сложность решения этой задачи, весьма осторожно предположил, что “хан Махмуд, еще царствовавший в 1461 году, скончался в 1460-х годах” [29, с. 36]. Другие историки говорили о середине 1460-х гг., или о 1467 годе [1, с. 32; 2, с. 292; 3, с. 13].

Возможно, мнение о том, что Махмуд царствовал в 1461 г. составлено на основе известия о выдвигении войск Василий II против “Казаньского царя” в 1461 году [20, с. 277; 22, с. 116; 16, с. 114]. Хотя книжники не указали имя этого “царя”, можно допустить, что это был Махмуд. Тогда как в известиях о военном столкновении 1462 г. упоминаются лишь казанцы, но ничего не говорится о хане. Как показывает анализ других сообщений, чаще всего летописи описывают события, детерминируя их действиями хана (царя), даже если его имя умалчивается, или поясняют непричастность хана к произошедшему. Но сообщение за 1462 г. говорит только о казанцах, что само по себе симптоматично и указывает на отсутствие хана в этот период [24, с. 46, 90].

Поэтому, вполне вероятно, что Махмуд скончался именно в 1462 году. Возможно, после его смерти в Казанском ханстве начался политический кризис, поскольку кроме сыновей Махмуда на власть мог претендовать его брат, Касим. Последний к тому моменту уже много лет занимал Мещерский

юрт и находился под влиянием великого князя московского. В этой связи, допустимо, что в 1462 г., как и в 1467 г., Иван III не только поддержал Касима в борьбе за ханское место, но и, пользуясь сложившейся ситуацией, нанес неожиданный удар по Великой Перми, послав туда войска через земли Казанского ханства. Возможно, это было первое вторжение московских сил в пределы Казанского ханства с момента утверждения здесь Улугмухаммадовичей. Вероятно, политический кризис, начавшийся после смерти Махмуда, оказался настолько серьезным, что казанцы в ответ на масштабный поход великокняжеских войск сумели организовать лишь небольшой набег на Устюжский уезд.

Иное объяснение событий 1461-1462 гг. находим у А.Г. Бахтина и Б.Л. Хамидуллина, которые считали, что Махмуд умер “где-то в середине 60-х годов”. Сам поход 1462 г. они охарактеризовали как ответное действие на нападения “подвластных казанцам черемисов” [2, с. 192; 3, с. 13], хотя в источниках не сохранилась память об этих нападениях. Летописи четко указывают на то, что нападение черемисов и казанских татар на Устюжский уезд произошло после похода великокняжеских сил, а не наоборот [24, с. 46, 90].

Далее эти историки, развивая тезис о правлении Махмуда до середины 1460-х гг., приходят к выводу, что примерно в 1464-1465 гг. казанским ханом был Мустафа б. Улуг-Мухаммад. Данная реконструкция, ставшая новым словом в историографии, зиждется на следующих аргументах: 1. о Мустафе, сыне хана Улуг-Мухаммада упоминается в “Таварих-и гузида-йи нусрат-наме”; 2. летописные сообщения о том, что “царевич Муртоза, сын казанского царя Мустофы” был пожалован Иваном III; 3. известие Хисам ад-Дина Булгарского о том, что Аксак-Тимур в 869 г.х. “был гостем у Мустафы Хана”.

Вне всяких сомнений, “Таварих-и гузида-йи нусрат-наме” - это аутентичный, заслуживающий внимания источник, многие данные которого успешно верифицируются. Это сочинение написано в начале XVI в. при

дворе хана Мухаммада Шейбани [10, с. 228], который, вероятно, был хорошо осведомлен о делах Казанского ханства, так как имел контакты с ханом Мухаммад-Амином.³⁶ Однако в разрез мнению о ханствовании Мустафы в Казани здесь сказано, что “Мустафа” был лишь одним из семи сыновей Улуг-Мухаммада, причем из всего списка имен, только Махмуд называется ханом (“Махмудек-хан”) [25, с. 40].

Сказание Хисам ад-Дина Булгарского – поздний источник (XVIII в.), содержащий много ошибок и неподтвержденных сведений. К тому же выводы А.Г. Бахтина и Б.Л. Хамидуллина не согласуются с контекстом повествования самого Хисам ад-Дина, согласно которому, “в то время в Новой Казани Ханом был Ильгам Хан” [26, с. 946-947], то есть некий Мустафа ханствовал в другом месте. И, конечно же, необоснованной выглядит датировка, почерпнутая историками именно из этого сказания.

Понятно, что 869 г.х. (1464-1465 гг.) ни относится ни ко времени жизни Аксак-Тимура, ни ко времени правления Ильхама в Казани, и поэтому лучше воздержаться от использования этого сведения при реконструкции и без того смутной политической истории Казанского ханства.

Отдельного внимания требуют данные русских авторов. Известия о приглашении и приезде на Русь царевича Муртазы б. Мустафа содержится во многих летописных сводах последней трети XV-XVI веков. Наиболее раннее сообщение об этом сохранилось в Никаноровской летописи: В 1471 г. «велики князь, идя к Новгороду, послал в поле Микиту Беклемишева искати царевича Муртазы, Мустафина сына, звати его к себе служитьи. Никита же наеде его в поли и перезва его к великому князю, и прииде с ним к сыну великого князя на Москву наперед прихода великого князя из Новагорода» [21, с. 135; 20, с. 291; 17, с. 234-235; 15, с. 167-168; 16, с. 140-141; 18, с. 483].

---

³⁶ Из сочинения “Бабур-намэ” узнаем, что Мухаммад Шейбани отправил своего придворного музыканта Гулама Шади к казанскому хану Мухаммад-Амину [7; с. 146]. Еще одним свидетельством тесных взаимоотношений является стихотворение Мухаммада Шейбани, посвященное победе Мухаммад-Амина над московскими войсками [11, с. 13].

Это сообщение с незначительными исправлениями попало в Московский летописный свод конца XV в., в Семеоновскую летопись и в другие официальные и близкие к ним летописи конца XV-XVI вв. [20, с. 291; 17, с. 234-235; 15, с. 167-168; 16, с. 140-141; 18, с. 483], но не нашло отражение в новгородских летописях и сокращенных сводах конца XV века. Однако во всех этих памятниках, кроме Никаноровской летописи, находим следующее известие: “Тое же зимы 31 декабря (1473 г. – А.А.) приехал служити великому князю царевич Муртоза, сын казанского царя Мустафы, и дал ему князь великы городок новой на Оце со многими волостьми” [20, с. 301; 17, с. 247; 18, с. 492]. Правда, в новгородских летописях и сокращенных сводах конца XV века это же сообщение приведено без точной даты, что, вероятно, было следствием сокращения текста при переписке [21, с. 279, 353; 13, с. 133, 151; 12, с. 242-243]. Здесь необходимо учесть, что в подавляющем большинстве летописей содержится почти идентичный текст этих известий, без существенных изменений долгое время циркулировавший в русском летописании.

Если в сообщении за 1471 г. Муртаза назван царевичем, а титул Мустафы не указан, то в известии от 1473 г. последний фигурирует как “казанский царь”. Сохранились и оригинальные, но более лапидарные известия называющие Мустафу царем [13, с. 151; 14, с. 9, 32; 21, с. 279, 353; 23, с. 117]. Впрочем, и в этих случаях есть основания полагать, что при обозначении титула Мустафы их авторы опирались на известную им официальную запись 1473 года. Как бы то ни было, при анализе летописных данных в контексте политической истории Казанского ханства выявляются сообщения, опровергающие царское титулование Мустафы. Причем речь идет о более ранних известиях тех же самых летописных памятников, согласно которым, в 1443 г. в результате столкновения великокняжеских и татарских войск под Рязанью погиб царевич Мустафа [21, с. 108, 272; 20, с. 262, 394; 17, с. 192; 19, с. 151; 16, с. 62]. Так как в этот период из всех претендентов на «ордынское наследство» Москва противостояла только

Улуг-Мухаммаду, исследователи справедливо полагали, что этот Мустафа был сыном именно Улуг-Мухаммада [9, с. 64-66; 4, с. 60-61]. Отсюда вытекает, что Мустафа не мог быть ханом ни до, ни после Махмуда. Нет Мустафы и в списках казанских ханов, представленных в “Дафтар-и Чингиз-наме” [6, б. 38] и у продолжателя Утемиш-хаджы [28, с. 70].

Таким образом, после Махмуда, вероятнее всего, правил его старший сын, Халиль, о правлении которого не сообщают русские летописи, но повествуют другие независимые источники. Согласно “Таварих-и гузида-йи нусрат-наме”, “у Махмудек-хана было два сына. Их имена – Халил-хан и Ибрагим-хан” [25, с. 40]. Халиль значится следующим после Махмуда казанским ханом и по “Дафтар-и Чингиз-наме” [6, б. 38] и продолжателю хроники Утемиш-хаджы [28, с. 70]. С. Герберштейн сообщает, что “в свое время в Казани правил царь Халилек (Chelealck)”, который “умер бездетным, а на вдове его Нур-Султан (Nursultan) женился некий Абрамин (Abrahemin) [завладев тем самым и царством]” [5, с. 170]. То есть Халиль был женат на дочери ордынского беклербека Тимура, который в то время был правой рукой наследников Кичи-Мухаммада, Махмуда и Ахмада и управлял юртом мангытов, находившимся на территории Большой Орды [27, с. 185]. Поэтому брак Халиля с Нур-Султан был признаком сближения Казанского ханства и Большой Орды. Не исключено, что именно эта опасная для Москвы тенденция подтолкнула Ивана III к широкомасштабной войне с Казанью в 1467-1469 годах. Не известно когда закончилось правление Халиля, но уже в 1467 г. на престоле находился Ибрагим б. Махмуд, о чем мы знаем благодаря русским летописям, уделившим большое внимание казанско-московской войне 1467-1469 годов.

Список использованной литературы

1. Алишев С.Х. Казань и Москва: Межгосударственные отношения XV-XVI вв. Казань: Татарское кн. изд-во, 1995. 160 с.

2. Бахтин А., Хамидуллин Б. Политическая история Казанского ханства // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Татарские государства XV-XVIII вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 289-358.
3. Бахтин А.Г., Хамидуллин Б.Л. Внешняя политика “Казанского великого града бусурманского” ханского периода (1440-е – 1552 гг.) // Научный Татарстан. 2014. № 2. С. 13-21.
4. Беспалов Р.А. Хан Улу-Мухаммед и государства Восточной Европы: от Белева до Казани (1437-1445) // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Выпуск 5. Казань, 2012. С. 53-70.
5. Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.
6. Дәфтәр Чыңгызнамә. Казан: Иман, 2000. 44 с.
7. Захир ад-Дин Бабур. Бабур-намә. Ташкент: Главная редакция энциклопедий, 1992. 312 с.
8. Историческое и дипломатическое собрание дел происходивших между Российскими великими князьями и бывшими в Крыме Татарскими царями, с 1462 по 1533 год // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V. Одесса: В городской типографии С.Х. Алексома, 1863. С. 178-419.
9. Исхаков Д.М. О родословной хана Улу-Мухаммеда // Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и ее наследие. М.: Восточная литература, 2002. С. 64-66
10. Мустакимов И.А. Сведения “Таварих-и гузида – Нусрат-наме” о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник. 2009-2010 (2011). Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М.: Восточная литература, 2011. С. 228-248.
11. Мустакимов И.А. Арабографичные источники // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Татарские государства XV-XVIII вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 10-19.

12. Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородские летописи. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1841. 308 с.
13. Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 728 с.
14. Полное собрание русских летописей. Т. 6. Софийские летописи. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1853. 358 с.
15. Полное собрание русских летописей. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М.: Языки русской культуры, 2001. X + 302 с.
16. Полное собрание русских летописей. Т. 12. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1901. 267 с.
17. Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. М.: Знак, 2007. 328 с.
18. Полное собрание русских летописей. Т. 22. Ч. 1. Русский хронограф. Хронограф редакции 1512 года. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1911. 570 с.
19. Полное собрание русских летописей. Т. 23. Ермолинская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2004. VI + V + 242 с.
20. Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 464 с.
21. Полное собрание русских летописей. Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 418 с.
22. Полное собрание русских летописей. Т. 28. Летописный свод 1497 г., Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.: Наука, 1963. 411 с.
23. Полное собрание русских летописей. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М.: Наука, 1968. 263 с.
24. Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI-XVII вв. Л.: Наука, 1982. 228 с.

25. Таварих-и гузида-йи нусрат-наме // Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1969. С. 9-43.
26. Татарские сказания // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С.С. 947-948.
27. Трепавтов В. Большая Орда // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Татарские государства XV-XVIII вв. Казань: Институт истории АН РТ, 2014. С. 180-197.
28. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Казань: Институт истории АН РТ, 2016. 74 с.
29. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М.: ИИИИИ, 1991. 320 с.

УДК 94(470.41)

Anvar Vasil'evich Aksanov

Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of

Tatarstan, Cand. Sci. (History) Институт истории ИИИИИ. Ш.

Марджани АН РТ Kazan, Russian Federation e-mail:

aksanov571@gmail.com

WHO AND WHEN WON THE KAZAN THRONE AMBASSADOR

MAHMOUD B. ULUGH MUHAMMAD?

Abstract. The article is devoted to the problems of determining the date of death of the Kazan Khan Mahmud b. Ulugh Muhammad and his identification of the receiver of the person at the Kazan throne. Contextual comparative analysis of the news of the Kazan Khanate allowed to suggest that Mahmud b. Ulugh Muhammad died in 1462. This opinion is refuted by the fact that the receiver Mahmud b. Ulugh Muhammad Mustafa was used. Ulugh Muhammad put forward by historians of our time. The concept of rule in Kazan Mustafa b. Ulugh-

Mohammad is based only on historical mention of his royal title. But historians who rely on this data, failed to realize that this message is not confirmed by independent sources and finds a contradiction even within the Russian chronicles. But independent sources ("Tawara-and-yi guzida Nusrat-name", "Chingiz-name" Utemish Hajji et al.) Do not call Mustafa b. Ulugh Muhammad Khan, or do not mention it, thus refuting all the constructions of historians. the conclusion is a result of research that the successor of Mahmud b. Ulugh Muhammad was his eldest son, Khalil, who ruled in the mid 1460's (roughly from 1462 for 1467 years).

Keywords: Kazan Khanate; Moscow Russia; Mahmud b. Ulug-Mohammed; Mustafa b. Ulug-Mohammed; Khalil b. Mahmud; Ibrahim b. Mahmud.

УДК: 94(470.)«16»

Мустафина Дина Абдулбаровна

кандидат исторических наук, доцент кафедры татароведения и тюркологии Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Татарстан, РФ.

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ СЛУЖИЛЫХ ТАТАР-МУСУЛЬМАН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ В XVII ВЕКЕ

Аннотация: В статье рассматриваются особенности развития одной из форм феодального землевладения – условной формы земельной собственности татар-мусульман в Средневолжском регионе во второй половине XVI-XVII вв. Обращается внимание на преемственность поместной системы в государственных образованиях, сложившихся на территории Евразии, а также на характер ведущих тенденций в динамике собственности служилых татар на землю во второй половине XVI в. и в XVII в.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, служилое сословие, служилые татары, землевладение

В средневековой истории Евразии служилое сословие занимает особое место. Без исследования природы данного сословия, особенностей сложения и формирования поместного землевладения, эволюции социального статуса, экономического и правового положения служилой корпорации невозможно воссоздать целостную картину формирования и развития социальной опоры власти – дворянства в Золотой Орде и постордынских ханствах, Литовском государстве и Речи Посполитой, Московском государстве и Российской империи. Служилое сословие во всех названных государственных организациях было неоднородным как по своему составу, так и по этно-конфессиональному признаку. Неотъемлемой частью данной категории населения были служилые татары, своеобразнейшую часть которых составляли служилые татары-мусульмане Среднего Поволжья.

Формирование служилых татар-мусульман в Среднем Поволжье принято связывать с фактом взятия Казани в октябре 1552 г. Это в целом верное утверждение следует подкорректировать, ибо оно отражает положение дел в Луговой, Побережной и Арской сторонах бывшего Казанского ханства. Тогда как в Горной стороне этот процесс был «запущен» появлением нового укрепленного русского форпоста – крепости в мае 1551 г. Свидетельством тому является информация, отраженная в писцовом описании Свияжска и его уезда 1565-1567 гг. Н.В. Борисова и Д.А. Кикина: о существовании Татарской улицы в укрепленной части Свияжска; о передаче по розверстке 7074-го (1565/66) г. владения мещерских татар Тениша и Кирдыша Умеровых в селище на реке Берле – 90 дес. пахотной земли в три поля, 100 копен сенных покосов и примыкающего леса; о решении казаков, т.е. служилых татар, Агиша Сабанчеева и двух его двоюродных братьев остаться жить в трех дворах в деревне Хозяшево, в которой в войну жили казаки [32, с. 102], тогда как основная масса служилых

«свои дворы с местами порозжие без хором и роспаши покинули, а пошли жити на старые свои пашни на уркутские и хоромы свои из Хозяшева перевезли, и челобитную о том писцом Борисову и Кикину в 1565 г. Мавкел Мевкешев сын и в товарищех место дал» [32, с. 45, 102, 103-104].

В результате поступления лояльной части феодальной знати присоединенных ханств на службу к новому правителю и вследствие активного прибора представителей ясачного населения в ряды служилых во второй половине XVI столетия служилые мусульмане составили существенную часть поместной конницы.

По расчетам С.М. Середонина, к концу XVI в. общая численность русского войска достигала примерно 110 тысяч человек, в том числе служилых татар насчитывалось не более 10 тысяч, стрельцов и казаков – 20 тысяч, иностранцев – 4 тыс. Удельный вес нерусских служилых составлял 12,7 %. Середонин исходил из того, что в годы Ливонской войны в России имелось 25.000 дворян и детей боярских, средний размер поместья равнялся 200 четв., с которых землевладелец шел на службу с двумя холопами. Отсюда получалось, что на войне находилось 75 тысяч ратников [27, с. 3-13; 28, с. 342].

А.В. Чернов обратил внимание на неточность интерпретации «Уложения о службе 1556 г.», допущенную С.М. Середониным, так как с 200 четв. поместья служили не три, а два человека: со 100 из 200 четв. шел на службу сам землевладелец, а с других 100 четв. выставлял своего «холопа». Отсюда вытекала максимально возможная численность русского войска в 50 тысяч [34, с. 33, 92-93], и удельный вес нерусских служилых мог составлять 16,7%.

По сведениям Е.А. Разина, из 70 тысяч всадников 10 тысяч, т.е. 7 часть, являлась служилыми татарами [19, с. 343].

Во время Ливонской войны служилых татар при общем количестве войск в 33.407 человек насчитывалось 5.854 человека – чуть менее шестой части [2, с. 125-128; 13, с. 82-88; 21]. Под Полоцком общая численность русской рати,

включая 4-5 тыс. человек в обозе, достигала 18 тыс., из которых 4 тыс. принадлежали к сословию татар [7, стлб. 67, 80, 88, 91; 17, с. 259; 33, с. 96].

А.В. Беляков привел сведения об участии служилых татар в ливонском походе 1577 г.: в большом полку сражались 1134 служилых татар из 3888 чел. (29,2%), в передовом 866 из 2925 чел. (29,6%), в полку правой руки (в него входили казанские татары, свияжские, чебоксарские и кокшайские люди) 1303 из 3175 чел. (41%) [3, с. 181]:

А в 1630 г. при общей численности ратных людей в 92.555 чел. удельный вес татар составлял 11%, чуваш и мордвы – 9%, казаков – 12% , т.е. доля служилых «инородцев» достигала примерно трети от общей численности войска [33, с. 6-7, 86, 94, 95, 130].

Жак Маржерет, оказавшийся в России в начале XVII в., сообщает о 20 тысячах «всадников казанских и черемисских», 8 тыс. татар с мордвою, 4 тыс. черкесах [18, с. 51; 23, с. 259; 30, с. 281].

Из разрядных записей следует, что в 1590 г. совместно с казанцами участие в походе против войск шведского короля Иоганна (Ягана) III (1568-1592) приняло поволжское население («черемиса и вотяки»). Разряды же отметили, что во время русско-шведской войны 1590-1593 гг. они воевали в составе сторожевого полка, возглавляемого казахским султаном (царевичем) Ураз-Мухаммедом б. Онданом [20, с. 412, 413, 419-423; 29, т. 1, с. 109-111; 22, т. 2, с. 60-65. См. также: 3, с. 183-186; 8, с. 143; 23, с. 259], под контролем специального пристава. А это означает, что все воины упомянутого полка были неправославными.

Из приведенных сведений видно, что определить точное количество нерусских служилых крайне сложно, да и вряд ли возможно. К тому же не существует точной цифры общей численности русских войск: в литературе она варьируется от 40 до 900 тыс. Расхождение и разноречивость итогов объясняются различием принципов, на которых базируются исследователи при подсчетах, и наполнением понятий смыслом, современным автору, без учета возможности изменения терминов во времени. В этом отношении

достаточно сложными для интерпретации представляются термины «служилые татары» и «служилые иноземцы». Первый из них употреблялся первоначально для обозначения нерусского служилого сословия в целом, независимо от этнической принадлежности и особенностей вероисповедания [5, 67-68]. Затем он стал распространяться лишь на служилых, исповедовавших мусульманство, наряду с этим мог охватывать собственно служилых представителей татарского этноса. Другими словами, смысловое наполнение этого термина менялось во времени. Первоначально он сочетал в себе социально-юридическое и этно-социальное звучание. К тому же, понятия «служилый татарин» и «казак» в XVI в. часто использовались в качестве синонимов. Термин «служилые иноземцы», в свою очередь, применялся как к выезжим из западных, так и восточных стран, к примеру, выходцев из Ногайской Орды, Крымского и Сибирского ханств. Неслучайно, при земельных тяжбах служилые татары будут апеллировать к статьям Соборного уложения 1649 г., регулирующим вопросы землевладения служилых иноземцев [26, л. 1-36]. Нет необходимости говорить о том, что лица, переходившие на службу русскому царю, представляли разные этнические группы татарского народа, оказавшегося в составе различных политических организмов. Да и не все служилые татары являлись обязательными участниками военных кампаний, в которых фигурировала Россия. Многие несли не менее трудную и ответственную службу по охране рубежей государства, в частности, восточных и юго-восточных, принимали участие в мирном расширении границ государства. И в силу этого фигурировать в вышеприведенных подсчетах, естественно, не могли.

Но суть вопроса заключается не в этом, а скорее в том, что определенная часть нерусской феодальной знати бывшего Казанского ханства восприняла произошедший политический катаклизм октября 1552 г. как смену феодального сюзерена. Если обратиться к посольским книгам, передающим особенности внешнеполитических взаимоотношений, то можно сделать заключение о столь же достаточно спокойном восприятии факта завоевания

Казани, скажем ногами. В письмах нет ни единого намека на недовольство, а наоборот изложены поздравления Ивана IV с обретением своего юрта.

Поэтому не следует думать, что поместный институт стал чем-то новым, неожиданным для землевладельцев Казанского ханства. Такая же система содержания армии существовала в Казанском ханстве, в Золотой Орде, правда, она именовалась по другому – «суюргальной». Ведь сама поместная система в Московском государстве возникает довольно неожиданно в конце XV в. Отдельные исследователи склонны видеть в этом желание и стремление московского правителя перенять османскую тимарную систему. Такую логику трудно принять, ибо Московское княжество представляло собой один из улусов Орды, где землеобеспечение на условиях несения службы являлось инструментом формирования социальной опоры власти давно. Именно поэтому столь гладко произошло вживание, встраивание служилых татар в новую феодальную структуру после октября 1552 г., и это является показателем сохранения преемственности в социально-экономической сфере.

Определяющей тенденцией в развитии служилого землевладения татар-мусульман во второй половине XVI в. выступает расширение и укрепление поместной системы. Заинтересованность новой власти, с одной стороны, в создании социальной опоры в местном крае в лице служилой страты и, с другой стороны, в выселении в другие регионы и распылении татарской феодальной верхушки в российских просторах обусловила многовекторность или вариативность ее политической линии. Наряду с земельными пожалованиями (не обязательно на территории Среднего Поволжья, большей частью в центральных районах и на северо-западе государства) и предоставлением привилегий бывшей знати, в ряды служилой массы были включены, как уже отмечалось, наиболее активные и амбициозные представители из числа ясачного населения. Результатом подобной политики стала социальная неоднородность служилых татар-мусульман. Они состояли из служилых князей, служилых мурз, и собственно служилых татар. В

Поволжье подавляющая часть этой страты по своему социально-экономическому положению оказалась близкой к служилым людям «по прибору» и представляла мусульманскую часть провинциального дворянства. 60 % учтенных в начале XVII в. землевладельцев-мусульман имели жеребьи менее 25 четв., денежные их оклады составляли в среднем 4-5 рублей. Почти 44 % этих землевладельцев имели владения 10 четвертей. Большая их часть являлась однодворцами и чуть менее 21% были феодалами, т.е. имели феодально-зависимое население [14, с. 14-20].

В князьям Ивану Михайловичу Воротынскому и Афанасию Ивановичу Вяземскому, дьякам Ивану Осорьину и Первому Карпову о мерах, направленных на укрепление новокрещен в христианской вере и на ослабление позиций мусульманской идеологии в Казанском крае) формируется тенденция отделения= размежевания поместных жеребьев новокрещен от основной массы служилых татар-мусульман, чтобы предупредить возможные факты отпадения первых обратно в ислам.

Во второй половине XVI – начале XVII вв. верховный собственник земли не делал различий между землевладельцами, продолжавшими владеть землями, принадлежавшими им до завоевания Казани, и служилыми, наделенными поместьями после казанского взятия. Это в полной мере проявилось в ходе очередного валового описания, состоявшегося в Казанском крае в 1602/03 г., когда нотариальное закрепление прав владения было осуществлено, не взирая на отсутствие у части служилых татар письменных подтверждений. В процессе писцовой акции служилые, владевшие жеребьями отцов, дядей и братьев без дач, по «старине», и не имевшие возможности документально подтвердить свое право на поместные земли, получили юридическое признание и письменное закрепление права собственности. Они были уравнены во владельческих правах с той частью служилых татар, которая располагала документами на землю, хотя и предъявила акты различного характера: «государевы» грамоты, выписи из писцовых книг, апеллировала к «казанским дачам» 72-го (1563/64), 81

(1572/73), 82 (1573/74), 89 (1580/81), 99 (1590/91), 102 (1593/94) гг. [14, с. 56]. Таким образом, 1602/03 г. стал своеобразным итогом процесса консолидации, слияния различающихся по своему социальному происхождению групп нерусского служилого сословия. Разумеется, за пределами внимания писцов остались представители высших слоев, знати.

Проверка землеустройства осуществлялась ради упорядочения и учета поместных владений, выяснения боеспособности служилого сословия, унификации прав владения землей.

Однако общенациональный кризис, польско-шведская интервенция и Смоленская война унесли жизни многих служилых, в том числе и татар-мусульман. Это обстоятельство делало неизбежным новый набор ратных людей и пересмотр земельных пожалований. Другим ощутимым следствием Смутного времени стал «распад» служилого «города» в западных и центральных уездах и активное размещение детей боярских и дворян в Среднем Поволжье. Поволжский регион был пространственно удален от центра событий, губительно сказывавшихся на состоянии хозяйствующих субъектов. Благодаря географическому положению он избежал того разорения, которому подверглись центральные и западные уезды, и стал той окраиной, куда произошел отток крестьянского населения. Потребность в рабочих руках и благоприятные условия для занятий сельским хозяйством и промыслами обусловили целенаправленный приток в Казанский край служилых людей.

Более того, думается, что временем массового проникновения русского помещика, укоренившегося в присоединенном крае, становится не XVI в., а период Смутного времени и первое десятилетие после Смуты. Именно служилые, прибывшие в Казанский край в начале XVII столетия, составили основу служилых корпораций городов региона. Если до 20-х гг. XVII в. нижегородцы испомещались в нем в счет низовой части оклада, то к 40-м гг. они уже вливаются в «служилые города» Казанского региона, изживается распыленность и происходит концентрация земельных владений служилых

корпораций в пределах одного уезда [4, с. 130-132; 11, л. 11-12; 24, л. 19 об.; 31, с. 188, 600-602; 35, 13-16, 17-27].

Достижение этого было многотрудным процессом, ведь боярским приговором 1615 г. были узаконены земельные приобретения служилых татар и мордвы, состоявшиеся в период Смутного времени [6, с. 85 (№ 78)]. Вполне вероятно, что эти приобретения были обусловлены отсутствием достаточного количества годных земель для наполнения оклада и стремлением служилых заполучить населенные земли. При массовом наделе поместьями соблюсти все требования и пожелания, безусловно, было сложно и часто в раздачу шло «дикое поле», или вместо четвертной земли во владение передавались промысловые статьи, отстоящие от местожительства служилого на приличное расстояние [4, с. 65 (№ 27); 9, л. 31; 10, л. 10; 98 (№ 42)].

Разъединенность поместья слабо способствовала успеху хозяйствования, так как означала неминуемость проблем с контролированием, организацией производства и т.д. Естественно, каждый собственник был заинтересован в объединении разрозненных долей поместья в единое целое, и/или предпринимал действия по территориальному расширению части, наиболее отвечавшей его интересам. Ситуация в стране способствовала тому, что наиболее инициативные не обращали внимания на превышение оклада.

Чрезмерное стремление одних к увеличению размеров собственного владения имело оборотную сторону – добровольное или принудительное отчуждение другими своих земель. Необходимостью наведения порядка в землеустройстве, нарушение которого было выявлено в ходе валовой писцовой акции в 1621-25 гг., было продиктовано появление ряда указов, нацеленных на укрепление поместной системы и упорядочение ее элементов. В частности, было предписано дворянам и детям боярским иметь владения лишь в пределах уезда своего «города» [6, с. 129 (№ 156), привести «дачи» в соответствие с окладами [6, с. 111-112 (№ 117), 113 (№ 120), 114 (№ 121)],

оговорены меры к ликвидации «пустоты» [6, с. 142 (№ 173), 151-152 (№ 191)], случаев заклада земель [6, с. 200 (№ 288)].

Очевидно, эти указы не были обязательными для землевладельцев-татар, подавляющая часть которых была обеспечена землей гораздо хуже, чем русские помещики [15, с. 16], хотя случаи превышения размеров их реальных владений объема земель, предусмотренного окладом, также имели место. В 20-е гг. XVII столетия в землевладении татар-мусульман стала заметной новая тенденция: отдача земельного имущества в качестве обеспечения залога под денежную ссуду. В сущности, это была скрытая форма отчуждения поместного жеребья. Что, безусловно, свидетельствовало об ухудшении материального положения служилых татар, вынужденных брать денежные займы, выплатить которые, да еще и с процентами, они были не в состоянии. Масштабы разорения служилых татар и выхода за рамки своей социальной стратификации еще предстоит выяснить. Вместе с тем, по сведениям Т.А. Лаптевой, вследствие подобных операций с земельной собственностью в уездах Верхнего Поволжья возникла угроза размывания служилых татар-мусульман как особой военно-служилой корпорации.

В Среднем Поволжье передача своего поместного жеребья или ее части в руки другого лица имела несколько иные очертания: служилые татары прибегали к сдаче поместий на оброк и получению с них дохода. Этому способствовало и то обстоятельство, что нередко в канун предстоящего верстания татары-мусульмане просили передать им вместо четвертной пашни промысловые статьи – мельницы, питейные заведения (кабаки), перевозки и т.д. Правда, с течением времени эти доходные статьи становились объектом притязаний или Дворца, или монастырей.

Весьма показателен, к примеру, конфликт между служилыми татарами и Елабужским Троицким монастырем за право владения рыболовными угодьями в Закамье. В этой затянувшейся тяжбе, по сути, столкнулись традиционная система хозяйствования служилых татар, принадлежавших к прослойке феодальной знати Казанского ханства, и целеустремленная

монастырская колонизация присоединенных земель. Инцидент отражает один из факторов, оказавших существенное влияние на развитие служилого нерусского землевладения в регионе, а именно – непротиводействие светской власти наступлению иерархической верхушки Церкви на феодальные права служилых татар [25].

Ожидаемой реакцией правительства, заинтересованного в сохранении боеспособности служилых татар, стал указ «О запрещении дворянам и детям боярским принимать в заклад и нанимать поместные земли татар». Он был принят 30 апреля 1635 г. и частично предупредил размывание земельных пожалований татар-мусульман. Однако в скрытой форме этот процесс продолжался, владения перераспределялись, переходили в руки русских помещиков и после указа 1635 г. [6, с. 165-166 (№ 283); 12, с. 34-35]

Вместе с тем в Казанском регионе писцы зафиксировали другую тенденцию: хозяйственную активность татар-мусульман, сопровождавшуюся приведением дач в соответствие с окладами. Так, в середине XVII в. три четверти служилых мурз и более половины приборных в Свияжском уезде смогли официально «примерить», т.е. добавить пашни и луга к своим прежним дачам. Однако укрепление землевладения служилых татар было кратковременным. Передача поместий в вотчину, ставшая заметной после Смоленской войны и чигиринских походов, затронула лишь зажиточную верхушку. Средние слои служилых испытывали нехватку рабочих рук [12, с. 36]. Основная масса являлась приборными людьми. Эта часть служилых по социально-экономическому положению была близка к ясачным людям и во второй половине XVII в. пережила очередное имущественное расслоение. По далеко неполным данным, почти 2/3 приборных к 60-м гг. выпала из процесса несения службы по бедности и/или по беспоместности. Но их навыки и умение владеть оружием оказались востребованы в полках «нового строя».

Во второй половине столетия устойчивый характер приобретает тенденция, вызванная социально-религиозной политикой государства,

направленной на идеологическую унификацию господствующих слоев. Исключение неправославных из рядов трансформирующегося служилого сословия осуществлялось посредством лишения татар-мусульман прав на земли и крестьян: владения служилых татар отчуждались русским помещикам и отписывались в казну. Фактически это была конфискация. Некрещеные вдовы и незамужние девицы были поставлены перед необходимостью сдачи своих прожитков новокрещеным родственникам и даже «в русские роды» [16, т. 1, с. 262-263 (№ 73)], именной указ 1653 г. предписывал служилым иноземцам продавать земли лишь русским помещикам и новокрещеным [16, т. 1, с. 308 (№ 113)]. Спустя 23 года, переход в руки новокрещен земель, отобранных у служилых иноверцев, был официально узаконен [16, т. 1, с. 1029 (№ 616)]. В «Статьях о вотчинах» от 29 марта 1680 г. предусматривалась передача земель по наследству крещеным родственникам, и некрещеные могли претендовать на эти земли лишь в случае отсутствия таковых [16, т. 2, с. 262; 12, с. 53].

Кульминационным в этом отношении стал указ от 16 мая 1681 г. узаконивший изымание в казну поместий и вотчин (вместе с населением) у мусульман. Но при условии принятия христианства земли не только не конфисковывались, но еще и выплачивались деньги (мурзам по 10 рублей, их женам – по 5 рублей, детям – по 2,5 рубля) и вдвое меньше приборным (кадомской и темниковской мордве была предоставлена 6-летняя льгота) [16, т. 2, с. 312-313 (№ 867)]. Отдельные служилые предпочитали оставлять убыточные поместья и менять место жительства, перейдя в категорию ясачных [1, с. 11-12].

Всплеск восстания служилых в Поволжье и Приуралье в 1681 г. вынудил правительство царей Ивана и Петра Алексеевичей уже на следующий год пойти на попятную. Майским указом 1682 г. служилым было разрешено оставлять половину поместий. Июльским распоряжением следовало возвратить и вторую половину, а октябрьским повелением был объявлен запрет отдавать русским помещикам в поместье мордовские, «черемисские»

и «чювашские» оброчные, ясачные и «покидные» татарские земли. Такой кульбит был вызван сложными взаимоотношениями России с Крымом и потребностью в коннице [16, т. 2, с. 403 (№ 923); 12, с. 53-62].

В заключение следует отметить, что динамика развития нерусского служилого землевладения определялась отношением власти к этой категории служилого населения. Позицию правительства формировало стремление к идеологической унификации населения, однако потребность в ратных людях сдерживала ее ускорение. Тем не менее, на протяжении XVII в. ведущей тенденцией в развитии нерусского служилого землевладения стало сокращение численности (особенно высших слоев) служилых татар и удельного веса их земельных владений принадлежащих им в общем объеме поместных угодий.

Список использованной литературы

1. Акты исторические и юридические и другие царские грамоты Казанской и других соседственных губерний, собранные Степаном Мельниковым. – Т. 1. – Казань, 1859.
2. Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // Русский дипломатарий. – Вып. 10. – М., 2004. – С. 125-128.
3. Беляков А.В. Служилые татары Мещерского края // Единорог. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. – Вып. 1. – М.: Квадрига, 2009.
4. Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР (вторая половина XVI – середина XVII вв.). Тексты и комментарии / сост. И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина. – Казань, 1990:
5. Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII вв. Управление Казанским краем / И.П. Ермолаев. – Казань, 1982.
6. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века: Тексты. – Л., 1986.

7. Курбский А.М. История о великом князе Московском. – СПб., 1913.
8. Мархоцкий Н. История московской войны / комментарии Е.Куксиной. – М., 2000.
9. Национальный архив Республики Татарстан. – Ф. 191. – Оп. 1. – Ед. хр. 68. – Л. 11-12.
10. Национальный архив Республики Татарстан. – Ф. 191. – Оп. 1. – Ед. хр. 85. – Л. 31.
11. Национальный архив Республики Татарстан. – Ф. 191. – Оп. 1. – Ед. хр. 7 – Л. 10 .
12. Ногманов А.И. Самодержавие и татары. Очерки истории законодательной политики второй половины XVI-XVIII вв. – Казань, 2005.
13. Пенской А.В. Начало Ливонской войны: набег русских войск в Ливонию зимой 1558 года // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2012. – Т. 23. – № 13 (132). – С. 82-88.
14. Писцовая книга Казанского уезда 1602-1603 гг. / сост. Р.Н. Степанов. – Казань, 1978.
15. Писцовая книга Казанского уезда 1647-1656 годов / сост. И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина. – М., 2001.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 г. – СПб., 1830.
17. Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею. – Т. XIII. – СПб., 1830.
18. Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею (в дальнейшем: ПСРЛ). – Т. 14. I. Повесть о честном житии царя и великаго князя Феодора Ивановича всея России. II. Новый летописец. – СПб., 1910.
19. Разин Е.А. История военного искусства. – Т. 2. – М., 1957.

20. Разрядная книга 1475-1598 гг. / подг. текста, статья и ред. В.И.Буганова. – М., 1966.
21. Разрядная книга 1475-1605 гг. / сост. Н.Г.Савич / под ред. В.И.Буганова. – Т. 2. Ч. III. – М., 1982.
22. Разрядная книга 1550-1636 гг. / сост. Л.Ф.Кузьмина / отв.ред. В.И.Буганов. – Т. 2. – М., 1976.
23. Разрядная книга 1559-1605 гг. / сост. Л.Ф.Кузьмина / отв.ред. В.И.Буганов. –М.: Институт истории СССР АН СССР, 1974.
24. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 281. – ГКЭ по Свияжску. – Ед. хр. 8/11466.
25. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 281. – ГКЭ, по Казани, д. 61/6469.
26. Российский государственный архив древних актов.– Ф. 281. – ГКЭ по Казани. – Д. 157/6565.
27. Середонин С.М. Известия иностранцев о вооруженных силах Московского государства в конце XVI века . – СПб., 1891.
28. Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера как исторический источник. – СПб., 1891.
29. Симбирский сборник. Часть историческая. – Т. 1. – М., 1844.
30. Сказания современников о Димитрии Самозванце. – 3-е изд. – Ч. 1. – СПб, 1859.
31. Смутное время Московского государства. Материалы, изданные императорским обществом истории и древностей российских при Московском университете. Вып. 4. Арзамасские поместные акты (1578-1618 гг. / собрал и редактировал С.Б. Веселовский. – М., 1915.
32. Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда, письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565-1567 гг.) – Казань, 1909.
33. Филюшкин А.И. Андрей Курбский. – М.: Молодая гвардия, 2010.

34. Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV-XVII вв. / С образования централизованного государства до реформ при Петре 1. – М., 1954.
35. Шумаков Сергей. Сотницы, грамоты и записи. – Вып. 6. Издание имп. Об-ва истории и древностей Российских при Моск. ун-те. – М., 1911.

Abstract. The article considers features of development of one form of feudal tenure conditional forms of land ownership and Muslim Tatars in the Middle Volga region in the second half of XVI-XVII centuries draws attention to the continuity of the local system in the state formations that emerged on the territory of Eurasia, as well as on the character of the leading trends in the ownership of sluzhilye Tatars on the ground in the second half of the XVI century in the XVII century.

Keywords: Middle Volga, service class, service Tatars land ownership Middle Volga region, service class, service class Tatars, land.

УДК 94(47)031

Гатин Марат Салаватович

кандидат исторических наук, доцент кафедры татароведения и тюркологии Казанского (Приволжского) федерального университета, г.

Казань, Татарстан, РФ.

e-mail: marat_gata@mail.ru

УЛУГ-МУХАММЕД И ОБРАЗОВАНИЕ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА В ТРУДАХ НЕМЕЦКИХ ИСТОРИКОВ

Аннотация. Потребность изучения деятельности Улуг-Мухаммеда и образование Казанского ханства в немецкой историографии обусловлена

объективным процессом интернационализации науки, а также необходимостью преодоления крайностей в отношении к зарубежной историографии. Если русская (советская, российская) историография этого вопроса более или менее освоена, то опыт немецкой, англо-американской, турецкой, японской и других исторических школ изучен пока что недостаточно. В вопросе об основоположнике Казанского ханства немецкие исследователи в целом единодушны – зачинателем татарского государства на Средней Волге, по их мнению, является Улуг-Мухаммед. Немецкие исследователи, как и отечественные, по-разному решают вопрос, наследником какого государства было Казанское ханство. На этот счет есть три мнения исследователей. Немецкие историки констатируют, что ханство было полиэтничным государством. В Казани быстро росло население благодаря иммиграции из всех соседних стран. Полиэтнический характер государства обусловил слабость ханской власти в Казани. Большинство немецких историков считает основателем Казанского ханства Улуг-Мухаммеда. Однако здесь нет единого мнения по дате образования государства.

Ключевые слова: Распад Золотой Орды, образование Казанского ханства, Касимовское ханство, Московская Русь, татары, Улуг-Мухаммед.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Республикой Татарстан научного проекта «Приграничные районы средневековья: место пересечения политической и этнической истории разных народов (на примере Московского государства и Казанского ханства)» № 16-11-16011.

Насущная потребность изучения деятельности Улуг-Мухаммеда и образование Казанского ханства в немецкой историографии обусловлена объективным процессом интернационализации науки, а также необходимостью преодоления крайностей в отношении к зарубежной историографии. Если русская (советская, российская) историография этого

вопроса более или менее освоена, то опыт немецкой, англо-американской, турецкой, японской и других исторических школ изучен пока что недостаточно.

В вопросе об основоположнике Казанского ханства немецкие исследователи в целом единодушны – зачинателем татарского государства на Средней Волге, по их мнению, является Улуг-Мухаммед [12, с. 285–286; 1, с. 387; 8, с. 294; 5, с. 46; 11, с. 27–28; 2, с. 39; 4, с. 296—297].

Немецкие исследователи, как и отечественные, по-разному решают вопрос, наследником какого государства стал Казанский юрт. Крупный австрийский востоковед и дипломат Йозеф Хаммер фон Пургшталь считает Улуг-Мухаммеда реставратором старого Болгарского государства и основателем новой династии правителей Казани [1, с. 387]. По мнению Филиппа Штраля, Улуг-Мухаммед “основал или, скорее, возобновил Казанское государство, которое было основано на руинах древнего замечательного Болгарского государства, известного своим торговым духом” [12, с. 285—286]. Профессор Гисенского университета Клаус Хеллер считает, что “демографический и экономический вес бывшей Волжской Болгарии переместился дальше на север” [14, с. 113—114].

По мнению профессора Берлинского университета Теодора Шиманна, с приходом Улуг-Мухаммеда “Казань стала бичом России”. Советник рейхсканцлеров Х.К.Гогенлоэ и Б.Бюлова полагает, что Казань не стала наследницей древней Болгарии, а явилась продолжательницей Золотой Орды [8, с. 295].

Мнение профессора Венского университета Андреаса Каппелера отличается от вышеприведенных: Казанское ханство было наследником как Золотой Орды, так и Волжской Болгарии [2, с. 40; ср.: 15, с. 19—21; 13, с. 500—503].

“Казанское ханство (1439—1552), основанное в 1439 году на землях существовавшего ранее Болгарского государства”, – пишет Бертольд Шпулер, имело большое значение. Это государство, как с политической, так

и с экономической и культурной точек зрения играло большую роль, оно стало также “угрожающим фактором для Москвы”. И все это, по мнению профессора Гамбургского университета, благодаря только такой личности, как хан Улуг-Мухаммед, “страна получила нового политического и военного лидера, организовавшего местных татар” [11, с. 28]. Казанское ханство с момента своего основания, полагает А.Каппелер, стало противостоять восточной экспансии русских правителей [2, с. 36].

Немецкие историки констатируют, что ханство было полиэтничным государством. Так как Улуг-Мухаммед обещал всем переселенцам защиту и безопасность, то территория скоро заполнилась “жителями всякого рода”. Возникла “чудесная смесь народностей”: татары, русские, болгары, мешера, мордва, черемисы и монголы объединялись здесь друг с другом, из чего образовался народ под именем “казанских татар, которые сохранились еще и до сегодняшних дней, хотя это лишь жалкие остатки тех, кто наводил ужас на Россию” [5, с. 46; 12, с. 285—286]. Кроме имевших господствующее положение татар, здесь проживали финские племена, испытывавшие на себе их сильное влияние. Казань стала “скопищем русских рабов”, которыми наводнились рынки Востока [8, с. 294—295]. Высокая цена на русских рабов была одной из главных причин татарских нападений на московские земли [7, с. 281]. При этом профессор Майнцкого университета Ян Кусбер утверждает (без каких-либо ссылок), что сельское хозяйство государства зиждилось в основном на рабском труде [4, с. 301].

По мнению профессора Гейдельбергского университета Эммануэля Саркисьянца, подъем Казани связан с упадком когда-то болгарских областей Закамья, которые были покинуты под давлением кочевников —ногаев и башкир. Население в период Золотой Орды мигрировало в лесную зону севернее Камы, которая была слабо заселена финскими племенами мари и удмуртов. Здесь в XV столетии Казань стала главным центром “скотоводческого государственного образования”. Казань как торговый город вскоре превзошла древний Болгар. Казанское

государство включало в себя также земли чувашей и финноязычной мордвы. Были поглощены болгарские народные элементы. Изобразительное искусство продолжало болгарские традиции, особенно в каменной орнаментике. Однако прикладное искусство Казанского ханства значительно уступает болгарскому периоду [7, с. 281].

Казанское ханство было государством со слабой центральной властью, что “было обусловлено многонациональным характером государства”. Часть финских племен образовывали отдельную Арскую административную единицу. На этом фоне очень часто вспыхивали восстания, что ослабляло прочность и устойчивость Казанского государства по отношению к Москве [7, с. 282—283].

Вызванная внутренними беспорядками слабость Русского государства в середине XV века, пишет Ф.Штраль, позволяла “безнаказанно совершать вторжения и грабежи” в русские земли отдельным отрядам татар. “Россия не могла наслаждаться спокойствием! На востоке возник сильный враг, Улуг-Мухаммед, казанский хан” [12, с. 296].

Вскоре сила хана выросла до такой степени, что он мог думать о мести за свое изгнание из России, считает Германн Роскошны. Господствующие в России распри и нерешительность слабого великого князя способствовали агрессивным намерениям хана [5, с. 46]. Уже в 1439 году Улуг-Мухаммед появился с войском под стенами Москвы, и хотя ему не удалось взять город, “все же это был опять-таки разбойнический набег”, перед которым сельская местность и малые города не были защищены и терпели безмерный ущерб [8, с. 294].

Великий князь московский Василий II решил в 1445 году выступить против “всегда угрожающих и опасных казанских татар” [8, с. 294—295]. Однако поход окончился катастрофой, причины которой, как считает Т.Шиманн, лежали в том, что первоначальный успех и слишком быстрое и беспорядочное преследование привели, как часто это бывало для русских, к поражению, сам Василий Васильевич “попал в руки врагов” [8, с. 296].

Впервые, утверждает Г.Роскошны, русский великий князь попал во вражеский плен. Хан Улуг-Мухаммад вел переговоры уже с Дмитрием Шемякой. Т.Шиманн объясняет, почему именно к Шемяке хан отправил своего посла: Шемяка, несмотря на просьбы великого князя, не принял участие в походе против татар и располагал к тому же боеспособными отрядами. Он был готов принять великое княжество из рук Казани [8, с. 296] с признанием хана своим ленным господином [5, с. 48; 12, с. 298].

Эккехард Клуг отмечает, что в XV веке превосходство Москвы над Тверью достигло такого уровня, что даже хан Улуг-Мухаммед, пленив в 1445 году московского великого князя Василия II, очевидно, и не думал о том, чтобы в этой ситуации каким-нибудь образом усилить Тверское княжество. В XIV веке при подобных обстоятельствах тверской или нижегородский князь добились бы владимирского великокняжеского престола [3, с. 311].

Татарский посол вернулся от Дмитрия Шемяки слишком поздно, именно поэтому Улуг-Мухаммед, решив, что посол убит, заключил договор с великим князем о его освобождении при условии огромного выкупа [8, с. 296; 9, с. 165; 10, с. 165]. По этому поводу Б.Шпулер восклицает: “Улуг-Мухаммед необдуманно упустил великий шанс прочно подчинить Московское великое княжество!” [9, с. 165; 10, с. 165]. “К счастью, — подводя итог событиям 1445 года, пишет Ф.Штраль, — татары не использовали такие благоприятные для них обстоятельства” [12, с. 298]. С Василием II в Москву выехали многочисленные знатные татары, которые вступили на русскую службу и таким образом обеспечили себе там, по мнению Т.Шиманна, “блестящее положение” [8, с. 296].

В целом же, по мнению профессора Кёльнского университета Лотара Рюля, поддержка Василия II со стороны татар Казани и увеличение татарской свиты великого князя способствовали завершению московской феодальной войны и привели к победе “законного великого князя” и укрепили вместе с тем политическое единство страны [6, с. 59; ср.: 15, с. 25–34; 13, с. 500–503].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

По мнению немецких историков, основателем Казанского ханства является Улуг-Мухаммед. Однако здесь нет единого мнения по дате образования государства. В основном в качестве даты основания государства называется 1439 г.

Нет единого мнения по вопросу, чьи традиции несло в себе Казанское ханство. Здесь можно выделить три взгляда на эту проблему:

1. Казанское ханство является наследницей Волжской Болгарии;
2. Казанский юрт был наследником Золотой Орды и
3. Казанское ханство было наследником как Золотой Орды, так и Волжской Болгарии.

Основой благосостояния ханства, по мнению историков Германии, были нападения на русские земли и связанный с ним полон. Помимо этого отмечается еще приток сюда переселенцев из других государств.

Изначально полиэтничный характер страны в будущем сыграл дестабилизирующую роль в ее судьбе.

Список использованной литературы

1. Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth: C.A.Hartleben's Verlag, 1840. 683 S.
2. Kappeler A. Russlands erste Nationalitäten. Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. Bis 19. Jahrhundert (Beiträge zur Geschichte Osteuropas. Hrsg. von D. Geyer und H. Roos. Bd.14). Köln; Wien: Böhlau, 1982. 571 S.
3. Klug E. Das Fürstentum Tver' (1247—1485). Aufstieg, Selbstbehauptung und Niedergang // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd.37. 1985. S.7—355.
4. Kusber J. Um das Erbe der Goldenen Horde: das Khanat von Kazan' zwischen Moskauer Staat und Krimtataren // Zwischen Christianisierung und

Europäisierung: Beiträge zur Geschichte Osteuropas in Mittelalter und früher Neuzeit. Festschrift für Peter Nitsche zum 65. Geburtstag. Stuttgart: Steiner, 1998. S. 293—312.

5. Roskoschny H. Die Wolga und ihre Zuflüsse. Geschichte, Ethnographie, Hydro- und Orographie nebst Mitteilungen über das Klima des Wolgagebietes. Leipzig: Gressner & Schramm, 1887. 352 S.

6. Rühl L. Aufstieg und Niedergang des Russischen Reiches: Der Weg eines tausendjährigen Staates. Stuttgart: Deutsche Verlag Anstalt, 1992. 664 S.

7. Sarkissjanz E. Geschichte der orientalischen Völker Russlands bis 1917. Eine Ergänzung zur ostslawischen Geschichte Russlands. München: Oldenbourg, 1961. 422 S.

8. Schiemann T. Geschichte Russlands, Polens und Livlands bis zum 17. Jahrhundert. Bd.1. Berlin: Historische Verlag Baumgärtel, 1886. 668 S.

9. Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland, 1223—1502. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1943. XVI, 556 S.

10. Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland, 1223—1502. 2., erweiterte Auflage. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1965. XVIII, 638 S.

11. Spuler B. Idel-Ural. Völker und Staaten zwischen Wolga und Ural. Berlin: Otto Stollberg, 1942. 131 S.

12. Strahl P. Geschichte des Russischen Staates. Bd.2. Von dem Einbruche der Tataren in Russland bis zum Antritt der Regierung des Großfürsten Iwan III Wasiljewitsch, d.i. von 1224 bis 1505. Hamburg: F. Perthes, 1839. 444 S.

13. Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды // На стыке веков и цивилизаций... Из опыта образования и распада империй X—XVI вв. / сост. И. Б. Муслимов. М.: ИНСАН, 1996. С. 280—524.

14. Хеллер К. Золотая Орда и торговля с Западом // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223—1556 гг. Казань: МастерЛайн, 2002. С. 111—128.

15. Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. Репринтное воспроизведение издания 1923 г. Казань: Фонд ТЯК, 1990. 310 с.

Marat Gatin Salavatovich

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Tatarstan, Russian Federation.

e-mail: marat_gata@mail.ru

ULUGH MUHAMMAD AND EDUCATION KHANATE OF KAZAN IN THE WORK OF GERMAN HISTORIAN

Abstract. Need to study the activity of Ulug-Mohammed and the formation of the Kazan Khanate in the German historiography is due to an objective process of internationalization of science and the need to overcome extremes in relation to foreign historiography. If the Russian (Soviet, Russian) historiography of the issue, more or less mastered, the experience of the German, Anglo-American, Turkish, Japanese and other historical schools studied so far is not enough. The question about the founder of the Kazan Khanate German researchers in general are unanimous - the initiator of the Tatar state in the Middle Volga, in their opinion, is the Ulug-Mohammed. German researchers, as well as domestic, in different ways solve the problem, the heir of the state was the Khanate of Kazan. In this respect, there are three views of researchers. German historians have concluded that the Khanate was a multiethnic state. In Kazan, the population grew rapidly due to immigration from all the neighboring countries. Time. The character of the state led to the weakness of the Khan's power in Kazan. Most German historians believe the founder of the Kazan Khanate Ulug-Mohammed. However, there is no consensus on the date of formation of the state.

Keywords: The collapse of the Golden Horde, the formation of the Khanate of Kazan, Kasimov Khanate, Muscovy, Tatars, Ulug-Mohammed

УДК 930.94 (091)

Валеев Рамиль Миргасимович,
доктор исторических наук, профессор Казанский (Приволжский)
федеральный университет, Академия наук Республики Татарстан,
Республика Татарстан, г. Казань, e-mail: valeev200655@mail.ru

Валеева Роза Закариевна,
кандидат исторических наук, доцент, Казанский институт
культуры, Республика Татарстан, Казань. e-mail:
rozazv@mail.ru

Миниханов Фидаиль Гимранович,
кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник.
Институт Татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук
Республики Татарстан, г. Казань. e-mail: fidail1956@mail.ru

Сахавова Лилия Миннебаевна,
научный сотрудник Институт Татарской энциклопедии и
регионоведения Академии наук Республики Татарстан, г. Казань. e-
mail: sahawowa.lili@yandex.ru

ПРОФЕССОР И. Н. БЕРЕЗИН И ЕГО ВКЛАД В ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ(XIX В.)

Аннотация.Статья посвящена одному из крупных представителей отечественного университетского востоковедения XIX в. На разнообразном материале освещены основные этапы и некоторые особенности научно-педагогической деятельности и наследия тюрколога и ираниста Березина И.

Ключевые слова: Восток, востоковедение, история, наследие, просветительская деятельность, рукопись, тюрколог, университет.

Тюрколог, иранист, путешественник И. Н. Березин – один из основоположников университетского востоковедения в России известен в анналах истории российского и европейского востоковедения[1]. В связи со столетием со дня рождения профессора И.Н.Березина выдающийся тюрколог

А.Н.Самойлович (1880–1938) в мае 1919 г. писал: «Разносторонне даровитый, предприимчивый, широко любознательный и образованный человек, мастер прозы и стиха, рисовальщик, публицист и администратор, популяризатор знаний, профессор сначала Казанского, затем Петербургского университетов, вообще один из видных русских культурных деятелей, главным образом, середины XIX века...» [14, с. 162].

И.Н.Березин был воспитан на лучших педагогических и научных традициях отечественного университетского востоковедения 30–40 - х гг. XIX в. Он внес неоценимый вклад в развитие российской школы востоковедов второй половины XIX – начала XX вв. Научно-педагогическая и общественная деятельность И. Н. Березина органично связаны с Казанским и Санкт-Петербургским университетами. Трудно переоценить вклад в образование и науку о Востоке, который был внесен этим знаменитым востоковедом. Академик В.В.Бартольд, говоря о вкладе и роли ученого, писал: «Заслуги того поколения ориенталистов, к которому принадлежит Березин, определяются не столько выполнением, сколько постановкой научных задач, и в этом отношении ученый, понявший, что на русских ориенталистах лежит обязанность разъяснения монгольского периода русской истории, и не только словом, но и делом доказавший сознание этой обязанности, издатель «Библиотеки восточных историков» и труда Рашид ад-дина, имеет полное право на благодарность потомства» [2, с.756]. Педагогическая, научная и просветительская деятельность и наследие И.Н.Березина – значимый этап в развитии российского и мирового востоковедения XIX в.

И.Н. Березин родился 19 июля 1818 г. на Юго-Камском заводе Пермской губернии. Согласно автобиографической записки, «отец был чиновником на этом заводе, мать происходила из дворянского рода Парначевых, переселившихся из Малороссии» [7, с. 67]. Илья Березин получил начальное образование в уездном училище г. Екатеринбург, среднее – в Пермской гимназии. Он получил традиционное общее

образование. В 1834 г. поступил на словесное отделение в разряд восточной словесности Казанского университета. Его первыми учителями по восточным языкам стали востоковеды Ф. И. Эрдман (1793–1863) и А.К. Казем-Бек (1802–1870) [5, с. 44]. В последствии И.Н.Березин как ученик и биограф Мирзы Казем-Бека отмечал о неистощимом запасе знаний своего учителя и его умении давать точный и верный ответ во время обучения. В июне 1837 г. Илья Березин окончил полный курс и был утвержден в звании студента-кандидата.

В 1838 – 1840 гг. И.Н.Березин продолжает дополнительный двухгодичный университетский курс «теоретического и практического изучения» восточных языков. В конце 1838 г. – в начале 1839 г. по итогам учебных испытаний, проведенных профессорами Ф.И. Эрдманом и А.К.Казем-Бекем, словесные ответы кандидата И. Березина были найдены «весьма хорошими», а письменные «очень хорошими». Магистерская диссертация И.Березина была на тему «Что способствует развитию просвещения и что останавливает ход оного в державах Мухаммеданских?». 5 января 1841 г. он защитил диссертацию и 6 февраля 1841 г. был утвержден в степени магистра восточной словесности. Это событие стало символическим рубежом начала служения российскому университетскому востоковедению.

До отъезда в 1855г. в Санкт-Петербург, в связи с закрытием разряда восточной словесности университета, жизнь и творчество И.Н. Березина будет органично вплетено в казанское университетское востоковедение середины XIX в.

Насыщенная педагогическая и научная атмосфера и личные качества воспитанника казанской школы востоковедов сыграли ключевую роль в формировании и развитии разносторонних интересов И.Н.Березина в областях тюркологии, иранистики, арабистики, истории и культуры народов Центральной Азии.

Лучшей традицией университетского востоковедения в Казани 20–40-х гг. XIX в. стали подготовка и организация научных путешествий в страны мусульманского Востока и Центральной Азии. Практические занятия воспитанников с носителями живых азиатских языков, непосредственное знакомство с историей, языками, культурой, бытом и нравами во время научных командировок и путешествий стали важными учебно-методическими принципами казанской школы востоковедов XIX – начала XX вв. Научные путешествия воспитанников разряда восточной словесности Казанского университета – О.Ковалевского и А.Попова в Центральную Азию (1828–1833 гг.), В.Васильева в Китай (1840–1850 гг.), И.Березина и В.Диттеля на Ближний и Средний Восток (1842–1845 гг.) являются замечательными и незабываемыми страницами истории российского востоковедения. Необычайно сильное природное стремление рано заставило Березина строить планы путешествия в чужие страны и искать для своих наблюдений широкое поле. В 1842–1845 гг. таким широким полем стали годы путешествия по Востоку. К этому путешествию Березин был подготовлен в течение 1837–1842 гг. при поддержке и помощи Лобачевского, Казем-Бека, Эрдмана, Ковалевского и др. Почти из трёх лет, отведённых для путешествия, два с половиной года Березин должен был провести за границей, путешествуя по нижеуказанным странам. Такая последовательность посещения стран Ближнего и Среднего Востока диктовалась необходимостью предварительного усовершенствования знаний по персидскому и арабскому языкам. Березину рекомендовалось посещать во всех странах, при удобных случаях лекции видных мюдerrисов в школах и академиях, знакомиться со студентами этих заведений, вступать с ними в беседы на научные темы (за исключением религии и политики), поскольку такие встречи со студентами и посещение лекций помогут лучшему освоению языка, познакомят с новыми методами преподавания и ведения занятий на Востоке. Так, в основном определялись обязанности Березина в соответствии или на основании плана, составленного Казем-Бекем. Кроме

основного плана, Березин получил указы, инструкции и наставления, направленные на успешное проведение путешествия на научной основе. План научного путешествия включал широкий спектр научных интересов. Путевые заметки Березина свидетельствуют о его внимательности, наблюдательности как учёного и человека.

Научное путешествие на мусульманский Восток (Кавказ, Ирак, Персия, Сирия, Палестина, Египет, Турция и Крым) стало важным и определяющим этапом в творческом развитии И.Н.Березина [11, л.78-81]. Это трехлетнее путешествие по Ближнему и Среднему Востоку сформировало базу и направления его научной подготовки и широких научно-исследовательских интересов в дальнейшем в казанский (1846–1855) и санкт-петербургский периоды (1855–1896) гг. научно-педагогической и просветительской работы. Во время путешествия по основным центрам Персии, Ирака, Сирии, Палестины, Египта и Турции И.Н.Березин хорошо изучил персидский, арабский и турецкий языки и непосредственно ознакомился с разнообразной географией, топографией, этнографией, историей и культурой народов мусульманской цивилизации. В 1851 г. один из современников ученого, оценивая итоги путешествия, писал: ...он добыл богатые, частью совсем новые материалы об истории и географии Востока, снял копии многих древних надписей, до 40 планов и 300 рисунков и собрал много сведений о нравах, обычаях и поверьях жителей Востока. Можно ожидать, что описание этого путешествия из России в чужие края скоро появится в свет» [15, с. 116-117]. В 1850–1852 гг. им были изданы два тома «Путешествия по Востоку», которые стали оригинальным литературным и научно-популярным описанием Дагестана, Закавказья и Северной Персии [3]. Кроме того, в 40-50-х гг. XIX в. И.Н.Березин опубликовал в отечественных журналах («Современник», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения», «Русский вестник» и др.) разнообразные путевые очерки, посвященные языкам, истории, обычаям, нравам, археологии и памятникам народов мусульманского Востока.

Научная командировка в 1842–1845 гг. в страны и регионы мусульманского Востока – Кавказа, Ирака, Ирана, Сирии, Палестины, Египта и Турции воспитанников разряда восточной словесности И.Березина (1818–1896) и В.Диттеля (1816–1848) освещена в отечественной историографии [16]. Научные путешествия университетских востоковедов первой половины – середины XIX в. – это не продолжение традиционных «хождений» на мусульманский Восток, характерных для российского и европейского обществ XVI–XVIII вв. На первом плане для путешественников было уже не увлечение экзотичностью и романтикой истории и культуры мусульманских народов, а социокультурные потребности научного исследования исламской цивилизации. В 1841 г. «план ученого путешествия по Востоку магистра Диттеля и Березина» был подготовлен А.К.Казем-Беком по поручению попечителя учебного округа М.Н.Мусина-Пушкина (1795–1862).

В университетскую аудиторию И.Н.Березиным были привнесены география, история и культура народов мусульманского Востока, основанные на личных наблюдениях и впечатлениях.

Путешественник Березин привез разнообразные материалы по географии и истории народов мусульманского Востока, снял копии множества древних надписей, составил аннотированные каталоги разных литератур для университета. В 1843–1847 гг. библиотека университета пополнилась новыми оригинальными рукописями и книгами по филологии, истории, географии и исламу, приобретенными Березиным и Диттелем во время их научного путешествия.

Успешно выполнив поставленные перед ним задачи, Березин в 1845 г. возвращается в Академию наук в Петербурге. Здесь Березин представляет отчёты и выдерживает экзамен на право занятия кафедр турецко-татарского языка. В апреле 1846 г. Березин занял кафедру в Казанском университете, где в этом качестве проработал более 10 лет.

В наследии профессора И.Н. Березина, посвященном истории и культуре Востока, можно увидеть сочетание различных эстетических

тенденций – классицизма, просветительства, романтизма и реализма. В 1850 г. в известном «Путешествии по Востоку» он писал: «Я отправляюсь в далекий и трудный путь на Восток, в отчизну единой и вечной истины и нелепых религиозных заблуждений, практических нравоучений Саади и восторженной мечтательности Хафиза, в страну усладительного шербета и умственного усыпления, вечно благоухающих роз и быстро увядающей красоты, самых замысловатых комплиментов и самой затейливой брани, неведомых наслаждений и неожиданных кинжальных ударов, в страну, где, может быть, судьба кинет мне в руки всемогущую печать Соломона, которой беспрекословно повинуются все духи, и я возвращусь в родную землю на крыльях баснословного Симурга, облеченный таинственной властью над невидимыми силами природы!» [3, с.2]. В его работах и статьях современник находил реальную и подлинную жизнь и культуру народов мусульманского Востока.

Педагогическая, научная и просветительская деятельность И.Н.Березина в Казани и Санкт-Петербурге органично связана с развитием дисциплин ориенталистики – тюркологии, иранистики, арабистики, исламоведения.

В работах и статьях профессора Казанского и Санкт-Петербургского университетов страны зарубежного мусульманского мира – Османская империя, Персия, Арабский Восток и регионы традиционного распространения ислама Российской империи (Поволжье, Кавказ, Средняя Азия, Крым) стали объектом научного исследования. Преподавание и изучение мусульманских языков было органично связано с изучением филологии, языкознания, истории и памятников материальной и духовной культуры народов мусульманского и христианского Востока.

В конце 1846 г.– начале 1847 г. экстраординарный профессор И.Н.Березин был командирован в Москву для работы в архиве Министерства иностранных дел с целью обзора восточных фондов. Он обследовал материалы Ф.И.Миллера (1705–1783), И.Э.Фишера (1697–1771), Г.Я.Кера

(1692–1740) «о скифах и татарах на латинском языке и немецком». По замечанию И.Н.Березина, «некоторые из сих сочинений, неизвестных ученому свету и остались неоконченными или неотделанными, хотя и заслуживают внимания по обширности источников, которыми, при составлении их, пользовались авторы» [10, л. 36]. Казанским востоковедом были рассмотрены «собрания монгольских и тибетских рукописей» и 40 арабских, персидских и тюркских рукописей. Также И.Н.Березин рассмотрел мусульманские монеты, присланные в архив из Рязанской губернии и обследовал «у князя Оболенского турецкую историю без конца с родословными таблицами, и цикл тюркский с каталогами, маньчжурскими, монгольскими и русскими названиями животных» и т.д. [10, л. 56-56 об]. В период работы в Санкт-Петербургском университете в 1858 г. и 1868 г. И.Н.Березин был в научной командировке в Париже и Лондоне с целью изучения «манускриптов сочинения везира Рашид-Эддина История монголов» и мусульманских рукописей.

Наследие И.Н.Березина группируется по следующим основным направлениям: подготовка и издание учебных программ, пособий, учебников, хрестоматий; комплектация фонда восточных рукописей и книг; сбор, изучение и публикация письменных памятников и источников арабо-мусульманской культуры; переводы арабо-персидских и тюркских авторов; оригинальные филологические, исторические, культурологические, естественно-географические, археологические и этнографические публикации. Эти учебно-методические и научные направления деятельности И.Н. Березина прослеживаются на протяжении 50-летней работы в ведущих отечественных университетских центрах востоковедения. Он стал ведущим лингвистом, литературоведом, историком, этнографом и исламоведом в России.

В 1846 – 1896 гг. И.Н.Березин читал основные курсы турецко-татарского языка, «джагатайско-тюркской литературы», истории тюрок в Казанском и Санкт-Петербургском университетах. За педагогические и

научные заслуги приказом министра народного просвещения А.С.Норова И.Н.Березин в сентябре 1854 г. был утвержден исполняющим должность ординарного профессора кафедры турецко-татарской словесности Казанского университета и 19 марта 1871 г. – в звании заслуженный профессор Санкт-Петербургского университета. В 1862 г. И.Н.Березин защитил докторскую диссертацию на тему «Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева». В 1870 – 1873 гг. – он декан факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. По инициативе И.Н.Березина факультет расширял преподавание восточных языков, и в декабре 1872 г. новый курс мусульманского законоведения был включен в число обязательных предметов для студентов арабско-персидско-турецко-татарского разряда факультета восточных языков университета в Санкт-Петербурге[9, с. 14]. На турецко-татарской кафедре Санкт-Петербургского университета он работал вместе с известными российскими востоковедами-тюркологами – (А.О.Мухлинский, Л.З.Будагов, Х.Феизханов, М.Османов, В.Д.Смирнов, А.Шевкет, П.М.Мелиоранский).

Научный вклад И.Н.Березина был отмечен избранием в известные отечественные и зарубежные научные общества XIX в.

Он состоял членом-корреспондентом и действительным членом Русского географического общества (1847), Общества любителей отечественной словесности (1847), Нумизматического общества в России (1848), Русского археологического общества в Петербурге (1848, с 1889 г. – действительный член), Азиатского общества в Париже (1849) и Лейпциге (1849), общества истории и древностей в Одессе (1852). В 1878 г. ординарный профессор И.Н. Березин был командирован во Флоренцию делегатом IV Международного конгресса ориенталистов.

Научно-организаторский талант востоковеда проявился также в административных и общественных должностях, которые он занимал не только в университетах. В 1849 – 1855 гг. И.Н.Березин заведовал минц-кабинетом в Казанском университете, в 1850-1855 гг. – был цензором для

восточных книг, в 1852 – 1853 гг. – редактором неофициальной части «Казанских губернских ведомостей», в 1861 – 863 гг. – редактором восточного отдела «Энциклопедического словаря», в 1863 г. – членом комитета для составления нового университетского устава и в 1870 – 1873 гг. деканом восточного факультета Санкт-Петербургского университета.

В 1846 – 1890-х гг. профессор И.Н.Березин написал и издал серию известных учебников и хрестоматий. Эти учебные пособия были востребованы практикой преподавания персидского и турецко-татарского языков в университетах [4]. Лингвистические работы профессора И.Н.Березина свидетельствуют о важном вкладе в изучение персидского и тюркских языков в России и Европе в XIX в.

Его научный и педагогический вклад связан с формированием и развитием традиционных направлений востоковедения в России XIX – начала XX вв. – описанием грамматического строя персидского и тюркского языков, изучением известных памятников средневековой письменной культуры тюркоязычных народов, исследованием золотоордынских ханских жалованных актов-ярлыков, описанием тюркских рукописей в отечественных архивных и библиотечных фондах, классификацией тюркских языков и изучением тюркизмов в русском языке.

Неоценимый вклад И.Н.Березин внес в отечественную культуру как переводчик и издатель известных восточных письменных памятников. В 1849 – 1854 гг. в Казани он издавал «Библиотеку восточных историков», куда вошли уникальные литературные и исторические тексты (Шейбани-намэ, Джамии ат-таварих, Родословное древо тюрков), посвященные истории и культуре средневековых тюркских и монгольских народов и государств.

Продолжая начатую источниковедческую работу над сочинением «Джами ат-таварих» («Сборник летописей») персидского историка и государственного деятеля в государстве Хулагуидов Рашид ад-Дина (1247-1318), в 1858 – 1888 гг. профессор И.Н.Березин публикует перевод и текст, посвященный описанию «турецких и монгольских племен» и «истории

Чингиз-хана до вошествия его на престол» [12]. Эти фундаментальные труды И.Н.Березина «представляли шаг вперед в науке» (академик В.В.Бартольд). С нашей точки зрения, академик В.Бартольд заслуженно оценил труды И.Березина. Всё же всегда стоит, наверное, помнить о том, что труды Березина для своего и в последующем времени были наиболее востребованы. Все последующие поколения востоковедов успешно пользовались наследием И.Березина. Начиная издавать «Библиотеку восточных историков», И.Н.Березин писал: «...я нисколько не опасаясь за ее будущность: если издание будет найдено достойным внимания ориенталистов, то оно будет употреблено ими в дело при первой ученой надобности; занимающимся же русскою историей в нашем Отечестве издание мое будет доступно... Притом же, тюркские тексты могут служить хрестоматией для занимающихся изучением тюркских диалектов» [6]. В круг русских источников и литератур им были включены оригинальные восточные письменные памятники.

Наследие ираниста и тюрколога, историка и филолога И.Н.Березина в исследовании и издании восточных текстов имеет огромное историко-научное и историко-культурное значение. Востоковед, прежде всего, следует принципам объективности и реалистичности в освещении природы и быта, образа жизни и характера, истории и культуры народов Востока. Исследовательская и просветительская деятельность И.Н.Березина привлекла внимание современников и получила признания у российской общественности. Впервые в истории отечественного востоковедения он наиболее полно осветил значимость мусульманских письменных источников для изучения истории и культуры народов России. Своими трудами И.Н.Березин продемонстрировал необходимость перевода исторических источников для изучения истории Российского государства.

В 70–80 гг. XIX в. литературное и энциклопедическое мастерство И.Н.Березина особенно проявилось в издании «Русского энциклопедического словаря» и неоконченного 8-томного «Нового энциклопедического словаря» [13]. Начиная работу над одним из первых в России универсальных

справочных трудов, издатель и главный редактор И.Н.Березин писал: «Направление «Р.Э. Словаря» будет строго научное. «Э. Словарь» не есть журнал, он не может и не смеет пускаться в ход положений, еще непризнанных наукою; он не будет также проходить в молчании и заблуждении ума человеческого. По содержанию своему «Р.Э. Словарь» будет составлять необходимую книгу для всякого человека, считающего себя образованным, он должен удовлетворить и специалистов, только не в отрасли их специальности» [13, с.11]. Позиция гражданина и ученого-востоковеда особенно выразилась в разнообразных материалах и знаниях о Востоке, вошедших в энциклопедический словарь. По замыслу И.Н.Березина материалы об азиатских странах «будут тщательно обработаны русскими ориенталистами, которые, бесспорно, составляют лучших сотрудников в Европе для подобного издания». И.Н.Березин—автор разнообразных статей энциклопедии, посвященных мусульманскому Востоку. История энциклопедического дела в России XIX в. немыслима без столь авторитетного и ценного издания как «Русский энциклопедический словарь».

Скончался И.Н.Березин 22 марта 1896 г. Казанская газета «Волжский Вестник» в некрологе о смерти профессора Санкт-Петербургского университета писала: «В последние годы жизни в нем опять проснулся интерес к Востоку, и он приступил к разработке оставшихся у него материалов. Он мечтал издать сборник Тюркской антологии и довел до половины издание сравнительного словаря турецких и монгольских наречий» [8].

Захоронен И.Н. Березин на Новодевичьем кладбище Санкт-Петербурга. Стоит, видимо, обратить внимание и на тот важный факт, что труды И. Березина для его современников, работавших в области востоковедения и не только, явились долгожданними и очень необходимыми первоисточниками. Труды и научно-педагогическая деятельность И. Березина до сих пор остаются в центре внимания исследователей.

Список использованной литературы

1. *Бартольд В.В.* И.Н.Березин как историк//Сочинения. Т.1X. Работы по истории востоковедения. М., 1977. С.756;
2. *Бартольд В.В.* И.Н.Березин как историк//Сочинения. Т.1X. Работы по истории востоковедения. М., 1977.
3. *Березин И.Н.* Путешествия по Востоку. Т.1. Ч.1-2. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1850; Путешествие по Северной Персии. Т.2. Казань, 1852
4. *Березин И.Н.* Дополнение к тюркской грамматике. СПб., 1846; Его же. Грамматика персидского языка, составленная И.Березиным, проф. Казанского ун-та. Казань, 1853; Его же. Турецкая хрестоматия. Т. 1. Казань, 1857; Т. 2. Вып. 1. Казань, 1862; Т.3. Казань, 1876; Т. 2. Вып. 2. СПб., 1890.
5. Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. М., 1989.
6. Библиотека восточных историков. Шейбаниада. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте, с пер., прим. и прилож. изданная И. Березиным, проф. КУ. Т.1. Казань, 1849, С. XII.
7. *Венгеров С.А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых.Т.3. Вып. 22-30. СПб., 1891.
8. Волжский вестник. 1896. №79. 30 марта (11 апреля).
9. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1997.
10. Национальный архив Республики Татарстан. Ф.977. Оп. ИФФ. Д. 388.
11. Национальный архив РТ. Ф.977. Оп. Д. 2450. Об ученом путешествии магистров Березина И.Н., Диттеля В.Ф. по Европейской Турции, Малой Азии, Персии, Сирии, и Египту. (1841г.). 128 лл.
12. *Рашид ад-Дин* Сборник летописей. История монголов. Сочинение Рашид-Эддина. Введение/ Пер. с перс. И.Н.Березина. СПб., 1858; Сборник летописей. История монголов, Сочинение Рашид-Эддина. Введение: о

турецких и монгольских племенах. Персидский текст с предисловием и примечаниями И.Н.Березина // Труды Восточного отделения русского археологического общества. Ч. VII. СПб., 1861.

13. Русский энциклопедический словарь, издаваемый проф. СПб. Университета И.Н.Березиным. СПб., 1873-1879

14. *Самойлович А. И.Н.Березин, как турколог (1818-1919)*// Записки коллегии востоковедов. Т.1. Л., 1925.

15. *Свенске К.* Обзорение главнейших путешествий и географических открытий в десятилетие с 1838 по 1848 год.// Вестник императорского русского географического общества на 1851г. Ч.1. Кн. 1. Отд.3. СПб., 1851.

16. *Шофман А.С. Шамов Г.Ф.* Восточный разряд Казанского университета (краткий очерк)// Очерки по истории русского востоковедения. Сб.2. М. 1956. С. 429-439

***Valeev Ramil' Mirgasimovich**, doctor of historical sciences, professor the Kazanskiy (Privolzhskiy) federal university, Academy of sciences of Republic Tatarstan, Republic Tatarstan, Kazan', e-mail: valeev200655@mail.ru*

***Valeeva Rosa Zakariyevna**, candidate of historical sciences, associate professor, Kazanskiy institute of culture, Republic Tatarstan, Kazan'. e-mail: rozazv@mail.ru*

***Minikhanov of Fidail' Gimranovich**, candidate of historical sciences, associate professor, senior research worker. Institute of the Tatar encyclopaedia and regionovedeniya Academy of sciences of Republic Tatarstan, Kazan'. e-mail: fidail1956@mail.ru*

***Sakhavova Lily of Minnebaevna**, research worker Institute of the Tatar encyclopaedia and regionovedeniya Academy of sciences of Republic Tatarstan, Kazan'. e-mail: sahawowa.lili@yandex.ru*

PROFESSOR I. N. BEREZIN AND HIS CONTRIBUTION TO THE RUSSIAN ORIENTAL STUDIES (XIX century)

Abstract. The article is dedicated to one of Russia's most important representatives of scholarly Oriental studies in the 19th century. Various materials illustrate main stages and characteristic features of the academic and pedagogical activity and legacy of I.N.Berezin, professor of Turkic and Iranian studies.

Keywords: East, orientalism, history, legacy, elucidative activity, manuscript, tyurkolog, university

УДК 396

Балтаева Лола Батырбаевна

*ассистент кафедры татароведения и тюркологии Казанский
(Приволжский) федеральный университет, Республика
Татарстан, г. Казань, e-mail: baltaeva.lola@gmail.com*

ДОСТИЖЕНИЯ ЖЕНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ИЗМЕНЕНИИ ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ В РЕСПУБЛИКЕ ТУРЦИЯ В XX В.

Аннотация. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена тем, что эмансипация женщин в мусульманских странах и в странах, где ислам в течение многих веков был господствующей идеологией — проблема, имеющая большое научное и практическое значение в контексте сохраняющегося стереотипного видения положение женщины в мусульманском обществе. Цель статьи заключается в изучении трансформации положения турецкой женщины, изменение ее роли в результате социальных, административно-правовых, религиозных и культурных преобразований в Турецкой Республике в XX в. Ведущим подходом к исследованию данной проблемы является историко-сравнительный метод, позволяющий проследить развитие «женского

вопроса» в Турецкой Республике на основе деятельности обществ и организаций, принятии решений об изменении статуса женщины на законодательном уровне, а также на примере развития женского образования, решения проблемы трудоустройства женщин в Турции и их участия в политической жизни страны. В статье представлены результаты, свидетельствующие об укреплении позиций исламского феминизма, в рамках которого женщины, по своей воле оценив все плюсы и минусы свободы и безоговорочного равноправия с мужчинами, выбирают исламские ценности, несмотря на нарастающую секуляризованность общества. Материалы статьи могут быть полезны в исследованиях гендерных проблем исламских обществ, а также в современных общественных дискуссиях о месте женщины в светском государстве, в котором ислам продолжает занимать главенствующие позиции.

Ключевые слова: феминизм, исламский феминизм, ислам, женские общественные организации.

Процессы глобализации в современном мире интенсифицируют межкультурные взаимодействия, что неизбежно влечет за собой и участие в этих отношениях народов, исповедующих ислам. Результатом становится модернизация исламского общества, обязательным компонентом которой выступает пересмотр традиций, связанных с гендерными отношениями, и их демократизация. Любые трансформации в отношении ролей мужчины и женщины в большинстве случаев вызывают неприятие, острую реакцию как в обществе, так и на уровне отдельной семьи, и воспринимаются как посягательство на незыблемость традиций. Таким образом, процессы эмансипации и феминизации мусульманское общество воспринимает как нечто чуждое, непонятное, а потому опасное.

В ряду мусульманских стран Республика Турция является наиболее прогрессивной в отношении прав и свобод женщин: на сегодняшний день она уже накопила богатый опыт не только по конституционному закреплению за

женщиной равного с мужчиной правового статуса, но и по осуществлению административно-организационных мер, целью которых является обеспечение женщинам достойного места в семье, обществе и государстве.

Вместе с тем, в Турции, как и в большинстве государств с населением, преимущественно исповедующим ислам, продолжают ожесточенные дискуссии, в ходе которых позиция в отношении статуса, прав и обязанностей женщины чертит четкую границу между представителями светских и религиозных кругов.

Важно отметить, что в период советской власти почти все исследования образа мусульманки носили критический характер, описывая тяжелую жизнь женщины под жестоким религиозным гнетом. «Униженная», «оскорбленная», «бесправная», «несчастливая», «замученная», «обезличенная» — наиболее часто употребляющиеся эпитеты в адрес мусульманки в литературе первой половины XX в [1].

За 80–90-е гг. XX в. советские востоковеды опубликовали большое количество работ, посвященных анализу важной роли исламского фактора в социальных и политических процессах, протекающих на Востоке. Советские исследователи проявляли интерес и к положению женщин в мусульманском обществе. Результаты их трудов находили отражение в сборниках, посвященных исследованиям социально-экономической, политической и культурной жизни исламских государств. В опубликованных там статьях активно рассматривалась и роль женщин в этих сферах жизни общества, однако зачастую в угоду советской идеологии многие факты продолжали сообщаться в них в отрыве от исторического контекста и использовались в качестве основы для вульгарно-социологической критики. В XXI в. же в разных уголках бывшего Советского Союза специалисты-исламоведы приходят к объединяющей их точке зрения: в современном общественном сознании всё ещё доминирует искаженный образ «закрепощенной» мусульманской женщины.

Однозначно прослеживается интенсификация изучения темы роли женщины в мусульманском обществе, и в особенности все чаще прибегают к примерам на турецкой почве. Все это объясняется как достижениями Турецкой Республики внутри страны, так и ее активной интеграцией в международные отношения, таким образом, страна привлекает к себе все больше внимания, и интерес к жизни людей столь стремительно развивающегося государства является следствием этих процессов.

Успехи женских организаций, достигнутые на протяжении XX в., можно разделить на три группы:

1. Достижения в политико-правовой сфере.

Благодаря стараниям активисток и согласно принятому в 1926 г. Гражданскому кодексу женщина приобрела статус личности, женщинам предоставлялось равное с мужчинами право выступать в качестве свидетельниц в суде, а уже в 1930 г. конституционно было закреплено женское избирательное право, но им женщины могли воспользоваться пока что только на муниципальных выборах. В 1933 г. женщины получили право избирать и быть избранными в Совет сельских старейшин, а через год, в 1934 г., женщины добились права вхождения в Великое Национальное Собрание Турции (ТВММ).

В 1935 г. Союз турецких женщин принял в своих стенах первый съезд Всемирного союза женщин. В том же 1935 г. по результатам выборов депутатов пятого созыва в меджлис вошли 18 депутатов-женщин, в результате чего Союз турецких женщин принял решение о роспуске по причине достижения поставленных целей.

С 1986 г. Турция является участницей Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW Convention to Eliminate All Forms of Discrimination Against Women), принятой в 1979 г.

2. Достижения в области женского образования и трудоустройства.

В 1897 г. женщины, планомерно добивающиеся всё большей роли в общественной жизни, были впервые приняты на оплачиваемую работу, для

того, чтобы их допустили к государственной службе, понадобилось еще 16 лет. Спустя год после этого женщины добились вхождения в сферу торговли и ремесленничества.

12 сентября 1914 г. состоялось официальное открытие, своего рода, «Женского университета» («İnas Darülfünun»). Созданию женского университета предшествовала организация свободных лекций для женщин, открытых 7 февраля 1914 г. Эти лекции пользовались большой популярностью: в конференц-зале особняка имени Зейнеп ханым собиралось около 600–700 женщин. Лекции читались по таким дисциплинам как математика, космография, физика, история, этикет, гигиена, права женщин, физическое воспитание и др. Лекторами были виднейшие люди Турции: профессор медицины Бесим Омер Акалын, историк, знако́к права, писатель и поэт Ахмет Джевдет Паша, министр правосудия Махмут Эсат Бозкурт, писатель и политолог Исмаил Хаккы Балтаджыоглу и другие [6].

1 ноября 1914 г. в главном здании Стамбульского университета была открыта школа изящных искусств для женщин (İnas Sanayi-i Nefise Mektebi). В 1914 г. первые семь мусульманских женщин были взяты на работу в телефонную компанию [2], то есть были приняты на должность государственного служащего. В 1921 г. на медицинский факультет Стамбульского университета были приняты семь девушек, посещавших занятия в чаршафах.

Вместе с тем социальные условия, уровень сознания народа и политическая обстановка оставались прежними, и острота проблемы в вопросах отношения к женщине не сглаживалась. Никакие изменения в положении женщин невозможны, — утверждали «оппозиционные группы», состоявшие из противников эмансипации женщин — исламистов, туранистов и итиляфистов. Особенно рьяно отстаивали свои интересы исламисты, считавшие изменения в положении женщин отступлением от «законов Аллаха».

В начале XX в. республиканское правительство предприняло ряд важнейших мероприятий, результатом которых стала секуляризация государственного аппарата, что привело к резкому ограничению исламской религии в общественно-политической жизни страны. Конституция 1934 г. закрепила принципы светского характера государства [2].

Специальная фетва запрещала совместное обучение юношей и девушек, однако вопреки ей декан литературного факультета Стамбульского университета еще в 1921 г. издал приказ о совместном обучении [4].

В начале XXI в. Министерство национального образования предприняло попытки устранить из учебных материалов дискриминационные с гендерной точки зрения элементы, отражающие предрассудки в отношении мужчин и женщин, в целях создания свободной от условностей образовательной среды.

Благодаря предпринятым в этой области усилиям вместо обычного изображения женщин как представительниц традиционных для них профессий или играющих незначительную роль акцент был сделан на успешных женщинах, играющих активную роль в жизни общества, и на равном распределении рабочих обязанностей, а также родительских обязанностей в семье между мужчинами и женщинами. В учебниках для начальной школы турецкое понятие «*bilim adamı*», означающее «мужчина ученый», заменено нейтральным в гендерном отношении выражением «*bilim insanı*» (ученый); добавлены изображения женщин спортсменок, инженеров, научных работников. Кроме того, в учебниках для начальной школы приводятся изображения женщин, голосующих на избирательных участках, женщин-мэров или районных губернаторов [3].

Что касается занятости женщин, то несмотря на все преобразования XX в. и программы, направленные на внедрение их во все слои общества, к началу XXI в. доли женщин и мужчин в составе рабочей силы оставались несоизмеримыми друг с другом, они значительно различаются и по сей день, что наглядно демонстрирует нижеприведенная таблица.

Таблица 1.

Доля работающих (в возрасте 15 лет и старше) в разбивке по полу в городских и сельских районах (в процентах) [10].

Городское население		
	2000 г.	2006 г.
Мужчины	70,9	70,8
Женщины	17,2	19,9
Сельское население		
Мужчины	77,9	72,7
Женщины	40,2	33,0

Низкие показатели занятости в основном обусловлены крайне низкой долей женщин, особенно городских, в составе рабочей силы. Наиболее значимая причина данного явления — это миграция населения из сельской местности в города. Численность сельского населения в Турции постепенно сокращается, а население и экономический потенциал городов возрастают.

В Турции, где в настоящее время происходит урбанизация общества, женщины, ранее работавшие в сельской местности, главным образом бесплатно в семейных хозяйствах, не могут найти себе место на городском рынке труда даже при наличии у них одинакового с мужчинами уровня квалификации и образования. К основным причинам этого относятся отсутствие у женщин требуемых на городском рынке труда специальностей и квалификации, выполнение ими семейных обязанностей, а также ограничения семейного и социального характера.

Таблица 2.

Доля работающих (в возрасте 15 лет и старше) в зависимости от уровня образования (в процентах) в 2000 г. [10]

Мужчины	%
Неграмотные	56,7

Образование ниже среднего	74,9
Среднее образование и эквивалентное профессионально-техническое образование	70,8
Образование на уровне колледжей и университетов	83,2
Женщины	%
Неграмотные	25,2
Образование ниже среднего	23,0
Среднее образование и эквивалентное профессионально-техническое образование	31,8
Образование на уровне колледжей и университетов	70,1

Как следует из таблицы, существенную роль в привлечении женщин на рынок труда играет высшее образование. Несмотря на то, что женщины — выпускницы университетов, проживающие в городах, составляют незначительную долю городского женского населения, их доля в составе рабочей силы гораздо выше, чем у женщин, закончивших начальную школу, которые представляют почти половину городского женского населения (70% и 13%, соответственно). Отмечается, что замужество отрицательно сказывается на занятости женщин, особенно женщин с более низким уровнем образования. Незамужние городские женщины обладают более высокими характеристиками занятости по сравнению с замужними женщинами.

Например, доля незамужних городских женщин в рабочей силе составляла в 2006 году 35%, а соответствующая доля замужних женщин — 15% [3].

Такая ситуация противоречит праву на свободный выбор профессии или рода работы; кроме того, Гражданский кодекс устанавливает, что «супруги не обязаны получать друг у друга разрешение при выборе профессии и рода занятий» [9].

3. Достижения в области семейно-брачных отношений.

Женские организации требовали отмены изоляции женщины от общества, предоставления ей возможности получать образование, запретить многоженство, выдачу замуж малолетних девочек, ввести гражданский брачный кодекс, отменить унижающий достоинство женщины при разводе «талак» (исключительное право мужчины осуществлять односторонний развод путем троекратного произнесения формулы развода), как символ неограниченной власти мужчины над женщиной. Однако эти требования женских организаций были отвергнуты комиссией по религиозным делам турецкого правительства под предлогом того, что мусульманские законы, обязывающие иметь согласие невесты на брак, дающие женщине право на развод и отменяющие или ограничивающие полигамию, то есть все те предписания ислама, которые были призваны сохранять баланс в гендерных ролях, имеют чисто «символическое» значение. Было между тем сделано несколько уступок, например, при рассмотрении вопросов полигамии. Разрешение на второй брак давалось теперь лишь тогда, когда суд получал доказательства его допустимости, опять же оговоренные шариатом [7].

В 1917 г. Указ о семейном праве (Hukuk-u Aile Kararnamesi) ввел брак в законную сферу, предоставил женщинам право на развод и условием для многоженства сделал разрешение первой жены. Все эти преобразования в жизни в большинстве случаев не имели фактической силы, однако сам факт их принятия означал значительный шаг вперед.

В 1926 г. был принят новый гражданский кодекс, который должен был на практике реализовать провозглашенную Ататюрком идею равенства мужчин и женщин. Опиравшийся на положения гражданского кодекса закон о брачно-семейных отношениях запретил многоженство, ввел вместо религиозного гражданский брак, утвердил равные права на воспитание детей отца и матери и равноправие супругов в вопросах наследства. Заметно меньше стало ранних браков: новый закон устанавливал минимальный брачный возраст 19 лет для мужчин и 16 лет для женщин [5].

В Турецкой конституции 1934 г. провозглашались принципы равноправия женщин и мужчин. Материнство признавалось социальной функцией. Государство брало на себя охрану семьи, создание социальных учреждений, призванных охранять материнство и младенчество [7].

Парадокс в положении большинства турецких женщин заключался в том, что, хотя по закону перед ними и были открыты все возможности, на деле их жизнь не ощущала на себе серьезных перемен. Вследствие традиционной установки в отношении женщин наниматели противились назначению женщин на более высокие посты, им не предоставляли возможности повышения квалификации, большинство женщин не имели шанса получить работу вне рамок традиционных женских профессий. Права женщин попирались не только при устройстве на работу, но и при получении ими вознаграждения за труд. Международная конвенция 1951 г. о равной оплате за равный труд не оказала влияния на изменение статуса работающей женщины. Самая большая категория работающих женщин была занята в сельскохозяйственной отрасли, где уровень их эксплуатации был особенно велик.

На основе проделанной работы можно сделать вывод, что все проводившиеся кемалистами реформы, ограничивались в основном теми или иными сторонами общественного быта, не затрагивая основу общественных отношений, особенно в сельской местности, где большинство женщин не только не знали, но и никогда не слышали о правах, которыми наделил их гражданский кодекс, потому что свыше 70% женского населения оставалось неграмотным.

Активная работа по обеспечению женщин реальными правами и возможностями не теряет своей актуальности и сегодня. Турция, являясь участником Конвенции о ликвидации дискриминации в отношении женщин (с 1986 г.) принимает все соответствующие меры, касающиеся брака и семейных отношений на основе равенства мужчин и женщин. В этой связи в

2002 г. в силу вступил новый Гражданский кодекс, согласно которому, законодательно обеспечены:

- а) одинаковые права на вступление в брак;
- б) одинаковые права на свободный выбор супруга и на вступление в брак только со своего свободного и полного согласия;
- в) одинаковые права и обязанности в период брака и при его расторжении;
- г) одинаковые права и обязанности мужчин и женщин как родителей, независимо от их семейного положения, в вопросах, касающихся их детей;
- д) одинаковые права свободно и ответственно решать вопрос о числе детей и промежутках между их рожденьями и иметь доступ к информации, образованию, а также средствам, которые позволяют им осуществлять это право;
- е) одинаковые права и обязанности быть опекунами, попечителями, доверителями и усыновителями детей или осуществлять аналогичные функции, когда они предусмотрены национальным законодательством;
- ж) равные личные права мужа и жены, в том числе право выбора фамилии, профессии и занятия;
- з) равные права супругов в отношении владения, приобретения, управления, пользования и распоряжения имуществом.

Согласно действующему Гражданскому кодексу Турции, официальная регистрация брака является обязательной, те, кто заключает брак путем религиозной церемонии без выполнения юридической процедуры заключения брака, подлежат уголовному преследованию.

Интересным является тот факт, что до 1996 г. измена признавалась правонарушением. В 1996 г. Конституционный суд внес поправку в 441 статью Уголовного кодекса, с этого момента измена выходила из сферы уголовной ответственности. Аналогичной поправки в отношении женщин активистки смогли добиться спустя два года, в 1998 г.

Среди мусульманских стран и стран с преобладающим мусульманским населением Турция на сегодняшний день является едва ли не самой прогрессивной в преодолении гендерного неравенства, и заслуга в этом во многом принадлежит женским общественным организациям, функционировавшим в последние десятилетия Османской империи и первые десятилетия республиканской Турции. Выдающиеся женщины своего времени вопреки мужской гегемонии во всех сферах общества, несмотря на непонимание и отсутствие поддержки их идей со стороны большинства даже женского населения брали на себя решение насущных проблем и добивались успеха. Своим примером они поднимали на борьбу всё больше женщин, недовольных своим положением в семье и обществе. После того, как ключевые задачи, поставленные женскими организациями, были решены, активность феминистического движения пошла на спад. Сегодня законодательно турецкая женщина защищена от любых притеснений и проявлений дискриминации по половому признаку, она обладает правами, не уступающими тем, какими обладают женщины Европы, и в связи с этим вся активность женских организаций на сегодняшний день связана с тем, чтобы донести информацию об этих правах женщинам сельских регионов, городских трущоб, женщинам, не получившим по каким-то причинам образования.

Список использованной литературы

1. *Вента Р.* Эволюция образа мусульманки в исследованиях XX–XXI вв. // Журнал «Женщина в российском обществе». № 1, 2012.
2. Ислам и женщина Востока: История и современность. / *М. М. Хайруллаев* [и др.]; отв. ред. Ф. С. Салимова. – Ташкент: АН УзССР, Ин-т востоковедения им. Абу Райхана Беруни, 1990.
3. Рассмотрение докладов, представленных государствами-участниками в соответствии со статьей 18 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: Шестые периодические доклады

государств участников: Турция, 24 ноября 2008, CEDAW/C/TUR/6. – Анкара, 2008. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.refworld.org.ru/docid/49a7e80a2.html>

4. *Рустамов Ю. И.* Ислам и общественная мысль современной Турции. – Баку: АН АзССР, Ин-т философии и права, 1980.

5. *Abadan-Unat N.* Toplumsal değişme ve Türk kadını (1926–1976). //Türk Sosyal Bilimciler Derneği Kadın Araştırması Serisi. – Ankara: Çağ Matbaası, 1979.

6. *Arslan A., Akpınar Ö.* İnas Darülfünunu (1914–1921). // Osmanlı Bilimi Araştırmaları VI/2, 2005.

7. Kadınların sesi, № 4. – İstanbul: Karaca Ofset, 1974.

8. *Khadduri M.* Marriage in Islamic law: The modernist viewpoints. // The American Journal of Comparative Law; vol. 26, N 2.

9. Türk Medenî Kanunu. Kanun No. 4721; Kabul Tarihi: 22.11.2001.

10. Türkiye istatistik kurumu TÜİK [Электронный ресурс] // URL: <http://www.turkstat.gov.tr/>

Lola B. Baltaeva

*Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia Correspondence:
Lola Batyrbaevna Baltaeva, Kazan (Volga Region) Federal University E-mail: baltaeva.lola@gmail.com*

THE TRANSFORMATION OF THE POSITION OF A WOMAN IN THE REPUBLIC OF TURKEY IN THE TWENTIETH CENTURY

Abstract. The problem under investigation concerning the emancipation of women in Muslim countries and in the countries where Islam has been a dominant ideology is of great scientific and practical importance in the context of the existing stereotypical vision on the status of women in Muslim society. The purpose of the article is to study the transformation of the position of Turkish women, the change of their role as a result of social, administrative, legal, religious

and cultural transformations in the Republic of Turkey in the twentieth century. The leading approach to the study of this problem is a historical-comparative method allowing to trace the development of "women's issue" in the Republic of Turkey on the basis of the activities of the companies and organizations, the decisions allowing to change the status of women at the legislative level, as well as to solve the problems concerning women's education, employment and their participation in political life. The article presents the results showing the strengthening of the position of Islamic feminism in which women having estimated all pros and cons of freedom and equality with men, choose Islamic values, despite the growing "sekulyarizovannost" of the society. The submissions of the article may be useful in the research of gender problems of Islamic societies, as well as in contemporary public debates about the place of women in a secular state in which Islam takes the leading positions.

Keywords: feminism, Islamic feminism, Islam, women's social organizations

УДК 94(560)(05)=512.145

Гатина-Шафикова Дина

Фасыховна

Научный сотрудник отдела этнологии

Институт истории Академии наук Республики Татарстан им. Ш.

Марджани, Казань, Республика Татарстан

e-mail: golocen@yandex.ru

Шафиков Ильдар Фаритович

Ассистент кафедры татароведения и тюркологии Казанский

(Приволжский) федеральный университет, Казань,

Республика Татарстан e-mail: nur_ad_din@mail.ru

**ОСМАНЫ И ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ НА СТРАНИЦАХ
ТАТАРСКОЙ ПЕРИОДИКИ
(НА МАТЕРИАЛАХ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХ ЖУРНАЛОВ)**

Аннотация. Становление и развитие татарской периодической печати, повлекло за собой появление смеховой прозы, в частности, основанной на изобразительных материалах. Использование выразительных средств рисунка на страницах периодической печати выражалось в массе карикатур на политические, культурные и социальные явления.

Османская Турция, вызывала живейший интерес в среде мусульман Волго-Уралья, поэтому в иллюстрированных журналах часто обращались к таким актуальным темам как внешние и внутривосточные события империи.

Облик турка или антропонифицированной Турции всегда узнаваем, состоит из: фески, башмаков с заостренными носами, широких штанов и жилетки. В ряде сатирических картин Османская империя изображена дряхлым стариком, над которым издеваются остальные страны. Турки, часто показывались с ярко выраженной отрицательной коннотацией, к примеру, в картинах о внутренней политике и состоянии империи, а также в вопросах просвещения и положения женщин (в виде «чертей», «лодырей», «глупцов» и т.п.).

Предметом исследования стали образы османов и османской империи в политическом, религиозном и общекультурном контекстах. Источниковая база исследования основана на журналах “Яшен” (Гроза, 1908-1910) и “Ялт-Йолт” (Сверкание, 1910-1917), издававшиеся в Казани два раза в месяц. В каждом номере публиковалось примерно по пять карикатур (включая обложку).

Ключевые слова: османы, Турция, татары, периодические издания, изображения.

В начале XX века Турция играла заметную роль в жизни Российских мусульман. Многие представители светской и религиозной интеллигенции

получали образование в пределах Османской империи, ежегодно тысячи паломников отправлялись в хадж через порты Черного моря.

Османская империя и ее жители не раз становились героями сатирических изображений на страницах юмористических журналов. Иногда они заимствованы из других изданий (в основном русскоязычных), но чаще оригинальные.

Исходя из контекстов, все изображения можно объединить в 3 группы:

- 1) Турция в контексте мировой политики
- 2) Внутреннее состояние Османской империи
- 3) Межкультурное и межэтническое взаимодействие (турки-татары)

Турция в контексте мировой политики Изображения первой группы антропонифицируют Турцию в сатирическом ключе.

В 1908 году остров Крит фактически перешел под контроль Греции, 10 номер “Яшен” откликнулся изображением Турции в виде старика в водеобнаженного по пояс, и непокрытой головой, смотрящего, как мужчина в военной форме, закрученными усами, уносит его одежду. “Ничего кроме фески уже не осталось” – сокрушается старик-Турция. Тем самым показывая беспомощность и немощность страны³⁷.

Той же проблеме посвящена карикатура, вышедшая в журнале “Ялт-Йолт” в 1910 году. На обложке номера 8 изображены грек и турок (в специфической, т.е. легко узнаваемой одежде, присущей описываемым народам, а именно – головных уборах и обуви) качающиеся на качелях, опорой которым служит остров Крит. Грек, находящийся сверху, говорит: “Несмотря не на что, я сверху пока”³⁸.

В том же журнале, восстание албанцев против Османской империи в 1910 году, изобразили в виде цепного пса нападающего на прохожего-турка

---

³⁷Яшен. – 1908. – № 10. – Б.4.

³⁸Ялт-Йолт. – 1910. – №8. (обложка)

(хозяина?), подстрекаемый Австрией, в лице военного находящегося чуть в стороне, но внимательно наблюдающий за происходящим³⁹.

Австрия вообще занимает особое место среди этих карикатур. Так, например, в следующем изображении, показана компания мужчин (в характерной и узнаваемой для современника одежде) за столом, где в центре Австрия сталкивает носами Румынию и Турцию над договором, вынуждая его подписать. Турция с обречённым выражением лица и обвислыми усами, вооружена саблей в коротком кафтане и в феске⁴⁰.

Изображением для обложки журнала “Ялт-Йолт”²⁹ номера от 1911 служит младотурок в европейской одежде, лишь покрывший голову феской испуганно прижавшийся к стене от направленной в его сторону шпаги⁴¹.

С 1882 Египет фактически контролировался Англией, однако юридически это произошло только в XX веке. На одном из изображений 1912 года, Англия в виде полного господина, пытается отобрать перчатку с надписью “Египет” у Турции, которая улыбаясь, сидит на заборе. Подпись гласит: “Дружба Турции и Англии”⁴².

В номере 40 журнала Ялт-Йолт 1912 года, Италия вооруженная ножами нападает на Турцию, тогда как Турция, держа руки в кармане, предлагает решить вопрос полюбовно, т.к. “не осталось ни копейки на войну”⁴³.

Несколько позже, в том же журнале, Европа, в виде высоко мужчины в мундире давала подобный «дружеский» совет относительно Македонии, предлагая дать последней автономию⁴⁴.

Немного отличается образ Турции накануне I мировой войны. В номере 73 журнала Ялт-Йолт 1914 года, представлена сгорбленным седобородым

---

³⁹ Ялт-Йолт. – 1910. – № 6. – Б.12.

⁴⁰ Ялт-Йолт. – 1910. – №10. – Б.12.

⁴¹ Ялт-Йолт. – 1911. – №29. (обложка)

⁴² Ялт-Йолт. – 1912. – №33. – Б.9.

⁴³ Ялт-Йолт. – 1912. – №40. – Б.8.

⁴⁴ Ялт-Йолт. – 1912. – №43. (обложка)

старцем, держащим на плечах вооружение, а поверх всего сидит Англия пожимающая руку Германии, сидящей поверх Балкан⁴⁵.

Османская империя вызывала живой интерес среди читателей мусульман Волго-Уралья, а в контексте мировой политики воспринималась, с позиции потерпевшего: “олуха” или “растяпы”, тогда как остальные страны представляли грабителями, ворами, мошенниками, действующими с позиции силы. То есть, прежде всего, как и сами авторы карикатур, так и обыватели относились с сочувствием к положению на мировой арене “братского народа”, что ярко отражается в самих работах, не смотря на сатирическую форму воспроизведения.

Внутреннее состояние Османской империи.

В 1908 году “Яшен”, опубликовал турецкую карикатуру на Османскую Турцию после младотурецкой революции. Где Турция представлена коровой с надписью по центру “Ватан” (Родина), а компания из младотурков припала к ее вымени, высасывая все соки⁴⁶.

Вызывали интерес у авторов “Ялт-Йолт” и внутренние политические процессы, так в 10 номере 1910 года, был изображен младотурок покрывающий людей нафталином и старыми лозунгами написанными чуть ниже, в частности ограничения шариата⁴⁷.

В 21 номере 1911 года журнала “Ялт-Юлт”, высмеивался редактор газеты “ТасвирЭфкар” (видимо речь о Мехмете Тефик бее издававшем газету с 1910 года) изображенный с гипертрофированно длинным носом⁴⁸.

Таким образом, в форме карикатуры авторы отображали и внутриусобные распри раздирающие страну изнутри. Художники метко отмечали и высмеивали особенности поведения младотурков, а также недобросовестность вышестоящих чинов. Как видно в большинстве своем младотурки визуально ассоциировались с вестернизацией, европейской

---

⁴⁵ Ялт-Йолт. – 1914. – №73. (обложка)

⁴⁶ Яшен. – 1908. – №3. – Б. 4. ⁴⁷ Ялт-

Йолт. – 1910. – №10. – Б.13. ⁴⁸ Ялт-

Йолт. – 1911. – №21. (обложка)

одеждой (олицетворяющей отходничество от традиций), тогда как Турция в целом чаще выглядела в рамках традиционного костюма.

Межкультурное и межэтническое взаимодействие В 1910 году “Ялт-Йолт” опубликовал два изображения о приезде Хильми-Паши в Казань (15, 16, 17 апреля), на первом – толпа из “больших людей” пытающихся пройти в номера к Паше. Вторая карикатура – уже отражает безрезультатность и беспомощность толпы, которой остается лишь смотреть в след отъезжающему Паше от медресе, который проигнорировал, поданную ему записку⁴⁹. В отличие от предыдущих работ, данные исполнены уже в реалистичной манере, не отсылая читателя к аллегориям и метафорам: показан грозного вида чиновник в европейской одежде и феске.

Изображение османов присутствует и на развороте посвященном двойным стандартам в Европе, поощряющим пангерманизм и панславизм (в лице обнимающихся грека, русского и немца, а за их спинами стоящие храмы) и запрещающим панисламизм и пантюркизм, где изображение обнимающихся мусульман и стоящие за ними мечети перечеркнуто не один раз⁵⁰.

В номере 69 1914 года опубликована карикатура, изображающая татарских женщин “высшего света”, забывших о канонах ислама, и позволяющих себе лишь декоративные головные уборы, не покрывающих их головы и европейского кроя платья. К тому же ведущих светский образ жизни. В левой части, показаны уже турчанки в хиджабах, скрытые в стенах дома – “Дар саадат” (дом счастья, иносказательное название гарема). А турок в виде черта в феске поливает грязью татарок, называя их аморальными кафирами, при этом, не забывая помахивать веником и в сторону турчанок. Другой же персонаж, младотурок в феске, в светском костюме и узких брюках, направляется к дому⁵¹. Четвертая фигура, в нижнем правом углу, находясь по пояс в воде с ружьем целиться в молодого франта. То есть в

---

⁴⁹ Ялт-Йолт. – 1910. – №4. – Б.12.

⁵⁰ Ялт-Йолт. – 1910. – №7. – Б.4-5.

⁵¹ Ялт-Йолт. – 1914. – № 69. – Б. 8.

одной юмористичной картине, автор раскрыл ряд общественных проблем. Так Турция стала лишь прообразом и примером того, что непосредственно волновало и татарское общество того времени.

Безусловно, турки воспринимались читателями журналов как дружественный народ, как часть единого культурного пространства, единого по вере и языку. Поэтому, тема межкультурного взаимодействия поднималась не единожды на страницах журналов. К тому же эмансипация, и последующие изменения культурных ценностей приводили к невольному сравнению между народами и их традициями.

Таким образом, касаясь самого изобразительного ряда, необходимо учитывать, что данные изображения, несут в себе, безусловно, смысловую нагрузку, нежели художественную. Схематичность рисунка, где авторы скорее выхватывают определённые детали одежды, дают читателю возможность с первой секунды узнать изображенного. Например, общим знаменателем всех карикатур, а так же архетипическим элементом восприятия турецкой идентичности в начале XX века, стала – феска (олицетворяющая идентичность турецкого народа).

Тема Османской империи, выбранная для отображения в журналах, татарскому читателю была настолько интересной и волнительной, что позволяла не только сухо описывать в журнальных статьях политические, культурные и социальные явления страны, но и, используя юмористический рисунок, давать эмоциональный окрас происходящим событиям.

Список использованной литературы

1. Ялт-Йолт. – 1910. – № 10. – Б.12.
2. Ялт-Йолт. – 1910. – № 10. – Б. 13.
3. Ялт-Йолт. – 1910. – № 4. – Б. 12.
4. Ялт-Йолт. – 1910. – № 6. – Б.12.
5. Ялт-Йолт. – 1910. – № 7.– Б. 4-5.

6. Ялт-Йолт. – 1910. – № 8. (обложка)
7. Ялт-Йолт. – 1911. – № 21. (обложка)
8. Ялт-Йолт. – 1911. – № 29. (обложка)
9. Ялт-Йолт. – 1912. – № 33. – Б.9.
10. Ялт-Йолт. – 1912. – № 40. – Б.8.
11. Ялт-Йолт. – 1912. – № 43. (обложка)
12. Ялт-Йолт. – 1914. – № 69. – Б. 8.
13. Ялт-Йолт. – 1914. – № 73. (обложка)
14. Яшен. – 1908. – № 10. – Б.4.
15. Яшен. – 1908. – № 3. – Б. 4.

Dina Gatina-Shafikova

A research assistant of ethnology department Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, the republic of Tatarstan e-mail: golocen@yandex.ru

IldarShafikov

A research assistant of department of Tatar and Turkic studies Kazan Federal University, Kazan, the republic of Tatarstan e-mail: nur_ad_din@mail.ru

**OTTOMANS AND THE OTTOMAN EMPIRE ON THE PAGES OF
TATAR PERIODICALS (BASED ON THE MATERIALS OF
ILLUSTRATED MAGAZINES)**

Abstract. The formation and development of the Tatar periodical press led to the appearance of “laughter” prose, particularly based on graphic materials. The usage of the expressive means of pictures on the pages of the periodical press was

expressed by a huge amount of caricatures of different political, cultural and social events.

The Ottoman Turkey aroused keen interest among the Muslims of the Volga-Ural region. That is why you could often find depictions of the important foreign and internal events of the Empire in illustrated magazines.

The image of a Turk or personified Turkey could be easily recognized: it consisted of a fez, pointed shoes, wide trousers and a waistcoat. In a range of satirical pictures the Ottoman Empire was depicted as a decrepit old man who was mocked by other countries. Turks were often portrayed with vivid negative connotation (as “devils”, “idlers”, “fools” etc,) for example in the pictures showing the inner policy and the state of the Empire, and also the enlightenment of women and their status.

The images of the ottomans and the Ottoman Empire in the political, religious and cultural contexts are the object of this study. The source base was built upon two magazines printed twice a month in Kazan: “Yeshen” (Thunderstorm, 1908-1910) and “Yalt-Yolt” (Sparkling, 1910-1917). There were about five caricatures published (including the cover) in each issue.

Key words: ottomans, Turkey, tatars, periodicals, pictures

УДК 39 (=512.145):929

Гайнутдинов Дамир Минирович

соискатель на ученую степень кандидата исторических наук,

Общеобразовательная школа № 30, г. Казань

Email: damirgayn@yandex.ru

Н.И. ИЛЬМИНСКИЙ. ПЕРВЫЕ “ПОГРУЖЕНИЯ” В ТАТАРСКУЮ СРЕДУ: ЦЕЛИ И РЕЗУЛЬТАТЫ.

Аннотация. Статья посвящена первым конкретным шагам предпринятым Николаем Ивановичем Ильминским в изучении татар Среднего Поволжья в середине XIX века. Рассматривается процесс развития этнографических исследований татар в Российской империи и роль миссионеров в этом деле. Детально рассматриваются экспедиции Н. Ильминского в татарские деревни в 1840-х – 1850-х гг. с выявлением в них элементов этнографических исследований и анализируются их значение для этнографической науки.

Ключевые слова: Николай Иванович Ильминский, народы Среднего Поволжья, татары, этнографическое изучение татар, миссионеры.

Кризис миссионерства в первой половине XIX века явно выявивший несостоятельность прежних методов христианизации, привел к необходимости изучения татарского языка. Однако преподавание языка в Казанской духовной академии (далее – КазДА) оставляло желать лучшего. Преподаватели часто были перегружены дополнительными ненужными обязанностями, сами языковые курсы носили чисто филологический характер и практически не содержали материалов о религии и культуре татар.

Примерно с 1847 года преподаватели КазДА начинают вносить различные предложения по улучшению преподавания миссионерских предметов. Ильминский, начав свою преподавательскую деятельность в КазДА, в 1847 г. продолжил по несколько часов в неделю брать частные занятия у Казем-Бека, он старался преимущественно ознакомиться с внутренней жизнью мусульман, их вероучением, практикой и обычаями. С этой целью Ильминский уделял внимание, прежде всего, арабскому языку и различным произведениям мусульманского теологического содержания. Однако, как уже отмечалось ранее, он не удовлетворился одной лишь книжной подготовкой и поставил себе цель изучить живой татарский язык и освоить религиозную жизнь татар, находясь непосредственно среди них. В

марте 1847 г. он снял квартиру и переселился в Татарскую слободу, где стал посещать находившуюся неподалеку медресе муллы Мухаммедкарима⁵².

В медресе Ильминского сначала встретили с недоверием, однако вскоре он вызвал интерес у шакирдов своими познаниями в грамматической терминологии арабского языка, что в то время крайне ценилось у татар.

Вскоре между ними он прослыл ученым человеком и потом своим приятным характером и любезной общительностью вовсе расположил их к себе.

Благодаря хорошей репутации, которую он приобрел в медресе Мухаммедкарима, ему вскоре открылись двери медресе муллы Баймурада⁵³, еще более знаменитого в то время казанского ученого.

Желая воспользоваться представившейся возможностью, однако не найдя квартир в Ново-Татарской слободе, где находилось медресе, он с разрешения муллы поселился в самом медресе, в маленьком чердаке под крышей школы. Около двух месяцев (май-июнь 1847 г.) он прожил там, несмотря на все неудобства, занимался вместе с шакирдами и в тоже время продолжал свои занятия с Казем-Бекем и по академической службе. В конце июня Ильминскому представился удобный случай и один татарский купец пригласил его жить к себе домой в качестве учителя русского языка своего сына. И тут для Ильминского открылось новое поле для изучения – домашний и семейный быт татар. Позже, отказавшись от казенной академической квартиры, он почти год снимал маленькую тесную квартиру в

---

⁵²Мухаммедкарим бин Мухаммедрахим бин Гаид (ум. 1865 в г. Стамбуле) – скончался в 60 летнем возрасте, похоронен в некрополе Абу Аюба аль-Ансари. Один из знаменитых мударрисов, известных среди мусульман г. Казани и России. Будучи родом из деревни Таканыш, получил первоначальное образование на родине. Затем поехал в Бухару, где обучался у местных ученых. Вернувшись на родину был назначен имамом второй мечети города Казани (ныне более известная как Апанаевская мечеть). Имел большое количество учеников и множество будущих имамов закончили его медресе. В 1851 году, поехав в Хиджаз, совершил хадж. В 1861 году, совершив хадж вторично, на обратном пути заехал в Стамбул, где и остался жить. Существует мнение, что он тесно общался с шейхом Зыяэдином ал-Гумушханеви. [7, с. 105-106, 262-263.]

⁵³Баймурад бин Мухаррам – был имамом и мударрисом шестой соборной мечети г. Казани, скончался в августе 1849 г. в 63-летнем возрасте. Это был один из редчайших людей, сосредоточивший в себе такие качества, как образованность и эрудиция, мудрость и богатство. Кроме того что он был имамом, имел большую торговлю, даже собственные заводы, производимые вещи продавались на крупнейших рынках, держал множество торговых представителей. Маржани о Баймураде бин Мухарраме оставил следующую информацию: “После учебы в Бухаре в конце 1228 г. (1813 г.) вернулся к себе на родину и стал имам-хатыйбом и мударрисом в деревне Мумса Казанского уезда; после чего в конце 1254 г. (1839 г.) переехал в Казань; в обоих местах держал большие медресе и собрал множество шакирдов, был силен в преподавании и образованности”. [7, с. 43-45, 201-202.]

Татарской слободе, лишь для того чтобы лучше изучить татарский язык, их быт и образ жизни [3, с. 336-337]. Таким образом, благодаря своим усердным стараниям и самоотверженности Ильминский одним из первых среди миссионеров стал знатоком татарского народа, их быта и живого разговорного языка татар.⁵⁴

Ильминский в конце 1848 г. для этого проекта экзаменовал вольных и невольных кандидатов на эту должность. Но вскоре архиепископ Григорий отказался от этого проекта, из-за трудностей в осуществлении.

Именно архиепископ Григорий (Постников) возглавивший казанскую кафедру в 1848 г. обратил внимание на изучение татарского языка в академии и решил обратиться к ней за поиском решения проблемы отпадений среди татар. Он заметил знания Н. Ильминского о татарах, приблизил его к себе и стал часто с ним консультироваться и спрашивать его соображения в данном вопросе. Желая ознакомиться с реальным положением дел архиепископ Григорий пришел к идее направить Ильминского в негласную командировку по татарским селам для сбора необходимых сведений о религиозном положении крещеных татар, что отвечало и собственным интересам Ильминского, так как для него это было новым полем в исследования татар [3, с. 349]. Таким образом, осуществилась первая экспедиция Ильминского для изучения татарских селений, которая заложила будущие проекты ученого по татарам и другим нерусским народам Волго-Уральского региона.

К этому времени ни церковь, ни имперские чиновники не обладали практической информацией о крещеных татар. Поездка показала, что собирать данные для миссионерских интересов было крайне сложно. Татары-мусульмане, а особенно так называемые “крещеные татары” встречали его с недоверием, так как из-за реакции имперских властей на отпадения относились ко всем русским с настороженностью, смотрели на него (не без оснований) как на тайного сыщика и шпиона. Все приходилось узнавать

---

⁵⁴ В последующем были известны и другие примеры жительства студентов КазДа в татарской слободе. Так, например, студенты Ф. Кудеевский и А. Кибардин, желая улучшить свои знания татарского и познакомиться с жизнью татар, несколько месяцев жили в квартире у Биктемира Юсупова в татарской слободе. [7, с. 417.]

разными хитростями и завуалированными вопросами в мимоходных беседах. Дневник своего путешествия, во избежание подозрительных глаз и конспирации он вел на татарском языке немецким скорописным шрифтом [см.: 6, 35-84]. На постоянные вопросы татар о том, что он все время пишет, Н. Ильминский отвечал, что записывает незнакомые татарские слова, чтобы лучше овладеть татарским языком. В татарском халате, с болтавшимися за поясом записной книжкой и огрызком карандаша, то на подводе, то на возу с репой, то пешком, он прошел длинный ряд татарский селений Мамадышского, Лаишевского и Чистопольского уездов, затем переправился в Спасский уезд, но из-за распространения холеры вернулся в Чистополь, а оттуда в Казань [3, с. 350-351]. По времени первая поездка у Н. Ильминского заняла август-сентябрь 1848 г. Через год была организована вторая поездка в Закамский край по Спасскому и Чистопольскому уездам и заняла июнь-август 1849 г.

Ильминский на основе собранных материалов из поездок в мусульманские татарские и кряшенские деревни в 1848-1849 гг. выявил и систематизировал особенности крещеных татар, роль и степень распространения христианской веры среди них. Он смог увидеть степень религиозного влияния и со стороны мусульман, и со стороны православного духовенства. Отдельное особое внимание Ильминский уделил татарам-мусульманам, роли ислама в их жизни, образовательной системе и уровню образования у мусульман. В частности, говоря о реальном положении дел в посещенных им уездах, Н. Ильминский отмечал: “В настоящее время отношение татар Казанской епархии к христианской церкви неутешительно. Татары некрещеные весьма не расположены к принятию христианской веры, крепко упорствуют в своем легковерии, а крещеные почти все только по виду держат христианство, без всякого усердия к Святой Церкви и к ее священнодеятелям; значительная же часть последних, живущих в Чистопольском и Спасском уездах, как показывают дела консистории, открыто отпала от христианской веры в магометанство и сильно упорствует в

своем отступничестве, несмотря на употребляемые против сего меры”[6, с. 84]. Всю совокупность полученных данных в 1849 г. он использовал для разработки своего проекта миссии среди татар.

В этом проекте первоначальной задачей указывалось возвращение отпавших крещеных татар обратно в лоно православной церкви и недопущение новых отпадений, следующей задачей было миссионерство среди татар-мусульман[см.: 6, с. 84-101]. Одним из важных условий для выполнения этих задач Ильминский указывал на создание специализированных квалифицированных кадров, что требовало реформирование образования и создание особого миссионерского направления в КазДА.

Другой причиной столь старательного изучения Н. Ильминским языка татар было его участие в комиссии по переводу на татарский язык священных и богослужебных книг, созданной в 1847 г. при КазДА.

В 1851 г. Святейший Синод направил его в командировку на 2,5 года в страны Ближнего Востока и Африки и Малую Азию с целью изучения турецкого, совершенствования арабского языка и своих познаний в исламской теологии, знакомства с древними памятниками и современной жизнью в мусульманских странах.⁵⁵ Н. Ильминский вернулся в Казань в 1854 г., и на следующий год с его участием были изданы литургии и Часослов на литературном татарском языке[2, с.199]. На основе полученных знаний он должен был подготовить новую учебную программу для создававшегося Противомусульманского отделения академии[4, с. 338-386].

Однако после новых поездок по татарским селениям в 1856 г., Ильминский пришел к выводу, что простой народ не понимает ученый татарский язык и поэтому не воспринимает Священное писание. Это утверждение касалось прежде всего крещеных татар, которые отрываясь от учебы в мектебах, медресе, переставая ходить в мечети, в результате

---

⁵⁵ Архиепископ Казанский Григорий составил для Н. Ильминского подробную инструкцию задач, поставленных пред ним во время пребывания в командировке[см.: 3, с. 356-357].

отсекались от литературного книжного языка, применяли в быту лишь разговорный, а литературный язык становился для них непонятным. Его догадки в ходе этой экспедиции подтвердились - простой народ не понимал переведенные тексты, и это окончательно убедило Ильминского о необходимости использования в переводах более простой разговорной формы языка. Кроме того, в деревнях Ильминский делал эксперименты с записью татарских слов кириллицей и выявил, что такой способ вполне подходит для чтения. В 1858 г. началась новая волна отходов крещеных татар в ислам. В этот период Ильминский решает покинуть переводческую комиссию, в которой проработал 11 лет и начать работу по переводу христианских книг заново, основываясь на результаты своих наблюдений и исследований. Ильминский пытался установить границы между литературным и разговорным языком, понять рамки разговорного татарского языка, составил его азбуку на кириллице и начал делать переводы на этот язык. Ильминский пришел к выводу, что для того чтобы перевод действительно служил в деле христианского просвещения крещеных татар, он должен быть сделан на абсолютно понятном для них языке, то есть разговорном, потому что у них нет книжного языка. По мере возможности избавиться от книжных слов, которые уже в своей основе проникнуты идеями ислама, а в случае недостатка в разговорном языке нужных слов заменять их русскими словами, вместо арабских. А чтобы совершенно прервать связь между татарами-христианами и исламом, в переводах необходимо использовать русский алфавит адаптированный к татарским звукам, а не арабский, как это делалось раньше[8, с. 34; 3, с. 411]. А так же Ильминский подчеркивал необходимость изучения языка и культуры татар: “Чтобы преподаваемые истины глубоко укоренились в сознании простолюдина, надобно войти в его мирозерцание, принять его понятия заданное и развивать их. Архаически простые понятия инородцев могут быть ассимилированы христианством, наполниться и освятиться его божественным содержанием. Мышление народа и все его мирозерцание

выражается на родном языке. Кто владеет языком инородцев, тот понимает, хотя бы только инстинктивно, мирозерцание их. Кто говорит с ними на их родном языке, того они легко понимают”[5, с. 108].

1. Ильминский погрузившись в татарскую среду смог изнутри изучить язык, быт и культуру татар. Причем как городскую татарскую культуру - ознакомиться с системой образования и духовенством, так и изучить сельскую татарскую культуру.

2. Ильминский детально изучил особенности крещеных татар, выявил у них на уровне самосознания существующее разделение на старо- и новокрещеных. Определил степень влияния татар-мусульман на своих братьев-христиан. И на основе всего изученного сформировал методы по избавлению крещеных татар от влияния татар-мусульман (выселение) и выработал способы укрепления христианства среди них (метод “просвещения”).

3. Именно язык, простой разговорный татарский язык, его изучение, издание на нем книг станут основой миссионерской методики Ильминского. Этот метод “просвещения” апробированный на татарах в последующем будет применен на всех нерусских народах Волго-Уральского региона.

4. Находясь на службе в Оренбургском крае в 1858 -1862 гг. он заметил большую роль татарского языка в официальном делопроизводстве между имперской администрацией башкирами и казахами, а также авторитет татарских купцов и мулл в регионе. Видя в этом факте угрозу будущего влияния татар на культуру казахов и башкир, и на усиление ислама, он предлагал ослабить роль татарского языка в делопроизводстве, и отдельно развивать казахский и башкирский языки, а татарское влияние заменять русским[6, с. 128; 3, с. 425-426].

Факты из жизни Н. Ильминского указывают на то, что он не особо любил преподавать исламское богословие и особенно разбирать со студентами аргументы против него, все свои силы он тратил на изучение языков, а не религии. Мнение по поводу бессмысленности полемических

методов у Н. Ильминского стало формироваться после поездки на Ближний Восток, где ему довелось увидеть, что в христианской противомусульманской полемике безуспешны даже прекрасно организованные и хорошо финансируемые западноевропейские миссии[1, с. 79]. В своей речи, произнесенной в академии в 1856 г. по поводу нападок на ислам с точки зрения богословия, Н. Ильминский отмечал, что нужно отказаться от “самонадеянной мысли, что наши выводы... произведут решительное впечатление на татар”[4, с. 401].

Список использованной литературы

1. Джерасси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М., 2013.
2. Ефимов А.Б. Очерки по истории Миссионерства Русской Православной Церкви. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007.
3. Знаменский П. В. История казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 гг.). Казань, 1892. Т. 2.
4. Знаменский П.В. На память о Николае Ивановиче Ильминском. Казань, 1892.
5. Ильминский Н. И. Избранные места из педагогических сочинений, некоторые сведения о его деятельности и о последних днях его жизни. Казань: Издание попечителей покойного, 1892.
6. Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья в рукописных фондах Н.И. Ильминского / Авторы-составители: Р.Р. Исхаков, Х.З. Багаутдинова. Казань, 2015.
7. РизаэддинФэхреддин. Асар. Казан: Рухият, 2009. Т. 2.
8. Смирнов Е. К. Очерк исторического развития и современного состояния Русской Православной Миссии: Пер. с англ. СПб.: Синодальная тип., 1904.

Gaynutdinov Damir Minirovich

the applicant for the degree of candidate of historical sciences,

Secondary school 30, Kazan

Email: damirgayn@yandex.ru

**NIKOLAY ILMINSKY. THE FIRST "IMMERSION" IN THE TATAR
IMPACT: OBJECTIVES AND RESULTS.**

Abstract. The article is devoted to the first concrete steps taken by Nikolai Ivanovich Ilminsky in the study of the Middle Volga Tatars in the middle of the XIX century. The process of development of ethnographic studies of the Tatars in the Russian Empire and the role of missionaries in this case. Detail considered the expedition N. Ilminsky in Tatar villages in the 1840 - 1850. with the identification of elements of ethnographic studies and analyzes their implications for ethnography.

Keywords: Nikolai Ilminsky, the peoples of the Middle Volga Tatars, ethnographic study of the Tatars, the missionaries

УДК94

Миннуллин Завдат Салимович

*кандидат исторических наук, доцент кафедры татароведения
и тюркологии Казанский (Приволжский) федеральный
университет,*

Республика Татарстан г.Казань,

e-mail: zminnullin@mail.ru

**ТАТАРСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ НА
ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА (КОНЕЦ XIX – НАЧ. XX ВВ.).**

Аннотация. В статье рассматривается становление системы татарских общественных организаций на территории Казахстана в конце XIX- начала XX вв. В ходе исследования установлено, что с конца XIX в. на территории Казахстана, первоначально в городах Семипалатинск, Гурьев, Актюбинск, Петропавловск, Казалинск, Павлодар, Акмолинск, Уральск и т.д. возникли более 44 татарских общественных организаций: благотворительные, молодёжные, культурно-просветительные и женские. Несмотря на противодействия имперских властей, православных миссионеров и мусульманских кадимистов эти организации сыграли огромную роль в развитии общественного и культурно-просветительного движения на территории Казахстана. Политика имперских властей в отношении татарских общественных организаций была противоречивой: с одной стороны власть шла на открытие, например, благотворительных обществ, полагая, что самый удаленный от политики вид общественной деятельности, с другой стороны эти организации сыграли огромную роль в консолидации татарской нации, что противоречило внутренней политике самодержавия.

Ключевые слова: татарские общественные организации; общественные библиотеки; литературно-музыкальные вечера; театр; Казахстан; политика имперских властей.

Известный американский исследователь Э.Лаззериனி характеризуя историческую роль татарской диаспоры писал, что "на рубеже XIX – XX вв. татарская диаспора с её модернистским менталитетом и экономическими ресурсами, позволяющими финансировать широкий круг реформ в области печати, образования, религии, экономики, языка и социальных отношений, представляла собой модель развития весьма привлекательную для многих тюркских собратьев, сталкивающихся с вызовом - либо сохранять уже известные модели существования, либо развиваться в направлении нового современного общества. "[6]

Татарская диаспора на территории Казахстана сформировалась во второй половине XIX в. В ряде городов появились татарские слободы. Например, в конце XIX в. согласно первой всеобщей переписи населения 1897 г. в г.Петропавловске татары составляли треть всех горожан. [11.6.84-85.]

Укрепление татарской диаспоры сопровождалось культурной и общественно- политической активностью татар на этой территории. Татары организовали книжную торговлю арабографическими книгами, открывали школы, после 1905 г. распространение нашло и татарская пресса. Татары привнесли в казахскую степь новую для тюркского населения этого региона организационные структуры: это различные общественные организации.

Общественные организации представляли собой структуры для полноценного существования национального тела. Именно в рамках этих организаций происходило структурирование своей этнической сущности татар. На территории Казахстана были сделаны попытки организовать совместные татаро- казахские общества.

На основе анализа источников и литературы на сегодняшний день нами выявлено 45 татарских общественных организаций конца XIX – нач. XX вв. Конечно, это не окончательная цифра. На данный момент у меня имеются сведения о существовании ещё нескольких татарских общественных организациях на территории современного Казахстана, время создания и деятельности которых ещё требуют уточнения.

Алгоритм возникновения общественных организаций на территории Казахстана не отличается от таковых, которые образовывались на территории Внутренней России и Сибири. Первоначально отдельные представители татар принимали участие в работе русских общественных организаций. Затем, во второй половине XIX в., особенно с конца этого столетия стали возникать собственно татарские организации. Первоначально это были благотворительные, затем молодёжные и культурно- просветительские, и, наконец, женские организации. В таком же порядке

появились татарские организации и на территории Казахстана, только лишь по времени возникновения они появились на несколько десятилетий позднее.

По нашим данным первой и наиболее крупной собственно татарской организацией на территории современного Казахстана было Семипалатинское мусульманское благотворительное общество, зарегистрированное 25 января 1898 года.[13] Первым председателем общества был избран ахун и дворянин М.Амиров (заместитель – Г.Гимадутдинов, казначей – Г.Мурсалимов, секретарь – М.Беккенеев).

Общество оказывало разнообразную благотворительную помощь мусульманскому населению: содержало детский приют и богадельню для престарелых. В приюте общества постоянно призревались до 30 сирот.[15]

Кроме этого, общество выдавало отдельные пособия нуждающимся, выезжающим на родину, на погребение неимущих и т.д. Начальная школа открытая обществом в 1913 г. закрыто местными властями. В 1908 г.

общество основало татарскую библиотеку – читальню им. И.Гаспринского.[7] Впоследствии татарские благотворительные общества были открыты в гг.Гурьев(Атырау), Верный(Алматы), Уральск, Зайсан, Акмолинск, Кустанай, Актюбинск, Петропавловск, Тимер, Кокчетав, Казалинск, Лепсинск, Павлодар, Джамбейта (Жымпиты) и др.

**Список татарских общественных организаций на территории
Казахстана (1898 - 1918 гг.)**

№ п/п	Название организации	Регион	Национальный состав	Дата основания или регистрации и устава организации
1	Семипалатинское мусульманское благотворительное общество	Семипалатинская область	татары	25.01.1898

2	«Научное собрание» («Гильми меджлис»), молодёжное общество г. Уральск	Уральская область	татары	1903
3	Татарско-киргизское [казахское] общество взаимопомощи в г. Гурьеве	Уральская область	татары, казахи	19.05.1907
4	Мусульманское благотворительное общество с. Кызылкуга Гурьевского уезда	Уральская область	татары	не позднее 06.02.1908
5	«Тараккиюн» («Прогресс») - молодежное общество г. Копаль	Семиреченская область	татары	не позднее 11.04.1908
6	«Джамгияти магариф» о попечении учащихся мусульман в г. Зайсане	Семипалатинская область	татары	15.05.1908
7	Общество для содержания Петропавловской мусульманской библиотеки-читальни г. Петропавловск	Акмолинская область	татары, казахи	27.07.1908
8	Темирское мусульманское благотворительное общество Уральской области	Уральская область	татары	23.03.1909
9	Саламахинское (Ялпактал) мусульманское благотворительное общество	Уральская область	татары	не позднее 18.02.1910

10	Атбасарское благотворительное мусульмано-татарское общество г.Атбасар	Акмолинская область	татары	1911
11	Общество любителей театра г.Петропавловск	Акмолинская область	татары	1914
12	Мусульманское благотворительное общество г.Павлодар	Семипалатинская область	татары	не позднее 28.04.1915
13	Кружок татарской молодежи «Ярыш» («Соревнование») г.Семипалатинск	Семипалатинская область	татары	июнь, 1915
14	Татарский дамский кружок «Йолдыз» («Звезда») г.Семипалатинск	Семипалатинская область	татары	июнь, 1915
15	Мусульманский театральный кружок г.Казалинск	Семипалатинская область	татары	не позднее 20.11.1915
16	Общество распространения просвещения г.Зайсан	Семипалатинская область	татары	после февраля 1917
17	Кружок татарской молодежи г.Акмолинск	Акмолинская область	татары	после февраля 1917
18	Акмолинское мусульманское благотворительное общество	Акмолинская область	татары	после февраля 1917

19	Общество мусульманских учителей г.Верный (Алма-Ата) и уезда	Семиреченская область	татары	после февраля 1917
20	Музыкально-драматическое общество мусульманской рабочей демократии г.Петропавловск	Акмолинская область	татары	после февраля 1917
21	Кружок татарской молодежи «Берек» г.Кокчетав	Акмолинская область	татары	после февраля 1917
22	Союз мусульманской молодежи г.Актюбинск	Тургайская область	татары	после февраля 1917
23	«Свободное благотворительное общество» - дамское мусульманское общество г.Верный (Алма-Ата)	Семиреченская область	татары	10.03.1917
24	Общество мусульманских учителей г.Петропавловск	Акмолинская область	татары	31.03.1917
25	Общество мусульманских учителей и учительниц г.Алма Аты и уезда	Семиреченская область	татары	31.03.1917
26	Кокчетавское мусульманское благотворительное общество	Акмолинская область	татары, казахи	не позднее 03.05.1917
27	Мусульманское женское общество г.Атбасар	Акмолинская область	татары	04.05.1917
28	Мусульманское дамское общество г.Уральск	Уральская область	татары	не позднее 05.05.1917

29	Временное мусульманское общество помощи казахам и киргизам г.Кульджа	Китай	татары, казахи, киргизы, дунганы	07.05.1917
30	Татарско-казахский комитет г.Джаркент	Семиреченская область	татары, казахи, узбеки	не позднее 10.05.1917
31	Младо-татарский кружок «Дуслык» («Дружба») г.Уральск	Уральская область	татары	не позднее 12.05.1917
32	Общество взаимопомощи мусульманок г.Пишпек (Бишкек)	Семиреченская область	татары	не позднее 19.05.1917
33	Общество «культура» г.Семипалатинск	Семипалатинская область	татары	июнь, 1917
34	Кружок мусульманской молодежи станции Мартук Ташкентской железной дороги	Тургайская область	татары	июнь, 1917
35	Объединенный союз мусульманских рабочих г.Верный (Алма-Ата)	Семиреченская область	татары и др.	не позднее 01.06.1917
36	Мусульманское дамское общество г.Иргиз	Тургайская область	татары	06.06.1917
37	Мусульманское дамское благотворительное общество г.Акмолинск	Акмолинская область	татары	не позднее 16.06.1917
38	«Алга» («Вперед») - молодежное общество г.Павлодар	Семипалатинская область	татары, казахи	не позднее 20.06.1917
39	Женское общество «Дружба» г.Уральск	Уральская область	татары	не позднее 24.06.1917
40	Организация молодых мусульман	Тургайская область	татары	июль, 1917

	г.Иргиз			
41	Общество татарских учителей «Берек» г.Семипалатинск	Семипалатинская область	татары	не позднее 28.07.1917
42	Кружок просвещения и культуры тюрко-татар г.Петропавловска	Акмолинская область	татары	август, 1917
43	Мусульманское музыкально-драматическое общество г.Верный (Алма-Ата)	Семиреченская область	татары	не позднее 06.09.1917
44	«Чингизское единство» - молодежная организация г.Зайсан	Семипалатинская область	татары	начало декабря 1917
45	Кружок мусульманской молодежи д.Сламихин	Уральская область	татары	не позднее 01.12.1917

Первомолодежное общество "Гыйльми меджлис" ("Научное собрание") возникло в медресе "Мутыгия" в Уральске перед первой российской революцией в 1903 г. Лидерами этой организации были будущий классик татарской литературы Г.Тукай, издатель и певец К. Мутыги и др. Члены этой организации проводили литературные вечера, издавали рукописные газеты "Магариф" ("Просвещение") и журнал " аль-Гаср аль – джадид"("Новый век").[20,с.15-16]

В 1905 г. в г. Семипалатинске возник кружок татарской молодёжи "Ярыш"("Современник"). Основной костяк членов кружка составляли ученики правительственных учебных заведений(гимназии, реального училища, коммерческой школы и т.д.). [5;18] Члены кружка проводили коллективные чтения газет и журналов, учились играть на музыкальных инструментах, занимались спортом. Костяк футбольной команды "Ярыш" составляли члены этого кружка, в ней играл и будущий известный казахский писатель, академик АН Казахской ССР Мухтар Ауэзов (1897- 1961).

Основная масса татарских молодёжных и культурно- просветительных организаций возникли после февральской революции и просуществовали до 1920 г. Нами выявлено всего 6 женских организаций, из них 4 организации являлись благотворительными. Но следует подчеркнуть, что кроме благотворительных, они участвовали в деятельности молодёжных и культурно- просветительных, учительских организаций.

Татарские общественные организации занимались не только местными проблемами, по мере сил и возможностей они пытались участвовать и в общегосударственных тюрко- мусульманских мероприятиях, а иногда выходили и на международный уровень. Некоторые организации организовали сбор средств в пользу Милли Шура (Всероссийского мусульманского совета) и Харби Шура (Всероссийского мусульманского военного совета), Временного мусульманского комитета по оказанию помощи раненым воинам и их семьям в Петрограде. "Мусульманское дамское благотворительное общество" г. Уральска избрала Ф. Кулахмедова в I Всероссийский мусульманский съезд в Москве. [1;9] "Атбасарское мусульманское женское общество" оказывало финансовую помощь пострадавшим казахам во время подавления восстания в Казахстане 1916 г. и голодающим туркам в Турции. [ ] В 1917 г. в г. Джаркенте и Кульдже (Западный Китай) были организованы два общества для оказания помощи казахам и киргизам, беженцам из Западного Китая. Кроме татар в состав этих организаций входили казахи, киргизы и дунганы.

Общеизвестно, что в Российской империи, как и в странах Европы, процесс развития общественных организаций (ассоциаций) был сложным и противоречивым. Власти с одной стороны поощряли частные общества, с другой стороны государственная власть опасалась политических последствий деятельности добровольных организаций.

Очевидно, рост общественной активности даже в такой далекой от политики области, как благотворительность, вел к упрочению внутри- и

межнациональных связей, росту культурного уровня и политического самосознания тюрко- мусульманских народов, что никак не входило в планы царских властей. Поэтому, как показывают многочисленные источники, они прилагали все усилия, чтобы тормозить этот процесс. Власти не разрешали тюркским общественным организациям открывать филиалы в других мусульманских регионах страны или запрещали организации со смешанным национальным составом (татаро-казахские, татарско-узбекские) и т.д.

В некоторых случаях власти выдвигали определенные ограничения статусу членов общественных организаций. Например, в обществе "Джамгияти магариф" ("Общество просвещения") в г.Зайсане Семипалатинской области членами имели право быть только лица "подведомственные Оренбургскому магометанскому Духовному собранию и др. духовным Правлениям". [12] Мусульмане других губерний и областей Азиатской и Европейской России могут быть [только-З.М.] членами – соревнователями".

Как показывает анализ архивных материалов, основной причиной (формальной или неформальной) закрытия татарских благотворительных организаций являлось то, что они на свои средства содержали или оказывали материальную помощь медресе и мектебе, т.е. мусульманским школам, преимущественно новометодным (джадидистским), тогда как по законам империи татарам разрешалось иметь только лишь конфессиональные школы частного характера. Помощь со стороны благотворительных организаций татарским школам квалифицировалась властями как поддержка или преследование религиозных целей, что тоже запрещалось благотворительным обществам. Этому способствовала также правовая неопределенность татарских учебных заведений. После циркуляра министра внутренних дел от 20 января 1910 года и решений "Особое совещание по выработке мер противодействия татарско- мусульманскому влиянию в Поволжском крае" губернаторы стали активно эксплуатировать данные им полномочия и последовала череда закрытий татарских благотворительных

организаций. В 1913г. по решению Правительствующего Сената закрываются общества в гг.Томске, Самаре, Омске, в том числе Татаро-киргизское(казахское) общество в г.Гурьеве(Атырау) и других городах.[14]

В начале 1914 года мещанин С.Тумашев, купец А.Халимов и др. обратились к властям с ходатайством об утверждении устава "Общества для содержания Павлодарской Семипалатинской области, мусульманской общественной библиотеки и читальни при ней в г.Павлодаре". [16]

Семипалатинский губернатор высказывал отрицательное отношение к утверждению устава и указывал " на невозможность фактического надзора за библиотекой, в которой будут находиться издания почти исключительно на татарском языке". [16] Степной генерал – губернатор в секретном письме министру внутренних дел свой отказ мотивировал предельно жестко: "...Считаю вообще недопустимым объединение мусульманского населения в какие бы то ни было общества впредь до полного завершения колонизации степных областей русскими крестьянами, в частности по отношению к названному обществу, полагаю совершенно нецелесообразным разрешать татарам, коими подано прошение, свободно распространять свои издания в области, большая часть населения которой состоит из тех же мусульман, и киргиз(казахов- З.М.), по преимуществу ещё кочевников далеких от какой бы то ни было культуры..." [16]

Далеко не просто были отношения татарских благотворительных обществ и с православными кругами империи. Православное духовенство, радясь в тогу охранителя и защитника православия и вообще русской государственности, пыталось взять в свои руки функции некоего контролера над общественными структурами мусульман. Церковники делали безуспешные попытки использовать благотворительность в целях христианизации нерусских народов России и одним из препятствий в этом видели в татарских организациях. Православных священнослужителей беспокоило все более возрастающее количество как татарских школ, развитие книгопечатания и национальной прессы, так и благотворительные

общества на средства которых открывались детские приюты, общественные библиотеки и т.д.

Православные активисты с пристрастием изучали уставы, и, вообще, деятельность татарских общественных организаций, находя в них угрозу существующему государственному строю. Они с завидным упорством выискивали противоречия в текстах устава Кустанайского мусульманского благотворительного общества прогрессистов.[10,с.188-191;19,с.330-335] "Вновь возникшие благотворительные мусульманские общества в Актюбинске, Кустанае, Ханской ставке и Красном яре несомненно совершат свою миссию, касающуюся объединения киргиз(казах –З.М.) с прочими мусульманскими народностями, скорее и вернее, нежели отдельные пропагандисты из татар, наезжающие в степь". Это мнение журнала "Сотрудник братства святого Гурия".[17,с.396-402] Другой корреспондент этого же журнала, квалифицировал татарские благотворительные организации, как организации политические и по примеру властей Османской империи призывал закрыть их.[3,с.468]

Православное духовенство Туркестанской епархии на первом епархиальном съезде от 16 июня 1910 г. постановило: " Возможно широко развить приходскую благотворительность, придав ей характер церковно-религиозный, в противовес такого именно рода благотворительности магометан". [8,с.402]

Однако, несмотря на колониальную политику царских властей и противодействия собственных консервативных сил татарские общественные организации внесли огромный вклад в распространении просвещения в казахской степи, развития общественно- политического уровня братского народа.

Список использованной литературы

1.*Bahanova Г.* Уральскида хатыннар жәмгыяте//Вақыт.1917. 2 июнь.

- 2.Деятельность татар - благотворителей//Сотрудник братства Святого Гурия.1910.29/30.
- 3.Деятельность татар - благотворителей//Сотрудник братства Святого Гурия.1910.29/30.
- 4.З.М. Атбасар мөслимэләре// Вакыт.1917.28 июнь.
- 5.Идарәгә мәктүб//Тормыш.1916.21 гыйнвар.
- 6.Лаззерени Э.Исторический опыт этноконфессионального взаимодействия в Среднем Поволжье и Приуралье(XVI –XX вв.)// Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья:Сб.статей.Вып.2.Казань,2011.
- 7.Мирсалимов Г.,Рахимов Х.Семипалат жәмгыяте хэйриясе// Тормыш.1914.27 август.
- 8.Миссионерский съезд в городе Казани 13-26 июня 1910 года.- Казань,1910.
- 9.Мөслимэләр өчен курс// Вакыт.1917.11 июль.
- 10.О татарских благотворительных обществах//Сотрудник братства святого Гурия.- 1910.№12.
- 11.Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.Т.31:Акмолинская область.- СПб.,1904.
- 12.РГИА,ф.821,оп.8, д.1204,л.357-362об.
- 13.РГИА,ф.821,оп.8, д.1204,л.345.
- 14.РГИА,ф.821,оп.133,д.460,л.15 об.; 16,33,48 об.;д.475,л.20-20 об. и др.
- 15.РГИА, ф.821,оп.133,д.474,л.32 об.
- 16.РГИА,ф.1284,оп.188,д.87,л.2.
- 17.Татарская пропаганда Тургайской области//Сотрудник братства Святого Гурия.1910.№25/26.
- 18.Узгынчы. "Ярыш" вә "Йолдыз" түгәрәкләре//Йолдыз.1915.9 июнь.
- Уральскида хатыннар жәмгыяте// Вакыт.1917.5 май.
- 19.Характеристика татарской лояльности// Сотрудник братства Святого Гурия.- 1910.№21.
- 20.Яхин Ф.Татарская литература периодической печати Уральска(1905-1907 гг.)/Ф.Яхин.-Казань:Татар.кн.изд-во,1992.

Minnullin Zavdat Salimovich

*PhD in Historical sciences, Associate Professor at the Department of Study of tatar nation and Turkology Kazan Federal University, Republic of Tatarstan
Kazan, e-mail: zminnullin@mail.ru*

TATAR PUBLIC ORGANIZATIONS IN KAZAKHSTAN (THE END OF THE 19TH, BEGINNING OF THE 20TH CENTURY)

Abstract. This article views the formation of the system of tatar public organizations in the territory of Kazakhstan at the end of the 19th, beginning of the 20th centuries. During the research work it was ascertained that from the late 19th century more than 44 tatar public organizations – charity, youth, cultural and educational, women’s – emerged in the territory of Kazakhstan, primarily in Semipalatinsk, Gur’ev, Aktubinsk, Petropavlovsk, Kazalinsk, Pavlodar, Akmolinsk, Ural’sk etc.. Despite the counteractions of imperial powers, orthodox missionaries and muslim kadimists, these organizations played a greater role in development of social, cultural and educational movement in Kazakhstan. The policy of imperial powers in respect of tatar public organizations was contradictory: on the one hand, authority admitted opening of charities, considering them to be the most remote from politics kind of social activity; on the other hand, these organizations played an important part in consolidation of the tatar community, what contradicted the internal policy of autocracy.

Keywords: tatar public organizations; public libraries; literary and musical soirees; theatre; Kazakhstan; imperial powers’ politics.

УДК 991

Валеев Рамиль Миргасимович

*Доктор исторических наук, профессор Казанский (Приволжский)
Федеральный университет, Республика Татарстан, г. Казань e-
mail: valeev200655@mail.ru*

Валеева Роза Закариевна

*Казанский государственный институт культуры и искусств, Казанский
инновационный университет Республика Татарстан, г. Казань*

Тугужекова Валентина Николаевна

*Доктор исторических наук, профессор, директор Хакасского научно-
исследовательского института языка, литературы и истории
Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и
истории, Республика Хакассия, г. Абакан.*

Мартынова Юлия Александровна

*Кандидат исторических наук, ассистент Казанский
(Приволжский) Федеральный университет, Республика
Татарстан, г. Казань*

Минеева Мария Сергеевна

*Аспирант Казанский (Приволжский) Федеральный университет,
Республика Татарстан, г. Казань e-
mail: sade.mineevamasha2014@gmail.com*

**“ПУТЕШЕСТВИЕ Н. Ф. КАТАНОВА В СИБИРЬ, ВОСТОЧНЫЙ
ТУРКЕСТАН И ЕГО ВКЛАД В ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ И
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ
ЕВРАЗИИ (РУБЕЖ XIX – НАЧ. XX ВВ.)”.**

Аннотация. В данной работе представлены основные сведения научной и общественной деятельности из жизни выдающегося тюрколога Н. Ф. Катанова (1862-1922), в том числе о его экспедициях и публикациях, посвященных тюркским народам и их культуре. Также перечислены

основные публикации об ученом до сегодняшнего дня — представлено “катановедение”.

Ключевые слова: Катанов, этнография, фольклор, Центральная Азия, тюркские народы, культура, публикации, экспедиции.

Жизнь и деятельность Н.Ф. Катанова с периода учебы в Санкт-Петербургском университете (1884-1888), научной экспедиции в Южную Сибирь и Восточный Туркестан (1889-1892) и исследовательской и преподавательской работы в Казани (1894-1922) будут связаны с комплексным исследованием языков, традиционных и новых форм экономической и социальной жизни, быта, фольклора и духовной жизни тюркских народов Саяно-Алтая, Синьцзяня, Поволжья и Приуралья.

Эти основные жизненные этапы научно-исследовательской деятельности Н.Ф. Катанова отражают традиционные направления и некоторые особенности его вклада в лингвистическое и историко-этнографическое изучение Евразии в последней четверти XIX — нач. XX вв. С первых полевых экспедиций с 1889 г. началось накопление им разнообразных лингвистических и историко-этнографических материалов и формирование научно-методических принципов исследования тюркоязычных народов евразийского пространства.

Годы учебы в университете и научной экспедиции в Сибирь и Восточный Туркестан стали исключительно значимыми в научной биографии и наследии Н.Ф. Катанова.

После окончания университета Н.Ф. Катанов решил посвятить себя научно-педагогической работе. Период с 28 мая по 4 июля 1888 г. в его биографии связан с основными решениями об оставлении его “при университете для дальнейшего усовершенствования в тюркских наречиях”⁵⁶.

---

⁵⁶ Российский государственный исторический архив Санкт-Петербурга (РГИА СПб). Ф. 14. Оп. 1. Д. 8933. Л. 1-5.

Биографы Н.Ф. Катанова справедливо отметили роль академика В.В. Радлова в изучении студентом Н. Катановым в 1885–1888 гг. общетюркской фонетики. Кроме того, по свидетельству профессора И.М. Покровского (1865–1941), “в студенческие годы на Н[иколая] Ф[едоровича] имел сильное влияние кружок Н.М. Ядринцева, известного сибирского публициста, общественного деятеля и путешественника-археолога”⁵⁷. Исключительную роль в формировании его научных взглядов и принципов в период учебы в университете сыграли Г.Н. Потанин и Э.Ю. Петри.

Важным рубежом жизненного и профессионального пути Николая Катанова стало научное путешествие в 1889 – 1892 гг. в Южную Сибирь и Восточный Туркестан с целью изучения языков и этнографии тюркских народов, организованное и поддержанное Русским географическим обществом, Петербургской Академией наук и Министерством народного просвещения.

Истоки организации данного путешествия связаны с обсуждением записки В.В. Радлова о перспективности “исследования остатков тюркских племен на крайнем Востоке” на заседании отделения этнографии императорского русского географического общества 11 декабря 1887 г.⁵⁸ под председательством В.И. Ламанского. На заседании было определено представить записку в совет общества. В этой записке В.В. Радлов дал высокую оценку студенту IV курса восточного факультета Санкт-Петербургского университета Н. Катанову. В.В. Радлов писал: “Он занимался со мною в течение 3-х лет и издал уже при Академии несколько статей, касающихся своего родного говора. Из слов профессоров его и из собственных наблюдений я убедился в его усердии, способностях, преданности к науке и знаниях его по избранным предметам, так что нельзя найти более подготовленного и более способного лица для исполнения

---

⁵⁷ Покровский И.М. Памяти проф. Н.Ф. Катанова // Известия общества археологии, истории и этнографии (ИОАИЭ). 1923. Т. XXXI. Вып. 2. С. 247.

⁵⁸ Известия императорского русского географического общества. 1889. Т. XXIV. С. 421–423.

вышеупомянутого предприятия”⁵⁹. Он также просил Совет общества выделить в смете 1888 г. 1000 руб., создать “комиссию для составления подробного плана” экспедиции, а также обещал “ходатайствовать об ассигновании г. Катанову субсидии из штатных сумм Императорской Академии наук”.

В октябре–ноябре 1888 г. Н.Ф. Катанов принимает окончательное решение. Происходит согласование вопроса о его научном командировании “в Монголию и Сев.-Запад. Китай для этнографического и лингвистического исследования тюркских племен” между Санкт-Петербургским университетом и Русским географическим обществом.

Указом Александра 111 от 22 декабря 1888 г. кандидат Н.Ф. Катанов был командирован на два года “за границу с ученой целью”⁶⁰.

Министерством внутренних дел от 8 декабря 1888 г. был подготовлен и вручен открытый лист Н.Ф. Катанову, командированному в Восточную и Западную Сибирь и Китай с научной целью. Официальный документ, который подписал граф Д. Толстой, предписывал “местам и лицам, подведомственным Министерству внутренних дел, оказывать предъявителю сего всякое законное содействие к исполнению возложенного на него поручения”⁶¹.

На заседании совета факультета восточных языков от 28 января 1889 г. была утверждена “Инструкция для занятий командированного с ученой целью за границу кандидата Николая Катанова”, составленная профессором И.Н. Березиным.⁶²

Н.Ф. Катанов во время своего научного путешествия в 1889 – 1892 гг. и после возвращения в Санкт-Петербург в декабре 1892 г. официально оставался при университете до ноября 1893 г. 9 ноября 1893 г. по докладу

⁵⁹ Известия императорского русского географического общества. 1889. Т. XXIV. С. 469.

⁶⁰ Журнал Министерства народного просвещения. 1889. Ч. 261. Отд. 1. С. 22; РГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8933. Л. 13; Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XV в. – 1917 г.). СПб.: Центр “Петербургское востоковедение”, 1993. С. 287.

⁶¹ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 977. Оп. Совет. Д. 8904. Л. 14.

⁶² РГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8933. Л. 15-16 об.

министра народного просвещения император назначил Н.Ф. Катанова “преподавателем восточных языков в Казанском университете”⁶³.

В связи с этой научной командировкой Николай Катанов направлял свои отчёты также в Министерство народного просвещения. Одним из первых историко-этнографических отчётов Н.Ф. Катанова стали “Результаты путешествия в Урянхайскую землю”, направленные в январе 1890 г.

министерством народного просвещения в университет. Факультетом восточных языков был подготовлен отзыв на этот научный отчёт⁶⁴.

Впервые в марте 1890 г. факультет восточных языков университета ходатайствовал о продлении срока “оставления при университете для приготовления к профессорскому званию” кандидата Н.Ф. Катанова с 1 июля 1890 г. по 1 июля 1891 г. “с сохранением за ним получаемой им стипендии 600 руб. в год”.⁶⁵ Декан факультета И.Н. Березин писал ректору университета: “Путешествие г. Катанова, судя по полученному императорским русским географическим обществом сборнику материалов, добытых нашим молодым исследователем, должно почитаться весьма успешным: он собрал статистические данные относительно посещенных им тюркских поколений, составил описания их обычаев, представил рисунки родовых клейм (тамга) и предметов домашнего обихода, сделал попытку к составлению урянхайского словаря (около 1150 слов); песни, загадки, сказки, пословицы, шаманские молитвы и причитания считаются в сборнике сотнями”⁶⁶.

В марте 1892 г. вновь решался вопрос об оставлении Н.Ф. Катанова при университете ещё на один срок с 1 января 1892 г. по 1 января 1893 г. В связи с этим был подготовлен новый отзыв факультета попечителю учебного округа: “...Пребывание г. Катанова на Востоке продолжается и последние представленные им Географическому обществу отчеты свидетельствуют, что

---

⁶³РГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8933. Л. 50.

⁶⁴РГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8933. Л.23-23об.

⁶⁵РГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8933. Л. 23-23об.

⁶⁶РГИА СПб. Ф.14. Оп. 1. Д.8933. Л.23.

г. Катанов и в настоящую пору не менее плодотворно продолжает свои исследования. В виду этого, и полагая, что для пользы науки, такой ревностный молодой труженик не может быть оставлен без необходимых для него поддержки и руководства ученых специалистов...»⁶⁷.

Эта экспедиция по значимости общегеографических, лингвистических и историко-этнографических материалов стоит в ряду известных путешествий в Среднюю Азию, Монголию, Сибирь и Восточный Туркестан, осуществленных во второй половине XIX — начале XX вв. Как известно, среди участников этих масштабных по научной и культурной значимости были Ч.Ч. Валиханов, Г.Н. Потанин, Н.М. Пржевальский, братья Г.Е. и М.Е. Грумм-Гржимайло, В.И. Роборовский, В.В. Радлов, П.И. Лерх, В.А. Обручев, П.К. Козлов, Г.Н. Цыбиков, Н.И. Веселовский, В.В. Бартольд, В.А. Жуковский, К.Г. Залеман и другие. В период своего путешествия и в дальнейшем Н.Ф. Катанов постоянно обращался к этим и другим опубликованным материалам, посвящённым географии, истории, этнографии и культуре народов Центральной Азии.

В декабре 1888 г. Николай Катанов выехал из Санкт-Петербурга в Сибирь. 19 января 1889 г. он прибыл в Красноярск, позднее — в Минусинск и Аскыз.

Первая его экспедиция была совершена в Урянхайский край (Тува). Из г. Минусинска он выехал 7 марта 1889 г. Подробный маршрут своего путешествия “с целью исследования быта и языка Урянхайцев” Н.Ф. Катанов описал в своем письме В.В. Радлову⁶⁸. Всего во время путешествия было пройдено около 700 верст⁶⁹. В этот период были собраны тувинские песни, загадки, сказки, поверья и шаманские молитвы.

Из этой поездки по территории Центральной и Западной Тувы он вернулся в Аскыз 27 августа 1889 г. В своём письме отсюда от 15 сентября 1889 г. Н.Ф. Катанов писал В.В. Радлову: “Дневник путешествия, со

⁶⁷ РГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8933. Л. 40об.

⁶⁸ Письма Н. Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. СПб., 1893. С. 7-8.

⁶⁹ Письма Н.Ф.Катанова... С. 8.

включением в него сказок, песен, загадок и шаманских молитв, со включением также описания обычаев Урянхайского народа и рисунков клейм родовых (тамги) и рисунков на предметах домашнего обихода имею представить в скором времени для напечатания Императорскому Русскому Географическому обществу”.⁷⁰

Уже в 22 октября 1889 г. кандидат императорского С.-Петербургского университета Н.Ф. Катанов вновь писал В.В. Радлову в Аскыз, Минусинского округа Енисейской губернии: “...Честь имею известить ваше Превосходительство, что дневник путешествия, исполненного мною по поручению Академии наук и Географ[ического] общества, отправлен уже Г. Обществу 28 сент[ября]...Текст Урянхайских сказок (тол), песен (ыр), загадок (тыбызык), и шаманских молитв (кам сузу) уже оканчивается приведением в порядок и будет представлен в скором времени на усмотрение Академии Наук”⁷¹.

Основным итогом комплексных исследований Тувы стала рукопись Н.Ф. Катанова “Очерки Урянхайской земли”,⁷² которая имеет неопределимое значение в истории этнографии Тувы.

После этой экспедиции, находясь в Аскызе и Минусинске в сентябре–декабре 1889 г., Н.Ф. Катанов занимался перепиской и переводами собранных тувинских текстов. Кроме того, он записывал сказки (нымак), песни (такпак) и загадки (тапчан нымак) “минусинских татар” – хакасов⁷³.

Определяя итоги и новые задачи дальнейшей работы Н.Ф. Катанов писал своему наставнику В.В. Радлову 26 декабря 1889 г. из Аскыза: “Недели через три я выеду для исследования карагасов, обитающих в Каннской и

⁷⁰ Письма Н.Ф. Катанова... С. 10.

⁷¹ Санкт-Петербургский Филиал Архива РАН (СПб. Филиал А РАН). Ф.177, Оп.2, Д. 125. Л. 1.

⁷² Вайнштейн С.И. Этнографические исследования Н.Ф. Катанова у тувинцев и других тюркоязычных народов // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. IV. М., 1968. С.34; Кужугет А.К. Неопубликованный труд Н.Ф. Катанова “Очерки Урянхайской земли” // Наследие Н.Ф. Катанова: история и культура тюркских народов Евразии: Доклады и сообщения международного научного семинара, 30 июня – 1 июля 2005 г. Казань, 2006. С.46-49; Катанов Н.Ф. Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного по поручению императорской Академии наук и императорского Русского географического общества. Кызыл, 2011.

⁷³ Письма Н.Ф. Катанова... С.18.

Нижнеудинской тайгах; в настоящее время я собрал богатый материал по части наречий и обычаев абаканских татар (сагайцев, качинцев и бельтиров)».⁷⁴

Следующая этнографическая экспедиция в Восточные Саяны была предпринята в январе–феврале 1890 г. и посвящена полевому лингвистическому и историкоэтнографическому исследованию карагасов (тофаларов). Основной путь пролегал через Канский округ (верховья р. Агул) в направлении г. Нижнеудинска⁷⁵.

Из верховьев р. Бирюсы Нижнеудинского округа в письме В.В. Радлову от 18 февраля 1890 г. Н.Ф. Катанов сообщал о проделанной работе: “Записал уже многое; между прочим: названия костей карагасских; названия 12 месяцев года; названия рек и речек; названия деревьев; предания о происхождении 5 карагасских костей; обычаи племени: при рождении, женитьбе и похоронах, обряд посвящения горному и водяному духу коней и оленей; о жизни шаманов; о количестве племени Карагасов и количестве содержимых ими оленей и проч.”⁷⁶.

Итоги этого периода экспедиции были опубликованы в статье Н.Ф. Катанова “Поездка к карагасам в 1890 году”⁷⁷.

Весна 1890 г. — февраль 1891 г. связаны с проживанием в Аскезе и Минусинске и с интенсивной работой по обработке разнообразных материалов, собранных Катановым в предшествующие периоды экспедиций. Кроме того, летом 1890 г. Н.Ф. Катанов посетил восемь китайских центров (Хотан, Кашгар, Ак-су, Кучар, Каракаш, Бая, Логучен и Старый Турфан), где ознакомился с языком и этнографией тюркского населения Восточного Туркестана. Оригинальные оценки были сделаны по итогам этой поездки: “Наречия тюркских обитателей этих городов в фонетическом отношении почти все сходны. Разница заключается лишь в большем или меньшем

---

⁷⁴Письма Н.Ф. Катанова... С.25.

⁷⁵Письма Н.Ф. Катанова... С. 26.

⁷⁶Письма Н. Ф. Катанова... С.26.

⁷⁷Катанов Н.Ф. Поездка к карагасам в 1890 году // Записки русского географического общества. 1891. Т.XVI. Вып.2. С.133-230.

количестве китайских и монгольских слов”, а также ряд других значимых языковедческих выводов о тюркских языках Восточного Туркестана⁷⁸.

Сохранился “Дневник путешествия” 1890 г., где представлены материалы поездки Н.Ф. Катанова в “Дзунгарию и северную часть Восточного Туркестана”.⁷⁹ Как отмечал путешественник, ему “не удалось в эту поездку добраться до г. Хами, где можно было бы собрать интересные научные сведения как о языке, так и об обычаях обитателей Хамийского оазиса, неисследованных до настоящего времени ни одним специалистом.

Кроме ограниченности средств, препятствием поездки в этот интересный оазис служило задержание нас в г. Урумчи китайскими властями, обещавшимися пропустить меня и двух моих спутников не иначе, как по получении из Пекина разрешения”⁸⁰.

В следующий период путешествия с февраля по ноябрь 1891 г. в центре полевых исследований Н.Ф. Катанова находились тюркоязычные народы (уйгуры, казахи и другие этносы) Восточного Семиречья (Тарбагатай). Наиболее важным итогом экспедиций 1890–1891 гг. стал сбор огромного массива фольклорных материалов: “исторические рассказы о войнах в Вост. Туркестане, песни, распеваемые в главные мусульманские праздники, песни эротические, толкования снов, загадки и пословицы”, а также изучение “языка Казак-киргизов, состоящих в ведении Тарбагатайского хебей-амбана, живущего... в г. Дурбульджине”⁸¹. Оригинальные тюркские тексты, собранные во время экспедиции, записывались и впоследствии публиковались Н.Ф. Катановым в принятой академической транскрипции этого периода. Н.Ф. Катанов оставался последователем этой академической традиции: тюркоязычные тексты, термины, названия, имена он записывал максимально приближенными к тексту или народному звучанию. В 1906 г. в

---

⁷⁸ Письма Н.Ф. Катанова... С.95-107.

⁷⁹ НА РГ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 10. “Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану. Дневник путешествия, совершенного по поручению Императорского Русского географического общества в 1890 г.”. 241 л.

⁸⁰ НА РГ. Ф.969. Оп. 1. Д.10. Л. 1.

⁸¹ Письма Н.Ф. Катанова... С. 63.

связи с публикацией оригинального таранчинского текста песен, собранных Н.Н. Пантусовым в 1899 – 1900 гг. в г. Яркенте (Джаркент) Семиреченской области и присланных Н.Ф. Катанову в 1904 г. писал: “Для облегчения чтения текстов я снабдил их русской научной транскрипцией, принятой в тюркских изданиях нашей Академии Наук”⁸².

Местом своего пребывания между поездками Н.Ф. Катанов избрал укрепление Бахты Семиреченской области.

Обобщённые материалы экспедиции, собранные в восточных районах Семиреченской области и г. Чугучаке с 24 февраля по 19 октября 1891 г., изложены Н.Ф. Катановым в отчёте, направленном Русскому географическому обществу⁸³.

С 13 мая по 7 ноября 1891 г. Н.Ф. Катанов жил в г. Чугучак (Китай) с тем, чтобы “подготовиться к путешествию по Китаю”.⁸⁴ Отсюда он писал В.В. Радлову: “Подготовка моя заключалась в том, что я нашел, при помощи русских поданных, живущих в Чугучаке, несколько китайских татар из городов Турфана, Логучена, Аксу, Кучара и Кашгара, записываю с их уст памятники народной литературы и таким образом совершенствуюсь в изучении татарского языка, с которым придется мне иметь дело во время поездки в Хами и Турфан”⁸⁵. Именно в г. Чугучак в октябре 1891 г.

Н.Ф. Катанов переписал тюркский текст литографированной китайской книги “Ли” (Закон). В 1902 г. этот текст был издан при поддержке В.Р. Розена в “Записках Восточного отделения русского археологического общества”⁸⁶.

---

⁸² Новые песни усеских таранчей, переселенцев из Илийского края. Таранчинский текст с русским переводом и примечаниями Н.Н.Пантусова и с предисловием и транскрипцией Н.Ф. Катанова // Известия общества археологии, истории и этнографии(ИОАИЭ). 1906. Т. XXII. Вып. 5. С.303.

⁸³Отчеты канд. С.-Петербургского Унив. г. Катанова, отправленного для этнографического исследования тюркских племен в Вост. Сибирь, Монголию и Сев. Китай // Живая старина. 1892. Вып. IV. С. 111-122; 134-137.

⁸⁴Письма Н.Ф. Катанова... С.62-63.

⁸⁵Письма Н.Ф. Катанова... С.62-63.

⁸⁶Катанов Н.Ф. Маньчжурско-китайский “ли” (закон) на наречии тюрков Китайского Туркестана // Записки Восточного отделения русского археологического общества. 1902. Т. XIV. С. 31-75.

Наиболее протяжённым по времени и значимым по итогам научной экспедиции стали комплексные исследования основных тюркских этносов Синьцзяня.

8 ноября 1891 г. Н.Ф. Катанов “покинул г. Чугучак и через гг. Дурбульджин, Кур-Кара-Усу, Манас, Урумчи, Гучен и хребет Тянь-Шань (перевал Гоу-чен-дабан) проехал в г. Хами, где прожил вплоть до 7 марта 92 г.”⁸⁷.

Эта последняя экспедиция была проведена с ноября 1891 г. по март 1892 г. в Хамийском оазисе и завершилась в марте–мае 1892 г. в Турфане. Специальный паспорт на китайском, русском и маньчжурском языках для продвижения в Хами и Турфан был получен в октябре 1891 г. при содействии консула в г. Чугучак М.П. Шишмарева и консула в г. Кульдже В.М. Успенского.

По свидетельству самого путешественника, “в давно желанный город Хами” он проехал по маршруту “Чугучак – Кара Усу – Урумчи – Гучень – хребет Тяньшань – пикет Янь-цзы”. “Здесь я намерен пробыть 1,5-2 месяца”, – писал Н.Ф. Катанов в письме от 8 января 1892 г. из г. Хами В.В. Радлову, – “и потом поеду в г. Логучен или Турфан, где пробуду около 1,5 месяца; далее 1,5 месяца пробуду среди илийских таранчей и оттуда поеду к верховьям р. Томи и Абакан для подробного исследования шаманизма качинцев, сагайцев, бельтиров и койбалов, и оттуда в С.-Петербург”⁸⁸. Н.Ф. Катанов пробыл в г. Хами до середины марта 1892 г.

Во второй половине марта 1892 г. “приехал на русской телеге из Хами через Пичань в Турфан”⁸⁹. В этом городе Восточного Туркестана Н.Ф. Катанова заинтересовала китайская система управления краем. О власти хамийского и логученского цзюнь-ваней (князя второй степени) он писал: “Оба вана сильно обирают своих подчиненных; крестьяне работают на них

---

⁸⁷Катанов Н.Ф. В императорское русское географическое общество (отделение этнографии) // Живая старина. 1892. Вып. IV. С. 135.

⁸⁸Письма Н.Ф. Катанова... С.69.

⁸⁹Письма Н.Ф. Катанова... С. 73.

три недели и на себя одну. С посевов значительная часть отдается в собственность вана”⁹⁰.

Следующим центром пребывания Н.Ф. Катанова в Синьцзяне стал г. Кульджа, куда он прибыл в конце апреля 1892 г.

Н.Ф. Катанов закончил своё путешествие по китайскому Восточному Туркестану, прибыв в мае 1892 г. в г. Джаркент Семиреченской области. Он писал: “Путешествие по округам Тарбагатаю и Или, и новой провинции Гань-су-синь-цзянь я закончил благополучно, собравши богатый этнографический и лингвистический материалы и большую коллекцию денежных знаков. Мною посещены следующие города северо-западного Китая: Чугучак (по китайски Бияр), Дурбульджин, Кур-Кара-Усу, Манасы, Чан-цзи (Санжи), Урумчи, Гучен, Хами, Пичан, Турфан, Джин-хо, Суйдун и Кульджа, и находящиеся близ них поселки и деревни. Исследованы мною быт и язык казак-киргизов и китайских татар”⁹¹.

Завершающим этапом масштабного научного путешествия Н.Ф. Катанова стал, период с июня по декабрь 1892 г., когда он проживал в с. Аскыз и г. Минусинске. В это время Н.Ф. Катанов совершал поездки в Минусинском округе Енисейской губернии, изучая языки и этнографию тюркоязычных групп Минусинской котловины и предгорий Западных Саян – бельтиров, сагайцев, койбалов и качинцев. В центре внимания учёного оказался феномен шаманизма хакасов. В основном он записал “шаманские рассказы и молитвы бельтиров, каларов, сагайцев и качинцев”⁹².

В целом во время путешествия 1889 – 1892 гг. в центре комплексного исследования Н.Ф. Катанова были “минусинские татары” — хакасы. Можно выделить три главных периода целевых полевых исследований языка и быта хакасов: сентябрь 1889 — январь 1890 гг.; апрель–июнь 1890 гг. и июль–октябрь 1892 гг. Он посетил основные географические зоны кочевьев сагайцев, качинцев, бельтиров, каргинцев и составил уникальные записи об

---

⁹⁰Письма Н.Ф. Катанова... С. 76.

⁹¹Письма Н.Ф. Катанова...С.81-82. ⁹²

Письма Н.Ф. Катанова... С. 89-95.

их расселении, верованиях, хозяйстве, административном управлении, этногенезе, миссионерской деятельности, памятниках народной литературы и т.д.⁹³ В одном из своих писем в Академию наук из г. Минусинска от 2 апреля 1890 г. Н.Ф. Катанов сообщал: “Теперь я занят переписыванием лингвистич[еских] материалов, собранных за время с октября 1889 г. по апрель 1890 года (у минус[инских] татар и карагасов). Всего накопилось око[ло] 3.000 стран[иц]⁹⁴.

По пути в Санкт-Петербург Н.Ф. Катанов писал своему учителю В.Р. Розену об основных итогах научного путешествия: “Четырехлетнее странствование мое по степям, горам и пустыням Азии было для меня весьма полезно: я окреп здоровьем, научился многому и видел много редкостного. Бывали во время путешествия и такие минуты, когда проклинал себя за то, что выехал из Петербурга, но теперь все неприятное забыто, и, кажется, было бы нелишнее съездить куда-н[ибудь] еще раз, хотя бы напр[имер] в Русский Туркестан. Материалов, не приведенных в порядок, везу с собою ¼ пуда. По прибытии в Петербург (в конце этого месяца) займусь обработкою их, чтобы под свежими впечатлениями издать их как можно лучше”⁹⁵.

Основные историко-этнографические материалы в ходе и по итогам научной экспедиции были опубликованы в известных и забытых работах Н.Ф. Катанова⁹⁶. В сентябре 1893 г. в предисловии к изданию В.В. Радлов, которому были адресованы письма кандидата С. _-Петербургского университета Н.Ф. Катанова, отмечал, что в них “не мало сведений, новых и интересных для этнографии и туркологии”. Основоположник комплексных историко-этнографических и лингвистических экспедиций среди тюркских народов Сибири второй половины XIX в. В.В. Радлов обращал внимание

---

⁹³ Письма Н.Ф. Катанова... С.107-113.

⁹⁴ СПб. Филиал А РАН. Ф.87, Оп. 3. Д. 175.

⁹⁵ СПб. Филиал А РАН. Ф.777. Оп. 2. Д.197. Л. 1об.

⁹⁶ Катанов Н.Ф. Бубен и колотушка шамана по описанию минусинских татар / Известия Томского университета.1890.Кн. 2.С.237-239; Катанов Н.Ф. Поездка к карагасам в 1890 году // Записки Русского географического общества.1891.Т.XV1.Вып.2.С.133-230; Катанов Н.Ф. Среди тюркских племен // Известия Русского географического общества.1893. Т. XX1X. С. 519-541; Отчет о поездке в Восточную Сибирь, Монголию и Северный Китай в 1890 и 1891 гг. // Живая старина. 1892.Вып. 4.С. 111-122; Письма Н.Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. СПб., 1893.

читателя на то, что письма его ученика “представляют особый интерес потому, что описаны на местах исследований и под свежим впечатлением”⁹⁷.

Именно его ученику было суждено продолжить и внести огромный вклад в комплексные тюркологические лингвистические, фольклористические и этнографические исследования тюркских народов Центральной Азии.

На протяжении 1889 – 1892 гг. Н.Ф.Катанов собирал и обобщал разнообразный этнографический материал о тюркских, самодийских и монгольских народах на огромных географических пространствах и историко-этнографических областях Евразии. В центре этнографического изучения были современные тюркоязычные народы Алтае-Саянского нагорья – хакасы, тувинцы, тофалары. Кроме того, были собраны этнографические материалы о тюрках Восточного Туркестана – уйгурах, казахах и киргизах.

После возвращения из путешествия в Санкт-Петербург в своем выступлении на общем собрании Русского географического общества (19 мая 1893 г.)

Н.Ф.Катанов отмечал: “Не входя в подробное рассмотрение всего обширного и лингвистического материала, собранного мною за 4 года, я остановлюсь лишь на некоторых памятниках народного творчества тюркских племен Северной и Средней Азии, именно на таких памятниках, которые рисуют религиозные воззрения, быт и нравы названных племен и отношения их к соседним народам”⁹⁸. Материалы этого периода свидетельствуют, что объектами его историко-этнографического изучения стали малоисследованные тюркские этносы. Этот метод полевого этнографического изучения особенно проявился в докладе “Среди тюркских племен” (1893 г.). Оригинальный и комплексный лингвистический и историко-этнографический материал обобщался по следующим тюркским народам — урянхайцам (тувинцы), карагасам (тофалары), казак-киргизам (казахи), сартам (узбеки), китайским татарам (уйгуры и другие тюркские этносы Синьцзяня), минусинским татарам (хакасы).

---

⁹⁷ Письма Н.Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. СПб., 1893. С.1.

⁹⁸ Катанов Н.Ф. Среди тюркских племен // Известия русского географического общества. 1893. Т. XXIX. С. 520.

Опубликованные сведения и материалы по итогам экспедиции в Центральной Азии, посвященные языкам, истории и этнографии тюркских народов в 1889 – 1893 гг. группируются по следующим направлениям: географические, административные, экономико-хозяйственные, лингвистические, фольклорные, культурно-исторические и религиоведческие.

Основные направления полевых исследований позволили путешественнику сформулировать выводы, что тюркские и другие этносы вели активное историко-культурное взаимодействие и взаимовлияние на пространствах Центральной Азии. Например, Н.Ф. Катанов отмечал, что верование урянхайцев “в дракона заимствовано через монголов у китайцев” или, выделяя тюрков Восточного Туркестана как приверженцев суннитского ислама, он пишет, что “жизнь обитателей Хамийского оазиса не обошлась без влияния Китая, сказавшегося... на объяснениях некоторых явлений природы и обыденной жизни”⁹⁹.

В 1894 – 1922 гг. в Казани Н.Ф. Катанов развил классическую университетскую традицию тюркологических и в особенности комплексных историко-этнографических и фольклористических исследований тюркских народов Евразии. К началу преподавательской деятельности в Казанском университете им был собран огромный лингвистический, фольклорный и этнографический материал.

В целом оригинальные статьи и материалы по истории и культуре тюрков Евразии позволяют выделить сформировавшуюся исследовательскую концепцию Н.Ф. Катанова на рубеже XIX — XX вв. Концепция сформировалась под влиянием российской общественно-политической идеологии, уровня знаний о тюркских народах Евразии и социальной среды конца XIX — начала XX вв.

---

⁹⁹ Катанов Н.Ф. Среди тюркских племен // Известия русского географического общества. 1893. Т. XXIX. С. 522, 527.

В основе этой концепции находится идея единства и своеобразия истории и культуры различных тюркских народов; целенаправленное и последовательное изучение традиционной культуры и мировоззрения тюрков; упорная борьба с общественным “мнением, что инородцы обречены на вымирание”; “влияние русского населения на татар, на их язык, быт, хозяйство” и др.

В целом лингвистические, фольклорные и этнографические материалы Н.Ф. Катанова знакомили читателя с разнообразным миром тюркских народных обрядов, обычаев, песен, преданий и сказок. Особое внимание было уделено шаманским обрядам тюрков Центральной Азии.

Н.Ф. Катанов сыграл исключительную роль в изучении культурного наследия народов Сибири, Восточного Туркестана, Поволжья и Приуралья. В ходе полевых исследований им использовались метод сравнительного изучения разнообразного историко-культурного наследия тюркских, финно-угорских и славянских народов. На протяжении всей творческой деятельности историко-этнографические, лингвистические и фольклористические работы профессора Казанского университета основывались на оригинальном экспедиционном, текстологическом и музейном материале автора и его предшественников.

В настоящее время авторы доклада реализуют совместный исследовательский проект, связанный с комплексным поиском и изданием оригинальных архивных материалов, посвященных жизни и деятельности профессора Казанского университета Н. Ф. Катанова.

Список использованной литературы

Источники:

1. Журнал Министерства народного просвещения. 1889. Ч. 261. Отд. 1. С. 22; РГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8933. Л. 13.

2. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 977. Оп. Совет. Д. 8904. Л.14.
3. НА РТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 10. «Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану. Дневник путешествия, совершенного по поручению Императорского Русского географического общества в 1890 г.». 241 л.
4. НА РТ. Ф.969. Оп. 1. Д.10. Л. 1.
5. Российский государственный исторический архив Санкт-Петербурга (РГИА СПб). Ф. 14. Оп. 1. Д. 8933. Л. 1-5.
1. Российский государственный исторический архив Санкт-Петербурга (РГИА СПб). Ф. 14. Оп. 1. Д.8933. Л. 15-16об.
2. Российский государственный исторический архив Санкт-Петербурга (РГИА СПб). Ф. 14. Оп. 1. Д. 8933. Л. 50.
3. Российский государственный исторический архив Санкт-Петербурга (РГИА СПб). Ф. 14. Оп. 1. Д. 8933. Л.23-23об.
4. Российский государственный исторический архив Санкт-Петербурга (РГИА СПб). Ф. 14. Оп. 1. Д. 8933. Л. 23-23об.
5. Российский государственный исторический архив Санкт-Петербурга (РГИА СПб). Ф.14. Оп. 1. Д.8933. Л.23.
6. Российский государственный исторический архив Санкт-Петербурга (РГИА СПб). Ф. 14. Оп. 1. Д. 8933. Л. 40об.
7. Письма Н. Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. СПб., 1893.С. 7-8.
8. Письма Н.Ф.Катанова... С. 8.
9. Письма Н.Ф. Катанова... С. 10.
10. Письма Н.Ф. Катанова... С.18.
11. Письма Н.Ф. Катанова... С.25.
12. Письма Н.Ф. Катанова... С. 26.
13. Письма Н.Ф. Катанова...С. 63
14. Письма Н.Ф. Катанова... С.95-107.

15. Санкт-Петербургский Филиал Архива РАН (СПБ.Филиал А РАН). Ф.177, Оп.2, Д. 125. Л. 1.
16. Санкт-Петербургский Филиал Архива РАН (СПБ.Филиал А РАН). Ф.87, Оп. 3. Д. 175.
17. Санкт-Петербургский Филиал Архива РАН (СПБ.Филиал А РАН). Ф.777. Оп. 2. Д.197. Л. 1об.

Литература:

1. Вайнштейн С.И. Этнографические исследования Н.Ф. Катанова у тувинцев и других тюркоязычных народов // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. IV. М., 1968. С.34;
2. Известия императорского русского географического общества. 1889. Т.ХХIV. С.421–423.
3. Известия императорского русского географического общества. 1889. Т. ХХIV. С. 469.
4. Катанов Н.Ф. Среди тюркских племен // Известия русского географического общества. 1893. Т.ХХIX. С. 522, 527.
5. Катанов Н.Ф. Среди тюркских племен // Известия русского географического общества. 1893. Т.ХХIX. С. 520.
6. Катанов Н.Ф. Бубен и колотушка шамана по описанию минусинских татар // Известия Томского университета. 1890. Кн. 2.С.237-239;
Катанов Н.Ф. Поездка к карагасам в 1890 году // Записки Русского географического общества. 1891. Т.ХV1. Вып.2. С.133-230; Катанов Н.Ф. Среди тюркских племен // Известия Русского географического общества. 1893. Т. ХХIX. С. 519-541; Отчет о поездке в Восточную Сибирь, Монголию и Северный Китай в 1890 и 1891 гг. // Живая старина. 1892. Вып. 4.С. 111-122; Письма Н.Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. СПб., 1893.
7. Катанов Н.Ф. Маньчжурско-китайский «ли» (закон) на наречии тюрков Китайского Туркестана // Записки Восточного отделения русского археологического общества. 1902. Т. ХIV. С. 31-75.

8. Катанов Н.Ф. Поездка к карагасам в 1890 году // Записки русского географического общества. 1891. Т.XV1. Вып.2. С.133-230
9. Кужугет А.К. Неопубликованный труд Н.Ф. Катанова «Очерки Урянхайской земли» // Наследие Н.Ф. Катанова: история и культура тюркских народов Евразии: Доклады и сообщения международного научного семинара, 30 июня – 1 июля 2005 г. Казань, 2006. С.46-49;
10. Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XV11в. – 1917 г.). СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1993. С.287.
11. Покровский И.М. Памяти проф. Н.Ф. Катанова // Известия общества археологии, истории и этнографии (ИОАИЭ).1923. Т. XXX11. Вып. 2. С. 247.

UDC 991

Valeev Ramil Mirgasimovich

Doctor of Historical Sciences, Professor

Kazan (Volga) Federal University, Republic of Tatarstan, Kazan

e-mail: valeev200655@mail.ru

Valeeva Roza Zakariyevna

Kazan state institute of culture and arts,

Republic of Tatarstan, Kazan

Tuguzhekova Valentina N.

Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of Khakass Research Institute of

Language, Literature and History Khakass Research Institute of Language,

Literature and History, Republic of Khakassia, Abakan.

Martynova Yulia A.

Candidate of Historical Sciences, Assistant

Kazan (Volga) Federal University, Republic of Tatarstan, Kazan

Mineeva Maria S.

Graduate student Kazan (Volga) Federal University, Republic of

Tatarstan, Kazan e-mail: sade.mineevamasha2014@gmail.com

“PROF. N.F. KATANOV AND HIS CONTRIBUTION TO THE RESEARCH OF ETHNOGRAPHY AND FOLKLORE OF TURKIC PEOPLE IN CENTRAL ASIA”.

Abstract. This paper presents the basics of scientific and social activities of the Turkologist N.F. Katanov (1862-1922), including his expeditions and publications devoted to the Turkic peoples and their culture. It also lists basic publications about the scientist to this day - presented "katanovedenie".

Keywords: Katanov, ethnography, folklore, Central Asia, Turkic people, culture, publications, fieldwork.

УДК 821.512.1`091:929

Василюк Оксана Дмитриевна

*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины, г. Киев*

E-mail: o_vasylyuk@yahoo.com;

Валеев Рамиль Миргасимович

*доктор исторических наук, профессор Казанский (Приволжский)
федеральный университет, Академия наук Республики Татарстан, г.*

Казань E-mail: valeev200655@mail.ru

ТЮРКОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ А. Е. КРЫМСКОГО (РУБЕЖ XIX – XX ВВ.)

Аннотация. В статье всесторонне рассматривается тюркологическое наследие академика Агафангела Ефимовича Крымского (1871–1942).

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена значимостью тюркологии в современном мире. Это предполагает учёт достижений востоковедов рубежа XIX-XX веков. Основное внимание уделено разнообразным работам, написанным Крымским во время работы как в Лазаревском институте восточных языков, так и в Украинской академии наук. Особое внимание уделено неопубликованным исследованиям, хранящимся в фондах Института

рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. Выявлены научные направления его тюркологических студий. Материалы статьи могут быть полезными для изучения тюркологии, для преподавания тюркских языков, истории, литературы, культуры.

Ключевые слова: Агафангел Крымский; тюркология; наследие; литература; язык; рукопись.

Исследование тюркского социополитического, культурного и этнолингвистического пространства Евразии является давней и значимой традицией практических, академических и университетских центров России и Европы, в том числе Украины. Особо важную роль тюркское политическое и культурное наследие играло в истории и культуре народов России, Украины и современных тюркских государств. Известные государства и общества тюркского мира (Тюркские каганаты, Волжская Булгария, Улус Джучи, Османская империя и другие государства средневековья и нового времени), географические и историко-культурные регионы традиционного проживания тюркских народов Российской империи и в целом Евразии стали объектом и предметом исследования российских и европейских востоковедов-тюркологов XIX – нач. XX в. Исключительную роль в институционализации и профессионализации мировой тюркологии сыграл А. Е. Крымский [1].

В истории российской и украинской тюркологии А. Е. Крымский (1871–1942) занимает особое место. Жизнь и биография российского и украинского арабиста, ираниста, тюрколога и слависта связаны с тремя основными периодами – московским (1892-1918), бейрутским (1896-1898) и киевским (1918–1941). Знаток арабо-мусульманских языков, он создал капитальные труды по истории арабов, персов, тюрок и других народов [23].

В московском Лазаревском институте восточных языков (1889–1892) он изучал арабскую филологию, арабскую литературу и ислам. Персидский язык и литература, турецкий язык и литература также были в центре его

востоковедческого образования [2]. Тюркским наследием А. Крымский интересовался с детства. Его предок, татарский мулла, в конце XVII века переселился из Бахчисарая в Белоруссию (Речь Посполитую). В 1871 г. Ефим Крымский как учитель был переведен из Литвы на Волынь, где и родился его сын Агафангел Крымский. В своих письмах А. Е. Крымский отмечал, что, сохранившиеся через несколько поколений характерные восточные черты лица и у отца, и у него, не давали ему забыть свои корни. Он считал тюркологию очень важной для себя [4; 5; 33].

Истоки тюркологической деятельности А. Е. Крымского связаны с «Энциклопедическим словарем» Брокгауза и Ефрона. Его первые тюркологические работы: “Кадын” (1894), “Кылыдж-Арслан I”, “Кылыдж-Арслан II” (1896), “Магомет I” (1896) и другие были напечатаны в этом известном словаре. Для российских энциклопедий рубежа XIX – XX вв. было написано более 200 статей, из них около 70 были посвящены тюркологии [3].

Следующая особенность тюркологических исследований была связана с тем, что работы А.Е. Крымского начинались как пособия для студентов Лазаревского института восточных языков (1898–1918 гг.). Это “Грамматика турецкого языка”, хранящаяся в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Он не раз обращался к подготовленному тексту, все больше совершенствуя его [8]. “Научно-практический курс турецкого языка” состоит из шести рукописных тетрадей на украинском языке [10]. В начале 1920-х гг. А. Е. Крымский готовил свой курс турецкого языка для преподавания украинским студентам. Эти рукописи интересны тем, что излагая материал он начал формировать украинскую научную терминологию [9]. Также можно обратить внимание на другие его интересные рукописные материалы по тюркологии [12, 7, 13].

Истоки его фундаментального исследования “История Турции и её литературы» также связана с лекциями для студентов. Вначале Крымский издаёт вторую часть работы — “от расцвета до начала упадка” [26], а следом выходит первая часть — “от возникновения до начала рассвета [25].

Крымский начинает изложение с определения, что турецкое (или тюркское племя) очень многочисленно и расселилось от гор Алтая (своей родины) и границ Китая — до славянских и греческих областей на Балканском полуострове. Крымский считает, что более всех продвинулись в сторону Европы те турки, которые двигались со своей исторической родины не на Урал-Волгу, Дон и Черноморские степи, а на среднеазиатскую реку Амур-Дарью, через неё в Персию (Иран) и далее в Малую Азию.

Основное внимание к оригинальным источникам, характерная черта работ А. Е. Крымского. В своих исследованиях он опирается как на восточные, так и славянские и западноевропейские источники. В сборнике “Царьград” А. Е. Крымский размещает свой очерк “История Турции”. Он отмечает, что став союзником Германии, Турция рискует в случае поражения быть окончательно изгнанной из Европы [27].

После переезда в Киев в 1918 г. А. Е. Крымский принимал активное участие в создании Украинской академии наук. Современники отмечали, что именно благодаря его усилиям удалось сохранить и развить национальную академию [33].

Следует обратить и на новый этап его востоковедческих, в том числе тюркологических исследований.

В 1924 г. была опубликована “История Турции с 13 рисунками, взятыми по большей мере из старопечатных изданий XVI-XVIII вв.” на украинском языке. В 1926–1927 гг. издаются также на украинском языке работы – “Вступление к “Истории Турции”” “История Турции и её писательства” и “Из истории турецкого писательства XVI в.” и др.

В 1934–1935 гг. он готовился написать большую работу по истории новоосманской литературы до современности, с анализом причин упадка турецкой литературы [33]. Полная рукопись не сохранилась. В Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского текст – “Новоосманская литература” представляет 12 листов машинописи на русском языке и 13 листов рукописного текста на украинском языке. А. Е.

Крымский пишет, что в XIX в. в турецкой литературе заметно европейское влияние. Он анализирует произведения Ахмеда Вефик-паши, Шинаси, Намыка Кемаль-бея, Абдульхака Хамида, Махмуда Экрема, Ахмеда Мидхата и других известных писателей [11].

К 1930-х годов относятся публикации А. Е. Крымского, посвященные литературам и языкам тюркоязычных народов СССР. Личный интерес тюрколога к этому направлению прослеживается в архивных фондах Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского [20; 28; 29].

Дадим краткий обзор некоторых неизвестных в полной мере архивных материалов. Работа “Башкирский язык и литература” написана в 1938 году. Он описывает произведения своих современников – А. Тагирова, Д. Давлетшина, Д. Юлтыева, М. Гафури и многих других писателей и поэтов Башкирии [18].

Статья “Туркменская литература” хранится в двух архивных делах. Например, А. Е. Крымский анализирует творчество Махтум-кули и туркменских поэтов (Шейдаи, Караджоглан, Майруфи, Кемине). Тюрколог завершает свой анализ выводом о том, что хотя русская администрация и создала в Ашхабаде и крае свои школы, но не создала основы для формирования новой туркменской литературы и возможно новая власть поможет рождению новых поэтов и писателей [16, 19].

Небольшая статья “Литература Туркестана” также написана в 1930-е годы. В ней А. Е. Крымский анализирует антологию “Маджма-и шуара”, где были собраны различные произведения среднеазиатских авторов. Он отмечает, что под влиянием казанских татар и азербайджанцев в Туркестане возникает театр. В целом А. Е. Крымский анализирует творчество современных ему писателей и драматургов – Фитрата, Абдуллы Бадри, Чулпана, Гуляма Зафари, Гази Юнуса, Уйгура и др. Также украинский тюрколог особо отмечает появление исторических статей и монографий авторов, анализирует периодику советской Средней Азии [17].

Рукописную статью “Азербайджанская литература” А. Крымский начинает с тезиса о том, что азербайджанская литература тесно переплетается с османской традицией. В центре его исследовательского внимания творчество Фузули, Месихи, Кавси Тебризского, Касым-бека Закира, Вели Видади, Панаха Вақыфа и других представителей современной азербайджанской литературы [15].

В 1930 году А. Е. Крымский публикует несколько своих статей: “Страницы из истории Крыма и крымских татар”, “К истории нынешней 25% татарской людности в Крыму”, “Литература крымских татар” [32]. Он стал одним из первых тюркологов в изучении крымско-татарской литературы.

Статью он начинает с положения о том, что хотя представители Крымского ханства и участвовали в создании литературы Золотой Орды, всё же эпоху крымско-татарской литературы следует начинать с эпохи Гиреев. Новую крымско-татарскую литературу он начинает с Исмаил-бея Гаспринского и тех, кто были авторами статей в журнале “Тарджиман”. К 1926 году относится рукопись “История крымских эснафов (цехов)”, хранящейся в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И.

Вернадского. В ней автор исследует экономическую жизнь на полуострове в XVI-XVIII веках, показывая бурный рост торговли и ремесла в городах Кафа, Бахчисарай, Карасубазар и в целом экономики Крыма [24].

Огромный интерес представляют его статьи “Страницы из истории северного или кавказского Азербайджана (классической Албании) [Кабала]” и “Страницы из истории северного или кавказского Азербайджана (классической Албании). Шеки”, которые были напечатаны в юбилейных сборниках С.Ф. Ольденбурга (1934) и Н.Я. Марра (1938) [30; 31]. Тюрколог подготовил труд “История кавказского Азербайджана, начиная эпохой клинописных времен и кончая эпохой иранских шахов Сефевидов”. По утверждению Крымского рукопись была закончена [6]. К сожалению, сохранились лишь отдельные фрагменты, хранящиеся в Институте рукописи Национальной

библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Также сохранившийся текст “Истории албанцев или Кавказского Азербайджана” был подготовлен к публикации [21].

А. Е. Крымский также уделял внимание вопросам этнографии. Фольклору тюркских народов посвящены его небольшие опубликованные и рукописные работы. Этой теме посвящена ранняя работа А. Крымского, неполный перевод книги У. А. Клоустона “Народные сказки и придумки. Их миграции и перемены”. В интересной рукописной статье “Народная словесность [о тюркских племенах]” А. Е. Крымский исследует творчество азербайджанских ашиков и других народных певцов, фольклорные памятники тюркских народов [14].

В целом, освещая историю российской и украинской тюркологии и особенно тюркологическое наследие Агафангела Крымского не перестаешь удивляться многообразию его научных интересов. Сегодня многие из его работ стали библиографической редкостью. К великому сожалению, имя выдающегося востоковеда долгие годы было под запретом. В вышедшем к 100-летию выдающегося тюрколога в Киеве пятитомнике были напечатаны и его тюркологические труды. В 1996 г. опубликована “История Турции” на украинском языке по изданию 1924 г. В 2007-2010 гг. Институт востоковедения им. А.Е. Крымского издал два тома его основных тюркологических исследований.

Исследование научного наследия Агафангела Ефимовича Крымского, неотъемлемой и важной частью которого является тюркология, продолжается. Важно в перспективе напечатать все его неизданные работы и особенно эпистолярное наследие, связанное с его письмами известным востоковедам России – В. Р. Розену, В. В. Бартольду, П. К. Коковцеву и др. На современном этапе развития мировой тюркологии его наследие имеет историко-научное, историографическое и культурное значение. Его творчество имеет огромное значение для развития политических и культурных связей народов России и Украины.

Список использованной литературы

1. *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. Москва, 1973.
2. *Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России. Лекции читанные в университете и в Ленинградском институте живых восточных языков. 2-е издание. Л., 1925.
3. *Василюк О.Д.* Агатангел Кримський та “Энциклопедический словарь” Брокгауза-Єфрона // Агатангел Кримський. Нариси життя і творчості. К., 2006. С. 435-442.
4. *Гурницький К.И.* Агафангел Ефимович Крымский. М., 1980. 192 с.
5. Епістолярна спадщина Агатангела Кримського (1890–1941 рр.). Т. II (1918–1941 рр.). К., 2005. 360 с.
6. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (далее – ИР НБУВ). Ф. I, д. 22404. Автобіографія. 10 л.
7. ИР НБУВ. Ф. I, д. 25299. Турецкий язык. 24 л.
8. ИР НБУВ. Ф. I, д. 25306. Грамматика турецкого языка. 255 л.
9. ИР НБУВ. Ф. I, д. 25320. Практическая грамматика турецкого языка. 57 л.
10. ИР НБУВ. Ф. I, д. 25333. Научно-практический курс турецкого языка. 120 л.
11. ИР НБУВ. Ф. I, д. 25334. Новоосманская литература. 28 л.
12. ИР НБУВ. Ф. I, д. 25336. Турецкие слова. 144 л.
13. ИР НБУВ. Ф. I, д. 25338. Турецкий язык. Тетради для практических занятий. 28 л.
14. ИР НБУВ. Ф. I, д. 25341. Народная словесность [о тюркских племенах]. 30 л.
15. ИР НБУВ. Ф. I, д. 25512. Азербайджанская литература. 21 л.
16. ИР НБУВ. Ф. I, д. 25528. Туркменская литература. 7 л.
17. ИР НБУВ. Ф. I, д. 25652. Литература Туркестана. 11 л.
18. ИР НБУВ. Ф. I, д. 25563. Башкирский язык и литература. 26 л.

19. ИР НБУВ. Ф. I, д. 25572. Туркменская литература. 14 л.
20. ИР НБУВ. Ф. I, д. 26674. Прошение акад[емика] Крымского в секретариат II отдела Акад[емии] наук о средствах для перепечатывания работ на машинке. 8 л.
21. ИР НБУВ. Ф. XXXVI, д. 14 [Історія албанів або Кавказького Азербайджану]. 324 л.
22. ИР НБУВ. Ф. XXXVI, д. 675. Тюркские языки [варианты статьи]. 47 л.
23. *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики. Избранные сочинения. Т.V. Москва-Ленинград, 1958.
24. *Кримський А.Ю.* История крымских эснафов (цехов) // Вибрані сходознавчі праці. К., 2010. Т. III. С. 335–346.
25. *Крымский А.* История Турции и её литературы (от возникновения до начала расцвета). М., 1916. 279 с.
26. *Крымский А.* История Турции и её литературы. От расцвета до начала упадка. М., 1910. 164 с.
27. *Крымский А.* История Турции, Царьград. М., 1915. С. 3–34. 28. *Кримський А.* Тюрки, їх мови і літератури // Вибрані сходознавчі праці. К., 2010. Т. III. С. 205–267.
29. *Кримський А.* Тюрки. Тюркские литературы. Тюркские языки // Вибрані сходознавчі праці. К., 2010. Т. III. С. 89–203.
30. *Крымский А.* Страницы из истории северного или кавказского Азербайджана (классической Албании) [Кабала] // Сергею Федоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности 1882–1932. 1934. С. 280–305.
31. *Крымский А.* Страницы из истории северного или кавказского Азербайджана (классической Албании). Шеки // Памяти академика Н.Я. Марра (1864–1934). 1938. С. 369–384.
32. Студії з Криму. К., 1930. 214 с.
33. *Циганкова Е.* Сходознавчі установи в Україні. Радянський період. К.: Критика, 2007. 292 с.

Vasylyuk Oksana Dmitrievna
PhD in History, Senior Research Fellow A. Krymsky Institute of
Oriental Studies of the NAS of Ukraine, Kiev [E-mail: o_vasylyuk@yahoo.com](mailto:o_vasylyuk@yahoo.com)

Valeev Ramil Mirgasimovich
Kazan (Volga region) Federal University, Kazan
E-mail: valeev200655@mail.ru

AGATHANGEL KRYMSKY'S TURKOLOGY HERITAGE (BOUNDARY XIX – XX CENTURIES)

Abstract. The article thoroughly examines the legacy of Academician Turkological Ahatanhel Yukhymovych Krymsky (1871-1942). The urgency of the problem under investigation due to the significance of Turkology in the world today. This involves accounting achievements Orientalists the XIX-XX centuries. The focus is on a variety of works written during Krymsky in the Lazarev Institute of Oriental Languages, and the Ukrainian Academy of Sciences. Particular attention is given to unpublished research, stored in the collections of the Institute of Manuscripts of the National Library of Ukraine named after V.I. Vernadsky. Identified research areas of its Turkological studios. Article Submissions may be useful for the study of Turkic Studies, teaching the Turkish language, history, literature and culture.

Key words: Agathangel Krymsky; heritage; turkology; literature; language; manuscript.

УДК 94(47)+39 "19" (=512.145)

Мишкинене Г.А.

ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОЙ ОБРЯДНОСТИ ЛИТОВСКИХ ТАТАР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА: СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД (НА МАТЕРИАЛЕ АРАБОГРАФИЧНЫХ РУКОПИСЕЙ ЛИТОВСКИХ ТАТАР)

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности свадебного обряда и торжественных речей во время венчания (никяха) у литовских татар. Свадебный обряд является одним из наиболее непритязательных обрядов, незначительно изменившимся со времени его появления, а произнесение имамом торжественной речи (проповеди) во время свадебного обряда – наиболее интересным моментом в традиции литовских татар. Церемония бракосочетания довольно полно описана в монографии С. Кричинского «Литовские татары» в разделе «Обычаи и обряды». Со временем торжество, посвященное бракосочетанию, стало все более походить на свадебную традицию местного населения.

Одним из ярчайших примеров проникновения местных традиций христианского окружения в обрядовость литовских татар является проповедь перед обрядом венчания и возложением венца на голову невесты. Проповеди встречаются как в китабах, так и хамаилах литовских татар. В статье приводится транслитерированный текст *Проповеди перед венчанием* из молинок хамаила, хранящегося в Отделе рукописей и редкой книги библиотеки Казанского (Приволжского) федерального университета.

Только опираясь на письменные источники и живую традицию, появляется возможность представить более полную и всестороннюю картину обрядовости у литовских татар.

Ключевые слова: свадебный обряд, проповедь, литовские татары, арабографические рукописи, традиция

Выходцы из Золотой Орды и Крыма в течение 600-летнего пребывания на территории бывшего Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ) в силу своего некомпактного проживания представляли собой менее или более сильные этнические анклавы. Несмотря на быструю утрату родного тюркского языка, литовские татары сохранили свою религию – ислам, который глубоко проникнув в самосознание татарского народа, способствовал сохранению их идентичности. Благодаря исламу в

обрядовости литовских татар сохранились элементы обычаев и традиций тюркских народов. К наиболее распространенным и хорошо сохранившимся обрядам литовских татар следует отнести обряд имянаречения, свадебный и погребальный обряды. Они же остались и наиболее консервативными в традиции литовских татар.

Обрядовость литовских татар наиболее полно описана в монографии Станислава Кричинского «Литовские татары» (1938), несмотря на то, что прошло почти сто лет после публикации монографии, значение ее не утрачено до сих пор. Другим важным источником являются опубликованные транслитерированные тексты рукописей литовских татар. Для исследователей доступными являются тексты пяти рукописей, в том числе наистарейший Казанский китаб (1645), хранящийся в библиотеке Казанского (Приволжского) федерального университета. И если обряд погребения довольно неплохо освещен в литературе, то свадебному обряду было отведено очень скромное место. Свадебный обряд является одним из наиболее непритязательных обрядов, незначительно изменившимся со времени его появления. Произнесение имамом торжественной речи во время свадебного обряда – наиболее интересный момент в традиции литовских татар. Такие торжественные речи (проповеди) зафиксированы и сохранились в письменности литовских татар.

Особенности свадебного обряда и торжественных речей будут рассмотрены в предлагаемой автором статье.

С. Кричинский в своей монографии «Литовские татары» в разделе «Обычаи и обряды» описал свадебный обряд у литовских татар¹⁰⁰. Церемония бракосочетания проходила в доме родителей невесты, куда приглашался имам и двое свидетелей. В дом жениха также приглашался имам и близкие родственники по мужской линии. Имам читал молитву и обводил жениха и гостей три раза вокруг стола. В некоторых случаях мог

---

¹⁰⁰Kričinskis S. Lietuvos totoriai. Istorinės ir etnografinės monografijos bandymas (1938). Iš lenkų kalbos vertė T. Bairašauskaitė. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1993, p. 206–208.

обводить и вокруг дома¹⁰¹. После этого вся процессия отправлялась в дом невесты. Перед домом их встречала с хлебом и солью родственница невесты, которая иногда могла накинуть на себя вывернутый полушубок. Встречая жениха, его обильно осыпали зерном нового урожая, что должно было символизировать богатство и счастье. Обход вокруг стола (дома), встреча жениха родственницей невесты в вывернутом на изнанку полушубке, осыпание жениха зерном, – все это, как отметил С. Кричинский, характерно свадебным обычаям белорусов и других славянских народов. Иногда невеста в ожидании жениха могла сидеть на подушках.

На покрытом белой скатертью и украшенном миртой столе лежит Коран, стоят две горящих свечи, хлеб и соль. За столом сидят имам и два свидетеля (ар. *vakil* или ар. *šahid*), перед ними на коврике или овечьей шкуре стоят молодые, лица которых направлены в сторону Мекки. Перед обрядом венчания имам спрашивает о сумме приданного (ар. *nikâh*), которую платит жених в случае развода. Прочитав молодым проповедь и короткую молитву, имам просит «загаремить» (ар. *harem*) невесту, т.е. опустить на лицо невесты вуаль. Во время прочтения молитвы имамом, молодые стоят, держась за руки, определенным образом сплетя пальцы. Имам просит обменяться обручальными кольцами и первым желает молодоженам счастливых лет жизни. Потом к поздравлениям присоединяются все остальные – родственники, друзья. С процедурой поздравлений связано несколько предрассудков. Во-первых, для того, чтобы молодожены в будущем не испытывали ни в чем недостатка, ни в коем случае им нельзя подавать голой руки, рука всегда должна быть обернута платочком. Во-вторых, поздравляя невесту необходимо оторвать лоскуток вуали, или хотя бы дотронуться до

После церемонии бракосочетания, когда молодожены идут в дом жениха, соседи встречают их с ведром воды или чинят незначительные преграды, за преодоление которых жених должен откупиться. Подобный обычай известен и тюркским народам Средней Азии.

---

¹⁰¹ Borawski P., Dubiński A. Tatarzy polscy. Dzieje, obrzędy, tradycje. Warszawa, 1986, s. 192.

Увенчанием церемонии бракосочетания становятся обильное угощение из традиционных блюд, танцы и игры. Среди традиционных блюд – пельмени, беляши, перекачевник, суп из лука. Традиционный татарский напиток – сыта – вода, подслащенная медом, подаваемый во время любых обрядов, постепенно вышел из употребления. Со временем и само торжество, посвященное бракосочетанию, стало все более походить на свадебную традицию местного населения.

Проповеди перед обрядом венчания и возложением венца на голову невесты – это еще один из ярчайших примеров проникновения местных традиций христианского окружения в обрядовость литовских татар.

Проповедь при возложении венца на голову невесты, как отмечает исследователь татарской письменности А. Дрозд, использовалась в среде литовских татар, по крайней мере до конца XVIII в.¹⁰² Как долго этот элемент просуществовал в культуре литовских татар неизвестно, так как текст проповеди сохранился лишь одной из рукописей (китабе Яна Лебеда, 1771– 1775, с. 145–149) и не был нигде зафиксирован в этнографических исследованиях XX в. Источником проповеди был текст из рукописной хроники семейной жизни (лат. *silva rerum*), популярного литературного жанра в старопольский период. Проповедь перед обрядом венчания встречается как в китабах, так и хамаилах литовских татар¹⁰³. Источником *Проповеди* послужил старопольский литературный текст „Mowu przyoddawaniu rannu w łóżnicy”, взятый из сборника „Spizarnia aktów rozmaitych, które się przyzałotach, weselach, bankietach, pogrzebach i tym podobnych i innych zabawach odprawować

---

¹⁰²Drozdz A. „Z badań nad staropolskimi zapożyczeniami w literaturze Tatarów“, *Orient w kulturze polskiej*. Warszawa: Dialog, 2000, s. 152.

¹⁰³**Китаб** – одна из жанровых разновидностей рукописей литовских татар, это объемные сборники, в которые входят тексты различного содержания: основы исламского вероисповедания, предания о жизни и деятельности пророка Мухаммеда, описания обрядов и ритуалов, а также основных религиозных и семейно-бытовых обязанностей мусульман. **Хамаилы** являются сборниками молитв на арабском и тюркских языках, включающими в себя также материалы по мусульманской хронологии, советы по лечению болезней при помощи молитв, толкования снов, описания совершения обрядов.

zwykły”, который периодически переиздавался в Кракове с 1632 по 1680 год, в том числе в 1641 г. был издан и в Вильне¹⁰⁴.

Ниже приводим транслитерированный текст *Проповеди перед венчанием* из молинского хамаила, хранящегося в Отделе рукописей и редкой книги библиотеки Казанского (Приволжского) федерального университета (сигнатура 3246 ар.), и его близкий к дословному перевод на русский язык (деление текста на сегменты и абзацы введено для того, чтобы облегчить понимание содержания).

bab // porondek pred ml-bem // jak pred ml-bem zbor«n»e / to ±mam te oracija bence ¶ital // oracija / jak stano do ml-bu // pri°a¶entej vekoistej prijia&ni / najpervej potreba blogoslavenstvo bo»ego ± rodzic«v ±x m«©c pan-v mlodix a prijacol proµonix v nastempnix virazax // moje velce m«©c panove mlodzi / »e bi©ce vedzel± co to jest stan mal»ensi / proµe i bi©ce v± sl-xac ra¶i±± // to jest najperµe pravo i najdavneju± °akon od po¶i«ntk- ¶v°ta «d samego boga jest v±dan± dekret / ab± ¶lovek v mal»en©±x granicax late svoje zachovival prebencaj«nc vek sv«j // ne- ilko to - nas ale i °u calim ©vec± te pravo zachov-j« i maj«n svojo povag± // preto prim-je©e nove laska i nove blog«slavenstv« od samego boga i ±x m«©c panstvo rodic«v mlodix / v ¶ist«©ci i v poµanova¶- jedno dr-gem- vµejej skr«mn«©ci stan- svojego na vek sv«j zachovivac povif± // vopovede©e primera ne¶i©t«©ci µatanov± preklentem- «d boga / a preciv nem- / preciv« l-udzej pok-©e b«g °a tim ¶loveem vstemp-je v °ak«n i nove granica bere prijacela v tovaristvo «d boga nazna¶ono / µ¶en©ca do »iv«tnego pelni©e r«°ka°afe najviµego pana boga // o ¶lim tom vµistim jest v°domo i ©va¶em± »e ta pri©enga °von°ak nerozervani v prijane i v milo©ci z-µpelnej na vek svoj v granica latax zam°onix stan- mal»ensego stan- zach«vuj« prez ¶loveka prelo»onego bi©mem ©vemtim / «d boga vidanim i pravem polo»onim -tverdizic na to ¶loveka nav¶onego i «proµego jako to jest napisano po arab©k- v te slovo <...> ale »e neka»d± ‘a[?]°abin ro°umec mo»e / o to te slova jest tl-ma¶ione / jako te» i° pi©ma ©ventego ° arab©ego ° r«&dzal- perµego // to samo ¶in± ed± b«g jed±n± pan nanajvisu± stv«rca neba i &em± xc«nc ^b«stva svego moco i volo ± «°dobo svoj«n calem- ©v°tovi poka°ac i «bjavic svoj«n m«©c i vladze i v«la jeho jedifego boga / napo¶i«ntk- ©v°ta -tvoril nebosa ± &em° / ale »e neb±l« kom- // dn° µ-stego p«ntkovego -tvoril b«g adama perµego ¶looveka i° &em± prox- dla p«°nafa ©ebe samego / jako to m-v± po ° arab©k- <...> i dla xvali boga stvoricela svego / i °a razem pokazal jem- b«g mejsko v raj- / ktori ¶lovek adam vst«npivµ± ve vµelaix okvitn«©ci i ro©kou± «gr«du ©li¶nego «d samego boga spor«ndzonego // v ted± mal adam na serc- svojim velka -e©kn«©c i po»«ndliv«©c / tilk« ± sam nevedzal / ¶jego b± »«ndac mal b± // a» v tim rekl pan b«g do adama / ned«bre pic adam«vi samem- jednem- ¶i±ne m- pomoc // i prip-©cil na adama tvard± sen / i zasnl adam / i vij«l b«g adam«v± jedno »ebro s k«©ci i zavarl tam znov- calem i -tvor±l s tego »bra nev°sta i nazval j« eva tovarixa adam«vi // i rekl adam / o to k«©ci m«jix / a calo z cala mego / to naz±vaj« m«n» / bo ° men°a jest v«enta preto op-sci mon» «jca svego i matka svej«n a pripadne i priligne do »on± svojej - v°r± i v mil«©ci i v p«sl-µenstve z-bopolnej v mal»en©ej prijane i» do »ivota svego / po± vas pan b«g u »ic- xovac bendze

¹⁰⁴Drozd A. „Z badañ nad staropolskimi zapoµyczeniami w literaturze Tatarów“, *Orient w kulturze polskiej*. Warszawa: Dialog, 2000, s. 152.

raʃil // ʃi ml-b-jeu jeho mo@c pan mlodi svojo obl-benica o ver± i pri@enga i v p«sl-µenstve a bi@ce meµkali // tak te» i paŕ« mloda ʃi ml-b-jeu i ne«dstemp-jeu pri@eng± °v«nsk¬ mal»en@ego ve vµelaix ´erminax / jak v dobrim ra&e / tak i v °l±m ra&e/ a» do °ivota svogo / poi vas b«g v °ic¬ x«vac bendre raʃil na @vece svojim / bo pri@enga gdi b± v± jedno dr-geg« nevust«npoval± i pilnoval± a» po± b«g na @vece bendze xoval do @merci am±n [cc. 139b–142a].

глава // правила венчания // когда соберутся перед венчанием / то имам будет читать эту проповедь // проповедь когда станут перед венчанием / результатом дружеских отношений / во-первых необходимо просить благословения бога и родителей молодоженов и приглашенных в следующих выражениях // мои многоуважаемые господа молодые для того чтобы вы знали что такой супружеский союз / прошу меня внимательно выслушать / то есть первое право и древнейший закон от начала существования мира от самого бога есть изданный декрет / чтобы человек свою жизнь весь отведенный ему срок состоял в супружеском союзе // не только у нас но и во всем мире придерживаются этого права и осознают всю его важность // между тем принимаете новую милость и новое благословение од самого бога и их милости родителей молодых // вы обязаны сохранять все время свой союз в скромности целомудрии и в уважении друг к другу // отказаться от проклятого богом дьявола нечистоты // в противовес этой нечистоте и людскому соблазну бог этому человеку предназначил вступление в правый союз и новый придел когда он берет в товарищи приятеля счастье жизни предназначенное ему самим богом / да исполнится воля бога // об этом всем известно из святого писания / и свидетельствуем что этот неразрывный союз будет длиться в дружбе и в полной любви на протяжении всей жизни в отмеренный человеку век // святое писание присланное богом и предназначенное правом через ученого мужа передавшего это как есть записано по-арабски такими словами <...> только не каждый может понять эти арабские письмена и поэтому здесь переведены эти слова из святого писания из первой главы // когда бог единый великий творец неба и земли желая показать свою божескую мощь и величие целому миру и объявить свою мощь и волю единого бога / в начале сотворил небо и землю / но не было кому // шестого дня в пятницу бог сотворил Адама первого человека из земли и праха чтобы познать самого себя / как говорится по-арабски <...> и вознесем хвалу творцу мира / и показал бог ему место в раю / когда человек Адам вошел в сад и увидел роскошь и красоту прекрасного сада сотворенного самим господом / только сердце ему сжимала невероятная тоска / и он не знал чего еще желать // и сказал тогда бог Адаму / нехорошо быть Адаму самому одинокому / я должен ему помочь // и напустил на него сон / и заснул Адам крепким сном / и выбрал бог одно ребро из Адама и вновь склеил тело / а из ребра того сделал женщину и назвал подругу Адама Евой // и сказал Адам это из костей моих / а тело из моего тела / и это называется муж / так как взята из мужа // кроме того муж оставит своего отца и мать свою / и припадет и прикипит к жене своей и будет ее любить и в повиновении и в большой приязни будет их союз до конца жизни / пока бог их будет охранять в их жизни // берешь ли ты молодой человек в жены свою возлюбленную по любви и по доброй воле и обещаешь жить в любви и согласии // также и молодая берешь ли в мужья и не отказываешься присягнуть на верность в супружестве на всю оставшуюся жизнь / как в дни счастья так и несчастья до конца жизни / пока вас бог будет беречь в этой жизни // чтобы вы не отрекались друг от друга и берегли друг друга пока бог будет беречь вас до смерти / аминь.

Версия текста, приведенного выше, является одной из наиболее часто встречающихся в рукописях литовских татар. Текст *Проповеди перед венчанием* представляет собой компиляцию, состоящую из двух частей: текста, взятого из „Mowuprzyoddawaniurannyw łożnicy” и адаптированного согласно мусульманскому канону, и фрагментов текста из Ветхого Завета (Быт. 1:26 и Быт. 2, 18–25) о сотворении земли и неба, первого человека – Адама и его спутницы – Евы. И. Радзишевска сравнила два текста *Проповеди перед венчанием* их Гданьского хамаила (1802) и хамаила Александра Александровича (1865) с текстом „Mowuprzyoddawaniurannyw łożnicy” (17 в.)¹⁰⁵. Следует отметить, что и транслитерированный автором статьи текст *Проповеди перед венчанием* из хамаила, хранящегося в Отделе рукописей и редкой книги библиотеки Казанского (Приволжского) федерального университета (сигнатура: 3246 ар.) и хамаила XX в., хранящегося в Отделе арабистики и исламоведения Восточного института Варшавского университета (сигнатура: inw. 8427)¹⁰⁶, по содержанию и структуре аналогичен тексту из двух хамаилов, исследованных И. Радзишевской. В текстах можем наблюдать незначительные различия на уровне графики и лексики. Порядок совершения свадебного обряда (ар. *nikâh*) и его составные части могли быть прописаны в рукописях, как в своей пространной форме, так и в краткой¹⁰⁷.

В заключении следует отметить, что брачность является одним из важнейших показателей, определяющих демографическое поведение. Демографическое состояние общины литовских татар в конце XIX – начале XX века рассмотрено в статье Т. Байрашаускайте «Татарская и караимская

---

¹⁰⁵ Radziszewska I. „Elementy obyczajowości Wielkiego Księstwa Litewskiego na przykładzie oracji weselnych w tatarskim rękopiśmiennictwie”, *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kalbos, kultūros ir raštijos tradicijos*. „Bibliotheca Archivi Lithuanici 7”. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2009, s. 346–356.

¹⁰⁶ Мишкинене Г. „Последам Казанскогo китаба КУ-1446”, *Senoji lietuvių literatūra*, 24. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2007, p. 263–285.

¹⁰⁷ Мишкинене Г., Намавичюте С., Покровская Е.

Каталог арабско-алфавитных рукописей литовских татар. Вильнюс, 2005, с. 128.

общины в XIX веке: демографический аспект»¹⁰⁸. Сохранившиеся источники, а именно метрические ведомости, позволяют воспроизвести демографическое поведение типичной татарской семьи только в общих чертах и выявить основные тенденции их демографического состояния. Как отмечает исследовательница, «в татарской общине преобладало ранее замужество, более половины невест выходили замуж до 20 лет, а невесты старше 30 лет составляли исключение. В то же время мужчины женились поздно. Предположительно одной из причин относительно поздних браков являлся экономический фактор. Размер *никяха* колебался от 15 до 1000 рублей серебром в зависимости от состоятельности жениха»¹⁰⁹. В хамаиле начала XIX в., хранящимся в Национальном музее Литвы (сигнатура: R-13.031), указывается, что сумма *никяха* не может быть меньше, чем сорок золотых: «никах мней небендзе йак чтирдзе́це злѳтих и грѳший...» (лл. 89–91).

После исследования метрических ведомостей деревни Сорок Татар и Небезжиса, исследовательница пришла к выводу, что обмен женихами и невестами в основном происходил между татарскими поселениями Литвы и Беларуси. До развода в татарских семьях «доходило редко, несмотря на то что в нехристианских конфессиях развод был более доступным, чем в католической или православной»¹¹⁰. За веками отшлифованными семейными ценностями стояли забота о содержании семьи, воспитание детей, супружеская верность, взаимное уважение, трезвый образ жизни. Именно эти ценности способствовали крепким и неразрывным брачным узам.

Не менее интересными для исследователя являются сопоставительные исследования свадебного обряда среди родственных тюркских народов. Так в статье Д. Дединаса и П. Роговича «Обрядовость у татар и турок. Рождение,

---

¹⁰⁸ Байрашаускайте Г. „Татарская караимская общины в XIX веке: демографический аспект“, *Orientas Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos visuomenės tradicijoje: totoriai ir karaimai*. „Lietuvos istorijos studijos 6“. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2008, с. 45–57.

¹⁰⁹ Там же, с. 48–49.

¹¹⁰ Там же, с. 51.

свадьба, похороны»¹¹¹ были описаны элементы совершаемых обрядов при рождении, во время свадьбы и похорон у литовских татар и турок. Такое сопоставление наглядно показало какие из элементов обрядовости бесследно исчезли из традиции литовских татар, а какие сохранились.

Недостаточно освещенным на сегодняшний день в научной литературе является и состояние свадебного обряда у литовских татар во второй половине XX – начале XXI веков. Опираясь на письменные источники и живую традицию, есть возможность представить более полную и всестороннюю картину обрядовости литовских татар.

Galina Miskiniene

**FEATURES OF TRADITIONAL RITES OF LITHUANIAN TATARS IN
THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY:
WEDDING CEREMONY (ON THE MATERIAL OF LITHUANIAN
TATARS MANUSCRIPTS
WRITTEN IN ARABIC SCRIPT)**

Abstract. This article examines the features of the wedding rite and solemn speeches during the wedding ceremony (Nikah) of Lithuanian Tatars. The wedding ceremony is one of the most unpretentious rites, which has changed insignificantly from the time of its occurrence, and the most interesting moment during the wedding ceremony in the tradition of Lithuanian Tatars is a solemn speech (sermon) of the imam. The wedding ceremony is quite completely described in the monograph of S. Krichinsky “Lithuanian Tatars” in the part named “Customs and Rituals”. Over time, celebration dedicated to the wedding, has become more and more alike to the wedding traditions of a local inhabitants.

One of the most excellent examples of the infiltration of local traditions of the Christian environment to the ritual of Lithuanian Tartars is a sermon before the wedding ceremony and wreath laying on a bride's head. Sermons are being found

---

¹¹¹ Dedinas D., Rogovič P. „Totorių ir turkų papročiai. Gimimas, vedybos ir mirtis“, Lietuvos totoriai Nr. 4 (87), 2005 m. liepos–rugpjūčio mėn., p. 14–15.

in Kitabs as well as in Chamails of Lithuanian Tatars. The transliterated text *Sermons before the wedding* from the chamail, stored in Manuscript and rare books department of the Kazan (Volga region) Federal University, is being presented in this article.

Only relying on a written sources and live tradition, it is possible to provide a more complete and comprehensive picture of Lithuanian Tatars rites.

Key words: wedding rite, sermon, Lithuanian Tatars, manuscripts written in Arabic script, traditions.

УДК 94"1905"(297)

Загидуллин Ильдус Котдусович

*доктор исторических наук, заведующий отделом новой истории
Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, Республика Татарстан,
г.Казань; e-mail: zagik63@mail.ru*

В.П. ЧЕРЕВАНСКИЙ О ПЕТИЦИЯХ МУСУЛЬМАНСКИХ НАРОДОВ 1905 ГОДА

Аннотация.Статья посвящена анализу членом Особого совещания по делам веры под В.П. Череванского поступивших в адрес Комитета министров России петиций мусульманских народов. В.П. Череванский, по сути, стал первым исследователем этих документов, отражающих чаяния и нужды мусульман. В своей “Записке по делам веры мусульман-суннитов” сановник вкратце определил географию петиционной кампании мусульман 1905 г., обратил внимание на схожие печатные и рукописные тексты документов, выделил среди них массовые, воспроизведенные по образцовым текстам, прошения, и ходатайства, выражающие «самостоятельную мысль»; отметил подачу части петиций уполномоченными без соответствующих общественных приговоров, выделил большую роль сельского духовенства в подаче ходатайств, квалифицировал просьбы мусульман на группы,

содержащие «существенные» и «второстепенные» вопросы. В.П.Черванский определил просьбы мусульман, не имеющих, по его мнению, какого-либо отношения к деятельности Особого совещания, и, исходя из наиболее часто повторяющихся их просьб, составил перечень, который рекомендовался обсудить на заседаниях Особого совещания по делам веры дополнительно к ранее определенным журнальными постановлениями Комитета министров вопросам.

Ключевые слова: В.П. Черванский, Записка по делам веры мусульман-суннитов, петиции мусульманских народов 1905 г., религиозные права мусульман, реформа управления духовными делами мусульман, Особое совещание по мусульманским делам под руководством А.П.Игнатъева 1905 г.

Первая российская революция, ставшая общенациональным событием и предзнаменованием глубоких социальных потрясений в империи, оказала огромное воздействие на самодержавие и российских поданных.

Самодержавие, осознающее необходимость перемен в государственно-церковных отношениях и корректировки принципов этноконфессиональной политики, первым сделало шаг навстречу чаяниям нерусского населения страны. Именным высочайшим указом “О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка” от 12 декабря 1904 г. было заявлено о намерении власти провести широкие реформы в общественном устройстве России, в том числе в сфере государственно-церковных отношений с целью упразднения существующих «стеснений» российских поданных, принадлежащих к неправославным конфессиям (п. 6), а также пересмотра “действующих постановлений, ограничивающих права инородцев и уроженцев отдельных местностей империи” (п. 7) [4].

Следующим шагом верховной власти стал именной высочайший указ от 18 февраля 1905 г. [5], предоставивший российским поданным права подавать петиции на имя императора по вопросам, касающимся

усовершенствования “государственного благоустройства” и улучшения народного благосостояния.

Откликнувшись на призыв российского государя, мусульмане России прислали в адрес председателя Комитета министров более 500 прошений, абсолютное большинство петиций поступило от мусульман округа ОМДС (Центральная Россия, Волго-Уральский регион и Западная Сибирь), они подавали ходатайства, как правило, от имени городских и сельских общин и различных сословно-социальных групп. На российских окраинах проявилась другая модель петиционной кампании, а именно – консолидированная подача ходатайств от имени мусульман всего края, губернии [1, с.7].

Составление проектов законов на демократических началах во исполнение п.6 именного высочайшего указа “О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка” от 12 декабря 1904 г.

Комитетом министров было поручено Особому совещанию по делам веры (29 ноября 1905 г. - 28 мая 1906 г.) под председательством члена Государственного совета графа А.П.Игнатъева (1842-1906).

Круг деятельности нового института был, по сути, официально определен постановлениями журналов Комитета министров от 22 февраля и 1 марта 1905 г., высочайше утвержденными 17 апреля 1905 г., когда еще петиционная кампания мусульман находилась на зачаточном состоянии. В частности, Комитетом министров Особому совещанию по делам веры было предписано разработать вопросы, касающиеся исламских институтов: 1) о сооружении «молитвенных домов иноверных исповеданий»; 2) о порядке избрания и назначения должностных лиц мусульманского духовенства – приходских и высших; 3) об освобождении от призыва на действительную военную службу “из запаса” некоторых лиц мусульманского духовенства; 4) о порядке открытия мусульманских школ – мектебе и медресе; 5) об учреждении особых духовных управлений для казахов областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской, а также для мусульманских общин на Северном Кавказе, в Ставропольской губернии,

Туркестанском крае и Закаспийской области; б) о возможности дозволения воспитывать подкидываемых детей в религии принявших их на воспитание иноверных семей [3, с.14].

Высочайше утвержденным 18 июня 1905 г. журналом Комитета министров на Особое совещание по делам веры также было возложено обсуждение вопросов “по пересмотру постановлений, касающихся исполнения мусульманами религиозных требований во время отбывания воинской повинности”[6, с.4].

Рассмотрение петиций мусульман на Особом совещании по делам веры было поручено бывшему заместителю государственного контролера (1889-1897 гг.), члену Государственного совета (с 1897 г.) В.П. Череванскому (1836-1914), который, по сути, стал первым исследователем этих документов, отражающих чаяния и нужды мусульманских народов.

В определении кандидатуры В.П. Череванского в качестве главного эксперта по петициям мусульман сыграло хорошее знание высокопоставленным чиновником общественных отношений и быта мусульман окраин и его творческая натура. Он родился в Крыму, в Симферополе, окончил Херсонскую гимназию, в Санкт-Петербурге он привлек внимание столичной общественности своими литературными произведениями. Будучи сотрудником Государственного контроля, в 1868-1880 гг. В.П. Череванский исполнял обязанности управляющего Туркестанской контрольной палатой, в 1880-1883 гг. – был полевым контролером в Закаспийском крае. После издания им в 1901 г. книги "Мир ислама и его пробуждение», в которой автор характеризовал данное явление цивилизационной угрозой для христианского мира [7, с. VIII], В.П. Череванский получил в правительственных кругах известность как знаток Востока.

Результаты изучения прошений В.П. Череванский изложил в объемной “Записке по делам веры мусульман-суннитов”. Следует отметить, что в распоряжении В.П.Череванского оказались не все адресованные в Комитет

министров ходатайства. Автор пишет о поступлении в Особое совещание до пятисот прошений, между тем, по нашим подсчетам, только мусульманами Волго-Уральского региона в адрес Комитета министров было направлено более 500 прошений и телеграмм [1, с. 410-411].

В.П. Череванский определил географию петиционной кампании мусульман в революционный 1905 год. По его подсчетам среди петиций из окраин отсутствовали лишь прошения мусульман Туркестанского генерал-губернаторства, Закаспийской области и Закавказского края. Критически анализируя тексты прошений, сановник отметил существенное завышение некоторыми уполномоченными численности своих единоверцев в России.

Очевидно, такие повышенные цифровые показатели просителями приводились с целью придания политического веса своим ходатайствам.

Указания оренбургского муфтия М.Султанова и крымских татар о «до 20 млн.» единоверцев в империи он назвал «запредельной» численностью мусульман. При этом сановник ссылался на материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г.: 13,9 млн. мусульман, или 11,1% населения империи (с татарским языком – 3,0 %, с киргиз-кайсацким языком – 3,2%, с сартским языком – 0,3%, с чувашским языком – 0,7 % и т.д.) [6, л.5].

Эксперта привлекли ходатайства сельских обществ Волго-Уральского региона, набранные на печатной машинке Ремингтона. Оказалось, что большинство из них имеет одинаковое содержание. Правомерным представляется вывод В.П. Череванского о том, что они набраны по «образцовым» текстам. По его мнению, «бланки этих прошений воспроизведены с дисциплинарной точностью по преподанным кем-то образцам: при чем бланки, очевидно, рассылались только для приложения печатей и подписей или начертания тамги» [6, л.1 об.]. От внимания сановника не ускользнуло сходство или одинаковость текстов большинства рукописных прошений сельских обществ, в которых повторялись орфографические и грамматические ошибки «образцовых» текстов.

Мы в целом согласны с наблюдением эксперта о том, что составители одинаковых прошений подписывали петиции, не особо не вникая в смысл написанного текста [6, л.1 об.-2]. Видимо, в данном случае сыграла привычка крестьян доверяться в общественных делах своим уполномоченным.

Последние по примеру своих соседей брали тексты у переписчиков, для которых переписывание бумаг за определенное вознаграждение являлось источником существования. Следует отметить, что подача одинаковых прошений практиковалась татарами и в предыдущие петиционные кампании, касающиеся «национального вопроса».

От внимания сановника также не ускользнул факт составления части петиций уполномоченными, которые не приложили к ходатайствам приговоры общества о делегировании им права подачи прошения [6, л.2]. Т.е. с правовой точки зрения такие петиции являлись не выражением коллективного волеизъявления конкретного общества или обществ, а лишь инициативой одного или нескольких просителей. Здесь требуется еще одно пояснение. Ранее, до начала революции, происходило обязательное приложение к прошению общественного приговора, что было обусловлено не только протоколно-процедурными вопросами. Таким путем общество защищало и себя, и своих уполномоченных от судебного наказания. По общественному приговору получалось, что уполномоченные сельского общества, повинувшись коллективному волеизъявлению своих односельчан, выполняли их указание, и тем самым переводили ответственность на все общество. Власти затруднялись применять меру наказания ко всему “миру”. “Круговая порука” крестьян от уголовной ответственности в данном конкретном случае работала в пользу мусульман. Теперь, когда сам государь рескриптом от 18 февраля 1905 г. призвал своих подданных подавать прошения с целью совершенствования государственного строя и улучшения народной жизни, такая мера предосторожности, как составление общественного приговора, потеряла свою актуальность и казалась уже лишним и ненужным занятием. Для справедливости следует отметить, что

значительная часть петиций уполномоченных имеет составленные в установленном порядке общественные приговоры. В этой связи в качестве примера В.П. Череванский привел случай с петицией крымских татар, когда против ходатайства уполномоченных мусульман Крымского полуострова в Комитет министров поступило “контр-ходатайство” за подписью муфтия и нескольких тысяч мусульман. В качестве другого примера было названо протестное прошение пятнадцати имамов г.Казани на проект положения об управлении духовными делами мусульман, утвержденного на совещании улемов в г.Уфе в апреле 1905 г. [6, л.2].

При всей своей проницательности В.П. Череванского, следует признать его поверхностное представление о степени обостренности “национального вопроса» в Волго-Уральском регионе. Об этом свидетельствует его суждение, что повторяющаяся во многих ходатайствах сельских обществ просьба об освобождении от «русификации» высказана лицами, не имеющими и понятия о русской письменности [6, л. 1об.-2.]. Между тем это вопрос был одним из самых обсуждаемых в сельских обществах.

По мнению сановника, хотя массовые ходатайства “исходят из народа, но в действительности народ не принимает в них никого участия и только подчинился внушениям своих руководителей” [6, л.3]. Автор совершенно справедливо выделяет ключевую роль общественных вожаков в социальном поведении сельских жителей. Воспользовавшись гарантией верховной власти о безнаказанности подачи прошений, в петиционной кампании 1905 г. мусульманские приходские духовные лица впервые открыто заявили о себе в качестве лидеров сельских обществ. Муллы включили в петиции несколько важных пунктов о повышении социального и правового статуса приходского мусульманского духовенства и расширении автономии ОМДС. На данное обстоятельство обратил внимание и В.П. Череванский, указав фактор мулл в качестве одной из главных причин частого повторения в петициях одних и тех просьб: эти прошения “вся и всё для так называемого духовенства и всё от того же духовенства и ни от кого более”[6, л.2]. Причем, этот свой тезис

чиновник распространил и на башкир, и на казахов, которых он назвал не иначе как «исмалитянами», еще недостаточно опутанными “схоластикой муллы” [6, л.2].

Эксперт выделяет также вторую, малочисленную, группу «самостоятельных» прошений, по образному выражению автора, «с горизонтами мысли никем не сдавленной и не пригнетенной». Эти прошения, по его мнению, “не только не чужды интересам народа, но и готовы раздвинуть и границы его образования и права его на самозащиту от давления схоластического режима мусульманского культа”[6, л.3]. Из всей массы бумаг в качестве текстов, носящих явный отпечаток свободно выраженных пожеланий, В.П. Череванский выделил всего несколько ходатайств. Перечислим их. 1) Письмо оренбургского муфтия М.Султанова от 12 мая 1905 г. за №268, адресованное председателю Комитета министров С.Ю.Витте, в котором председатель ОМДС изложил свои предложения по совершенствованию разработанного в Уфе на апрельском совещании улемов проекта управления духовными делами мусульман. 2) “Докладная записка магометанского населения Оренбургского муфтията”, которую муфтий приложил к своему письму от 12 мая 1905 г., назвав ее запиской “светских лиц»-мусульман округа ОМДС, не участвовавших в совещании духовенства в апреле 1905 г. в г.Уфе. 3) Прошение ахуна – уполномоченного “всех татарских селений» Буинского уезда Симбирской губернии о религиозных нуждах, в котором сановника привлек тезис о не приглашении на заседания Особого совещания по делам веры оренбургского муфтия, к которому мусульмане данной местности не питают никого доверия. 4) Прошение пятнадцати имамов и мударрисов г.Казани с “контр-пожеланиями», они не согласились с рядом пунктов проекта управления духовными делами мусульман, разработанного на совещании улемов в г.Уфе, а именно – чтобы в избрании муфтия и кадиев участвовали исключительно духовные лица, были упразднены русские классы, существующие при медресе; был отменен русский образовательный ценз для кандидатов в муллы и т.д. 5) Прошение

казахов Тургайской области, которые просили об определении главой управления духовных дел по-европейски образованного муфтия. б) Просьба уполномоченных мусульман Крымского полуострова о том, чтобы на Особое совещание по делам веры был приглашаемы не только представители духовенства, среди которых трудно найти таких, которые были бы “сведущи в общих вопросах жизни, достаточно бы владели русским языком и познаниями в вопросах религии не с узкой точки толкования и не были бы чужды своих кастовых и сословных интересов”. Сановник также специально выделил просьбу крымских татар об упразднении сословных привилегий духовенства и о предоставлении права занимать духовные должности представителям всех сословий [6, л. 2 об.-3]. Как видно, во главу угла своей квалификации петиций автор поставил имеющие в прошениях идеи, содержащие антимуфтийскую или антимуллинскую направленность.

Критически подойдя к петициям, Н.П. Череванский отмел девятнадцать просьб мусульман, как не относящихся к компетенции Особого совещания по делам веры. В результате из повестки дня заседаний Особого совещания веры выпали следующие просьбы мусульманских народов:

- (1) о допущении преподавания в учебных заведениях империи лиц, получивших “ученые дипломы” (имеются в виду российские поданные, окончившие заграничные исламские учебные центры – *И.З.*);

- (2) о предоставлении мусульманам прав государственной службы. По этому пункту В.П. Череванский сделал замечание, что таврический муфтий состоит в чине статского советника, оренбургский – в чине подпоручика, в российской армии немало мусульман в генеральских чинах. Между тем в прошениях речь шла о дискриминации мусульман по конфессиональному принципу при назначении на должности, связанные с судопроизводством, а также об отмене ряда положений в российском законодательстве, когда деятельность учреждений задевали интересы христиан;

- (3) об освобождении военнотружущих-мусульман в войсках от службы в “большие мусульманские праздники”;

- (4) об освобождении военнослужащих-мусульман от несения службы в часы намазов, т.е. пять раз в день. Эту просьбу В.П.Череванский возвел в ранг “совершенно невыполнимого желания”;

- (5) о запрещении торговли вином в мусульманских селениях. По мнению эксперта, эти просьбы многих сельских обществ имели не религиозный, а фискальный характер и подлежат рассмотрению в других инстанциях.

Высокопоставленный чиновник посчитал заслуживающим внимания лишь те просьбы мусульман конкретных местностей, которые непосредственно касались их самих. По его логике получалось, что все ходатайства мусульман об улучшении социально-правового положения единоверцев других местностей автоматически являются “нелегитимными”. Между тем, такие прошения свидетельствовали о консолидационных процессах среди мусульман различных регионов. Такие “нелегитимные” предложения мусульман, главным образом, Волго-Уральского региона В.П.Череванский, исходя из поднимаемых проблем, объединил в несколько групп. Скажем, в группу по “религиозной» тематике, им были отнесены ходатайства:

- (6) о подчинении Оренбургскому магометанскому духовному собранию туркестанских и сибирских татар (просьба казанских татар);

- (7) о земельных угодьях уральских, сырь-дарьинских и тургайских мусульман (прошение прихожан Оренбургского менового двора).

Следующую группу составили “нелегитимные” вопросы, которые, по мнению сановника, не имели отношения к делам веры. Это:

- (8) о праве свободного жительства татар, их свободной торговли и приобретения недвижимой собственности в пределах Туркестанского края;

- (9) о приостановлении “русского переселенчества” на окраины;

- (10) о землепользовании.

В группу обращений, выходящих за пределы компетенции мусульманских обществ, В.П.Череванский отнес еще целый ряд просьб:

- (11) “об изгнании русификации из русских школ”;
- (12) об отмене институтов крестьянских начальников и урядников;
- (13) о введении в киргизских степях суда присяжных.

- (14) о разрешении лицам, принявшим православие лишь для женитьбы на православной, при их желании вернуться в ислам, согласно п.3 высочайшего указа от 17 апреля 1905 г.

(15) Одним из веских аргументов мусульман, которыми они оперировали при иллюстрации своей второсортности в правовом поле империи, заключался в том, что государство и земства не выделяют каких-либо средств на удовлетворение их религиозных и образовательных нужд, более того, собранные с мусульман государственные и общественные налоги расходуются, главным образом, исключительно на удовлетворение культурных потребностей русских. Между тем, данный основополагающий принцип деления российских поданных на “своих” (православных) и “других” (неправославных) был заложен в “Основных законах” империи и, конечно же, правительство не планировало менять положение вещей в пользу мусульманских народов. В этой связи, интересны контр-аргументы П.В.Череванского на просьбы мусульман. Их три. Первый из аргументов представляется наиболее оригинальным. Выводя из под удара данный фундаментальный принцип внутриполитического курса русского самодержавия, сделавшим незыблемым правилом самофинансирование мусульманами своих культурных потребностей, сановник переходит в наступление и обвиняет мусульман в трезвом образе жизни, из-за которого российская казна будто бы недополучает не больше не меньше 70 млн. руб. На этом основании сановник выносит свой категорический вердикт: мусульмане сильно заблуждаются в том, что вносят в бюджет сумму, пропорциональную контингенту мусульманского населения, и, защищая правительство, утверждает, что “касса поступила бы в высшей степени неосторожно, если бы, недополучив с мусульманского населения десятки миллионов рублей, расходовала бы в то же время получения с христианского

населения на нужды мусульманства». Вторым аргументом П.В.Череванского является, в цивилизационной угрозе ислама для России: мусульманская школа «утверждает мусульманское юношество в доктринах, прямо не согласных с христианским вероучением, противоречащих к тому же научным признанным всем образованным миром». В своем третьем аргументе, сановник оперирует на положение немусульман в Османском государстве, где сами общины содержат учреждения, удовлетворяющие свои этноконфессиональные потребности [6, л.5-5 об.].

В петициях мусульманских народов В.П. Череванский выделил еще целый ряд пунктов, которые, по его мнению, вообще не подлежат законодательной регламентации и являются следствием устоявшихся общественных отношений. Сановник имел в виду следующие просьбы мусульман:

- (16) о воспрещении мусульманским женщинам предаваться проституции;
- (17) о воспрещении мусульманам содержать дома терпимости;
- (18) о воспрещении производства по пятницам базарной торговли;
- (19) о разрешении мусульманам торговли в воскресные дни [6, л. 3 об.-4].

Отсекая, и тем самым игнорируя часть просьб мусульман, как не относящихся непосредственно к предмету ведения Особого совещания по делам веры, В.П.Череванский не рекомендует премьер-министру С.Ю.Витте переадресовать эти вопросы на рассмотрение в соответствующие центральных ведомств, что было бы вполне логично, потому что все петиции были адресованы на имя председателя Комитета министров.

Признав, что в постановлениях журналов Комитета министров уже обозначены основные вопросы, «требующие разрешения в интересах мусульманской веротерпимости», В.П.Череванский счел возможным дополнительно обсуждать на заседаниях Особого совещания еще ряд, по его

мнению, «второстепенных», но часто повторяющиеся в петициях пожелания мусульман. Это:

- учреждение вакуфов и управление ими;
- оставление дел брачных и семейных дел, о калыме и по разделу наследственных имуществ в ведение мусульманских учреждений;
- экзамены и утверждение в должности личного верослужительского персонала мечетей;
- безапелляционность решений правлений по делам мусульманской веры;
- ведение метрических книг;
- приведение в исполнение решений мусульманских учреждений правительственными установлениями и лицами;
- бесцензурность изданий на восточных языках;
- присяга на родном языке («наречие») присягающих;
- воспрещение деятельности миссионеров среди мусульман;
- воспрещение насильственного обращения мусульман в христианство;
- воспрещение принимать в христианство: несовершеннолетних и хотя совершеннолетних, но не подвергнувшихся увещанию об оставлении предпринятого намерения;
- воспрещение принимать в русские учебные заведения мусульманских юношей, не представивших свидетельств об их познаниях в вере ислама.
- воспрещение принудительного посещения детьми мусульман русских школ;
- преподавание в школах на «родных наречиях»;
- обращение на государственные казначейства, земские средства или на башкирский капитал, полностью или частично, расходов:
  - а) на постройку мечетей, мектебе и медресе;
  - б) на содержание приходского духовенства в) на содержание учителей в русских учебных заведениях, обучающих мусульманских детей законам ислама[6, л. 3-3 об.].

Исходя из анализа, далее В.П.Череванский представил свои рекомендации по реформированию системы управления духовными делами мусульманских народов, характеристику социокультурной жизни мусульманского сообщества России начала XX столетия.

Таким образом, сановник вкратце определил географию петиционной кампании мусульман 1905 г., обратил внимание на схожие печатные и рукописные тексты документов, выделил среди них массовые, воспроизведенные по образцовым текстам, прошения, и ходатайства, выражающие «самостоятельную мысль»; отметил подачу части петиций уполномоченными без соответствующих общественных приговоров, выделил большую роль сельского духовенства в подаче ходатайств, квалифицировал просьбы мусульман на группы, содержащие «существенные» и «второстепенные» вопросы. В.П.Череванский определил просьбы мусульман, не имеющих, по его мнению, какого-либо отношения к деятельности Особого совещания, и, исходя из наиболее часто повторяющихся их просьб, составил перечень, который рекомендовался обсудить на заседаниях Особого совещания по делам веры дополнительно к ранее определенным журнальными постановлениями Комитета министров вопросам.

Список использованной литературы

1. Загидуллин И.К. Крымские татары в петиционной кампании мусульман 1905 года // Научный Татарстан. – 2015. – №3. – С.5-32.
2. Загидуллин И. К. Татарское национальное движение в 1860–1905 гг. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2014.
3. О веротерпимости. Закон 17 апреля 1905 г. Изд. неофициальное. – М.: Тип. Общества И.Д.Сытина, 1905.
4. Полное собрание законов российской империи. – Собр.3-е. – Т. 24. – № 25495.

5. Полное собрание законов российской империи. – Собр.3-е. – Т. 25. – № 25853.

6. Череванский В.П. Записка по делам веры мусульман-суннитов // РГИА. – Ф.821. – Оп.150. – Д.411. – Л.1-48.

7. Череванский Вл. Мир ислама и его пробуждение. – СПб.: Государственная типография, 1901.

Список сокращений:

ОМДС – Оренбургское магометанское духовное собрание

РГИА – Российский государственный исторический архив

Zagidullin Ildus Kotdusovich, doctor of historical sciences, head of the department of modern history of Sh. Marjani Institute of history of AS RT, Republic of Tatarstan, Kazan; ; e-mail: zagik63@mail.ru

V.P. CHEREVANSKY ABOUT PETITIONS OF THE MUSLIM PEOPLE OF 1905 YEAR

Abstract. Article is devoted to the analysis by the member of Special meeting on affairs of faith under V.P. Cherevansky received by the Committee of ministers of Russia petitions of the muslim peoples. V.P. Cherevansky, in fact, became the first researcher of these documents, reflecting the aspirations and needs of muslims. In his "Note on the affairs of faith of sunni-muslims" the officer briefly identified the geography of the petition campaign of muslims of 1905 year, drew attention to a similar printed and handwritten texts of the documents, allocated among them mass, reproduced in exemplary texts, petitions, and requests, expressing "independent thought"; noted the receipt of part petitions by the authorized without appropriate public sentences, ighlighted the big role of the rural clergy in the filing of petitions, allocated the big role of the rural clergy in the receipt of petitions, qualified requests by muslims into groups that contain a "major" and "minor" issues. V. P. Cherevansky identified requests by muslims, not

having, in his opinion, any relationship to the activity of the Special meeting, and, on the basis of the most often repeating their requests, made a list that was recommended to discuss at the meetings of the Special meeting on affairs of faith in addition to the previously defined resolutions by the journal of the Committee of ministers questions.

Keywords: V. P. Cherevansky, the Note on the affairs of faith of sunni-muslims, petitions of the muslim people of 1905 year, the religious rights of muslims, reform of management of spiritual affairs of muslims, Special meeting on muslim affairs under the leadership of A. P. Ignatiev 1905 year.

УДК 930.23

Хамидуллин Булат Лиронович

кандидат исторических наук, руководитель Центра изучения татарской диаспоры Института татарской энциклопедии и регионоведения Академия наук Республики Татарстан, г. Казань e-mail: bulat.antat@mail.ru

ВКЛАД Ш.Ф.МУХАМЕДЬЯРОВА В ИСТОРИОГРАФИЮ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

Аннотация. В статье рассматривается вклад известного историка Шамиля Фатыховича Мухамедьярова (1923–2005) в изучение истории Казанского ханства. Ш.Ф.Мухамедьяров работал в Институте языка, литературы и истории КФАН СССР, в Институте востоковедения АН СССР, в Казанском университете, в Якутском филиале Сибирского отделения АН СССР, в Центре истории народов России и межэтнических отношений Института Российской истории РАН; принимал участие в подготовке 2-го и 3-го изданий “Большой советской энциклопедии”, энциклопедии “Отечественная история”, “Татарского энциклопедического словаря”; подготовил к изданию уникальные памятники письменности периода

Казанского ханства – ярлыки ханов Ибрагима и Сахиб-Гирея. Им написаны труды по истории Казанского ханства, Крыма и Якутии, средневековой истории тюрков и финно-угров Поволжья и Урала. Своеобразным “лучом света в темном царстве” в отечественной историографии Казанского ханства середины XX в. явилась его диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук “Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.)”, написанная в 1950 г. под руководством члена-корреспондента АН СССР М.Н.Тихомирова. Эта работа явилась серьезным шагом вперед на пути объективного изучения истории Казанского государства.

Ключевые слова: Ш.Ф.Мухамедьяров; татарская цивилизация; исламская цивилизация; Среднее Поволжье; Казанское ханство; историография; источниковедение.

Отечественная историческая наука в советские годы находилась под сильным идеологическим влиянием. Оценка фактов и событий прошлого напрямую зависела от того, как они трактовались партийным руководством. Провозглашенная денационализация истории, внедрение вульгарных социологических схем в объяснение событий прошлого, целенаправленное создание истории классов и классовой борьбы, жесткий идеологический контроль, отрицание историографического наследия прошлого и зарубежной “буржуазной” историографии, а также уничтожение целой плеяды “контрреволюционных” историков на долгие десятилетия стали непреодолимой преградой на пути написания объективной истории татарского народа. При этом, партийное советское руководство во главе с И.В.Сталиным уже с середины 30-х гг. XX в. начало поворот к политическим и идеологическим традициям Российской империи, что выразилось, в частности, в возрождении государственнической традиции российской историографии XIX в. в освещении истории Улуса Джучи (Золотой Орды) и

Казанского ханства, которые стали рассматриваться как ярко враждебные явления в феодальной истории СССР.

В этот период одной из первых попыток создать историю татар были “Очерки по истории ТАССР”. Работа над ними началась сразу после создания в Казани Института языка, литературы и истории в 1939 г. Война и отсутствие профессиональных кадров затормозили работу, но находившиеся в Казани в годы войны эвакуированные ученые-историки из Академии наук СССР активно подключились к ней. К 1944 г. основные материалы “Очерков...” были подготовлены казанскими историками, в частности, Н.Ф.Калининым и Х.Г.Гимади, совместно с учеными из Москвы – А.П.Смирновым, Б.Д.Грековым и С.В.Бахрушиным. В этом сборнике трактовка основных событий татарской истории, по сравнению с трудами 1920-х гг., была кардинально изменена: подчеркивалась болгарская основа этногенеза татарского народа, критиковалась завоевательная политика ханов Золотой Орды, говорилось о неизбежности и прогрессивности “вхождения” Поволжья в состав Руси–России. Однако осенью 1944 г. это исследование было подвергнуто критике и забраковано. Вскоре после этого появилось знаковое не только для исторической науки, но и для всей гуманитарной сферы Татарии постановление ЦК ВКП(б) “О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации” от 9 августа 1944 г., в котором указывался целый ряд “ошибок” в освещении истории татар и татарской литературы. В частности, это касалось “идеализации” Золотой Орды и популяризации “ханско-феодального” эпоса “Идегей”. Эти “ошибки” были охарактеризованы в постановлении как “буржуазно-националистические”. Решения ЦК ВКП(б) претворялись в жизнь через постановления Татарского обкома, где прямо говорилось, как надо изучать историю татарского народа. Бюро Обкома считало, что ошибки Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории выражаются “в приукрашивании Золотой Орды, в полном игнорировании ее агрессивной сущности, в антинаучной

характеристике Золотой Орды, как родины татарского народа, в неправильной оценке ханско-феодального эпоса об Идегее, а также в односторонней оценке присоединения Казани к Москве, как захвата...” [4].

По партийной идеологеме, ставшей господствующей в науке, Золотая Орда была вычеркнута из истории татарского народа, а Казанское ханство своими корнями прямо возводилось к Булгарскому государству.

Окончательное завершение и санкцию на “истину в последней инстанции” эта концепция получила на научной конференции, проведенной совместно Отделением истории и философии АН СССР и Казанским филиалом АН СССР в апреле 1946 г. На ней были заслушаны доклады и выступления специалистов по истории, археологии, тюркологии и антропологии, которые единогласно предложили считать современных казанских татар потомками волжских булгар, а Улус Джучи рассматривать лишь в качестве внешнего явления для этнической истории татар Поволжья.

На основе вывода, сделанного на конференции, в 1948 г. были подготовлены “Материалы по истории Татарии”. В этой работе нет отдельной статьи, посвященной истории Казанского ханства, но в ней указан проспект готовящейся “Истории Татарской АССР”. Раскрывая кратко содержание ее первого тома, один из авторов проспекта, Х.Г.Гимади, отмечал, что “авторы исходили из положения, что в формировании казанских татар основное участие принимали местные племена и камские булгары... Монголо-татары рассматриваются как завоеватели, которые, основав военно-феодальное агрессивное государство Золотая Орда, установили свое иго над народами Среднего Поволжья, в т.ч. и булгарами. Казанское ханство рассматривается как государство, возникшее на базе булгарского царства, что стало возможным благодаря распаду Золотой Орды и в первую очередь в результате тех ударов, которые нанесли Орде русские” [9, с. 5–6].

Ведущим казанским историком, развивавшим концепцию болгаро-татарской преемственности, был именно Х.Г.Гимади. Он подвергал критике “буржуазно-националистическую” историографию, которая, по его мнению,

“идеализировала Золотую Орду, как передовое государство своего времени, а также ее деятелей...” и “тем самым пыталась противопоставить казанско-татарскую народность другим народам России, в первую очередь русскому” [9, с. 185]. При изучении истории татарского народа и Казанского ханства он часто опирался на сведения “Казанской истории” и другие русские летописи. Х.Г.Гимади писал, что на территории распадающейся Золотой Орды складываются совершенно новые, независимые от нее, экономические и политические образования. К одним из таких он относил Казанское ханство, возникшее на территории Волжской Булгарии. Ханство сформировывалось с доминированием болгарского населения, которое в большом количестве переселилось в Предкамье и на правобережье Волги. Недаром, по его мнению, Казань получила название “Болгар ал-Джадид / Новый Булгар”.

Х.Г.Гимади так же, как и А.П.Смирнов, настаивал на мнении о нежелании коренного населения Казанского ханства именовать себя “татарами” [9, с. 209]. А термины “татары” и “татарове” в “Казанской истории” употреблялись, якобы, только в тех случаях, когда между Казанью и Москвой происходили враждебные столкновения. Тем самым Х.Г.Гимади подчеркивал, что лишь верхушка казанско-ханского общества продолжала золотоордынскую политику и могла соотносить себя с потомками золотоордынских татар. Он писал, что “казанские татары – не пришельцы, а народ, сформировавшийся в бассейне Среднего Поволжья и Прикамья”, а население Казанского ханства состояло в основном из болгар и продолжало развивать свои прежние хозяйственные и культурные традиции [9, с. 185].

Изменение же этнического состава населения и отличие болгар X–XIII вв. от казанских татар XVI и позднейших веков происходили якобы за счет аборигенов края и “других элементов”, включившихся в состав “булгаро-татарского народа”. Х.Г.Гимади приходит в своих исследованиях к выводу, что нельзя отождествлять историю золотоордынских татар с историей казанских татар.

Одной из книг, которая давала четкую установку, как нужно рассматривать историю Казанского ханства, был 1-й том “Истории Татарской АССР”, вышедший в 1951 г. Этот коллективный труд вскоре – после 1953 г. – был изъят из пользования вследствие того, что в нем давались ссылки на работы “корифея всех наук” И.В.Сталина. В условиях начавшейся борьбы нового партийного руководства против “культа личности Сталина” такое частое цитирование трудов Сталина считалось “идеологической ошибкой”. Исправленный (т.е. не содержащий ссылок на Сталина, а в остальном оставшийся без всяких правок) вариант “Истории Татарской АССР” появился в 1955 г. Он открыл целую эпоху аналогичных изданий (1960, 1968, 1973, 1980). Учитывая время, в которое появилась “История Татарской АССР”, нельзя было рассчитывать на объективное обозрение истории Поволжья. Автор главы о Казанском ханстве Н.Ф.Калинин излагал скорее не историю народа и государства, а историю классово-борьбы. Он далее развивал идеи, высказанные ранее им и другими исследователями (в частности, А.П.Смирновым и Х.Г.Гимади) о происхождении татар и образовании Казанского ханства. Но его отношение к Казанскому государству стало еще более тенденциозным и отрицательным. Ханство представляется им как дикая и неразвитая орда, со слабой экономикой и агрессивной, но слабой верховной государственной властью. По мнению авторов “Истории...”, Казань с самого своего основания была обречена на “присоединение” быстро развивающимся Русским государством. Причем само “присоединение” было показано ими как прогрессивный, поддержанный населением шаг и единственный выход из тупика в развитии для Казанского ханства: “присоединение Казани к Русскому государству имело громадное исторически-прогрессивное значение” [5, с. 158].

Как мы видим, на смену идее ученых 1920–1930-х гг. о захвате Казанского ханства как “абсолютном зле”, теперь появлялась теория т.н. “меньшего зла”, по которой “присоединение” Казанского ханства к Москве якобы спасало народы Среднего Поволжья от “опасности быть

поглощенными деспотическим и варварским турецким феодализмом, который на многие столетия отбросил бы назад развитие их производительных сил и культуры” [5, с. 158]. Этим “присоединением” Россия, тем самым, наносила серьезный удар по “захватническим устремлениям Турции, которая намеревалась распространить господство свое на Кавказ, Поволжье и Среднюю Азию” [6, с. 158].

По мнению авторов “Истории...”, события второй половины XIV и начала XV в. привели древнюю Булгарию к полному распаду. Большинству населения приходится с коренных обжитых земель переселяться на север – в Предкамье и на северо-запад – в бассейн нижнего течения реки Свияги. Сюда перенесли свою деятельность и феодалы, захватывая земли и подчиняя себе живущее здесь население. Такова идея “Истории Татарской АССР” об образовании в Поволжье новых княжеств “по типу болгарских”. Вскоре среди этих княжеств первенствующего положения достигло Иски-Казанское. Оно подчинило себе все другие владения, но в 1399 г. было разгромлено князем Юрием Дмитриевичем. Образование нового политического образования с центром в Казани относится, по мнению авторов, к 30–40-м гг. XV столетия: “на вновь созданной к тому времени экономической базе возрождается местная государственность, разрозненные феодальные княжества объединяются в более сильный политический организм – Казанское ханство” [6, с. 129].

Основной народностью ханства, по мнению авторов “Истории...”, являлись казанские татары, которые сформировались из аборигенного населения и пришедших из Приазовья тюркоязычных болгарских и некоторых родственных им племен. Авторами книги указывается на чрезвычайно слабую центральную власть в ханстве и приводится факт того, что “феодалы, командовавшие даже не особенно крупными отрядами и ополчениями, обычно слабо подчинялись хану” [6, с. 157]. Якобы отсталый строй государства и его слабая экономика сказались на вооружении ханства, что впоследствии в совокупности и привело к событиям 1552 г. Первым

казанским ханом в “Истории Татарской АССР” был назван сын Улуг-Мухаммада Махмутек, который якобы продолжил агрессивную политику своих предшественников-ханов по отношению к Москве. В 1445 г.

Махмутек, выдвинутый некоторыми казанскими феодалами, силой захватил Казань и убил местного вотчинника Алибея (Либея). Появление сына Улуг-Мухаммада в Казани совпало со стремлением значительной части казанских феодалов иметь сильную центральную власть. Однако агрессивная, золотоордынского типа, политика, направленная против русских, разделила феодалов на две большие группировки: восточную и русскую. Эти сложные внутренние противоречия, как считают авторы книги, в конце концов, приводят к “присоединению” Среднего Поволжья к Русскому государству, которое “стало исторической необходимостью” [6, с. 159].

В 1952 г. Н.Ф.Калинин опубликовал книгу по истории Казани, изучению которой он посвятил 40 лет. В ней в очередной раз была доказана преемственность Казани от волжских болгар. В тексте монографии Н.Ф.Калинин прямо указал, что в вопросе этногенеза казанских татар он держится тех данных об их аборигенном происхождении, которые были добыты трудами советских ученых и обсуждены на конференции в 1946 г.

Для написания истории Казани в XV и первой половине XVI в. письменными источниками для Н.Ф.Калинина служили русские летописи, особенно Никоновская, “Казанская история”, “Царственная книга”, а также татарские летописи. Древняя история Казани, в частности возникновение феодального городка на территории современного города, построенного, по мнению историка, местным болгарским князем еще в XIII в., освещается на основании археологических исследований, проведенных самим Н.Ф.Калининым. Появление на политической карте Казанского ханства он объясняет желанием местного населения во главе с крупными князьями и мурзами создать мощное государство. “В целях обороны и защиты своих феодальных интересов многие мелкие княжества объединяются в одно, во главе которого стал Али-бей”, – пишет Н.Ф.Калинин. Таким образом, ученый

считал, что Казанское ханство образовалось еще до прихода ордынских ханов, и что оно было мощным государством. Само завоевание Казани ордынцами Н.Ф.Калинин относит к 1445 г. и приписывает его Махмутеку, сыну Улуг-Мухаммада. Эта золотоордынская династия была угодна “той группе местных феодалов, которая строила свое хозяйство на подневольном труде пленников” [8, с. 27]. С этой группой Н.Ф.Калинин связывал агрессивную политику Казани против Руси, отмечая, что “большинство населения было против грабительских войн и стремилось к сближению с русскими” [8, с. 27].

В русле этих тенденций освещения истории татарского народа в 1953 г. выходит 2-томная книга “Очерки истории СССР” под редакцией Б.Д.Грекова, Л.В.Черепнина и В.Т.Пашуто, где содержался раздел об истории Казанского ханства. В нем были повторены основные выводы названных выше советских историков. Авторы “Очерков...” также связывают процесс этногенеза казанских татар со значительным воздействием на него местного болгарского населения. Информация о государственном устройстве Казанского ханства полностью списана из “Истории Татарской АССР”.

Однако есть и некоторые интересные моменты. Образование Казанского ханства напрямую увязывается, во-первых, с упадком Золотой Орды, во-вторых, с именем золотоордынского хана Улуг-Мухаммада [24, с. 427]. Но при этом прерогативу захвата Казани авторы “Очерков...” отдают Махмутеку, которого поддержала часть местного населения, желавшая усиления центральной власти. По мнению исследователей, агрессивная политика казанских ханов против Русского государства за преобладание в Среднем Поволжье с самого начала была обречена на провал. Причину этого они видели в междоусобицах среди казанских феодалов: “в то время как в русских землях шел процесс государственной централизации, в Казанском ханстве не было достигнуто политическое единство” [24, с. 433], – эти внутренние усобицы и династическую борьбу в ханстве умело использовало Русское государство.

Интересную трактовку истории возникновения Казанского ханства мы можем прочесть в “Большой советской энциклопедии” 1953 г. издания. Здесь начало самостоятельного Казанского ханства также относится к 1445 г. в связи с захватом Казани ханом Махмутеком. Это, по мнению автора статьи, привело к покорению и в дальнейшем к ассимиляции волжских булгар пришлыми татаро-монгольскими завоевателями [2, с. 310–311]. Казанское ханство здесь рассматривалось как продолжатель традиционной золотоордынской политики и большая опасность для Русского государства. Тем самым оправдывался захват Казани в 1552 г. (ср.: [27]).

Подобная однобокая трактовка этногенеза и этнической истории татарского народа стала нормой советской историко-этнографической науки, а ключевые этапы формирования и развития государственности Золотой Орды и постзолотоордынских татарских ханств Поволжья, включая Казанское ханство, долгое время освещались под углом зрения болгарской теории. В научном плане данные исследования ныне могут представлять лишь историографический интерес. Труды, выпущенные по заранее указанной схеме, под которую, как под “прокрустово ложе”, подгонялся фактологический материал, просто не могли выдержать испытания временем. Прямо связанные с идеологическим диктатом и запретами на изучение огромного пласта истории, они “рухнули”, когда рухнули указанные идеологические скрепы. Кроме традиционных для российской имперской историографии в них были еще и новации, например, тезис о “прогрессивном” характере завоевания Поволжья для самих татар и других народов Поволжья. До таких теоретических изысков не могла додуматься даже православная историография и имперские историки XIX в. – и ее всецело можно отнести к “зияющим высотам” советской исторической мысли...

В историческом плане указанные выше советские исследователи не смогли ни высказать оригинальных концепций средневековой истории татар, ни привлечь к рассмотрению истории Казанского ханства новые источники.

В их трудах практически весь текст – это идеологические клише и схемы.

Пожалуй, главное их достоинство в том, что они были, это демонстрация того, что не все страницы истории татарского народа можно вычеркнуть из прошлого и заставить забыть о них целый народ.

Своеобразным “лучом света в темном царстве” в отечественной историографии истории Казанского ханства 1950-х гг. явилась диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук Шамиля Фатыховича Мухамедьярова “Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.)” [18–19; 28, с. 67–88; 26; 3], написанная в 1950 г. под руководством члена-корреспондента АН СССР М.Н.Тихомирова и успешно защищенная в Москве в 1956 г.¹¹². Эта работа, хотя и отражала многие тенденции развития советской исторической науки 1950-х гг., однако, явилась серьезным шагом вперед на пути объективного изучения истории Казанского государства. Не останавливаясь на “отпечатках времени” в тексте диссертации, отметим наиболее оригинальные ее положения.

В своем исследовании Ш.Ф.Мухамедьяров использовал широкий круг доступных ему источников. Все разнообразие их анализируется автором в первой главе диссертации [18, с. 8–53], где отмечается “отсутствие единого компактного фонда источников, на основании которых можно было бы поставить и осветить вопросы социально-экономической истории Казанского ханства”. Это обстоятельство обусловило привлечение автором разнообразных по своему характеру и происхождению источников как на русском, так и на восточных и западноевропейских языках. Из всей совокупности источников, привлеченных к исследованию,

Ш.Ф.Мухамедьяров на первый план ставит следующие: 1) ярлык хана Сахиб-

---

¹¹² Информация о том, что диссертация была написана в 1950 г., а защищена в 1956 г., была получена мной из уст самого Ш.Ф.Мухамедьярова. На титуле рукописи диссертации указано “Москва, 1950”. О том, что диссертация была защищена в 1956 г. я отметил в своей монографии “Народы Казанского ханства” [28, с. 67], одним из рецензентов которой был Ш.Ф.Мухамедьяров [28, с. 2].

Гирея; 2) татарские завещания; 3) казанско-татарскую эпиграфику; 4) труды Хисамуддина Муслими и Кадыр Али-бека; 5) поэмы Мухаммедьяра; 6) фольклорные материалы; 7–8) русские летописи; 9) “Историю...” А.М.Курбского; 10) сборники исторических и юридических актов; 11) неопубликованные русские источники из фондов Центрального государственного архива древних актов; 12) “Записки...” С.Герберштейна. В диссертации, как пишет автор, кроме указанных источников, эпизодически привлекались данные археологии, этнографии и лингвистики.

Ш.Ф.Мухамедьяровым было отмечено, что “возможность использования археологических источников была чрезвычайно ограничена, т.к.

археологическое изучение Татарстана в дореволюционный период и достижения советской археологии..., имеющие важное значение для понимания истории Татарстана в древний период и раннее средневековье, прямого отношения к интересующему нас Казанскому ханству не имеют”.

Таким образом, мы видим, что диссертация строится на базе привлечения самых разнообразных источников, не позволивших, однако, ее автору “полностью разрешить проблемы феодального прошлого Казанского ханства”.

Далее диссертация Ш.Ф.Мухамедьярова разделена на несколько глав, основное содержание которых полностью отражено в заглавии глав и параграфов: Гл.2. Хозяйство Казанского ханства (§1. Критический обзор высказываний об основном занятии населения Казанского ханства; §2.

Свидетельства источников о развитии земледелия в Волго-Камском крае в XV–XVI вв.; §3. Вопрос о системе земледелия в Казанском ханстве; §4. Основные сельскохозяйственные орудия; §5. Садоводство, скотоводство, бортничество, охота и рыболовство); Гл.3. Феодальное землевладение (§1. Предварительные замечания; §2. Ханское землевладение; §3. Крупное феодальное землевладение; §4. Сойюргал – основной вид феодального землевладения в Казанском ханстве); Гл.4. Положение крестьянства (§1.

Вопрос о крепостном праве; §2. Крестьянское землевладение; §3. Общий

перечень податей и повинностей крестьян); Гл.5. Ремесло и торговля в Казанском ханстве (§1. Вопрос о татарском феодальном городе; §2. Город Казань; §3. Внутренняя торговля; §4. Внешняя торговля; §5. Ремесло); Гл.6. Государственный строй Казанского ханства (§1. Вопрос о политическом строе Казанского ханства в буржуазной историографии; §2. Образование Казанского ханства; §3. Классовая сущность Казанского ханства как государства феодалов-землевладельцев; §4. Высшие органы власти; §5. Высшие органы управления; §6. Местные органы власти; §7. Местные органы управления).

Как мы видим, диссертация Ш.Ф.Мухамедьярова носит комплексный характер, в ней затронуты многие проблемы политической и социально-экономической истории Казанского государства. На наш взгляд, рассматривая эту работу, в первую очередь необходимо обратить внимание на шестую главу. По мнению автора диссертации, после монгольского завоевания 1236 г. Волжская Булгария вошла в состав Золотой Орды, “сохранив некоторые элементы автономии”. В это время она была феодально-раздробленной и состояла из нескольких княжеств, наиболее крупными из которых были Булгарское, Жукотинское и Иски Казанское. Упадок Золотой Орды приводит к отделению от этого государства целых улусов, “процессу объединения феодально-раздробленных княжеств Волжско-Камского края” и отделению Булгарии от Золотой Орды. “В 1407 году, – пишет Ш.Ф.Мухамедьяров, – Казань, по-видимому, [уже] была независимой от Золотой Орды”, о чем свидетельствует информация И.Шильтбергера, русских летописей и ряда монет, чеканенных в Болгаре ал-Джадид. В это время население центральных улусов Золотой Орды, пытаясь избежать бесконечных разорений от внутренних феодальных междоусобиц и внешних вторжений, перекочевывает на окраины Золотой Орды: в Булгарию, Крым, Сибирь и т.д. “Связь между [пришедшим в запустение] центром Золотой Орды и окраинами постепенно прерывается, и на окраинах складываются самостоятельные государственные образования,

способствующие постепенной консолидации отдельных народностей (казанских татар, ногайцев и др.)”. По мнению автора диссертации, не имеет решающего значения – кем было основано Казанское ханство – Улуг-Мухаммадом в 1437–1438 гг. или Махмутеком в 1445 г. Важно, что “в условиях постоянных феодальных войн и нападений соседей установление более сильной власти, чем та, которая была до первых казанских ханов, должно было положительно повлиять как на экономику страны, так и на положение населения”. Ханы нашли здесь поддержку среди “части местного населения”, видевшего в их приходе усиление центральной власти и ослабление постоянных междоусобиц. “Попытку изобразить возникновение Казанского ханства исключительно как результат завоевания народностей Волжско-Камского края вооруженными отрядами золотоордынских татар следует признать ошибочной”, – заключает автор.

Анализируя высшие органы власти Казанского ханства, Ш.Ф.Мухамедьяров отмечает, что Казанское государство являлось слабо централизованной феодальной монархией, во главе его стоял хан – первый феодал-землевладелец в стране, повседневная деятельность которого “контролировалась и направлялась верхушкой феодального класса”. Далее он рассматривает совет при хане – диван, который состоял из “приближенных ко двору представителей феодальной знати и высшего мусульманского духовенства”. Главными членами дивана были представители “четырех известных татарских фамилий: Ширин, Барын, Аргын и Кипчак”, носившие специальное название “карачи” (букв. ‘смотритель’, русское “князь князей”). Вся территория Казанского ханства в административном отношении делилась на несколько “дорог” – Ногайскую, Арскую, Алатскую, Зюрейскую и Галичскую, о чем свидетельствуют материалы ЦГАДА (ф.1209, кн.152, 642) и др.; эти дороги, в свою очередь, делились на улусы (“вилаяты”, области), во главе которых стояли наместники центрального правительства (дивана и карачи-беков?) – “хакимы”, о чем свидетельствуют тексты ярлыка Сахиб-Гирея (строки 2, 4, 5) и “Казанской истории”. Для обсуждения

наиболее важных государственных вопросов собирався съезд казанских феодалов – “курултай”, называвшийся в русских источниках “вся земля Казанская”. Это было “собрание казанских феодалов (светских и духовных), с участием представителей князей и старейшин входивших в Казанское ханство племен и народностей”. Здесь Ш.Ф.Мухамедьяров резко критикует М.Г.Худякова за то, что он называл курултай “единственным выразителем народной воли”, что, по мнению диссертанта, “является грубым извращением природы политической надстройки в классовом обществе”.

Характерной чертой центральной татарской администрации, пишет Ш.Ф.Мухамедьяров, являлось тесное переплетение публичных и частных функций должностных лиц: не было четкого различия высших органов государственного управления от органов управления частными делами хана. Далее он дает анализ дворцовых чинов в Казанском ханстве: главы финансового ведомства, дворецкого (ведавшего ханским хозяйством), конюшего, ловчего (ведавшего ханской охотой), окружничего (ведавшего ханским арсеналом?), “хлебокормля” (ведавшего ханской кухней), аталыка (воспитателя ханских детей), пишет о ханской канцелярии и т.д.

Какие же выводы делает Ш.Ф.Мухамедьяров в заключение своей диссертации? По его мнению, изучение социально-экономического и государственного строя Казанского ханства показывает, что на территории ханства господствовали феодальные отношения. Земледелие было главным занятием жителей, основой феодального способа производства. При этом земледельческая культура Казанского ханства была преемственно связана с предшествовавшей ей богатой земледельческой культурой волжских булгар. Основными земледельческими районами государства были Заказанье и Горная сторона. Земля являлась основным средством и условием производства. Отношением к земле определялось положение в обществе отдельных лиц, групп и классов. Татарское феодальное общество состояло из двух основных групп: феодалов и крестьян. Верхушку феодальной знати составляли эмиры (беги, князья). Вторую категорию феодалов составляли

мурзы – дети эмиров. Третью категорию составляли огланы – служилые феодалы-военачальники. Самой низшей категорией феодалов были казаки. Особую влиятельную группу феодалов составляло высшее мусульманское духовенство. Типичной формой поземельных отношений в ханстве была военно-ленная система в виде наследственного владения (феод – сойюргал – вотчина). Феодалы пользовались иммунитетом, основой которого были не пожалования ханов, а владение феодалов землей. Неоднократные вооруженные восстания крестьянского населения (1496, 1546, 1551 и другие гг.) против казанских ханов и их феодалов, пишет далее Ш.Ф.Мухамедьяров, наглядно свидетельствуют о сильных внутренних противоречиях в татарском феодальном обществе.

Таким образом, мы видим, что при всех объективных и субъективных факторах, сопутствующих исследовательской работе Ш.Ф.Мухамедьярова, он смог относительно полно и адекватно изложить накопленный им материал и доказать, что “государственное образование народов Среднего Поволжья” Казанское ханство представляло собою достаточно развитое феодальное государство. Свои основные положения о политическом и социально-экономическом развитии Казанского ханства Ш.Ф.Мухамедьяров развил в последующие годы во многих своих публикациях по истории Казанского ханства, обратив позднее пристальное внимание этногенезу и этнической истории татарского народа, культуре Казанского ханства, а также событиям 1552 г. Можно, например, особо отметить написанные им разделы о народах Поволжья и Приуралья в “Очерках истории СССР” [24, с.717–734] и [25, с.423–442, 660–682], брошюру “Земельные правоотношения в Казанском ханстве” [10], статьи “К истории земледелия в Среднем Поволжье в XV–XVI веках” [14], “К вопросу о положении крестьянства в Казанском ханстве” [13], “Тарханный ярлык казанского хана Сахиб-Гирея 1523 года” [21], “Казанское ханство” [15], “Изучение в СССР основных этапов военно-политической истории тюркских народов Поволжья и Приуралья” [11], “Изучение в СССР этнокультурных связей тюркоязычных и финно-угорских народов Поволжья

и Приуралья” [12] и “Сравнительно-историческое изучение в СССР феодальных отношений у финно-угорских и тюркских народов Поволжья” [20]. Этногенез и этническая история татар рассмотрены Ш.Ф.Мухамедьяровым во многих его статьях (часто – в соавторстве с Р.Г.Кузеевым), но в определенной степени базовой является его статья “Основные этапы происхождения и этнической истории татарской народности” [17], где проанализированы 3 основные теории происхождения татар, периодом формирования татарской народности назван конец XIV – середина XVI в., исследовано функционирование этнонима “татары” и т.д. Здесь ученый пишет: “Казанские татары не являются прямыми потомками ни татаро-монгольских завоевателей, ни волжских болгар и сформировались как народность в результате длительного и сложного исторического процесса, в результате этнического смешения местных и пришлых племен, когда в период Казанского ханства складываются необходимые условия для завершения этнической консолидации, значительно усиливаются территориальные связи, развивается языковая общность, элементы экономической связи и укрепляется национальное самосознание новой этнической общности. Образование Казанского ханства во второй четверти XV в. политически оформляет этническую территорию татарской народности, а само это феодальное государство предстает перед нами как национальное государство казанских татар” [17, с. 54]. Целостный взгляд Ш.Ф.Мухамедьярова на этногенез казанских татар и историю Казанского ханства обозначен в одной из самых последних его работ во 2-м томе “Очерков истории распространения исламской цивилизации” [16]. О завоевании Казани Иваном IV в концептуальной интерпретации Ш.Ф.Мухамедьярова (соавтор – Б.Л.Хамидуллин) написано в статьях “Казанское ханство в панораме веков (отражение событий 1552 года в источниках и литературе)” и “Казанское взятие: взгляд из XXI века” [23; 22].

В заключении хотелось бы отметить, что все вышеуказанные работы историка внесли существенный вклад в исследование этнополитической и

социально-экономической истории татар Поволжья XV–XVI вв. Ученый в своих трудах одним из первых попытался выйти за рамки предвзятой и конъюнктурной советской историографической традиции в отражении истории татарского народа, в целом, и Казанского ханства, в частности. Высказанные им идеи и взгляды нашли дальнейшее продолжение в монографических трудах и обобщающих энциклопедических статьях современных историков, изучающих историю Казанского ханства (см., например: [28–29; 7; 1; 27]). А сам Ш.Ф.Мухамедьяров, как личность, безусловно, останется ярким маяком для нашей научной молодежи, что правильно было подмечено моими старшими коллегами [19, с. 5–11; 3].

Список использованной литературы

1. *Аксанов А.В.* Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. – Казань, 2016. – 288 с.
2. Большая советская энциклопедия / 2-е изд.; гл. ред. Б.А.Введенский. – М., 1953. – Т. 19. – 608 с.
3. *Галлям Р.Г.* Непревзойденный труд по социально-экономической истории Казанского ханства [рецензия на: Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.). Казань, 2012] // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 5. Вопросы источниковедения и историографии истории средневековых тюрко-татарских государств. – Казань, 2013. – С. 222–225.
4. *Измайлов И.Л.* “Не дано марксистской оценки Золотой Орде...” // Гасырлар авазы – Эхо веков. – Казань, 1996. – № 3/4. – С. 96–101.
5. История Татарской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). – Казань, 1951. – Т.1. – 555 с.
6. История Татарской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). – Казань, 1955. – Т.1. – 555 с.

7. *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Введение в историю Казанского ханства: Очерки. – Казань, 2005. – 116 с.
8. *Калинин Н.Ф.* Казань: Исторический очерк. – Казань, 1952. – 323 с.
9. Материалы по истории Татарии. – Казань, 1948. – Вып.1. – 488 с.
10. *Мухамедьяров Ш.Ф.* Земельные правоотношения в Казанском ханстве. – Казань, 1958. – 27 с.
11. *Мухамедьяров Ш.Ф.* Изучение в СССР основных этапов военно-политической истории тюркских народов Поволжья и Приуралья // *CentralAsiaticJournal*. – Wiesbaden, 1973. – Vol. 17. – № 2–4. – 200–211 p.
12. *Мухамедьяров Ш.Ф.* Изучение в СССР этнокультурных связей тюркоязычных и финно-угорских народов Поволжья и Приуралья // *Altaica. Proceedinen of the 19th annual meeting of the PIAC. Held in Helsinki, 7–11 June 1976.* – Helsinki, 1977. – 181–188 p.
13. *Мухамедьяров Ш.Ф.* К вопросу о положении крестьянства в Казанском ханстве // *Ученые записки КГУ.* – Казань, 1962. – Т. 122. – Кн. 2. – С. 143–161.
14. *Мухамедьяров Ш.Ф.* К истории земледелия в Среднем Поволжье в XV–XVI веках // *Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР.* – М., 1959. – С. 89–122.
15. *Мухамедьяров Ш.Ф.* Казанское ханство // *История Татарской АССР с древнейших времен до наших дней.* – Казань, 1968. – С. 68–100.
16. *Мухамедьяров Ш.Ф.* Казанское ханство // *Очерки истории распространения исламской цивилизации: В 2 т.* – М., 2002. – Т.2. – С. 144–151.
17. *Мухамедьяров Ш.Ф.* Основные этапы происхождения и этнической истории татарской народности // *VIIIth Congress of Anthropological and Ethnological Sciences.* – Tokio, 1968. – В.2. – 53–56 p.
18. *Мухамедьяров Ш.Ф.* Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.) / *Дисс. ... кин.* – М., 1950. – 381 с.

19. *Мухамедьяров Ш.Ф.* Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.) / Репринтное воспроизведение кандидатской диссертации (Институт истории АН СССР, г. Москва, 1951 г.). Сост. и отв. ред. Р.Г.Галлям; авторы предисл. Р.Г.Галлям, С.М.Исхаков, А.А.Бурханов. – Казань, 2012. – 276 с.
20. *Мухамедьяров Ш.Ф.* Сравнительно-историческое изучение в СССР феодальных отношений у финно-угорских и тюркских народов Поволжья // *Congressus quartus internationafis fenno-ugristanum.* – Budapest, 1983. – 16–23 p.
21. *Мухамедьяров Ш.Ф.* Тарханный ярлык казанского хана Сахиб-Гирея 1523 года // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н.Тихомирова. – М., 1967. – С. 104–109.
22. *Мухамедьяров Ш.Ф., Хамидуллин Б.Л.* “Казанское взятие”: взгляд из XXI века // Научный Татарстан. – Казань, 2012. – № 3. – С. 31–40.
23. *Мухамедьяров Ш.Ф., Хамидуллин Б.Л.* Казанское ханство в панораме веков (отражение событий 1552 года в источниках и литературе) // Татарский народ после 1552 года: потери и приобретения: Материалы научной конференции 2002 г. – Казань, 2003. – С.263–290.
24. Очерки истории СССР. Период феодализма. IX–XV вв.: В 2 ч. Ч. I. IX–XIII вв. Древняя Русь. Феодальная раздробленность. – М, 1953. – 1020 с.
25. Очерки истории СССР. Период феодализма. IX–XV вв.: В 2-х ч. Ч. II. Объединение русских земель вокруг Москвы и образование Русского централизованного государства. – М, 1953. – 1020 с.
26. *Хамидуллин Б.Л.* По следам Михаила Худякова (“забытый” труд середины XX столетия по истории Казанского ханства) // Зеленодольский регион: проблемы истории и культуры. – Казань–Зеленодольск, 2003. – С. 213–234.
27. *Хамидуллин Б.Л.* Казанское ханство // Большая Российская энциклопедия. – М., 2008. – Т. 12. – С. 402–405.

28. *Хамидуллин Б.Л.* Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. – Казань, 2002. – 335 с.

29. *Хамидуллин Б.Л.* Основание Казани и история Казанского ханства. – Казань, 2005. – 184 с. (на тат. яз.).

Bulat L. Khamidullin
Institute of Tatar encyclopedia and area studies,
Tatarstan Academy of Sciences (Kazan) e-mail:
bulat.antat@mail.ru

THE S.F.MUKHAMEDJAROV CONTRIBUTION TO THE HISTORIOGRAPHY OF THE KHANATE OF KAZAN

Abstract.the article discusses the contribution of the famous historian Shamil Fatihovich Mukhamedjarov in the study of the history of the Kazan khanate. S.F.Mukhamedjarov worked at the Institute of language, literature and history of the Kazan branch of the USSR Academy of Sciences, Institute of Oriental studies of the USSR Academy of Sciences, in the University of Kazan, Yakutsk branch of the Siberian branch of the USSR Academy of Sciences, in the center of the history of the peoples of Russia and inter-ethnic relations of the Institute of Russian history; participated in the preparation of the 2nd and 3rd editions of the “Great Soviet encyclopedia”, the encyclopedia “History of Russia”, “Tatar encyclopedic dictionary”; he prepared for publication a unique written records of the Kazan khanate period – shortcuts khans Ibrahim's and Sahib-Girey. He has written works on the history of the khanate of Kazan, of the Crimea and Yakutia, the medieval history of the Turkic and Finno-Ugric peoples of the Volga region and the Urals. A kind of “beam of light in the darkness” in Russian historiography of the Kazan khanate in the mid-twentieth century was his dissertation for the scientific degree of candidate of historical Sciences “Socio-economic and political system of the Kazan khanate (XV – first half XVI

centuries)”, written in 1950 under the leadership of corresponding member of M.N.Tikhomirov. This work has been a major step forward in the way of objective study of the history of the Kazan state.

Keywords: S.F.Mukhamedyarov; Tatar civilization; Islamic civilization; middle Volga region; the Kazan khanate; historiography; source studies.

УДК 91:297(=512.145) ББК

86.38-3

Гарипов Наиль Камилевич
кандидат исторических наук,
председатель центра исламской культуры «Иман»

РОЛЬ ЦЕНТРА «ИМАН» В ПРОПАГАНДЕ РЕЛИГИОЗНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ СРЕДИ ТАТАР В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

История центра исламской культуры «Иман» тесно связано с подъемом национального самосознания татарского народа в конце 80 начале 90-х гг. прошлого столетия. Образованная в начале 90-х гг. организация прошла путь от молодёжной общественной до солидной общественно-благотворительной. За свой исторический период организация провела более тысячи различных общественных и религиозных мероприятий.

29 ноября 1990 – состоялось организационное собрание молодёжного центра исламской культуры «Иман», где был выбран председатель и принята программа организации. Инициатором создания молодёжного центра исламской культуры «Иман» выступил Союз татарской молодёжи «Азатлык», в котором тогда активное участие принимал Винер Якупов. Именно Винер Якупов и возглавил созданную организацию. В этом же году

было проведено несколько собраний, где была окончательно принята программа организации.

В этой программе было предусмотрено несколько ключевых моментов, которые впоследствии стали основными направлениями деятельности организации. Во-первых, был заявлен просветительский характер центра. Изначально центр «Иман» планировал изучать и по возможности возрождать религиозные ценности именно татарского народа и народов, живущих на территории тогда ещё СССР и т.д. Во-вторых, именно для осуществления первой цели в программе отдельным пунктом был выделен пункт возрождения известного медресе «Мухаммадия». В-третьих, опять-таки для реализации первой и основной цели была поставлена задача возрождения религиозной литературы татар, что и было сделано.

Было восстановлено медресе «Мухаммадия», школа «Усмания», было издано более 1000 наименований книг, около 20 газет и журналов, около десяти различных сайтов. Сегодня центр исламской культуры «Иман» переживает не простые времена. Но даже в таких условиях организация не прекращает своей работы и ведёт благотворительную деятельность. В 2015 возобновлен выпуск «Мусульманского календаря» в 2016 году планируется издание новых книг по истории ислама среди татар.

1991 – Проведены первые мероприятия по возрождению религиозных традиций татарского народа. Миградж кичэсе в театре им. К.Тинчурина. Начинает издаваться газета «Иман». Проведены первые мусульманские лагеря. Начинает свою деятельность издательство «Иман».

1992 – Проведена серия мероприятий, посвященных религиозным праздникам. Мэулид, Миградж, Бараат, Рамазан и т.д. Создана община при Апанаевской мечети. Возрождено медресе «Мухаммадия». Начинает издаваться журнал «Иман нуры». Здание Апанаевской мечети возвращено общине.

1993 – Продолжают проводиться мероприятия, посвященных религиозным праздникам и традициям татарского народа. Начинает выходить газета «Вера». Возвращено здание медресе «Мухаммадия».

1994 – Начинаются восстановительные работы в медресе «Мухаммадия». Появляется женская группа в медресе «Мухаммадия»

1995 – Проводится первая научно-практическая конференция с участием Академии наук РТ и Центром исламской культуры «Иман».

1996 – Издается первый мусульманский календарь от издательства «Иман».

1997 – Проводится первая научно-практическая конференция посвященная суфизму. Центр исламской культуры «Иман» обращается к Президенту РТ М.Ш. Шаймиеву с предложением проведения объединительного съезда мусульман Республики Татарстан.

1998 – На объединительном съезде мусульман Республики Татарстан Валиулла Якъгуб единогласно избирается первым заместителем муфтия. На ресурсе КГУ центром «Иман» была создана страница, которая называлась «Аль-барака».

1999 – Создается издательство Духовного управления Республики Татарстан. Начинает выходить газета «Иске имля» на арабской графике, первым редактором до 2002 года стал Наиль Гарипов.

2000 – Начал работу сайт «Ислам в Татарстане» (совместный проект с КГУ)

2001 – Центру исламской культуры «Иман» передано здание Галимджана Баруди по улице Г.Тукая дом 38.

2002 – Проведены первые реставрационные работы в здании по ул. Г.Тукая д. 38, в это здание переезжает из Апанаевской мечети Центр исламской культуры «Иман».

2003 – Центр исламской культуры «Иман» ставит перед собой задачу издать все известные сборники хадисов на русском языке.

2004 – Центр исламской культуры «Иман» принял участие в Форуме татарской молодёжи.

2005 – В Институте истории прошла первая совместная научно-практическая конференции Центра исламской культуры «Иман» и Института истории АН РТ.

2006 – Создан научно-экспертный совет Центра исламской культуры «Иман», который возглавил Наиль Гарипов, старший научный сотрудник Института истории, кандидат исторических наук. Валиулла хазрта Якупов защитил диссертацию.

2007 – Была создана организация «Мусульмане Татарстана за Путина».

2008 – Начинается подготовка выпуска перевода на татарский язык Священного Корана (Редакторами стали Х.Хусаинов и Р.Валиуллин). Был издан впервые каталог литературы, изданный издательством «Иман».

2009 – Совместно с Российским исламским университетом Центр исламской культуры «Иман» принял участие в подготовке и издание учебников по исламской культуре.

2010 – Президент РФ Владимир Владимирович Путин своим распоряжением передал в собственность мусульманской общине при Апанаевской мечети здание старейшего медресе города Казани «Касымии».

2011 – 2 декабря открылась Апанаевская мечеть после окончания реставрационных работ. На открытии присутствовал Президент Республики Татарстан Р.Н. Минниханов. Был проведен первый конкурс граффити на мусульманскую тематику.

2012 – Проходит презентация книги Нуруллы Гарифа. Состоялась поездка в деревню Чокыр Верхне-Татышлинского района Республики Башкортостан. Валиулла хазрат был убит 19 июля. На следующий день после убийства хазрат был похоронен на Мусульманском кладбище мечети Марджани. В здании Апанаевской мечети был создан музей Валиуллы хазрата Якьгуба. Сегодня к сожалению мы не можем проследить за судьбой экспонатов этого музея, есть большая вероятность что они могут просто

пропасть. Вышла книга воспоминаний о Валиулле Якупове. Прошли первые Якуповские чтения.

Прошли научно-практические конференции, посвященные исламскому экстремизму, запрету религиозных книг.

2013 – Произошёл рейдерский захват имущества центра исламской культуры «Иман» со стороны Духовного управления мусульман РТ. В институте археологии АН РТ прошёл съезд и научно-практическая конференция Центра исламской культуры «Иман».

2014 – 1) Первый круглый стол состоялся 25 апреля 2014 года, когда была инициирована попытка захвата организации. Тема круглого стола называлась *«Ислам в Татарстане в 2010-е годы: развитие, проблемы и поиск путей преодоления»*. Целью круглого стола было привлечение внимания широкого круга общественности к проблемам Центра исламской культуры «Иман» и обсуждению политики нового муфтия Татарстана Камиля Самигуллина. На мероприятии были обсуждены вопросы о смене муфтиев в Татарстане, зарубежном влиянии на мусульман Татарстана и сохранении «дела Валиуллы хазрата Якупова».

2) 6 августа 2014 года был проведен круглый стол *«Появление «исламского халифата» в Ираке и отношение к нему мусульман Татарстана»*, на котором был обсуждена деятельность религиозных террористов на Ближнем Востоке, прикрывающемся исламом, и той угрозе, которая исходит от них для России в целом, и Татарстана в частности. Это было первое в России обсуждение проблемы появления «исламского халифата» на Ближнем Востоке и того потенциала угрозы, который он несет России и в частности Татарстану. Были подняты вопросы о концепции халифата в Исламе, о структуре организации ИГИЛ, участие мусульман из Поволжья в боевых действиях на территории стран Ближнего Востока.

3) 21 августа 2014 года был проведен круглый стол на тему *«Интеграционные процессы в современном мусульманском обществе»*. В центре внимания участников были основные идеологические центры

современного мусульманского мира, историческая мусульманская традиция в России, международные псевдомусульманские секты и поиск идеологических соратников мусульманского духовенства Татарстана и России.

4) 29 ноября 2014 года состоялся XXIV съезд Центра исламской культуры «Иман» г.Казани, на который прошел в форме круглого стола на тему *«Мемориализация исторической памяти о прошлом у мусульман Татарстана»*. На нем состоялось обсуждение проблемы увековечивания прошлого в форме памятников, стел, монументов и других памятных знаков в практике мусульман Татарстана, был рассмотрен исторический опыт мемориализации сакральных мест, захоронений, могил у татарского народа и современное состояние этой традиции.

Наряду с организацией научных мероприятий, Центр исламской культуры «Иман» активно присоединился к гражданскому движению в поддержку патриотической общественностью Казани Новороссии. 3 июля 2014 года члены Центра исламской культуры «Иман» начали активный сбор гуманитарной помощи для беженцев с юго-востока Украины, призвав к этому мусульман Татарстана, и нашли в этом начинании поддержку.

Гуманитарный груз был отправлен на Украину в составе гуманитарной помощи других общественных организаций Татарстана. Всего было собрано 400 кг гуманитарной помощи в форме одежды, детских вещей, непортящихся продуктов питания, медикаментов.

31 мая 2014 года члены Центра Исламской культуры «Иман» г. Казани при поддержке администрации Кировского и Московского районов Казани провели субботник на территории заброшенного мусульманского кладбища в Бишбалтинской слободе (ул. Брюсова). Этот почин по очистке старейшего мусульманского некрополя организация взяла в 2006 году и ежегодно проводит субботник на этом кладбище. В этом году, ставшая уже доброй традицией, акция была продолжена.

Важным символическим мероприятием для Центра исламской культуры «Иман» г.Казани остается память о его первом председателе, мусульманском богослове Валиулле хазрате Якупове. 27 июня 2014 года был совершен зиярат на могилу устаза (духовного наставника), где читались молитвы в память о нем, а 19 июля 2014 года в день его убийства был проведен меджлис (собрание) в память о нем.

Было возобновлено издание научного журнала «Мусульманский мир» - одного из старейших исламоведческих изданий в России (издается в Казани с 1998 года). Издание прошло перерегистрацию (Свидетельство о регистрации: ПИ №ТУ16-01185 от 21.03.2014) и получило международный стандартный серийный номер (ISSN 2409-2320).

Также продолжают работу два информационно-аналитических сайта Центра исламской культуры «Иман» - Muslem.ru (на русском языке) и Musulman.su (на татарском языке), оперативно освещая происходящие в Татарстане и России в целом в мусульманской среде события. Отдельно стоит остановиться на работе Центра исламской культуры «Иман» по увековечиванию памяти павших российских солдат-мусульман в Первой мировой войне. Сейчас идет длительная переписка с городскими властями о том, чтобы установить памятник (в форме обелиска) российским мусульманам, которые погибли в Первой мировой войне, воюя за нашу страну. Мы считаем, что если русская общественность установила памятный крест на Арском кладбище в честь павших православных воинов России в Первой мировой войне, тем самым показывая пример того, как бережно христиане относятся к памяти своих предков, нам, мусульманам, также стоит взять этот достойный пример и увековечить героизм наших предков из числа татар, погибших на поле брани, сражаясь за свою Родину.

2015 - в мае совместно с представителями Бюро Форума татарской молодёжи проведена уборка кладбища Бишбалты Кировского района города Казани. Администрация кладбища в этом году поставила ограду на кладбище

Бишбалты. Ведётся работа по созданию мемориального комплекса на кладбище Бишбалты.

К юбилейной дате создания центра исламской культуры «Иман» планировалось создание выставки, посвященной деятельности организации в музее исламской культуры мечети Кул Шариф. К сожалению, по непонятным и независимым от нас причинам данная выставка не состоялась.

Выпущен «Мусульманский календарь на 2016 год». 20 июля прошёл круглый стол **"Наследие Валиуллы Якупова и современное состояние исламской уммы России"**. 29 ноября прошла научно-практическая конференция **«Ислам в Поволжье: возрождение и развитие за последние четверть века»**.

В этом году вновь был издан популярный у татарского населения **«Мөселман календаре»** за 2016 год тиражом в 10000 экземпляров. Продолжается издание научного журнала **«Мусульманский мир»** - одного из старейших исламоведческих изданий в России (издается в Казани с 1998 года). В этом году вышло три номера.

В этом же году все архивные материалы центра исламской культуры «Иман» были переданы в Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан, где создан фонд организации. Библиотека Валиуллы хазрата Якупова была передана в фонд научной библиотеки им. Лобачевского К(П)ФУ.

Таким образом необходимо отметить что центр исламской культуры «Иман» г. Казани прошёл очень сложный путь. Организация переживала разные моменты. Последнее событие 2012 года по идее организаторов должна была полностью перечеркнуть двадцатилетнюю деятельность организации. Задуманное у организаторов частично получилось, так как был задействован мощный административный ресурс, который должен был свести на нет последние три года деятельности организации. но несмотря на все усилия некоторых деятелей от политики организация существует и если даст Всевышний Аллах будет существовать и возродиться вновь. И это будет

лучшим примером того, что смерть первого председателя доказывает только его правоту. Мы уповаем только на Всевышнего Аллаха и пусть он даст силы для продолжения начатого дела.

Список использованной литературы

1. Валиулла Якупов. К пророческому исламу. – Казань: Издательство «Иман», 2006. – 456 с.
2. Валиулла Якупов. Ислам сегодня. – Казань: Издательство «Иман», 2011. – 392 с.
3. Валиулла Якупов. Центр «Иман» 20 лет служения умме (сборник материалов и документов). – Казань: Издательство «Иман», 2010. – 264 с.
4. Валиулла Якупов. Минтимер Шаймиев и исламское возрождение в Татарстане. – Казань: Издательство «Иман», 2006. – 190 с.
5. Рафаэль Хаким. Где наша мекка? – Казань: Издательство «Магариф», 2003. – 64 с.
6. Рафик Мухаметшин. Татары и ислам в XX веке. – Казань: Издательство «ФЭН», 2003. – 304 с.
7. Интервью на интернет ресурсе «Бизнес-онлайн» 25 апреля 2014 года: «Камиль хазрат Самигуллин: «Католический священник не может работать в православной церкви. Так почему человек с другими взглядами может проповедовать у нас в мечети?» Ссылка: <http://www.business-gazeta.ru/article/102736/>
8. Статья на интернет ресурсе «Ислам ньюс» 26 апреля 2014 года: «Эксперты раскритиковали муфтият Татарстана». Ссылка: <http://www.islamnews.ru/news-145641.html>
9. Валиулла Якупов. Ислам в Татарстане в 1990-е годы. – Казань: Издательство «Иман», 2005. – 144 с.
10. Силантьев Р.А. Ислам в современной России. Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2008. – 576 с.

Манькова Лиана Ильнуровна
ассистент кафедры татароведения и тюркологии ИМОИиВ
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Республика
Татарстан, г. Казань, e-mail: Liana-23-23@mail.ru

ОБЩЕСТВЕННО – ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРОЦЕССА ЕВРОИНТЕГРАЦИИ ТУРЦИИ.

Аннотация. Положение Турции в Европейском Союзе на протяжении десятилетий является одним из самых важных вопросов европейской политики, это вопрос не имеет определенного решения. Цель статьи заключается в выявлении и анализе факторов, препятствующих вхождению Турции в Европейский Союз, а так же установление и объяснение значимых моментов во взаимоотношениях сторон, которые оказались ключевыми в мировой политике. Ведущим методом к исследованию данной проблемы является историко-сравнительный метод, позволяющий на основе отобранных источников сопоставить и проанализировать разные вехи в развитии взаимоотношений ЕС и Турции. В статье представлен анализ особенностей взаимоотношений Евросоюза и Турции, как в общеполитическом аспекте, так и по отдельным направлениям с учетом того, что каждая из сторон преследует собственные выгоды и цели. Материалы статьи могут быть полезными в исследованиях, связанных с политической историей Турции, а также в современных общественно - политических дискуссиях о потенциальном месте Турции в ЕС.

Ключевые слова: Европейский Союз; европеизация; Республика Турция; копенгагенские критерии; саммит; договор.

1. Введение

1.1 Актуальность проблемы

Турция уже на протяжении более полувека продолжает упорно стучаться в двери Европейского союза. За это время Турция провела ряд реформ в политической, экономической и социальной сферах. Надо сказать, что эти действия подвинули ее очень близко к ЕС, но перспектива ее полноправного членства в этой организации все еще остается призрачной. Лишь к 1999 г. Турции удалось добиться признания за ней статуса страны - кандидата в ЕС[1]. Однако шаги по дальнейшему сближению сторон по целому ряду причин откладывались. Вместе с тем, активные преобразования в стране сделали возможным начало в 2005 г. переговоров о принятии Турции в ЕС, что ознаменовало новый современный этап развития взаимодействия сторон. Взаимоотношения Турции и ЕС (до 1992 г. ЕЭС) представляют собой один из самых важных и актуальных пунктов политики Турции [7]. Это объясняется тем, что попытки Турции стать полноправным членом ЕС говорят о том, что для страны политика, ориентированная на Европу, является приоритетной. Ежегодные «отчеты о развитии», издаваемые экспертами ЕС, дают анализ об уровне готовности стран - кандидатов на вступление в ЕС стать полноправными участниками этой организации. Отчет за 2011 год вновь выдвинул позицию ЕС по отношению к странам, готовящимся стать членами ЕС. Это не говорит о том, что условия для всех стран, стремящихся попасть в ЕС, одинаковые. Для каждой страны создан отдельный список требований с учетом экономической и политической ситуации в данной стране. Для характеристики перспективы вступления Турции отчет использует Копенгагенские критерии 1993 года [5]. На Хельсинкском саммите 1999 года для Турции были оглашены дополнительные требования. Основным их смыслом было решение проблем на границе, в частности вопроса с Кипром, мирным путем. Совет ЕС тоже гарантировал помощь в решении этого вопроса при поддержке ООН.

1.2. Критерии вхождения страны в ЕС.

1. Дефицит государственного бюджета не должен превышать 3 % ВВП
2. Государственный долг не должен превышать 60 % ВВП.

3. Государство должно в течение двух лет участвовать в урегулировании валютных курсов и придерживаться курса национальной валюты в predetermined уровне.

4. Уровень инфляции не должен превышать более чем на 1,5 % среднего значения трёх стран - участниц Евросоюза с наиболее стабильными ценами.

5. Долгосрочные процентные ставки по государственным облигациям не должны превышать более чем на 2 % среднее значение соответствующих ставок в странах с самой низкой инфляцией [11].

1.3. Статус проблемы.

1. Необходимо еще раз напомнить, что на сегодняшний день Турция оказалась буквально в шаге от долгожданной интеграции с ЕС, и является кандидатом в полноправные члены союза. Все критерии ЕС уже выполнены. Турция достигла достаточно высокого уровня экономического развития [4].

2. Сейчас ЕС переживает не самые лучшие свои времена. В Европе актуальна проблема экономического кризиса, происходят внутренние трансформации и перегруппировки [4]. Как Европа будет выглядеть в будущем – это тоже открытый вопрос. Эти процессы происходят на фоне Турции, которая, наоборот, монолитна, которая внутренне сосредотачивается и интенсивно усиливается. Планируется, что Турция к 2023 году будет обладать огромным потенциалом на рывок в своих европейских амбициях. А ЕС в свою очередь, уже не будет отбиваться от полувековой целенаправленности Турции.

3. Турция обладает помощью своих покровителей на пути к ЕС. Это США и Великобритания. Объясняется это покровительством тем, что они очень заинтересованы в проникновении ислама в Европу, как ее сдерживающей силы.

4. Как мы говорили и выше, основным тормозом Турции в евроинтеграции остается проблема Кипра. Но как предполагают политики, эта проблема вскоре может решиться сама собой. Это возможно случиться, во-первых, по причине банкротства Кипра. Во-вторых, Кипр может быть использован как

один из центров противостояния ситуации в Сирии. Возможно, что проблемы в Сирии затянутся, выйдут за границы сопряженных районов. А это будет сигналом развязать Турции руки на Кипре. Таким образом, проблема Кипра будет решена сама.

5. Как мы говорили ранее, у ЕС сейчас много проблем. По этой причине, ему сейчас некогда думать не то, чтобы о Турции, но и вообще о расширении на Восточную Европу. Ситуация на самом деле очень тупиковая. Даже программа «Восточного партнерства» кажется очень проблематичной. Но Турция может вынести из этого свою выгоду, ведь она уже давно позаботилась об упрочении связей с восточными партнерами Европейского Союза. Сейчас мы имеем в виду, конечно же, Балканы и регион Черноморья [9]. Задачей же Черноморского региона является сохранить свое положение в евроинтеграции, в то же время сохранить свою независимость от России. К примеру, чем слабее связи у Грузии или Украины с Россией, тем сильнее они оказываются привязанными к Турции.

1.4. Научная новизна исследования

Научная новизна данной статьи будет заключаться в том, что мы взглянем на вопрос взаимоотношений европейского альянса и Турции через анализ современных, еще не исследованных в достаточной степени, доступных нам текстов международных договоров и соглашений на русском, турецком и английском языках.

2. Материалы и методы исследования

2.1. Задачи исследования.

В ходе исследования решались следующие задачи: 1) оценить результаты развития взаимоотношений сторон с момента образования ЕЭС до наших дней; 2) установить и объяснить значимые моменты во взаимоотношениях сторон, которые оказались ключевыми в мировой политике; 3) определить факторы, препятствующие вхождению Турции в Европейский Союз.

2.2. Теоретические методы.

Для проверки гипотезы был использован комплекс разнообразных

методов, взаимодополняющих друг друга:

- теоретические – анализ литературы, нормативных, законодательных, инструктивно-методических, рабочих документов и материалов СМИ по проблеме исследования; изучение и обобщение инновационных исторических анализов, синтез;

2.3 База исследования

Базой исследования явились документация Европейского Союза, анализирующая отношения с Турцией, находится в сборнике документов, опубликованных в официальном издании *Official Journal of the European Communities*; статистические данные Международной экономической организации; интервью известных политических деятелей.

2.3 Этапы исследования и анализа:

Исследование проводилось в два этапа:

- Большое внимание развитию отношений Турции и Евросоюза уделяют международные средства массовой информации. Мы отобрали наиболее информативные и значимые материалы и сделали их анализ; а так же рассмотрели доклады политических деятелей на международных конференциях.

- Перевели собранные материалы с турецкого, английского языков на русский.

2.4 Оценочные критерии

По выступлениям весомых в ЕС политических деятелей, как Н.Саркози, А.Меркель, М.Фербера видно их недоброжелательное отношение к возможности вступления Турции в Евросоюз. Они склонны часто акцентировать внимание на некоторые недостатки экономики страны. А так же, они указывают на исторически совсем отличное от европейского, политическое и территориальное развитие Турции. Изучив ряд вступивших в силу международных договоров, все же можно проследить положительные моменты в решении данного вопроса. В Ежегодном докладе ЕС о перспективах политического сотрудничества на 2008 год говорится о том, что при условии выполнения некоторых требований (а их Турция может

выполнить без труда и ущерба собственной политике) в плане экономики и внешней политики, Турция будет безоговорочно принята в Евросоюз, что принесет в данную организацию новые идеи и новые силы.

3. Результаты исследования

3.1. Основные факторы, препятствующие вхождению Турции в ЕС.

1. Признание единого Кипра – таково главное требование ЕС к Анкаре [5]. Но турецкое правительство не спешит с таким решением, так как считает, что потеряв влияние на севере Кипра, она лишится своего стратегического потенциала. Турция говорит, что в случае признания Кипра подорвется ее система национальной безопасности. Сегодня кипрская проблема является главным препятствием на пути Евросоюза в Турцию. Международные эксперты делают прогнозы, что если кипрская проблема не решится в положительную сторону, то для Анкары двери Европейского Союза будут закрыты. Но если учитывать тот факт, что история вопроса очень далекая и специфика ее очень сложная, а отношения между странами очень сложная, развязка ситуации не виднеется на краткосрочной перспективе. Возможно, кипрская проблема продолжит оставаться болевой точкой во внешней политике Турции. 4 марта 2013 года премьер-министр Турции Тайип Эрдоган на совместной пресс-конференции со своим греческим коллегой Антонисом Самарасом предложил Греции совместными усилиями разрешить эту проблему с «богатой» историей. Он выступил со следующими словами: «Греция и Турция - это две страны - гаранта кипрской Конституции [5]. Этот факт должен помочь нам поставить точку в этой злободневной теме». Совет сотрудничества на заседании между Турцией и Грецией, который прошел на высшем уровне, подписал 25 важных межправительственных документов. Премьер-министр Эрдоган отметил, что решение кипрской проблемы, из-за которой Турция все еще не в ЕС, уберет перед Анкарой многие преграды. В то же время решение проблемы станет долгожданным результатом для установления необходимой безопасности, стабильности и мира в регионе.

2. Армянский вопрос для Турции – это не просто непризнание геноцида. Этот факт в целом затрагивает взаимоотношения двух государств. В 1988 году Турция из-за активных военных действий в районе Нагорного Карабаха закрыла свою границу с Арменией. С этого момента между странами не было нормальных дипломатических отношений. Экономические и торговые отношения поддерживались только посредничеством третьих стран. Турция путем экономической блокады пыталась давить на Армению в сфере вопроса с геноцидом [2]. А Армения использовала фактор геноцида как способ влияния на Анкару посредничеством ЕС и США, чтобы первая изменила свою позицию. Но обе стороны понимали, что пора положить конец почти вековой вражде. Отношения начали нормализоваться в 2007 году. В 2008 году А. Гюль нанес визит Армении, итогом которого стало то, что президенты обоих государств признали необходимость наладить отношения. ЕС, как и всегда, поддержал такое стремление сторон. Важной датой стало 11 октября 2009 года, когда главы МИДов Турции и Армении А. Давутоглу и Э. Налбандян подписали в Цюрихе Протокол об установлении дипломатических отношений и Протокол о развитии двусторонних отношений [1]. Вражде между странами был положен конец. Между тем, политические силы ЕС, используя все еще нерешенную проблему с признанием армянского геноцида, продолжают давить на Анкару в некоторых вопросах. Но стоит заметить, что Европейский союз не рассматривает задачу нормализации армяно-турецких отношений как первоочередную, но при вступлении Турции в ЕС, этот фактор может оказаться козырем против Турции.

3. Тяжелым бременем над Турцией нависает еще и курдский вопрос. Турция всегда воспринимали курдов как угрозу территориальной целостности страны [3]. Главное - то, что ЕС одобряет поиск решение курдской проблемы в парламенте Турции и предлагает идеи подкрепить конкретными мерами.

4. Среди претензий Европейского Союза к Турции осталось упомянуть такой фактор, как очень быстрый рост турецкого населения. Учитывая этот факт,

ЕС опасается, что Турция, в случае вступления в ЕС, может стать страной с самым большим представительством в Европарламенте. Так же ЕС пугает возможный наплыв турецких мигрантов в страны ЕС.

3.2. Итоги выполнения Турцией требований Европейского Союза.

Турция в достаточной мере выполнила все требования ЕС и стала соответствовать политическим критериям Европы. В связи с чем, ЕС готов начать переговоры об интеграции Турции в ЕС. Но руководство Еврокомиссии отмечает, что переговоры могут занять много времени, не меньше, чем 10 - 15 лет [10]. А успех Турции в этом вопросе все еще не гарантирован. На данном этапе оговариваются меры по упрочению культурно – политического диалога между сторонами. Нет сомнений, что Турцию еще ожидает длинный и трудный путь, прежде чем она станет полноправным членом ЕС. Как представляется, процесс приготовления к вступлению в Европейский Союз может растянуться по времени как минимум до середины нынешнего столетия.

3.3. Общественное мнение турецких граждан, касательно исследуемого вопроса.

Проводятся многочисленные анализы с целью выявления отношения турецкой общественности к идее вступления в ЕС. Эти анализы говорят о том, значительное большинство населения страны поддерживает правительство в идее вступления в ЕС. Эти показатели стабильны на протяжении многих лет. Более 70% населения в 2004 году выступали с одобрением этой идеи. Но далее произошло замедление процесса внутривнутриполитических реформ. Вдобавок, отсутствие дальнейшего прогресса в переговорах и общая неопределённость перспектив вступления страны в ЕС заметно снизили показатели статистики. Число тех, кто за вступление в ЕС приравнялось 40% в 2010 году [8]. Все же эти цифры не говорят о том, что по этому вопросу царит полное единогласие. Многие граждане опасаются отрицательных последствий вступления Турции в ЕС. Результаты опросов говорят о том, что 49% населения не могут принять отказ страны от

собственного суверенитета из-за желания соответствовать желаниям ЕС. Они против реформ в области внешней политики и обороны, еще 31% людей не довольны преобразованиями в социально-экономической сфере. Как показывает статистика, 13% населения не желают потерять независимость в сфере политики и культуры. И, наконец, еще более внушительная цифра - 62% турецких граждан уверены, что ЕС проявляет постоянную несправедливость к Турции, так как для Турции все время выдвигаются новые требования, которые никогда не предъявлялись другим странам – кандидатам [4].

4. Степень изученности вопроса

Проблема, исследуемая нами, имеет относительно недавнюю историю, но на эту тему отечественными исследователями проведено достаточно много работ. Можно выделить таких авторов, как А.Г. Гаджиев (2006), Г.М. Зиганшина (2005), Н.Ю. Ульченко (2001), Ю.С. Кудряшова (2010), Е.И. Уразова (2004). Взгляды отечественных исследователей на тему перспективы вхождения Турции в Евросоюз довольно разнообразны.

Турецкими исследователями проведено тоже немало работ на данную тему. В своей работе мы проанализировали статьи на турецком языке таких авторов, как Али Биринджи (2002), Хасан Унал (2002), Илбер Ортайлы (2011).

Далее, рассмотренные и изученные нами труды и документы мы разделили согласно классификации:

1) Документы ЕС. Документация Европейского Союза, анализирующая отношения с Турцией, находится в сборнике документов, опубликованных в официальном издании *Official Journal of the European Communities*. Некоторые документы ЕС были взяты с официального сайта Евросоюза, представляющий собой анализ текущих событий, связанных с деятельностью Европейского Союза, актуальную информацию о политике ЕС, европейской интеграции, деятельности его органов.

2) Статистические данные (Статистические данные Международной экономической организации; ежегодный отчет международной консалтинговой компании JonesLangLaSalle).

3) Доклады политических деятелей на международных конференциях

4) Интервью известных политических деятелей

5. Заключение

Как представляется, политика с тенденцией на европеизацию сформировалась и стала ведущим курсом внешней политики Турции еще в эпоху Османской Империи [6]. Главный вектор такой политики изначально был настроен на Европу. Таким образом, вопрос об интеграции в ЕС для Турции имеет значение как с экономической точки зрения, так и в плане осуществления исторического выбора в пользу европейского пути развития, доказательства принадлежности страны к европейской цивилизации. Следует отметить, что в ходе реформ, связанных с модернизацией страны, которые сопровождались большими трудностями и общественными потрясениями, правительству Турции, не отступаясь от курса европейской направленности, пришлось искать решения частным проблемам, которые во многом и определили ход событий между Турцией и Европейским Союзом.

Сегодня Турция проявляет настойчивость и просит об определении конкретных для нее условий интеграции в ЕС, а главное требует установки конкретных дат для вступления в ЕС в качестве полноправного члена.

Подобная определенность ситуации дала бы стране дополнительную мотивацию продолжить выбранный курс и стимул к продолжению реформаторской политики. Но, как показывает ситуация, Турции еще предстоит пройти весьма долгий и тернистый путь по направлению к полному членству в ЕС. Несомненно, однако, что ключевое геостратегическое положение Турции, ее особое место в мусульманском и тюркском мире и прочные связи с западными странами делают вопрос о месте Турции в современном мире очень актуальным и интересным. На сегодняшний день, мы с уверенностью можем сказать, что интеграция

Турции в ЕС, не есть самоцель страны [9]. Для турок намного ценнее то, что в процессе интеграции Евросоюз будет играть роль внешнего гаранта, во время бурного экономического роста который будет страховать страну от политических кризисов. Именно по этой причине весь крупный бизнес в Турции выступает за идею вступления страны в Европейский Союз.

Сегодня турецкое общество выглядит очень светским. СМИ, когда дают анализ отношениям Турции и ЕС, всегда говорят о Турции, как о стране с двойным характером. Турция совмещает в себе две совершенно разные страны. Одна страна - абсолютно светская, ориентированная на запад, очень прогрессивная; а другая, напротив, - исламская, отсталая и не признающая новизну. На этой почве европейские политики разделились на две группы.

Обе группы относятся к Турции не очень дружелюбно. Лидеры первой группы уверены, что сама возможность вступления Турции в ЕС противоречит самой идее союза. Вторая группа считает, что ЕС просто вынуждена принять Турцию в свои ряды [11]. Ведь Турция поможет расширить внутренний рынок ЕС. Вдобавок, сможет предоставить квалифицированную рабочую силу Европе. Для европейских компаний нехватка рабочей силы – актуальная проблема, так как Европа становится жертвой стремительного старения коренного населения. Что бы эксперты Еврокомиссии ни говорили, однажды пообещав Турции полную интеграцию, союз не может просто так отказаться от своих слов. В любом случае, Турция не намерена становиться самой "обычной европейской страной". С самого 1959 года, когда Турция подала заявку на членство в ЕС, она выполняет шаг за шагом все требования Брюсселя [5]. Турция воспринимает все эти трудности, и вообще сами процессы сближения с Евросоюзом как инструмент превращения в великую мировую державу. Не получится двигаться по направлению к Европе, значит, есть повод попытаться стать «своей» на Востоке. Все взаимосвязано – если укрепить позиции на Востоке, появится больше возможностей для построения переговоров с Западом.

Если взглянуть на проблему со стороны ЕС, то, конечно же, Европа

имеет достаточное количество претензий к Турции. Но злополучный «кипрский вопрос» продолжает оставаться камнем преткновения в отношениях ЕС и Турции. Ведь до сих пор европейцы не желают признавать Южный Кипр, который находится во власти у Турции. Экспертам Еврокомиссии так же не дает покоя нависающая над Турцией тема армянского конфликта. В октябре 2012 года состоялась встреча Ангелы Меркель с премьером Турции Р.Т. Эрдоганом. Премьер Эрдоган на этой встрече не побоялся выставить Евросоюзу четкий ультиматум о временных рамках интеграции в ЕС [7]. Он сформировал свою позицию такой фразой: «Если переговоры с Брюсселем не увенчаются успехом до 2023 года, то Турция откажется от своего желания вступить в ЕС». Как можно догадаться, дата выбрана не случайно, так как в октябре 2023 года Анкара будет торжественно отмечать 100-летие Республики. У турецких стратегов имеется свой план, по которому к 2023 году Турция должна возродить свое влияние на Западе, заодно и расширить свое влияние в Евразии. Европейские страны весьма скептически относятся к идее вхождения Турции в ЕС. Мы же считаем, что Анкара никогда не останется за дверями Европы.

Список использованной литературы

1. *Гаджиев, А.Г.* (2006). Период вступления Турции в ЕС и Копенгагенские критерии. *Современная Турция: проблемы и решения*. Москва: Институт Ближнего Востока.
2. *Зиганишина, Г.М.* (2005). *Турция и ЕС: социально-правовые и политические аспекты интеграции*. Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока.
3. *Кудряшова, Ю.С.* (Eds.). (2010). *Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия*. Москва: Институт Изучения Израиля и Ближнего Востока.
4. *Старченков, Г.И.* (2002). *Турция: долгий путь в Евросоюз*. Москва: Наука.
5. *Трошев, Г.* (1997). *Турция. Современные проблемы экономики и политики*.

Москва: Наука.

6. Ульченко, Н.Ю. (2001). *Торговые отношения России и Турции: факторы роста и дестабилизации*. Москва: Наука.

7. Уразова, Е.И. (2004). *Турция 20 век*. Москва: Наука.

8. *Birinci, Ali.* (2002). 1980 ve sonrası. *Genel Türk Tarihi Ansiklopedisi* (V. 9 pp. 129 – 137). Анкара: Ankara yayın evi.

9. *Ortaylı, İlber.* (2011). Türkiye'nin Yakın Tarihi. (Eds.) *Avrupa yolunda Türkiye* (Eds.) (pp. 141-146). Стамбул: Timaş yayınları.

10. *Ünal, Hasan.* (2002). Türkiye-Avrupa birliği ilişkileri ve Türk-Yunan sorunları. *Türkler Ansiklopedisi* (V. 17 pp. 187 – 199). Анкара: Ankara yayın evi.

11. Месуд Туран. (2008). «*Comparing Nationalist and Islamist Tradition in Turkish Politics*». <http://www.crinfo.org/citations/19615>.

Liana I. Mankova

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

E-mail: Liana-23-23@mail.ru

POLITICAL FACTORS OF PROCESS OF EUROPEAN INTEGRATION OF TURKEY

Abstract. For decades Turkey has been one of the most important issues of European policy in the European Union (EU). This issue has no specific solutions. The purpose of this article is to identify and analyze the factors that impede the entry of Turkey into the European Union, as well as the establishment and explanation of the significant moments in the relations between the parties, which turned out to be the key ones in the world politics. The leading method in the research is a historical-comparative one, which on the basis of selected sources allows to compare and analyze the different milestones in the development of relations between the EU and Turkey. The article presents the analysis of the peculiarities of the relations of the European Union and Turkey, as in the general

political aspect, and in some areas, taking into account the fact that each of the parties pursuing its own benefit and purpose. The data of the article may be useful in researches connected with the political history of Turkey as well as in contemporary socio-political discussions about a potential place of Turkey in the EU.

Key words: European Union; Europeanization; The Republic of Turkey; Copenhagen criteria; summit; agreement.

УДК 81'272:811.512.19(091)

Куртсеитов Рефик Джаферович

кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, ведущий специалист отдела истории НИИ Крымского инженерно-педагогического университета, Республика Крым, г. Симферополь, e-mail:kurtseitov@mail.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА, КАК ОДНОГО ИЗ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ РЕСПУБЛИКИ В ДОВОЕННОЙ КРЫМСКОЙ АССР, В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД И СОВРЕМЕННОМ КРЫМУ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В статье рассматривается этноязыковая политика СССР и постсоветских государств в отношении крымскотатарского народа и его языка. Анализируется взаимосвязь этнополитических процессов с состоянием языковой ситуации в довоенной Крымской АССР, особенности функционирования государственных языков в различных сферах республики, имевшиеся в этой сфере достижения. Влияние целенаправленной языковой политики на содержание и успешность функционирования системы образования на родных языках. Особое внимание уделяется состоянию крымскотатарского языка в послевоенный период, как родному языку репрессированного народа. Изменению статуса языка, системным

ограничениям по национальному признаку, отрицанию существования крымских татар как самостоятельного, отдельного этноса и крымскотатарского языка в частности. Автор рассматривает влияние принятых в этот период государственных решений, отраженных в законодательных и нормативных актах, на этноязыковую политику в отношении крымскотатарского народа и его языка. Особое внимание уделяется положительным изменениям в период демократизации в стране. Влиянию государственных деклараций и государственных актов по реабилитации направленных на решение крымскотатарской проблемы, составной частью которого являлся языковой вопрос. Восстановлению государственного статуса крымскотатарского языка, объективным и субъективным сложностям в ходе его реализации.

Ключевые слова: крымскотатарский язык; Крымская АССР; языковая политика; репрессии, реабилитация.

Функционирование государственных языков в современном Крыму имеет свою специфику, во-первых, обусловленную той языковой ситуацией, которая сложилась в послевоенном Крыму в результате репрессий тотального выселения по национальному признаку крымскотатарского народа и малочисленных этнических групп в период Второй мировой войны. Во-вторых, необходимо учитывать и то, что все эти процессы внесли существенные изменения в этнолингвистическую карту Крыма, сложившуюся за многие столетия. А также трагические последствия послевоенного правового, социально-политического положения в котором оказался и оставался репрессированный крымскотатарский народ вплоть до распада СССР.

Актуальность проведения исследований данной проблемы по истечении определенного времени не только не ослабевает, но и возрастает. Одним из существенных факторов, вызывающих повышенный интерес к данной проблеме, является уникальный по своему содержанию,

самостоятельное и самоотверженное после длительного по времени изгнания, мирное возвращение крымскотатарского народа на историческую Родину и возрождение его культуры. Различные аспекты этой сложной и многогранной проблемы привлекают внимание исследователей всего широкого спектра социально-гуманитарных наук. Вопросы же связанные с состоянием и функционированием крымскотатарского языка, реальным, фактическим восстановлением его государственного статуса являются наиболее актуальными в настоящее время.

После падения самодержавия в Российской империи, окончания кровопролитной гражданской войны, встал вопрос о национально-государственном устройстве огромной территории, на которой проживали около двух сотен этнических образований, многие из которых кардинально отличались друг от друга уровнем социально-экономического и политического развития, государственными традициями, численностью. В этих условиях возникла острая необходимость выработки принципов национально-государственного устройства. После достаточно острых дискуссий возобладала идея построения союзного государства на основе реализации принципа права народов на самоопределение. Многие, как большие по численности, так и относительно малочисленные коренные народы бывшей Российской империи, обрели различные по форме национально-государственные образования. Начиная от высшей формы – союзной республики и заканчивая низшей – автономным округом.

Крымскотатарский народ, имевший многовековую государственную традицию, утративший свою независимость и государство Крымское ханство в конце XVIII века, не стал исключением из правил. Принципы не действуют избирательно особенно тогда, когда это касается национального вопроса в многонациональном государстве, которое провозглашалось и строилось на основе равенства прав народов независимо от численности, вероисповедания, языка и т.д.

В соответствии с этими провозглашенными принципами 18 октября 1921г. была образована Крымская АССР. Освещение данного события в советской прессе, в журнале народного комиссариата по делам национальностей “Жизнь национальностей” было достаточно широким.

Принятая в том же 1921 году Конституция Крымской ССР (так именовалась республика по конституции) установила государственные языки республики – татарский (крымскотатарский) и русский (язык коренного народа автономии и язык федерации), а также учредила символы – флаг и герб Крымской АССР (с надписями на татарском (арабицей) и русском языках).

Руководителями представительной власти (ЦИК республики, по Конституции 1938 года Верховный Совет) и исполнительной власти (Совет народных комиссаров) – как правило были представители коренного народа, партийная власть – осуществлялась, как и повсеместно в стране, на принципах интернационализма, первыми секретарями Крымского обкома ВКП(б) избирались (назначались) не крымские татары, крымские татары работали вторыми и третьими секретарями. В ЦИКе, а позже в Верховном Совете Крымской АССР было 36% депутатов крымских татар, таким образом, был создан механизм защиты коренного народа, важнейшие решения принимались консенсусом.

Сферы применения и функции государственного крымскотатарского языка в Крымской АССР.

Государственное управление. С целью выравнивания возможностей участия в управлении и развитии различных отраслей народного хозяйства в Крымской АССР, как и во всех национально-государственных образованиях СССР, проводилась политика **коренизации**. Принимались практические шаги по вовлечению крымских татар в управление республикой, районами и городами, отраслями хозяйства, где процент представительства коренной национальности до этого был низок. Одним из направлений реализации кадровой политики, была целевая подготовка специалистов из числа

представителей коренной национальности по важнейшим отраслям экономики в ведущих учебных заведениях страны и в первую очередь в г. Москве и Ленинграде.

Одним из реальных проявлений функционирования крымскотатарского языка как государственного, **было ведение делопроизводства** на этом языке на уровне республики, а также в районах со значительным процентом крымскотатарской национальности. Паспорта, свидетельства о рождении, аттестаты об окончании школы, дипломы учебных заведений изготавливались двуязычными, первая половина документа заполнялась на русском языке, вторая половина на крымскотатарском языке. Население республики и в первую очередь сельское из смешанных по своему этническому составу районов владело на бытовом уровне крымскотатарским языком. Со времен Крымского ханства, в котором доминировал крымскотатарский язык, малочисленные этнические группы и различные диаспоры владели им и использовали его как средство межэтнической коммуникации. Для караимов, крымчаков, крымских греков-урумов он был родным языком, только незначительный объем лексики связанный с религиозной сферой отличал говорящих на этом языке.

Образование и наука. Придание крымскотатарскому языку, а вернее возвращение статуса государственного языка в 1921 году, который был утрачен в связи с утратой независимости в 1783 году, был уже вторым этапом возрождения образования крымских татар. Первый же этап возрождения был начат системными реформами, проведенными в крымско-мусульманском образовании под влиянием педагогических идей и непосредственном участии великого реформатора образования, публициста, издателя и общественного деятеля Исмаила Гаспринского, в конце XIX начале XX вв.

В 1921-1941 гг. в Крымской АССР функционировала система образования, учитывающая языковые потребности как относительно больших, так и относительно малочисленных народов и этнических групп. Крымскотатарский язык изучался во многих общеобразовательных школах,

среднеспециальных учебных заведениях и ВУЗах республики. В автономии функционировали около 380 школ (1-2-3 ступеней) с крымскотатарским языком обучения, в которых обучалось 87% детей крымскотатарской национальности, в обязательном порядке изучались государственные языки республики. Несмотря на то, что алфавит крымскотатарского языка за эти годы дважды был изменен, общеобразовательные школы имели полные комплекты учебников на крымскотатарском языке по всем предметам обучения. Были переведены на крымскотатарский язык лучшие произведения русской и зарубежной художественной литературы. В соответствии с идеологическими установками советского государства на крымскотатарском языке издавалась вся партийная литература, начиная с краткого курса Истории ВКП (б), работы классиков марксизма-ленинизма, официальные решения, законодательные акты центральных органов власти в обязательном порядке переводились на крымскотатарский язык. С учетом подготовки местных специалистов и особенностей хозяйственного развития полуострова и ее этнодемографической структуры, помимо Крымского педагогического института, функционировавшего с 1918 года, были открыты новые высшие учебные заведения – медицинский и сельскохозяйственный институты, различные техникумы и училища. В республике функционировал НИИ крымскотатарского языка и литературы им. А.С.Пушкина, который в предвоенные годы вел основные научные разработки по крымскотатарскому языку и литературе, фольклору, были уже защищены около десяти диссертационных исследований.

Средства массовой информации и культура. Общее количество периодических изданий выходящих на крымскотатарском языке к середине 30-х годов приблизилось к сорока. Это республиканские газеты, журналы, молодежные и женские издания, районные газеты, специализированные издания [9]. На крымском радио усилиями крымскотатарской редакции велись ежедневные передачи на крымскотатарском языке. Своими творческими достижениями выделялся Крымский татарский драматический

театр, воссозданный в 1923 году, репертуар которого был достаточно обширным, перед началом войны велись подготовительные работы по открытию театра оперы и балета. Работала секция крымскотатарских писателей. Несмотря на жестокие репрессии 20-30-х годов уничтожившие весь цвет научной, творческой интеллигенции, видных общественно-политических деятелей, республика имела свои достижения и они были существенны. В 1934 году Крымская АССР одной из первых была награждена орденом Ленина.

Решением VII съезда Советов СССР в 1935 году была создана конституционная комиссия для разработки новой конституции СССР. В ноябре-декабре 1936 года прошел VIII Чрезвычайный Всесоюзный съезд Советов СССР. С докладом по поступившим поправкам с основным докладом выступил на съезде председатель конституционной комиссии, глава советского государства И. Сталин. Съезд, приняв новую конституцию СССР, сделал шаг по дальнейшему развитию национально-государственного устройства страны. Среди поступивших предложений в конституционную комиссию были и предложения по изменению и повышению статуса автономных республик и перевода их в разряд союзных республик и в том числе Крымской АССР. В своем двухчасовом докладе, который был опубликован в сборнике работ И. Сталина “Вопросы Ленинизма” XI изд. в 1953 году, (имеется также аудиозапись выступления), глава конституционной комиссии остановился на поправках, которые были предложены для внесения в статьи новой Конституции [4, с.566-567]. Здесь я вынужден привести достаточно большой фрагмент его выступления и сравнить его чуть позже с текстом постановления Президиума ЦК КПСС 1956г. о восстановлении автономий репрессированных народов и их возвращения к историческим местам проживания.

Сталин в своем докладе озвучивает поступившие предложения по поправкам – “2) Далее идёт поправка к статье 17-й. Она сводится к тому, чтобы исключить этот пункт вовсе из проекта Конституции. Исключить эту

статью. Статью, трактующую о праве выхода союзных республик из состава СССР. Можно ли принять такую поправку. Я думаю, что не следует принимать. Потому что она неправильная, эта поправка. **Наше государство основано, как свободный союз равноправных народов.** ... 17-я статья, трактующая о праве выхода союзной республики из Союза ССР должна быть сохранена.

3) Далее идёт предложение дополнить вторую главу проекта Конституции новой статьёй, содержание которой сводится к тому, что автономные советские социалистические республики при достижении соответствующего уровня хозяйственного и культурного развития могут быть преобразованы в союзные советские социалистические республики. Можно ли принять это предложение? Я думаю, что не следует его принимать. Оно не правильно не только со стороны его содержания, но и со стороны его мотивов. Нельзя мотивировать перевод автономных республик в разряд союзных республик хозяйственной и культурной их зрелостью, также нельзя мотивировать оставление той или иной республики в списке автономных республик ее хозяйственной или культурной отсталостью. Это был бы не марксистский, не ленинский подход. Татарская Республика, например, остается автономной, а Казахская Республика становится союзной, но это не значит, что Казахская Республика с точки зрения культурного и хозяйственного развития стоит выше, чем Татарская Республика. Дело обстоит как раз наоборот. То же самое надо сказать, например, об Автономной Республике Немцев Поволжья и о Киргизской Союзной Республике, из коих первая в культурном и хозяйственном отношении стоит выше, чем вторая, хотя и остается автономной республикой.... Каковы те признаки, наличие которых дает основание для перевода автономных республик в разряд союзных?

Их, этих признаков, – три.

Во-первых, необходимо, чтобы республика, которую переводят в разряд союзных республик, **чтобы она была окраинной**, чтобы она не была окружена со всех сторон территорией СССР. Почему? Потому что если за

республикой сохраняется право свободного выхода из СССР, то свободно выходить из СССР может только такая республика, которая не окружена со всех сторон территорией СССР. ...

Во – вторых, необходимо, чтобы национальность, давшая советской республике своё имя, представляла в республике более или менее компактное большинство. Взять, например, Крымскую Автономную Республику. Она является окраинной республикой, но **крымские татары не имеют большинства в этой республике**, наоборот, – они представляют там меньшинство. **Стало быть неправильно и нелогично перевести Крымскую Республику в разряд союзных республик.**

В – третьих, необходимо, чтобы республика была не очень маленькой в смысле количества ее населения, чтобы она имела населения, скажем, не меньше, а больше хотя бы миллиона ... “[4, с.566-567].

В СССР в это время никто не мог отрицать, что Крымская АССР была национальной автономией крымскотатарского народа. **Сам товарищ Сталин, как тогда говорили** перед представителями всех народов СССР на съезде Советов подтверждает национальный характер республики. Он же глава государства и председатель конституционной комиссии говорит о том, что национальность, давшая имя республике из-за своего численного меньшинства не может претендовать на статус Союзной республики, но при этом не ставит под сомнение вопрос, какому народу она была предоставлена.

Новая конституция была принята 5 декабря 1936 г. и оставалась действующей до принятия 7 октября 1977 года очередной конституции СССР. На следующий год, после принятия “сталинской конституции”, выходят очередные тома первого издания Большой и Малой советской энциклопедии со статьями “Крымская АССР”, содержание которых, также дает информацию об истории, этногенезе, формирования языка и культуры, коренного крымскотатарского народа, как и статьи по другим автономиям с аналогичной информацией [2, 3]. Все советские справочные, статистические издания, юридические словари также дают информацию о национальной по

содержанию и советской по форме Крымской АССР, с указанием коренного народа. Придерживаясь одного из основных методологических принципов исследования исторических процессов, принципа историзма и в соответствии с ним мы оцениваем этот исторический факт, исходя из тех условий, функционирующих тогда законов и существующих в стране стандартов и подходов.

После тотального выселения в мае 1944 года коренного народа были ликвидированы все национально-государственные институты крымскотатарского народа (Крымская АССР, государственный статус татарского (крымскотатарского языка), система образования, научные учреждения, СМИ на крымскотатарском языке). Была организованно собрана и сожжена вся литература, в том числе научная, общественно-политическая, художественная литература, школьные и ВУЗовские учебники и вся печатная продукция включая все газеты и журналы на крымскотатарском языке. Тотальному уничтожению и разграблению подверглись архивные и музейные фонды, памятники материальной и духовной и культуры. Крымскотатарский народ лишился всего своего движимого и недвижимого имущества, родной земли. В соответствии с Указами Президиума Верховного Совета (ПВС) СССР 1944, 1946, 1948гг. были переименованы более 1200 названий населенных пунктов, в основном крымскотатарских топонимов, в результате чего Крым лишился значительной части веками накопленного своего историко-культурного наследия[1, с.173, 2, с.183 - 184].

Указ ПВС СССР 1948 года констатировал о том, что крымские татары и другие репрессированные народы **“выселены навечно, без права возвращения, ...за побег из мест спецпоселений 20 лет каторжных работ”**[1, с.196-197].

В марте 1953г. умирает И.Сталин. Через год в феврале 1954г. по Указу Президиума Верховного Совета СССР территория Крымской области (этнической территории крымскотатарского народа, территория незаконно

ликвидированной Крымской АССР передается из состава РСФСР в состав Украинской ССР) идеологически это оформляется, как торжество дружбы народов СССР. В это время крымскотатарский народ, как один из репрессированных народов СССР, находится в местах спецпоселений под жестким надзором спецкомендатур, без права покидать пределы того или иного района. Еще остается два года до исторического XX съезда КПСС, который осудит злодеяния сталинского режима.

В феврале 1956 г. проходит XX съезд КПСС, в последний день его работы с докладом “О культуре личности Сталина” выступает глава советского государства Н.Хрущев. В своем выступлении он подверг жесткой критике преступления сталинского режима, в том числе и выселения во время войны народов, при этом перечисляя репрессированные народы, не упомянул крымских татар, немцев Поволжья, турок месхетинцев и ряд этнических групп, также выселенные по национальному признаку

После решений XX съезда, по ликвидации последствий культа личности И.Сталина, начинается процесс снятия со специального учета и отмены ограничений на передвижение представителей репрессированных народов. Указом ПВС СССР от 28 апреля 1956 г. были сняты ограничения и в отношении крымских татар, в тоже время этот же государственный акт запрещал возвращаться туда “откуда они были высланы”, т.е. высший законодательный орган страны лишал целый народ Родины. В этом указе этноним “крымские татары” заменяется на “татары”.

Через полгода Президиум ЦК КПСС 24 ноября 1956 г. принимает Постановление под грифом “совершенно секретно” “О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов” [1, с. 253].

В тот же день ЦК КПСС принимает приложение, к выше указанному Постановлению, с тем же грифом, с подробно расписанным механизмом его реализации, т.е. возвращения народов и восстановления автономий [1, с. 253 - 256]. Из названия постановления явствовало, что автономии

крымскотатарского народа и немцев Поволжья по нему не восстанавливаются (Крымскую АССР и АССР немцев Поволжья). Для нас в этом приложении к Постановлению, важное значение имел пункт №6, касающийся крымских татар. Привожу его полностью. *“Признать нецелесообразным предоставление национальной автономии татарам, ранее проживавшим в Крыму, имея в виду, что бывшая Крымская АССР не была автономией только татар, а представляла из себя многонациональную республику, в которой татары составляли менее одной пятой части всего населения, и что в составе РСФСР имеется татарское национальное объединение – Татарская АССР, а также то, что в настоящее время территория Крыма является областью Украинской ССР.*

Вместе с тем, учитывая стремление части татар, ранее проживавших в Крыму, к национальному объединению, разъяснить, что все, кто пожелает, имеют право поселиться на территории Татарской АССР.

Обязать Совет Министров Татарской АССР и Татарский обком КПСС оказывать необходимую помощь в хозяйственном и трудовом устройстве татарскому населению, которое будет прибывать на постоянное место жительства в республику”.

Рассмотрим каждый подпункт пункта №6:

1. ***“Признать нецелесообразным предоставление национальной автономии татарам, ранее проживавшим в Крыму”.***

Говорить о нецелесообразности предоставления автономии народу в 1956 году, которому она была уже предоставлена 18 октября 1921 года и являлась формой его национального самоопределения в составе РСФСР, СССР является полным абсурдом, обратимся к выше приведенному докладу И.Сталина при принятии Конституции СССР 1936г. Называть крымскотатарский народ ***“...татарам, ранее проживавшим в Крыму”*** также является нелепым и абсурдным попытка изменить партийным постановлением самоназвание народа, его этноним “крымские татары” на “татары”.

2. ***“...имея в виду, что бывшая Крымская АССР не была автономией только татар...”***.

Автономии различного уровня предоставлялись в СССР всем народам бывшей Российской империи в соответствии с принципом “права народов на самоопределение”. Она была предоставлена и ***крымским татарам***, чье независимое государство – Крымское ханство в 1783 году было аннексировано Российской империей.

3. ***“...а представляла из себя многонациональную республику, в которой татары составляли менее одной пятой части всего населения...”***.

Этнический состав союзных и автономных республик, автономных областей и округов был полиэтничным (многонациональным). Во многих союзных и тем более автономных республиках коренное население, которому предоставлялась автономия, составляло меньшинство.

4. ***“...и что в составе РСФСР имеется татарское национальное объединение – Татарская АССР...”***.

Татары как один из народов бывшей Российской империи, также реализовали в советское время свое право на самоопределение, в мае 1920 года была образована Татарская АССР.

5. ***“...а также то, что в настоящее время территория Крыма является областью Украинской ССР...”***.

В СССР между союзными и автономными республиками не было государственных границ. Украинская ССР не находилась за “железным занавесом”. Запрет на проживание на своей родной земле для крымских татар, откуда его незаконно выселили, почти наполовину уничтожили (46,2%) за первые полтора годы нахождения в местах спецпоселений и тотально ограбили.

6. ***“...Вместе с тем, учитывая стремление части татар, ранее проживавших в Крыму, к национальному объединению, разъяснить, что***

все, кто пожелает, имеют право поселиться на территории Татарской АССР...”.

Из вышесказанного выходит, что новосозданный этнос *“татары, ранее проживавшие в Крыму”*, может национально объединиться, именно национально, с коренным народом Татарской АССР. Все предельно просто – нет крымскотатарского народа, нет крымскотатарской проблемы в СССР, нет ответственных за совершенный геноцид в 1944–1945 гг., который не имеет срока давности.

7. “...Обязать Совет Министров Татарской АССР и Татарский обком КПСС оказывать необходимую помощь в хозяйственном и трудовом устройстве татарскому населению, которое будет прибывать на постоянное место жительства в республику”.

Аморальность такой постановки вопроса заключается в том, что при родной, живой Матери, а Родина – Мать, представителям крымскотатарского народа предлагают Родину-Мать другого народа. Так ставить вопрос могли только те, кто никогда не любил свою Родину-Мать или не знали, где она у них находится. При этом фактически противопоставляя родственные народы друг другу.

Пункт №6 приложения данного Постановления оставался программным документом в отношении крымскотатарского народа вплоть до распада СССР.

С целью реализации положений Постановления ЦК КПСС, 15 декабря 1956 года Совет Министров УССР принимает под грифом “секретно” республиканское Постановление “О расселении татар, немцев, греков, болгар, армян и других лиц, которые раньше проживали в Крымской области, а сейчас возвращаются из мест спецпоселений”. Содержание постановления было прямо противоположным его названию, оно запрещало проживать в приграничных областях с Крымом. Исполкомам областных советов Одесской, Николаевской, Запорожской и Херсонской указывалась об обязательном выселении их с территории этих областей и УССР в целом. И в

этом документе правительства УССР крымских татар называют татарами, ранее проживавшими в Крымской области, а не в Крымской АССР [1, с. 256 - 257].

Еще через десять лет общенациональной борьбы за возвращение на Родину и восстановления конституционных прав 5 сентября 1967 г. выйдет Указ ПВС СССР “О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму”. Указ окажется не действенным, на бумаге крымских татар реабилитируют, но создадут жесткие препоны, фактически запрет, для возвращающихся на Родину в Крым. Борьба за возвращение усилится. В Узбекской ССР в отдельных школах по сильно укороченной программе дети крымских татар начнут изучать родной язык и литературу. За весь послевоенный период и до распада СССР будет издано всего 2 учебника по родному языку для второго и третьего класса и один по родной литературе. В Ташкетском пединституте начнут подготовку учителей “татарского языка и литературы”. Упоминание о крымских татарах, о крымскотатарском языке было под жесточайшим цензурным запретом. В единственной газете издающейся с мая 1957 года в г. Ташкенте “Ленин байрагы” (“Ленинское знамя”) запрещалось указывать язык издания.

Летом 1979 г. ЦК КПСС с целью ослабления национального движения, и удержания в местах спецпоселений принимает решение о создании для крымских татар на территории Мубарекского и Бахористанского районов Кашкадарьинской области Узбекской ССР, так называемой “Мубарекской автономии” (автономного округа). И параллельно “Немецкой автономной области” в Казахской ССР с центром в г. Ерментау. “Немецкий проект” после возмущения и массовых выступлений общественности был отменен в начальной стадии реализации. Проект “Мубарекская автономия” пытались реализовать используя всю мощью советского государства, методом принуждения и шантажа, но и эти методы не помогли идеологам осуществить эту авантюру, “укоренить” народ в местах спецпоселений[ ].

После многотысячных выступлений крымских татар в Москве на Красной площади в Москве летом 1987 г. и местах ссыльного проживания, было распространено “Сообщение ТАСС”, которое было насквозь лживым, повторило огульные обвинения о зверствах крымских татар во время войны, сообщило о мифическом хане и правительстве созданном во время войны в Крыму, в нем также сообщалось о создании Государственной комиссии по проблемам крымских татар во главе с Председателем Президиума Верховного Совета СССР А. Громько. Государственная комиссия проработав совместно с республиканскими комиссиями целый год не нашла оснований для организованного возвращения и восстановления конституционных прав крымскотатарского народа, подготовила 8 куцых предложений и среди них предложение о возвращении только 80 тысяч крымских татар. После ознакомления с этими предложениями, руководитель компартии Украины В.Щербицкий, напротив каждого из них наложил свою визу «нецелесообразно». Тем самым он продолжил линию коммунистических вождей Украинской ССР. Хрущева, Н.Кириченко, П.Шелеста и их покровителей из ЦК КПСС по недопущению крымских татар на Родину. Только после демократических изменений в СССР 14 ноября 1989 г. была принята Декларация Верховного Совета СССР **“О признании преступными и незаконными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению и обеспечению их прав”** [1, с. 415-416]. Была создана “Государственная комиссия по проблемам крымскотатарского народа” под руководством Г.И. Янаева. Через две недели были выработаны **“Выводы и предложения комиссии”**, 4 пункт которых гласил, что “восстановление справедливости в отношении крымскотатарского народа невозможно без восстановления Крымской АССР”. Верховный Совет СССР 28 ноября 1989 года единогласно принял Постановление “О выводах и предложениях Комиссии Верховного Совета СССР по проблемам советских немцев и крымскотатарского народа” [1, с. 416-421]. Распад союзного государства и действия наследников

тоталитарного режима не позволили реализовать решения Высшего законодательного органа СССР по крымскотатарскому народу.

Выводы. Самым негативным образом, в послевоенный период, на состояние крымскотатарского народа и его языка повлияло, отсутствие образования на крымскотатарском языке и полноценное его изучения как учебного предмета. Дисперсное расселение в местах спецпоселений, жесткие правовые ограничения, запрет на возвращение и проживание на родной земле. В этих условиях функции крымскотатарского языка свелись до бытового уровня. Только с 1968 г. в общеобразовательных школах Узбекской ССР в очень ограниченных объемах и с минимальным охватом учащихся крымских татар, стал изучаться предмет “татарский язык”. Термин “крымскотатарский язык”, этноним “крымские татары” и еще более 600 слов связанные с крымскими татарами были запрещены и в том числе для упоминания на страницах единственной газеты на крымскотатарском языке. Научная проблематика, связанная с крымскотатарским народом также была строго запрещена. Только благодаря гражданской позиции д.ф.н.

Э.В.Севоротяна (Институт языкознания АН СССР), стало возможным учеба в аспирантуре и защита двух кандидатских диссертаций в 1984 году по крымскотатарскому языку, через 40 лет после выселения из Крыма.

Трудно оценить все негативные последствия, связанные с удалением крымскотатарского народа и крымскотатарского языка из реестра народов и языков СССР, продлившегося вплоть до 1989 года. Крымскотатарский народ весь послевоенный период находился в системе искусственной изоляции от других народов, о нем было запрещено упоминать в центральных печатных изданиях и на телевидении, учитывать в переписях населения вплоть до 1989 года. Отдельные уступки в сфере культуры являлись следствием целенаправленной борьбы за возвращение на Родину и восстановление поправленных прав и в том числе восстановлении национально-территориальной автономии – Крымской АССР.

После начала массового возвращения крымских татар на историческую Родину и воссоздания/восстановления Крымской АССР (1991г.), Конституция которой провозгласила три государственных языка (крымскотатарский, русский, украинский) появилась надежда на реанимацию крымскотатарского языка. Однако в связи с ее отменой и принятием новой в 1995 году, но уже без статуса крымскотатарского языка, как государственного, языковая ситуация стала ухудшаться. В настоящее время только около 5-6% учащихся крымских татар обучаются на родном языке, изучение родного языка в виде предмета в школах заменяется его изучением факультативно или в форме кружка во внеурочное время. Из более 600 общеобразовательных школ Республики Крым только 14 являются школами с крымскотатарским языком обучения, тогда как примерно 21-22 % учащихся школ Крыма являются крымскими татарами. Статистику об этнической структуре контингента учащихся Министерство образования, науки и молодежи Республики Крым не предоставляет, ссылаясь на то, “что они детей по этническому признаку не считают”. Из почти 700 детских дошкольных учебных заведений только 1 с крымскотатарским языком (в сельской местности с одной группой) и еще 1 с двумя языками обучения и воспитания. На весь Крым приходится 35 групп, с крымскотатарским языком обучения и воспитания которые функционируют в 25 детских дошкольных заведениях.

Все это резко контрастирует со значительными достижениями в научной сфере обслуживающей эту сферу. За последние 25 лет усилиями крымскотатарских ученых было защищено 40 кандидатских и 4 докторских диссертаций по языку и литературе, а также методике преподавания. Создана значительная учебно-методическая база, как для школьного, так и высшего образования в Крыму, подготовлены специалисты филологи.

В 2014 г. был восстановлен государственный статус крымскотатарского языка (наряду с русским и украинским языками) [6,7]. Госсовет Республики Крым не разработав и не приняв закон “О

функционировании языков в Республике Крым”, принял закон “Об образовании в Республике Крым” (2015г.), проигнорировав все предложения и требования крымскотатарской научной общественности, подменив понятие “государственный язык республики” на “родной язык”, ограничив образование на крымскотатарском языке только как родном с 1 по 9 класс, а решение других проблем в этой сфере “по мере создания возможностей”, тем самым выхолостив содержание государственного статуса языка[8]. За последние два года только на некоторых зданиях государственных учреждений появились таблички на трех государственных языках и надписи на бланках государственных учреждений.

Каким образом будет реализован государственный статус крымскотатарского языка, если изучение и следовательно и знание не обязательно? Какие функции будет выполнять государственный крымскотатарский язык? В каких сферах будет применяться государственный крымскотатарский язык? Эти вопросы ждут своего ответа.

Список использованной литературы

1. Депортовані кримські татари, болгари, вірмени, греки, німці. Документи. Факти. Свідчення. (1917–1991). Київ, 2004. 464 с.
2. Крымская АССР Большая советская энциклопедия, 1-ое изд. т.35, М., 1937
3. Крымская АССР Малая советская энциклопедия, т.5, М., 1937
4. Сталин И. О проекте Конституции Союза ССР: Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936г. Вопросы ленинизма. XI изд. Государственное издательство политической литературы. М.1953. 651 с.
5. Ханья Сиро. Целиноград, 1979г.: К вопросу о несостоявшейся немецкой автономии в Казахстане: [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://src-h/slav/hokudai/ac/jp/publ...0-resnotes.pdf>.
6. Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 № 6-ФКЗ "О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе

- Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя». – М., 2014
7. Конституция Российской Федерации. – М., 2014
8. Конституция Республики Крым.– Симферополь, 2014
9. Яблонівська Н.В. Етнічна преса Криму: історія та сучасність. Сімферополь, 2006. 312 с.

Kurtseitov Refik Dzhaferovich

Candidate of Sociology, Associate Professor, Head of Department of Social Disciplines and Humanities, Leading Specialist of History Research Institute of Crimean Engineering and Pedagogical University, Republic of Crimea, Simferopol, kurtseitov@mail.ru

FUNCTIONING OF THE CRIMEAN TATAR LANGUAGE AS ONE OF STATE LANGUAGES OF THE PRE-WAR CRIMEAN AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC, THE POST-WAR PERIOD AND MODERN CRIMEA: ACHIEVEMENTS AND CHALLENGES

Abstract. The article considers the ethnolinguistic policy of the USSR and post-Soviet states in respect of the Crimean Tatar people and their language. The interrelation between ethnopolitical processes and the language situation in the pre-war Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic, functioning features of the official languages in various spheres of the Republic, the achievements which existed in this area are analyzed. The impact of task-oriented language policy on the content and success of the education system functioning in the native languages is revealed. Special attention is paid to the state of the Crimean Tatar language in the post-war period as the native language of the repressed people. Language status change, systemic restrictions on national basis, the denial of the existence of the Crimean Tatars as an independent, separate ethnos and the Crimean Tatar language

in particular are studied. The author examines the impact of government decisions made during this period, as reflected in the legislation and regulations on ethnolinguistic policy regarding the Crimean Tatar people and their language. Particular attention is paid to the positive changes in the period of democratization in the country and to the impact of government statements and official acts of rehabilitation to solve the Crimean Tatar problem, the language issue being part of it. The article also studies the restoration of the official status of the Crimean Tatar language, objective and subjective difficulties in its implementation.

Keywords: the Crimean Tatar language; the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic; language policy; repression, rehabilitation.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I

ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ: ПРЕПОДАВАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ

<i>Гайнутдинова Г.Р.</i> Некоторые вопросы по истории изучения лексики старописьменных памятников.....	3
<i>Галютдинова ЛМ.</i> Грамматические особенности языка статей альманаха “Миръат” (на примере деепричастных форм).....	9
<i>Кэрулы М.М.</i> Türkçenin geçmişten günümüze durumu.....	16
<i>Мугтасимова Г.Р.</i> Татарские и уйгурские пословицы о женщинах.....	20
<i>Нурмухаметова Р.С., Самтарова М.Р.</i> Татар теленең рухи һәм матди мәдәният лексикасында гарәп һәм фарсы теле берәмлекләре.....	25
<i>Оганова Е.А.</i> Из опыта преподавания конструкций меры и степени в турецком языке.....	34
<i>Самтарова М.Р., Нурмухаметова Р.С.</i> Татар телендәге дини эчтәлекле сүзләрнең лингвомәдәни кыйммәте.....	49
<i>Taşkesenligil M.</i> Türkçe ve Rusçada zaman kategorisinin morfo-semantik özellikleri.....	56
<i>Файзрахманов И.З.</i> Особенности интерпретации некоторых татарских личных женских имен (по материалам iv и v ревизских сказок Царевококшайского уезда Казанской губернии).....	64
<i>Акташ Г.Н.</i> Мистическое в турецких народных рассказах о любви.....	73
<i>Казакова Н.А.</i> XIX век: киргизские литературы, изданные в Уфе и Казани...84	
<i>Софронова И.В.</i> Интерпретация традиций О. Хайяма в лирике Ю. Сементера.....	90
<i>Зарипова-Четин Ч.А.</i> “Идегәй” дастанында уртақ төрки гадәтләр.....	101
<i>Хабибуллина Э.К.</i> Грамматические замены при переводе татарской прозы на турецкий язык (на примере падежных категорий).....	111
<i>Юсупова А.Ш., Салихова А.И.</i> Особенности перевода стихотворения Г.Тукая «Туган тел» на разные языки.....	124

РАЗДЕЛ II
ИСТОРИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>Гилязов И.А., Гатауллина Л.Р.</i> Германия и идея «Джихада» в годы первой мировой войны: оценки современников.....	132
<i>Рысмендеева Н.К.</i> Национальные игры: этнокультурные взаимодействия тюркских народов.....	145
<i>Schamiloglu U.</i> Qul cAli's Qıssa-i Yusuf: What It Was, and What It Was Not..	154
<i>Рахимова Я.Р.</i> Классические тафсиры корана как достояние татарской культуры.....	160
<i>Исхаков Д.М.</i> Татарско-башкирский дастан «Туляк и Сусылу»: кимакский след.....	168
<i>Сафарян А.В., Саакян Л.С.</i> Армяно-кыпчакские рукописи - источники изучения истории тюркских языков.....	180
<i>Почекаев Р.Ю.</i> Роль российских чиновников татарского происхождения в изучении государственности и права ханств Средней Азии (М. Бекчурин, М. Аитов, И. Батыршин).....	191
<i>Хайдаров Т.Ф.</i> МОР 1408 – 1410 гг.....	203
<i>Хаутала Р.</i> Сведения латинских источников о религиозной ситуации в Золотой Орде в ранний период правления хана Узбека.....	208
<i>Давлетшин Г.М.</i> Булгаро-татарские надмогильные памятники как явление культуры.....	219
<i>Тимохин Д.М.</i> Джалал Ад-дин Манкбурны как военный и политический деятель.....	233
<i>Аксанов А.В.</i> Кому и когда достался казанский престол после Махмуда Б. Улуг-мухаммада?	246
<i>Мустафина Д.А.</i> Землевладение служилых татар-мусульман: основные тенденции эволюции в XVII веке.....	255
<i>Гатин М.С.</i> Улуг-мухаммед и образование Казанского ханства в трудах немецких историков.....	270
<i>Валеев Р.М., Валеева Р.З., Миниханов Ф.Г., Сахавова Л.М.</i> Профессор И.Н. Березин и его вклад в отечественное востоковедение(XIX в.)	279
<i>Балтаева Л.Б.</i> Достижения женских организаций в изменении положения женщины в Республике Турция в XX в.....	293

<i>Гатина-Шафикова Д.Ф., Шафиков И.Ф.</i> Османы и Османская Империя на страницах татарской периодики (на материалах иллюстрированных журналов).....	306
<i>Гайнутдинов Д.М.</i> Н.И. Ильминский. первые “погружения” в татарскую среду: цели и результаты.....	314
<i>Миннуллин З.С.</i> Татарские общественные организации на территории Казахстана (конец XIX – нач. XX вв.).....	323
<i>Валеев Р.М., Валеева Р.З., Тугужекова В.Н., Мартынова Ю.А., Минеева М.С.</i> “Путешествие Н.Ф. Катанова в Сибирь, Восточный Туркестан и его вклад в историко-этнографическое и лингвистическое изучение тюркских народов Евразии (рубеж XIX – нач. XX вв.)”.....	338
<i>Василюк О.Д., Валеев Р.М.</i> Тюркологическое наследие А.Е. Крымского (рубеж XIX – XX вв.).....	357
<i>Мишкинене Г.А.</i> Особенности традиционной обрядности литовских татар в первой половине XX века: свадебный обряд (на материале арабографичных рукописей литовских татар).....	366
<i>Загидуллин И.К.</i> В.П. Череванский о петициях мусульманских народов 1905 года.....	376
<i>Хамидуллин Б.Л.</i> ВКЛАД Ш.Ф.Мухамедьярова в историографию Казанского Ханства.....	391
<i>Гарипов Н.К.</i> Роль центра «Иман» в пропаганде религиозных и культурных ценностей среди татар в постсоветский период.....	412
<i>Манькова Л.И.</i> Общественно – политические факторы процесса евроинтеграции Турции.....	421
<i>Куртсеитов Р.Р.Дж.</i> Функционирование крымскотатарского языка, как одного из государственных языков республики в довоенной Крымской АССР, в послевоенный период и современном Крыму: достижения и проблемы.....	434

РОССИЯ И ТЮРКО-МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

**Материалы международного научного симпозиума
21-22 апреля 2016 года, город Елабуга**

РОССИЯ ҺӘМ ТӨРКИ-МӨСЕЛМАН ДӨНЬЯСЫ: ТАРИХИ-МӘДӘНИ БӘЙЛӘНЭШЛӘР

**Халыкара фәнни симпозиум материаллары
21-22 апрель, 2016 ел, Алабуга шәһәре**

**RUSSIA AND THE TURKIC-MUSLIM WORLD: HISTORICAL AND CULTURAL
RELATIONS**

**Proceedings of the International Scientific Symposium
April 21-22, 2016, Yelabuga**

RUSYA VE TÜRK-MÜSLÜMAN DÜNYASI: TARİHİ VE KÜLTÜREL BAĞLANTILAR

**Uluslararası Bilimsel Sempozyumu Bildiriler Kitabı
21-22 Nisan, 2016, Alabuga**

Материалы публикуются в авторской редакции

Компьютерная верстка *А.И. Салиховой*